

ДАЙРЕ ГРЕЙ

ЛЕКАРСТВО
ОТ БОЛИ

Пережив тяжелый развод с мужем, Александра остается совершенно опустошенной. Она пытается собрать свою жизнь по осколкам, но даже обычный визит в торговый центр неожиданно оборачивается трагедией... И только решение командира инопланетного корабля спасает ее от смерти. Корабль увозит Сашу на другой край галактики — планету Киорис, где у мужчин от рождения нет эмоций. Где общество в своем развитии давно опередило Землю. Там ей предстоит найти свое лекарство от боли...

Пролог

— Ваш кофе, пожалуйста, — улыбчивая девушка-бариста протянула одноразовый стаканчик и пакетики сахара.

— Спасибо.

Саша привычно сунула сахар в карман пальто, огляделась в поисках свободного места на фуд-корте и медленно направилась в сторону эскалатора. В выходной торговый центр набит людьми, место можно попытаться найти, но ради одного только кофе стараться не хотелось. Она и взяла-то его только ради того, чтобы не уходить совсем без покупки. Глупым показалось после стольких месяцев дома в изоляции впустую потратить на поход по магазинам целых три часа.

Девушка едва увернулась от пробегающих мимо детей, рассеянно кивнула спешащей за ними маме, пробормотавшей извинения, и поняла, что устала. Внезапно накатило раздражение от гула голосов, шума постоянной рекламы, толпы людей вокруг и огромного, чужого пространства, в котором она совсем не чувствовала себя в безопасности. Надо было остаться дома, а не слушать Ольгу, которая настойчиво советовала прогуляться и покинуть, наконец, «свою конуру».

В «конуре» хотя бы было тихо. Спокойно. И даже уютно. Все, нагулялась. Для первого раза вполне достаточно. Пора ехать домой.

Саша вспомнила про кофе, только подойдя к эскалатору. Хотела протянуть руку к поручню и едва не уронила стаканчик.

— Черт!

Она шагнула в сторону, уступая дорогу идущим позади людям, и сделала глоток. Горячий напиток обжег небо, язык и горло, вызвал приступ кашля и слезы на глазах.

— Да что ж за наказание...

Настроение испортилось окончательно, кофе отправился в ближайшую урну, а намерение немедленно поехать домой превратилось в непреодолимое желание. Если бы она могла телепортироваться, перенеслась бы в свою квартиру немедленно. Но, к сожалению, сначала придется вызвать такси.

Девушка достала телефон и зашла в приложение, чтобы указать пункт назначения, когда услышала странный гул, а затем рядом раздались возгласы:

— Смотрите!

— Что это?!

— Бежим!!!

Последний крик прозвучал совсем рядом и заставил вздрогнуть. Саша закрутила головой, пытаясь понять, что происходит. Кто-то толкнул ее в плечо, заставив попятиться и ступить на эскалатор. Она едва успела схватиться за поручень и подняла глаза вверх, к

стеклянному потолку, куда смотрели все окружающие. И так и замерла, не в состоянии поверить в происходящее...

С неба падало нечто... Нечто большое. Стремительно увеличивающееся в размерах. Объятое языками пламени. Оно летело прямо на торговый центр. И гул все нарастал. Как и крики людей. Паника. Давка.

Ее снова толкнули, заставив обратить внимание на более близкую реальность. Кто-то пробирался мимо. Кто-то истошно кричал. Где-то раздался детский плач.

Саше показалось, что она спит. А все вокруг — просто очередной кошмар. Скоро все закончится, и она проснется. Надо только успокоиться и вспомнить, что она лежит на своей кровати, под мягким одеялом...

Очередной толчок и падение доказали, что происходящее — не сон. А потом раздался страшный грохот. Звон разбиваемого стекла. Скрежет. Девушка сжалась и закрыла глаза в ожидании удара. И он последовал, а вместе с ним пришла тишина...

Линкор «Фотис»

Чуть раньше...

Мигающая точка на радаре отражала неровную траекторию движения. Из передатчика доносился треск и помехи. Картинка на переднем мониторе постоянно сбивалась, не позволяя рассмотреть пилота последнего оставшегося военного катера.

— Талия, постарайся выровняться!

— Не... ходит... сис...ма...ста...ли...ции... пов...дена... Я уже в... притяж...

На боковом мониторе транслировалось изображение с внешних камер. Катер уже попал в атмосферу единственной обитаемой планеты этой системы. Вышедшая из строя стабилизация не позволяла маленькому судну сопротивляться притяжению. Еще и скорость не удалось загасить. Обшивку, возможно, и выдержит воздействие атмосферы, но вот удар...

— Катапультируйся! — резкий окрик Байона ударил по ушам и заставил поморщиться.

Даже если покинуть кабину катера, шансы на выживание ничтожно малы. Защитный костюм пилота не справится с перегрузкой.

— Протоколы запрещают входить в контакт со слабо развитыми мирами, — подал голос навигатор. Остальные в рубке управления предпочитали молчать.

— Плевать на протоколы! — капитан ударил кулаком по панели. — Талия, катапультируйся!

— Не...могу...прости...я...лю...те...

Изображение на центральном мониторе погасло. Из передатчика стали доноситься только помехи. Маленький катер пробил атмосферу как выпущенное ядро и стремительно приближался к поверхности.

— Талия!

Байон ударил по панели уже обеими руками и замер, сгорбившись над передатчиком. Звуки стихли. Несколько секунд в рубке царила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием капитана.

— Определить координаты крушения.

— Есть, командер! — навигатор вздрогнул и зашевелился, разворачивая на своем мониторе карту планеты.

— Вывести из строя их спутники.

— Есть, командер! — связист склонился над пультом управления, перенастраивая систему.

— Подготовить спасательную капсулу и группу быстрого реагирования.

Катера потеряны, а капсула годится лишь для посадки и возвращения на корабль.

— Есть, командер! — по внутренней связи отправился необходимый приказ.

— Капитан Байон, — командер замер за спиной того, кого считал другом, — вам лучше покинуть мостик.

Тот вскинулся и обернулся, упрямо сжал кулаки, будто хотел ударить. Но под прямым взглядом вдруг обмяк, словно разом растратив все силы.

— Кто поведет группу?

— Я, лично. Мы заберем ядро корабля. И... все, что возможно.

Без ядра обломки будут напоминать метеорит. Вряд ли население планеты со своими технологиями сможет распознать в них нечто большее. Главное — удержать на расстоянии специальные службы и быстро вернуться назад.

— Я пойду с вами, — ожидаемо предложил Байон.

— Нет, — командер резко качнул головой. — Вам надлежит явиться в медицинский блок для получения соответствующей помощи. Это приказ. Не обсуждается, капитан.

— Есть... командер... — выдохнул друг и направился к дверям.

— Мне жаль... — едва слышно добавил командер, когда он проходил мимо, но Байон даже не повернул головы.

Стоило капитану покинуть рубку, подал голос связист:

— Отправить сообщение на Киорис, командер?

— Установи канал связи с дворцом. Как только вернемся с поверхности, я сам сообщу новости императрице.

Печальные для всей планеты. Теперь у них больше нет наследницы...

Часть 1. "Фотис". Глава 1.

В районе катастрофы царил хаос. Создаваемые линкором помехи не позволяли службам синхронизировать свои действия. В итоге оцепление еще хоть как-то организовали, а вот спасательные работы начать не успели. Лишь пытались локализовать и устранить очаги возгорания.

Командер оглядел шестерых добровольцев, теперь составлявших группу быстрого реагирования, взамен погибших товарищей. Их костюмы максимально мимикрировали под окружающее пространство, создавая идеальную маскировку. Связь между членами группы устанавливалась на других частотах, поэтому не глушилась кораблем. Если действовать быстро, они успеют вернуться до того, как жители планеты развернут более масштабные действия.

— Первый и третий, вместе. На вас седьмой, восьмой и девятый квадраты. Второй, шестой — с первого по третий. Четвертый и пятый со мной, у нас с четвертого по шестой. Работаем быстро. Если найдете живых, оказывайте посильную помощь. Здесь и так достаточно жертв.

— Есть, командер, — слаженно донеслось по внутренней связи, и группы разошлись в стороны.

Они теньями скользили вдоль развалин. От удара катер разлетелся на осколки. Обломки

обшивки валялись повсюду, тело Талии могло выбросить, куда угодно. Им нужно забрать все, что осталось. И ядро. Оно не пострадало, а медленно остывало и излучало остаточную энергию, которая могла повредить жителям планеты, если они приблизятся к нему без специальной защиты.

Помимо энергетической, ядро выполняло информационную функцию. Его данные потребуются для восстановления полной картины событий, когда будет проходить расследование смерти Талии. Специалисты выяснят все, что необходимо. Но принцессу это не вернет...

Ситуация усугублялась тем, что под ударом оказался гражданский объект, да еще и в разгар дня. Приборы фиксировали и выдавали на внутренний экран данные об органических останках. Посетителей завалило обломками и приложило взрывной волной. Множественные внутренние и внешние повреждения. Быстрая смерть. Излучение даже не успело на них отразиться. А мертвая материя его не накапливает.

— Коммандер, у нас очаг возгорания в восьмом квадрате. Здесь местное население. Обойти или вмешаться?

— Просканируйте местность. Если нет органических останков, подходящих под параметры принцессы, обойдите.

— Есть.

— Коммандер, здесь...

Он обернулся к Четвертому, который замер в стороне над одним из тел. Судя по информации на экране, кому-то невероятно повезло.

— Мне показалось, что это принцесса, но я ошибся. Прошу прощения, коммандер.

Он подошел ближе и склонился над выжившей. Внешность под слоем пыли не разглядеть, но параметры выдавали нечто очень близкое к Талии. Вот только легкие женщины заполнились кровью. Не говоря уже о других, более серьезных повреждениях. Разрывы. Переломы. Она выжила, но еще немного, и будет мертва.

— Продолжай осмотр.

Четвертый ушел. А коммандер присел рядом с пострадавшей. Звук ее дыхания был едва слышен. Тяжелое. Слишком тяжелое. Скопившаяся кровь давила на легкие и мешала им полностью раскрываться. Если перекрыть дыхательные пути, ее смерть будет быстрой. Безболезненной, ведь она без сознания. Но так отчаянно цепляется за жизнь, что не оценить это невозможно. На Киорисе жизнь ценили превыше всего. Поэтому он искренне сожалел с погибших. Насколько мог.

И, наверное, поэтому не смог уйти. Ориентируясь на показания приборов, коммандер четко отмерил расстояние между третьим и четвертым ребром. Сделал надрез сформировавшимся на конце указательного пальца лезвием. Кровь сразу же пропитала грязную ткань. А женщина задышала ровнее. Теперь задохнуться ей не грозило, а вот инфекции... Ее организм не сможет сопротивляться им. Пострадавшие органы растратят все оставшиеся ресурсы. Дать ей подпитку? Если разрез местные еще смогут списать на удачное повреждение, то набор питательных макроэлементов уже нет. Анализы покажут аномалии. И в контексте падения неопознанного объекта возможные выводы могут чересчур приблизиться к реальности.

— Коммандер, мы нашли ядро, — доложил Пятый.

— Извлекайте.

Времени на размышления не оставалось. Либо действовать, либо уходить.

— Коммандер, на нашем участке все чисто, — подключился Первый. — Здесь был повторный взрыв. Похоже на стоянку местной техники. Все выжгло. Очаг возгорания еще устраняют.

То есть, останков Талии там нет.

— Направляйтесь ко мне. Второй, что у вас?

— Останки принцессы не найдены. Продолжаем осмотр.

— Четвертый?

— У нас только ядро, коммандер.

Больше он не сомневался. Раз уж решил вмешаться и начал спасать, стоит довести дело до конца.

Коммандер достал из медицинского набора чехол для перевозки раненных или убитых, набросил на тело, быстро ввел нужные параметры в блок управления. Синтетическая ткань плотно облепила фигуру, стянувшись под спиной единым швом, а на лице образовав прозрачную пленку-фильтр. Она не позволит умереть без кислорода, но в то же время не даст лишним инфекциям попасть внутрь. Высока вероятность, что до медицинского блока женщина продержится.

О том, сколько объяснений ему придется дать по возвращении на корабль, коммандер предпочел не думать.

— Наш сектор чист, — доложил Второй.

— Возвращайтесь к капсуле. Четвертый, что с ядром?

— Заканчиваем.

Рядом раздались осторожные, почти бесшумные шаги. Две тени выросли по бокам. Коммандер выпрямился в полный рост.

— Заберите тело и доставьте к капсуле. Я проконтролирую извлечение ядра.

Безмолвные кивки. Первый осторожно поднял женщину и взвалил на плечо. Ткань мешка пошла рябью, сработала маскировка. Третий выдвинулся вперед, чтобы предотвратить неожиданные встречи. Коммандер проводил их взглядом и направился к ядру, еще раз сканируя местность. Но останки Талии так и не нашли...

...На линкоре их встречали в тишине. Еще в полете коммандер кратко описал ситуацию в сообщении. Медики приняли мешок с телом, техники забрали уцелевшее ядро, члены группы отправились по каютам, а к нему решительно подошел связист.

— Коммандер, мы установили связь с Киорисом. Дворец ожидает вашего доклада.

— Я поговорю из каюты.

С экипажа на сегодня хватит печальных известий и душераздирающих сцен. Гибель Талии отразится на всех. Но это не повод делать горе императрицы общественным достоянием. О нем и так станет известно очень скоро...

В каюте коммандер снял пояс с оружием и медицинским комплектом, после чего позволил защитному костюму стечь на пол и занять место на станции подзарядки. Провел рукой по лицу, только теперь ощущая напряжение, сковавшее его после сообщения о подбитом катере. Вдохнул и включил личный модуль. На экране возникло лицо личной помощницы императрицы.

— Коммандер, — она коротко кивнула в знак приветствия, — переключая вас на личный канал.

Он даже не успел ответить, как изображение сменилось. Теперь на мониторе оказалась

женщина в традиционных зеленых одеждах правящей семьи. Значит, сегодня проходило какое-то официальное событие. Встреча послов, переговоры, заседание Совета безопасности...

— Коммандер Искарис, — короткий кивок и официальный тон.

Тонкие губы сжались чуть плотнее, чем обычно, вокруг них залегла складка, выдавая тщательно скрываемое волнение.

— Маеджа Софрония, — он кивнул и вдруг замолчал. Открыл рот, зная, что должен начать доклад, но слова не шли с языка.

Меж густых бровей императрицы, почти смыкающихся на переносице, пролегла складка, выдавая волнение. Взгляд зеленых глаз стал пронзительным. Строгим. Будто она уже проникла в его мысли. И все поняла.

— Что случилось, сын мой?

Привычно-строгое лицо едва заметно смягчилось.

— В Галактике Млечного пути мы наткнулись на разведывательный корабль этросов. Столкновения избежать не удалось. Гран-коммандер Талия приказала выпустить боевые катера. И сама повела звено...

Горло непривычно перехватывало. Каждое слово приходилось буквально выдавливать. В ушах все еще стоял звук предупреждающего сигнала. И их спор у самого ангара, откуда вылетали катера.

«— Ты — будущая императрица, тебе нельзя рисковать.

— Вот именно! Лет через двадцать я буду жить в надежном и безопасном дворце, а ты займешь мое место здесь. И вот тогда сам будешь решать, кого и куда посылать. А пока я пойду и надеру задницы этим кровопийцам!»

— Мои доводы против ее не убедили... В бою все пошло... не так.

Линкор обменивался залпами с шарообразным кораблем этросов. Пока катера сбивали мелкие, похожие на пчел истребители. Сначала все было привычно. Защита Киориса намного превосходила боевые разработки Этры. Раньше превосходила...

— «Пчелы» оказались прикрытием. Наш радар засек появление новых кораблей. А потом катера начали погибать. Один за другим.

Когда взорвался первый, в рубке управления кто-то ахнул. Он не обратил внимания, кто именно. Пытался понять, что происходит. Параметры новых кораблей, которых оказалось не так и много, сильно отличались от привычных. Линкор перевел огонь на них. В ответ «шар» стал поливать их так, что щиты едва справлялись. Систему защиты пришлось выставить на максимум.

— Гран-коммандер приняла решение увести «шмелей» за собой.

И ей это удалось. Она была очень талантливым командиром. И пилотом. Талия не только утащила за собой нападающих, но и смогла уничтожить их всех. «Шар» поспешил сбежать, когда стало ясно, что победы ему не видать. А вот линкор поспешил за последним катером, но не сумел догнать...

— Система сбила из-за перегруженных щитов. Нам пришлось сделать частичный перезапуск. Но скорость все равно была ниже.

Юркий, легкий катер ушел далеко вперед, а вышедшая из строя система стабилизации не позволила задать нужный вектор направления.

— Катер потерпел крушение на обитаемой планете, — последние слова дались особенно тяжело. В горле пересохло. Лицо императрицы на мониторе оставалось

застывшим, но он слишком хорошо знал ее, чтобы не заметить задрожавшие пальцы, которые она поспешила спрятать в складках ткани. — Я организовал группу для извлечения ядра корабля. Останки принцессы не обнаружены.

В ответ раздался судорожный вдох. Зеленые глаза закрылись, а пальцы стиснули ткань. Нужно было что-то сказать, утешить ее, но слов не осталось. Только странное опустошение, которого он раньше никогда не испытывал. Это и называется «потеря»? Скорбь? Боль? Скорее просто усталость. Следствие перенапряжения. Откуда у него могли взяться чувства?

— Я жду вашего возвращения на Киорис, командер, — голос императрицы снова звучал официально. — Как можно скорее.

Связь оборвалась, а командер понял, что так и не рассказал о женщине, привезенной на корабль... Странно. Раньше он ничего не забывал.

Глава 2

Сознание возвращалось тягуче медленно. Веки казались безмерно тяжелыми. А все тело — грудой камней. Или металлолома. Взгляд никак не фокусировался. Сплошное серое марево постепенно прояснилось и превратилось в потолок. Темно-синий. Гладкий. Слишком уж гладкий. В больницах такого не бывает.

Саша повернула голову, чтобы лучше разглядеть комнату. И встретила взглядом с девушкой, сидящей рядом с ее... постелью. Ассоциации с больницей пропали полностью. Незнакомка, мало того что выглядела отдохнувшей, буквально излучала радушие и искренность, которые ни одной российской медсестре даже не снились.

— Добрый день, — она улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы. — Как вы себя чувствуете?

— Где...я?

Саша с трудом сглотнула, украдкой пытаясь рассмотреть помещение. Оно было небольшим. Без окон. С ровными, невероятно-гладкими стенами. Так и хотелось провести по ним рукой, убедиться, что это не сон. Кроме стула, на котором сидела собеседница, мебели больше не было. Как и всяких медицинских приборов.

Девушка, между тем, глубоко вздохнула, заправила прядь светлых волос за ухо и с ослепительной улыбкой произнесла:

— Вы находитесь на линкоре «Фотис». Вас доставила сюда после взрыва в крайне тяжелом состоянии. Мне и доктору Лезариусу удалось сохранить вам жизнь. Для меня это была первая сложная операция, но могу вас заверить, что все прошло успешно...

Саша постаралась сфокусировать взгляд на девушке. Смысл слов доходил до нее очень медленно. А еще создавалось впечатление, что говорит знакомка совершенно другое. То есть слова звучат, а вот ее губы движутся как-то иначе... От напряжения заболела голова, где-то сверху раздался предупреждающий писк. Взгляд «медсестры» сразу стал внимательным и собранным. Она посмотрела на что-то наверху. И Александра перевела взгляд туда же. Пришлось буквально вдавить голову в подушку, чтобы разглядеть вмонтированные в стену экраны, на которых отражались непонятные графики. Это точно не больница.

Когда мама в прошлом году слегла с сердечным приступом, Саша провела в медучреждениях достаточно времени, чтобы понимать — такой аппаратуры там быть не может. Да и одежда...

Она снова взглянула на знакомку, которая как раз встала и подошла ближе. На ней

было надета короткая туника серо-голубого цвета с длинными рукавами, собранными у запястий, и закрепленная на плече брошью. Ноги обтягивали плотные серые леггинсы или узкие брюки, заправленные в странные ботинки. Медсестры так точно не ходят.

Писк сверху усилился. Как и головная боль. Ладони вспотели.

— Пожалуйста, не нужно нервничать, — вдруг заговорила девушка спокойным и нормальным тоном, больше не ослепляя улыбками и не светясь дружелюбием. — Я понимаю, что вы напуганы. Вы пережили сильное потрясение. Не говоря уже об операции. Но обещаю, здесь вам ничего не угрожает. Мы лишь вылечили вас.

— Кто... мы?

К Саше возвращалась чувствительность. Удалось сжать пальцы на левой руке, а затем и на правой. Писк стал чуть тише, но полностью не исчез. А вот боль схлынула, будто ее и не было.

«Медсестра» в ответ вздохнула, словно собираясь с духом, и заговорила ровно и уверенно — так обычно говорят с детьми. Или с истеричками, когда боятся, что те впадут в буйство.

— Мы — киорийцы. С планеты Киорис. Один из наших кораблей потерпел крушение на вашей планете. В ходе спасательной операции выяснилось, что из пострадавших выжили только вы. Мне очень жаль.

Александра моргнула, затем с силой сжала руку, вгоняя ногти в ладонь. Зажмурилась, внушая себе, что все происходящее — лишь плод ее больного воображения. Да, последнее, что она помнила — это нечто, падающее на торговый центр. Вот мозг и выдал ассоциативный ряд. Пришельцы, инопланетный корабль, чудесное спасение. Наверное, она сейчас просто отходит от наркоза. Сережка говорил, когда ему удаляли аппендицит, словил жуткие глюки. Вот и у нее также. Всего лишь галлюцинации.

Но стоило открыть глаза, и она снова оказалась в гладкой комнате рядом с незнакомкой. Та рассматривала ее с явной тревогой. И глаза у нее были серые. Матово-серые. Насыщенного графитного оттенка. Линзы? Наверняка линзы. Таких глаз просто не бывает.

— Как вас зовут?

В третий раз заговорить получилось проще. И вот странность — пить совсем не хотелось. А мама и Сережка жаловались, что после операции мучает жажда. Голода тоже не было. И в целом состояние мало походило на послеоперационное. Конечно, самой Саше не доводилось попадать в больницы, но на маму и брата она насмотрелась. У нее ничего не болело. Не считая легкой ломоты в висках. Не было дискомфорта, чувствительность возвращалась — она уже могла пошевелить пальцами на ногах. Осталась лишь небольшая дезориентация, а еще спокойствие... странное, отстраненное спокойствие...

— Клео, — девушка снова улыбнулась, но уже более естественно. — А вас?

— Саша. Александра. Светлова.

Добавлять отчество показалось глупым. Ладно, на «вы», но если собственные глюки начнут называть ее Александра Владимировна... Перебор. Однозначно.

— А вы меня отпустите? — решила она уточнить. Просто на всякий случай. Если эти глюки затянутся, нужно хотя бы знать примерное направление и глубины собственного психоза. Фантазии — это же отражение потаенных желаний? Пока желания у нее довольно странные и приземленные. В конце концов, почему рядом женщина, а не какой-нибудь прекрасный космический капитан?

От последней мысли по телу отчетливо пробежали мурашки, а писк сверху достиг небывалых частот. Ну да, вот и ответ... Клео сразу же наклонилась к ней и коснулась широкого браслета на левой руке. Между бровей появилась едва заметная складка. А затем Сашу накрыло волной умиротворения, а еще потянуло в сон. Спать во сне? Что-то за гранью...

— Думаю, вы не сможете вернуться на свою планету. По крайней мере, не в ближайшее время. Мы получили приказ как можно скорее вернуться на Киорис, и вы летите с нами.

Кажется, пару лет назад она уже мечтала отправиться в путешествие. В Париж. Даже присмотрела туры. Цены. Предложила Владу накопить, но он отказался... Сказал, что путешествия — глупость несусветная. Кто бы мог подумать, что именно это желание у нее настолько потаенное. Вот, пожалуйста, исполняется.

— А там есть башня?

Перед глазами снова все начало расплываться, сонливость накатывала волнами, затягивая куда-то в глубину. Но ответ донесся вполне четко.

— На Киорисе есть стеллы, а еще храмы и музеи. Дворец императрицы. Они довольно высокие.

— А мужчины? У вас есть мужчины?

Господи, что за чушь она несет?

— Команда линкора на семьдесят пять процентов состоит из мужчин. Но большая часть из них — непробужденные. Они не станут вас беспокоить. Даже доктор Лезариус не будет заходить к вам без необходимости. Только я или кто-то из женщин.

От ее слов стало спокойнее, даже писк стих. А еще захотелось рассмеяться. Вот уж действительно потаенное желание: оказаться в месте, где никакие мужчины не станут ее беспокоить. Счастье-то какое. И выспаться, можно просто выспаться...

— Как она?

Коммандер Искарис появился в медицинском блоке без предупреждения, чего раньше с ним не случалось. Гиатрос Лезариус отвернулся от монитора, на котором транслировалась встреча ученицы с пациенткой. Клео со своей задачей справилась прекрасно. Особенно учитывая, что она не проходила специальной подготовки в храме. Все же он был прав: женщина скорее доверится женщине.

— Операция прошла успешно, коммандер. Пациентка восстанавливается. Она уже пришла в себя, но нам пришлось снова погрузить ее в сон, чтобы избежать большой нагрузки на психику.

Гиатрос глянул на показатели, отражающиеся на нескольких мониторах, и невольно нахмурился.

— Что-то не так? — немедленно отреагировал коммандер.

Его равнодушный тон плохо сочетался с вопросом. Но, в конце концов, не каждый день теряешь кого-то из близких. Подобные утраты влияют и на непробужденных. Сейчас весь экипаж линкора находился под впечатлением от последних событий. В медицинский блок приходили постоянные обращения за успокоительными. А их запас вовсе не бесконечен. Скоро придется выбирать, кому выдавать медикаменты, а кого отправлять в гимнастические залы.

— Судя по тем нормам, которые приняты на Земле, у женщины наблюдается крайне угнетенное состояние нервной системы. Пока я стабилизирую ее с помощью наших

лекарств, но долгий прием медикаментов может оказать пагубное влияние на психику. Я, в силу своей компетенции, не могу оказать достаточную помощь. Как и Клео. Нам нужна жрица.

— Они не покидают Киорис.

Лезариус только вздохнул. Уже давно между сообществом медиков и иерией Элпис велись переговоры на счет присутствия хотя бы одной старшей жрицы на каждом военном корабле Киориса. И верховная понимала необходимость данного шага, а также напряжение, которое испытывает экипаж при длительных перелетах и боевых столкновениях, но... Жриц слишком мало. И им тоже требуется восстановление. Пока единственной альтернативой являлись прямые каналы связи с храмами. Но такой метод подходил далеко не всем.

— Угнетение ее нервной системы возникло вследствие взрыва?

— Нет, судя по показаниям, оно возникло задолго до него. И... возможно, было куда глубже, но немного выровнялось.

— Откуда оно могло взяться?

Гиатрос внимательнее взглянул на командера. Внешне он оставался таким же, как всегда. Собранным, невозмутимым, закрытым. Бесстрастное немного бледное лицо от долгого пребывания в закрытом помещении — старший принц слишком много времени проводит в космосе. Теперь это изменится... Но, может быть, перемены коснутся и чего-то еще.

Он перевел взгляд на монитор, где осталась лишь пациентка. Клео отправилась к себе, чтобы отдохнуть. Само появление на борту линкора этой женщины нарушало массу протоколов. Конечно, никто не стал задавать вопросы командеру, но на Киорисе найдутся те, кто спросят. И каким будет ответ?

Лезариус снова взглянул на показатели состояния пострадавшей.

— Думаю, только она сама может рассказать свою историю, командер...

И что-то подсказывало опытному гиатросу, что справиться с ней сможет только жрица.

Глава 3

Космос. Бескрайняя чернота с вкраплениями звезд. Яркие пятна туманностей, разбросанные в хаотичном порядке. И провал черной дыры, оставшейся позади.

Саша с трудом отвела взгляд от иллюминатора. Космос затягивал. Также как огонь или бегущая вода. Кажется, что смотреть можно бесконечно. Полностью растворившись в ощущениях. Забыв о проблемах и реальности. Впрочем, происходящее все равно казалось ей затянувшимся сном.

— Через пару дней мы уже прибудем на Киорис, — сообщила Клео, закончив сервировать обед на небольшом столике.

Из медицинского блока Александру перевели в типовую каюту экипажа. Обстановка оказалась минималистичной, но в то же время достаточно комфортной. Просторная кровать с подсветкой по полу. Рабочее место с монитором, встроенным в стену, и удобным креслом. Обеденная зона со столиком и парой стульев. Индивидуальный санузел, даже отдаленно похожий на земной, и шкаф для одежды, встроенный в стену. Двери в последние два пункта выглядели одинаково, и Саша несколько раз их путала, но потом усилием воли смогла запомнить. И неожиданно устала от столь простого действия...

Она никак не могла отделаться от странного ощущения полной нереальности происходящего. С одной стороны — вот они предметы. Она касалась стен, пола, лежала на

кровати, крутилась в кресле, крутила регулятором света. Мучительно пыталась найти не состыковку, но... Стены оказались гладкими, пол немного шершавым, чтобы по нему не скользила подошва типовых ботинок, матрас в меру мягким и жестким, а кресло — анатомически подстраиваемым. Свет разгорался и погасал плавно, чтобы не раздражать глаза, и даже подсветка вокруг кровати ночью понижалась до едва заметного мерцания. И все-таки...

Саша села за стол. Механически взяла ложку и начала есть. На завтрак ей принесли лепешку с овощами и воду, на обед оказалась какая-то похлебка, похожая на густой суп, но без мяса. Отдельно лежали кусочки рыбы, если верить пояснениям Клео, и сыра, похожего на брынзу. Из напитков снова была вода.

На вкус еда оказалась довольно приятной. Сытной. Не острой, не сладкой. Скорее свежей и буквально кричащей о своей полезности.

— Наши космонавты питаются из тюбиков, — отметила она, чтобы скрасить тишину.

Ее отсутствие разговора не напрягало, но Клео... При более близком общении стало ясно, что девушка младше ее, и для нее это путешествие — первое. До этого Клео окончила базовый курс обучения для медика и прошла положенный год практики. А после подала заявку в космос. И ей повезло, что ее взяли. Обычно заявки рассматриваются намного дольше. До нескольких лет...

Да, медсестра, оказалась очень разговорчивой. И милой. Жизнерадостной. Открытой. Счастливой... Она искренне беспокоилась о состоянии своей пациентки и также искренне желала помочь. И от этой искренности и жизнелюбия становилось не по себе. Так и хотелось заткнуть уши руками и закричать: «Так не бывает!». Но Саша молчала и продолжала дальше смотреть странный сон.

— Ваша цивилизация только-только начинает познавать космос. Неудивительно, что вы используете упрощенное питание. На линкоре также есть питательные смеси, универсальные и сбалансированные, но их использование предусмотрено лишь в крайнем случае.

Девушка всегда отвечала развернуто. Даже на самую короткую реплику стараясь выдать как можно больше информации. С одной стороны — удобно, с другой... Странно. Давно никто так не старался заботиться о ней. Пояснять, объяснять, учить. И все — максимально доступно и ясно, но без нелепых повторений и снисходительности. Не как высший — низшему, а как равный — равному.

Александра уже знала, что на Киорисе говорят на другом языке, и что в космосе среди разумных рас, входящих в Совет Безопасности, принят также и всеобщий, упрощенный язык. Ни тот, ни другой, она не знала. Но могла понимать благодаря универсальному переводчику — небольшому наушнику, прикрепленному на манер каффа. Именно из-за него создавалось впечатление неправильности между услышанным и произнесенным. Клео говорила, что переводчик не только озвучивает, но и постепенно учит языку. Поэтому позже от него можно будет отказаться.

Сама киорийка использовала аналогичный прибор, чтобы понимать Сашу. И, судя по восторгу в глазах, у нее обучение шло довольно быстро. Иногда девушка старательно пыталась произнести новые слова на русском и просила оценить ее успехи. Неудачи ее не пугали. А вот энтузиазм просто зашкаливал. В ней крылось столько энергии и силы, что Александра испытывала легкую зависть. И раздражение...

Ей самой любое усилие давалось невероятно тяжело. А еще — ничего не хотелось. Ни

есть, ни двигаться, ни изучать что-то новое. Даже на удивление сил не хватало. Только тупое созерцание и бессмысленное существование. Зачем ее спасли? Зачем везут на другой конец Вселенной? Почему не оставили на Земле?

Ответом служила универсальная фраза — так решил командер. Кто этот неведомый вершитель ее судьбы, и почему он принял столь странное решение, Саша не знала. Мельком ее собеседница оговорилась, что ситуация крайне необычна. И нарушает несколько пунктов правил, но затем резко сменила тему и больше к ней не возвращалась.

Саша отодвинула наполовину полную тарелку и попробовала рыбу и сыр. На нее снова накатывала усталость. Дома такое случалось довольно часто. К счастью, она работала удаленно и могла позволить себе не вставать с кровати сутками. А вес не набрала не иначе как чудом. Или от того, что почти ничего не ела. Ольга говорила, что она похожа на выходца из Бухенвальда. К счастью, Клео ничего не знала ни о фашизме, ни о концлагерях. Но при виде недоеденного обеда нахмурилась.

— Ты поглощаешь очень мало питательных веществ. Мы проанализировали данные с Земли, чтобы лучше организовать лечение. И, судя по нормам...

Александра закрыла глаза, испытывая огромное желание закричать и избавиться, наконец, от этой заботы. От присмотра. От сопровождения... Она тяжело и поверхностно задыхалась, пытаясь успокоить биение пульса в висках. Браслет на левой руке чуть плотнее охватил запястье. По телу прошла волна легкой прохлады. Напряжение немного ослабло. И это тоже вызвало легкое, едва заметное раздражение. Быстро сменившееся равнодушием.

— Если хочешь, мы взяли из информационного поля планеты записи музыки и видео. Ты можешь ознакомиться с ними.

Музыка. Видео. Фильмы? Девушка взглянула на собеседницу уже с легким интересом. Неужели она сможет получить кусочек дома? Заметив ее перемену, Клео сразу же проявила инициативу и проводила к рабочему месту с монитором.

Следующий час прошел за разбирательством с новой техникой. В целом, многое понималось интуитивно. Интерфейс оказался несложным, монитор — сенсорным, и многое регулировалось непосредственно руками. В частности медсестра показала, как создать в информационном поле корабля личный раздел и скопировать туда все, что интересно, из общего.

К счастью, большая часть файлов оказалась на русском или английском. Раздел музыки Саша пока решила не трогать, а в видео залезла с головой, копируя все, что казалось хоть немного знакомым. Наткнувшись на любимый сериал, не удержалась и запустила. И, стоило услышать начальную заставку, как губы растянулись в улыбке.

— Я рада, что тебе лучше.

Голос Клео заставил вздрогнуть. Саша так увлеклась, что забыла про свою компаньонку. Очарование момента ушло. Улыбка пропала, но возможность немного отвлечься и окунуться в привычный мир успокаивала. словно спасательный круг посреди океана. Жизнь не спасет, но дает надежду.

— О чем этот фильм?

На мониторе как раз транслировался пейзаж Англии 19-го века. Двое всадников мчались по полям под взглядом юной девушки.

— Гордость и предубеждение. Он... о любви. Не в современном мире, а в прошлом. Примерно двести лет назад.

— Что ж... Я не буду мешать. Отдыхай, я зайду вечером.

Александра рассеянно кивнула. Сериал, как и книгу, она знала едва ли не наизусть. И почему-то именно сейчас, так близко столкнувшись с чем-то знакомым, вдруг начала понимать, что она уже не дома. Что все происходящее — не сон. Что ее на самом деле забрали инопланетяне.

Осознание заставило сердце биться чаще. Сильнее. Но девушка усилием воли задавила нарастающую панику. Нет. Она не станет впадать в истерику. В конце концов, все не так уж плохо. Она жива, здорова, ее кормят и даже развлекают. Не говоря уже о том, что все вокруг может оказаться каким-нибудь социальным экспериментом. А она вовсе не на космическом корабле, а в какой-то засекреченной лаборатории где-нибудь в Сибири. В конце концов, ничего жуткого или принципиально отличающегося от Земли она пока не видела.

А при желании все можно проверить. Стоит только выйти из каюты...

Ночь в космосе мало отличается от дня. Разве что меняется освещение в коридорах, как объяснила Клео. На военных кораблях экипаж никогда не спит полностью. В рубке управления постоянно кто-то дежурит. К тому же военные много времени проводят в гимнастических залах за тренировками.

Что такое гимнастические залы, и где они расположены, Саша предпочла не уточнять. Ей хватило разговора о жизни на линкоре, а ее медсестра лишь порадовалась проснувшемуся интересу и ушла к себе после ужина довольная, напевая под нос какую-то смутно знакомую мелодию. Кажется, кто-то уже приобщился к земной культуре...

Александра долго лежала на кровати, глядя в потолок. В медицинском блоке она отключалась мгновенно, а здесь... Ее лихорадило как перед экзаменами на первом курсе. Руки вспотели. Сердце ухало в груди. А браслет не спешил успокаивать. Почему? Ей ослабили контроль, посчитав безобидной? Нет, конечно, она не могла никому причинить вреда, но все-таки... Или ее заперли в каюте? Тогда беспокоиться, действительно, не о чем.

На то, чтобы уговорить себя встать и дойти до внешней двери, у нее ушло полчаса, показавшихся вечностью. Страх и здравый смысл боролись с желанием разобраться в происходящем. Она то подбирала доводы, чтобы выйти в коридор, то убеждала себя остаться на месте. Зачем куда-то идти, если и здесь все хорошо? А если хорошо — только видимость? Если ее забрали для каких-то опытов? А если поймают в коридоре, что сделают? А если не поймают — куда идти? А если она кого-то встретит — что сказать?

От страха ее замутило. Размеренное дыхание уже не помогало. Появилось острое желание закрыться в ванной комнате и не выходить. Но она столько пряталась. Так долго сидела дома, боясь лишней раз выйти на улицу и случайно столкнуться с Владом. Или встретить общих знакомых, которые станут задавать вопросы или расскажут бывшему мужу, где она живет. Столько времени, потраченного на бесконечную работу, бессонницу и... страх.

В конце концов, если это сон — она ничего не теряет. Если эксперимент, то за ней итак наблюдают. Если же она, на самом деле, на космическом корабле... Нужно просто узнать правду.

Саша сделала глубокий вдох и прикоснулась к панели управления. Дверь каюты бесшумно отъехала в сторону. А она осторожно выглянула в коридор и сделала первый шаг. Освещение — подсветка вдоль стен у самого потолка — оказалось приглушенным. И теплым. Почему-то ей казалось, что на космических кораблях свет должен быть холодным. А здесь... Даже уютно. Двери в другие каюты также выделялись светом по периметру.

Красный, синий, желтый, фиолетовый... Как гирлянда в новогоднюю ночь.

Девушка обернулась к своей каюте, дверь которой уже закрылась. Зеленый. Похожей подсветки больше не наблюдалось. По крайней мере, она не заблудится, когда будет возвращаться. Осталось только выбрать, куда идти...

Александра снова глубоко вздохнула и вытерла влажные руки о тунику. Клео выдала ей запасной комплект медицинской формы, которую носила сама, а ко сну Саша еще не переодевалась. Она сглотнула и медленно направилась направо, готовая в любой момент помчаться обратно.

— Талия?

Голос раздался сзади и заставил буквально замереть и прирасти к полу. Сердце будто вовсе перестало биться. Девушка медленно, как в своих самых красочных кошмарах, обернулась. В паре метров от нее стоял мужчина. Обычный мужчина. В костюме, похожем на пижаму. Босой. С русыми волосами, отливающими золотом из-за потолочного освещения, с щетиной на лице и густыми бровями. Он протянул к ней руку, будто хотел прикоснуться.

— Талия?

В голосе звучал вопрос и неуверенность. Но Саша шарахнулась от возможного прикосновения и оказалась у стены. А незнакомец шагнул следом. И вдруг просто возник рядом. Вплотную. Слишком близко и слишком быстро, чтобы выдержать это. Девушка вскинула руки, пытаясь защититься, но широкая ладонь легко обхватила запястья, отводя их в сторону:

— Ты не Талия, — теперь он говорил уверенно и... мрачно.

Саша на всякий случай покачала головой, надеясь, что ее отпустят. Но мужчина не торопился оставить ее в покое. Рассматривал лицо, склоняясь все ближе, от чего сердце громыхало где-то в горле, а мозг полностью парализовало.

— Ты — та, что выжила. Икар принес тебя на корабль.

Мужчина снова качнулся вперед, его пальцы все также сжимали оба запястья, а свободная рука вдруг оказалась рядом с лицом. Словно он хотел взять ее за подбородок. Как Влад...

Крик сорвался с губ раньше, чем Александра успела до конца осознать происходящее. Даже не крик. Вопль. Вой, идущий откуда-то из глубины души. Реальность, придуманная или настоящая, перестала существовать. Осталось только прошлое. И страх, живущий в нем...

Глава 4

Земля

Годом ранее

Саша радостно крутанулась перед зеркалом, рассматривая, как на ней сидит новое платье. Красное. Яркое. С треугольным вырезом, драпировкой на груди и вдоль бедер. Длинной чуть выше колен. Оно чудесно подчеркивало, а вернее создавало ее фигуру, и в то же время выглядело элегантно. Волосы она завила в кудри и оставила распущенными. Накрасилась, подчеркнув помадой цвет платья. Получилось просто замечательно. И она чувствовала себя красавицей. Уверенной, привлекательной, счастливой. А если не вспоминать стоимость наряда и прочие траты на приготовления, то вообще чудесно. Но ведь годовщина бывает не так уж и часто. Тем более пятилетие брака.

Она уже знала, что Влад заказал столик в их любимом ресторане. Приготовила ему

подарок — те самые часы, о которых муж так много говорил. Да, они дорогие, но на работе как раз дали премию. Она вся и ушла на подарок. Но разве деньги считают, когда речь идет о любимом человеке?

Из прихожей донесся звук открываемой двери. Отлично, Влад уже дома, и они как раз успеют в ресторан к семи. А когда вернуться оттуда, она продемонстрирует мужу еще и новое белье. Наверняка ему понравится. Бросив последний взгляд в зеркало, Саша устремилась к выходу.

— Привет! — радостно воскликнула она, пока муж снимал ботинки.

Он выпрямился и как раз окинул ее взглядом с ног до головы. На породистом лице Влада отразилось удивление.

— Нравится? — Саша закружилась, демонстрируя наряд и ожидая комплиментов.

— Ты куда так вырядилась?

Холодное возмущение стегануло как удар хлыста, заставив вздрогнуть. Улыбка померкла.

— Ну, мы же собирались... в ресторан, — с губ сорвался какой-то тихий лепет. Его внезапное раздражение всегда ставило ее в тупик. — У нас же сегодня годовщина...

— И ты решила там очаровать всех мужиков? Мало того, что красное, так еще и обтянула свои кости сверх всякой меры! И где ты вообще откопала это убожество? В секунде?

Каждая фраза как удар плети по обнаженной коже. В горле встал комок. Захотелось ответить. Резко. Зло. Поставить его на место и заставить замолчать. Но у них же годовщина. Пять лет. Она подарок купила.

— Хорошо, — выдавила Саша, сглотнув. — Я сейчас переоденусь.

Она направилась обратно в комнату, часто моргая, чтобы сдержать слезы, и на ходу стирая помаду ладонью. Вряд ли она подойдет к одному из старых платий, оставшихся еще со студенческих лет. Муж шел следом. В спальне он остановился, прислонившись плечом к косяку и наблюдая, как она раздевается.

— Обиделась? — тон сменился на более мягкий и спокойный.

Саша стянула наряд и бросила на кровать. Открыла шкаф и пустым взглядом уставилась на вешалки, пытаясь понять, что вообще хочет одеть.

— Саш, прекрати. Я ничего такого не сказал. Ты сама знаешь, что у тебя плоская фигура. Кожа да кости.

— Знаю!

Голос зазвенел, она ответила резче, чем хотела, и схватила первое, что попало под руку. Черное. Закрытое. С рукавом до локтя и длиной ровно до колен. Скучное. Подходящее для экзаменов, но никак не для похода в ресторан.

— Что ты начинаешь? И откуда, кстати, это белье? Я его раньше не видел.

— Купила, — теперь звон удалось сдержать и ответить получилось сдержанно. Вешалка отправилась обратно в шкаф, а платье оказалось на ней, скрыв и фигуру и обновки.

— И на какие деньги?

В голосе Влада появились хорошо знакомые ревнивые нотки собственника. Когда-то давно, когда они еще только начинали встречаться, ее приводила в восторг его внимательность, но за годы совместной жизни она превратилась в паранойю.

Девушка глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, и мысленно считая до десяти, после чего обернулась и выдавила улыбку.

— На работе премию дали. Я раньше закончила проект. Заказчик остался доволен. Теперь пойдём?

Холодные голубые глаза окинули ее еще одним долгим взглядом, будто пытаясь прочесть мысли. Забраться в подкорку. В самую душу.

— И часто тебе премии дают? — обманчиво спокойно спросил муж.

Этот тон она тоже знала, также как и то, что может за ним последовать.

— Влад, я хорошо работаю. Меня ценят и не хотят, чтобы я ушла в другую фирму. Вот и выплачивают бонусы, — Саша старалась улыбаться, заметалась взглядом по комнате и наткнулась на подарок.

Сделала два шага в сторону тумбочки, подхватила коробочку с бантиком и обернулась, протягивая ее супругу.

— Вот, те самые, какие ты хотел. Посмотри.

Муж молча подошел, забрал коробочку и заглянул внутрь. Саша вглядывалась в его лицо, стараясь угадать реакцию. Она так хотела, чтобы подарок понравился, чтобы Влад, наконец, улыбнулся, и сегодняшний вечер прошел именно так, как ей и хотелось.

— Ты, что, в интернете подделку нашла?

Снова издевательский тон и холодный взгляд.

— Нет!

Она пролетела мимо Влада и достала из шкафа чек и упаковочную коробку из магазина. Не успела выкинуть и спрятала на всякий случай. К тому же, гарантия. Мало ли, что может случиться.

— Вот, посмотри, они настоящие. С гравировкой.

Но увидел он только одну бумажку. И замер. А затем взглянул так, что слова застряли в горле.

— И сколько же тебе премию выплатили?

Часы полетели на кровать, а муж пошел на нее. Саша начала медленно отступать к выходу.

— Ты знаешь, сколько я получаю, — спокойно заговорила она. — А это премия за важный проект. От него зависит, будет ли с нами сотрудничать иностранная компания. Мне выплатили дополнительный оклад.

— И ты мне хочешь сказать, что тебе такие деньжищи платят за то, что ты им сайтики в интернете клепаешь?! — голос Влада загредел на всю квартиру и заставил сжаться. — Может, ты их там чем-то другим зарабатываешь?! А мне тут лапшу на уши вешаешь?!

Слезы брызнули из глаз, комок снова встал в горле, мешая говорить. Она отвернулась, желая только одного — закрыться в ванной и как-нибудь пережить этот бесконечный вечер.

— А ну стой! Куда пошла?! — сильные пальцы грубо схватили за плечо, разворачивая.

— Мне больно! — пискнула Саша, оказавшись нос к носу с мужем.

— В глаза мне смотри! — он больно сжал подбородок, вынуждая запрокинуть голову. — Со всеми там уже перетрахалась?!

— Я ни с кем не спала... — выдавила она, обливаясь слезами и пытаясь вывернуться. Сбежать. Закрыться. Пересидеть. А потом он успокоится, и все будет как раньше...

— Врешь!

Он дернул ее на себя и толкнул на кровать. Саша рухнула как мешок, ударившись коленом об основание. Подтянула ноги. Обернулась. Влад вытягивал ремень из брюк.

— Я сейчас тебе покажу, что бывает, когда мне врут...

— Влад, ты с ума сошел! Не надо! Влад!

Она успела вскинуть руки. Удар пришелся по ладоням. Хлесткий. Сильный. Заставивший закричать скорее от удивления, чем от боли. Саша опрокинулась на спину. Попыталась отползти. Но ее дернули за лодыжку, подтягивая обратно. Она пыталась отбиваться. Колотила его ладонями по плечам и спине, но муж будто не замечал. Ремень улетел куда-то в сторону. Платье задралось до пояса. Его руки прошли по бедрам до края проклятых чулок, которые она купила, чтобы его порадовать. Схватились за резинку трусов.

— Влад, я не хочу!

— На работе тоже не хотела?!

Раздался звук расстегиваемой ширинки. Он отодвинул белье в сторону и уже через пару секунд вошел. Саша захрипела от боли и жжения.

— Пусти!

— Нет.

Он двигался рывками. Вбивался внутрь, не обращая внимания ни на что. И она перестала сопротивляться. Замерла, глядя в потолок и ожидая, когда же все закончится. Его уже давно не хватало надолго.

Ровно через три минуты, показавшихся вечностью, Влад закончил и обмяк. А затем скатился с нее и вытянулся рядом. Саша продолжала лежать, изучая мелкие трещинки на штукатурке. Потом медленно встала и направилась в ванную. Ей хотелось смыть с себя этот вечер и больше никогда о нем не вспоминать...

Линкор «Фотис»

Настоящее

Коммандер проснулся рывком, как всегда мгновенно переходя из сна в бодрствование. Браслет связи издавал пронзительный писк, оповещая, что на корабле что-то случилось. Иначе, зачем еще беспокоить командование посреди ночи? Голубой огонек означал медиков.

Искарис немедленно принял вызов, уже выбираясь из кровати.

— Что случилось, гиятрос?

— У нас происшествие с вашей... гостьей, коммандер.

Браслет транслировал только голос, который Лезариус хорошо контролировал. В нем звучала озабоченность, но не более.

— Ей стало хуже?

Он вставил ноги в комнатные сандалии и натянул нательную рубашку.

— Нет, девушка покинула выделенную ей каюту и столкнулась в коридоре с капитаном Байоном.

Коммандер как раз потянулся за форменными брюками, но замер. Он не видел капитана после возвращения. Им следовало как можно быстрее вернуться на Киорис, а для этого пришлось пролететь через всю галактику и нырнуть в черную дыру. Проход в первый раз оказался несложным, но без Талии и Байона, которого отстранили от службы, на обратном пути пришлось тяжелее. Намного. Он несколько часов не вылезал из кресла пилота, а потом восстанавливался, доверив управление программе. До сих пор в теле ощущалась тяжесть, а пальцы плохо слушались.

Он не представлял себе эмоциональное состояние друга. Все же потеря на

пробужденных отражается совсем иначе. Поэтому и требуется максимально изолировать их и обеспечить медикаментами, а также доставить в храм. Еще поэтому Искарис так спешил. Корабль, экипаж которого испытывает подобный стресс, уже не может считаться полностью боееспособным. Не говоря уже о потере боевых катеров. Давно Киорис не терпел таких поражений.

— Он ей навредил?

Раньше Байон был не способен причинить вред слабому, теперь... неизвестно.

— Скорее напугал, — гиятрос немного помолчал, явно подбирая подходящие слова для формулировки. — Она закрылась в каюте, в очистительном отсеке, а также потеряла транслятор. Теперь она нас не понимает и не отвечает на просьбы открыть дверь. Судя по показателям ее организма — уровень стресса зашкаливает. Доза успокоительных в ее чипе закончилась. Клео говорила о стабилизации эмоционального фона перед ужином, и я решил пополнить медикаменты лишь утром. А теперь нам нужна ваша помощь для доступа к пациентке...

Конечно, ее каюта отмечена личным доступом членов королевской семьи, а таких на борту было всего двое. Теперь он — один.

— Я сейчас подойду, гиятрос.

Коммандер все же натянул брюки, а вот мундир оставил. В панике люди ведут себя по-разному. Ему может потребоваться свобода движений.

Глава 5

Саша не поняла, как оказалась на полу. Вот она кричала, а потом вдруг рухнула на задницу. Ее больше не держали. Мужчина отшатнулся к противоположной стене и смотрел на нее со странным выражением на лице. Вникать в подробности девушка не стала. Развернулась и, даже не пытаясь подняться на ноги, рванула к каюте. На четвереньках.

Расстояние в пару метров показалось ей бесконечным. Зубы клацали. Руки тряслись. Пс панели управления она попала лишь со второго раза, слыша, как вокруг открываются другие каюты. За спиной раздались голоса и сразу же стихли, отрезанные закрывшейся дверью.

Она буквально рухнула на пол, сжалась, пытаясь успокоиться. Но больше не чувствовала себя в безопасности. Неожиданно все, что происходило раньше, обрело смысл. Торговый центр. Падение неведомого небесного тела. Инопланетный корабль. Ее похитили. Неизвестно зачем. Взяли и забрали.

С губ сорвался какой-то невнятный стон. Саша заметалась взглядом по каюте, пытаясь найти безопасное место. И уже привычно направилась в сторону ванной. Заблокировала за собой дверь, вспомнив объяснения Клео, отползла к стене, забила между раковиной и унитазом. Прижала колени к груди, уткнулась в них носом и замерла.

— Это все сон. Просто сон. Я проснусь. Обязательно проснусь. И все будет хорошо.

Зубы клацали так, что едва не прихватили кончик языка. Ее трясло как в лихорадке. И проснуться никак не получалось. Как же ей выбраться? Куда идти? Что делать?

Откуда сверху раздался смутно знакомый голос, заставивший подпрыгнуть на месте и в ужасе оглядеться по сторонам. Голос доносился из динамика рядом с дверью. И, кажется, принадлежал Клео, но Александра совершенно не понимала, что та говорит. Она коснулась уха, но не нашла уже привычную клипсу переводчика. Потеряла в коридоре. Теперь она даже не могла понять, что ей говорят...

— Да что же это такое?

Лицо стало мокрым. Голос из динамика вскоре перестал доноситься. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем дверь ванны распахнулась, и в проеме появился мужчина.

Высокий. Подтянутый. С черными, немного растрепанными волосами. Резкими чертами лица, будто высеченными из мрамора. Он остановился в шаге от входа и замер, глядя на нее невероятно глубокими зелеными глазами. Саша сжалась сильнее и попыталась вдавиться в стену. Сердце стало биться тяжело и гулко, все остальные звуки вообще исчезли. Остался лишь гул крови в ушах...

Коммандер вошел в каюту легко и стремительно. Подошел к двери в очистительный блок и на мгновение замер. За его спиной переживала ученица Лезариуса, считающая произошедшее своей ошибкой. Сам гиатрос хотел лишь получить доступ к помещению, а затем воздействовать на гостью медикаментами. Его специализация не позволяла предложить ей квалифицированную помощь. И все они понимали, что лекарства не решат проблему. Но что делать, если рядом нет жрицы?

— Передайте на мостик, чтобы немедленно установили связь с Киорисом, — неожиданно для себя приказал Искарис. — Мне нужна одна из старших жриц и ее помощь для установления контакта.

— Коммандер, при всем моем уважении... — начал Лезариус, но принц не дал ему договорить.

— Гиатрос, именно я решил забрать женщину с ее планеты. Принес на корабль и поручил вашим заботам. Ее состояние, в первую очередь, моя ответственность. Значит, мне и решать, как выйти из сложившейся ситуации. К сожалению, я не могу полноценно оценить состояние гостьи, поэтому мне нужна консультация жрицы. Введите ее в курс дела и переключите на мой транслятор, — он указал на свое ухо.

Старый гиатрос только вздохнул, но затем кивнул и отдал ему второй транслятор для девушки.

— Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам.

— Благодарю.

Сейчас первая задача состояла в том, чтобы вернуть устройство пострадавшей. Иначе ничего не выйдет.

Оказавшись в очистительном блоке, Искарис остановился, сделав лишь один шаг, чтобы дверь могла закрыться. Девушка сидела на полу у боковой стены. Сжалась в комок. И смотрела на него огромными глазами, в которых читался ужас. Сузившиеся зрачки и общая бледность позволяли прочесть это столь же точно, как остальным позволяет эмпатия.

Коммандер вспомнил, как однажды наблюдал за Талией, когда сестра приручала своего ликоса. Она смотрела зверю в глаза и старалась одновременно казаться неопасной и быть хозяйкой положения.

«Животное нельзя пугать. Но и нельзя бояться его. Он должен понимать, что ты — хозяин. А ты должен знать это. И вести себя соответствующе».

Искарис медленно и спокойно опустился на пол, не прерывая зрительного контакта. Скрестил ноги перед собой. Продемонстрировал раскрытую ладонь с транслятором. Показал на свое ухо. За ним наблюдали внимательно и настороженно. Точно также ликос смотрел на Талию. Только еще не забывал демонстрировать зубы и коротко порывивать время от времени. Девушка не рычала, но с трудом сглотнула и закусил губу. Жилка у нее на шее

бились чересчур быстро, а на лбу выступили мелкие капельки пота.

Длительный стресс пагубен для организма. Его нужно снять, пока тело или разум не достигли своего предела. Он опустил прибор на пол и с силой толкнул в сторону гостьи. Транслятор оказался в полушаге от нее. Дотянуться можно. Кажется, чтобы приободрить зверя, Талия его хвалила...

Искарис постарался улыбнуться. Учитель всегда говорил, что достоверно изображать эмоции сложно. Их нужно испытывать, а не показывать. Но ничего другого у него не было. И получилось, видимо, не очень, раз девушка прижалась к стене еще плотнее, хотя такое физически невозможно.

Он сразу же убрал глупую гримасу с лица и указал на транслятор, а затем на свое ухо. А затем продемонстрировал пустые ладони. Пусть видит, что он не желает причинить вред. Такой подход оказался результативнее. Девушка, не спуская с него глаз, очень медленно дотянулась до транслятора и аккуратно поставила его на место.

По крайней мере, с первой задачей он справился. Оставалось лишь успокоить гостью и убедить не бояться экипаж...

...Когда лицо мужчины исказилось в кривой усмешке, у Саши едва не остановилось сердце. Нет, он не был страшным. Скорее даже приятным внешне. Хотя жесткие и какие-то слишком неподвижные черты лица делали его будто неживым. И когда на его лице вдруг проявилась странная, явно натянутая и неестественная улыбка, которая совершенно не затрагивала глаза или... Что там еще должно меняться у людей от радости? Впечатление оказалось жуткое. Потустороннее. Будто перед ней не настоящий человек, а некто лишь примеривший его оболочку.

Стоило мужчине вернуть лицо в прежнее состояние, как наваждение схлынуло. Стало чуть легче, и она уже даже с удовольствием дотянулась до переводчика. Лучше уж словами, чем невербально. Еще пару улыбок она вряд ли выдержит.

— Доброй ночи, — голос у него оказался под стать внешности. Сухой и холодный. Но невероятно четкий. Словно созданный, чтобы отдавать команды. — Я — командер линкора «Фотис», на котором вы сейчас находитесь. Именно я принял решение о том, чтобы забрать вас с Земли.

Забрать? Значит, вот кого ей надо благодарить за свое спасение. Или злиться за похищение?

Саша облизала губы, сердце все еще билось оглушающе громко, но ровный тон этого мужчины и то, что он оставался на месте, не пытаясь приблизиться к ней, немного успокаивали.

— Зачем вы меня забрали? Что вам надо?

Она не знала, как спросить иначе. Не так... грубо. Или прямо. Одна часть разума кричала и требовала молчать, чтобы не злить его, вторая же хотела получить ответы. Немедленно. И пока она, обычно спящая и немая, побеждала. Не иначе из-за адреналина.

— Мне ничего не нужно, — он покачал головой, подкрепляя слова. — В том происшествии, из-за которого вы пострадали, погибла моя сестра. Мы отправились искать ее останки, а нашли вас... Вы немного похожи. Внешне. Когда вас нашли, вам оставалось жить не более десяти минут. Без оперативной помощи вы бы погибли. Ваши технологии не позволяют проводить столь сложные операции по спасению. И спасатели не успели бы вас найти. Я... мне...

Он неожиданно замолчал и несколько раз быстро моргнул, будто растерялся. Словно невозможность подобрать слова оказалась ему в новинку. А у Александры в голове билась мысль о погибшей женщине. И встреча в коридоре.

— Ее звали Талия? Вашу сестру.

— Да. Она командовала звеном боевых катеров. Вам о ней рассказала Клео?

Про катера Саша ничего не поняла, но решила продолжить задавать вопросы, раз уж ей начали отвечать.

— Тот мужчина в коридоре. Он назвал меня ее именем. А потом понял, что я — не она. И... Я подумала, что он разозлился...

Но если бы разозлился, разве отпустил бы ее? Влада крики и сопротивление не останавливало. Пока она не взяла в руки кухонный нож. Для мяса. И не пригрозила зарезать его, если он не уйдет и не оставит ее в покое. А потом заперлась в ванной и просидела там всю ночь, боясь заснуть и выпустить оружие из рук. Муж обозвал ее истеричкой. Сказал, что сдаст в психушку. И сдал бы, если бы она не ушла...

— Капитан Байон и Талия были помолвлены. Для него ее гибель стала тяжелым испытанием. Его действия нельзя считать адекватными. И, конечно, горе его не оправдывает. Ему не стоило пугать вас. Но, не думаю, что он хотел причинить вам вред.

Помолвлены. Погибла. Дышать почему-то стало легче. Во всяком случае, вакуум вокруг постепенно рассеивался. Обретал понятные причины и пояснения. Возможно, она неправильно поняла того мужчину, возможно, он был неадекватен, возможно, ничего плохого не произошло бы...

Саша закрыла лицо руками. Плечи затряслись. Грудь сдавило от рвущихся наружу рыданий. Она начала хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Горло перехватило, и никак не удавалось сделать полноценный вдох.

— Дышите носом, — холодный четкий голос проник сквозь подступающую истерику. — Закройте рот и сделайте глубокий вдох. Носом. — Она послушно сцепила зубы и втянула воздух. — А теперь выдыхайте. Медленно. Считайте до десяти.

Первый раз ничего не вышло. Но голос велел продолжать, и она пыталась. Вдыхала. Выдыхала. И слушала ровный голос. В нем не было злости. Раздражения. Ничего кроме какого-то безграничного спокойствия и уверенности. Почему-то подумалось, что такому человеку вообще не ведомы подобные эмоции. Он походил на скалу. Или стену. Надежную, как и та, к которой она прижималась...

Глава 6

Девушка слушалась. Она очень старалась успокоиться. Выполняла его указания. И даже смогла выровнять дыхание. Пусть и не сразу. Командер осторожно и бесшумно подвинулся ближе к ней. Если повезет, она не заметит сокращение дистанции. Он надеялся, что физического контакта удастся избежать, но нельзя исключать и такой вариант.

В трансляторе, наконец, раздался короткий треск, а затем мягкий голос иерии Элпис.

— Командер Искарис, я здесь, чтобы помочь вам. Гиатрос Лезариус ввел меня в курс дела. Вы можете говорить?

Пришлось кашлянуть, прочищая горло и одновременно привлекая внимание притихшей девушки. Она вскинула на него взгляд опухших, покрасневших глаз. Все ее лицо пошло пятнами. Сейчас она совсем не походила на Талию. Та плакала редко, с возрастом предпочитая направлять энергию в иное русло.

— Ясно. Я попросила гиатроса передавать мне данные с транслятора вашей гостии и вашего. Так я смогу лучше понимать ситуацию. Прошу прощения, что приходится идти на столь крайние меры, нарушающие ваши границы.

Про свои границы Искарис не думал, скорее отметил, что так будет намного удобнее. И информативнее. К тому же, верховная жрица никогда не позволит себе нарушить основное правило храма и рассказать кому-то за его пределами об услышанном.

— Спасибо... что помогаете.

Девушка заговорила с трудом. Она явно устала. Пик нервного напряжения схлынул. Теперь организму требовался отдых, но адреналин вряд ли вернулся в норму, чтобы она смогла заснуть.

— Вы находитесь под моей ответственностью, учитывая обстоятельства вашего здесь появления. Я не мог поступить иначе.

Ответственность — первое, чему учат киорийцев. У каждого поступка есть последствия. Нужно понимать, какими они будут. Как с ними справиться. И не принесут ли они больше вреда, чем пользы. Когда он забрал умирающую женщину, думал только о том, что она останется жива. Но никак не о том, каково ей будет оказаться вне привычной среды обитания среди посторонних людей.

— Мне жаль, что мое решение доставило вам столько неудобств. Нам пришлось срочно возвращаться на Киорис. Операция заняла достаточно длительное время, и, когда она завершилась, возвращаться назад оказалось бы слишком долго.

— У вас хорошо получается, командер, — дала о себе знать жрица. — Вы ее успокаиваете. Продолжайте говорить. И постарайтесь сократить дистанцию. Вам нужно убедить ее доверять вам. Прикосновение станет лучшим показателем.

— А я... смогу вернуться домой? Как-нибудь потом, — теперь на лице девушки отразилась надежда. И страх. Она стиснула руки в кулаки, стараясь сдержать естественную реакцию и скрыть от него, как важен ей ответ.

— Мы редко посещаем закрытые сектора, — начал Искарис.

— Командер...

— Но в вашей галактике мы наткнулись на разведывательный корпус этросов, — ровно продолжил принц, игнорируя взволнованный тон жрицы. Раз уж она сказала, что ему нужно говорить, он будет говорить. А женщина слушать. — У Киориса и Этры военный конфликт. Возможно, они искали место для построения новой базы. Поэтому позже, когда все данные будут изучены на Киорисе, обратно, с высокой вероятностью, будет отправлен исследовательский корпус. И с ним вы сможете вернуться домой.

Она выдохнула. И обмякла, будто у нее отобрали опору. Лицо искривилось. В глазах снова появились слезы, но гостья стерла их ладонью.

— Узнайте, кто ждет ее дома. Интерес к собеседнику располагает его к вам. Задавайте вопросы. Но только не настаивайте на ответах.

— У вас дома... остались родные? — спрашивать оказалось сложнее. Все же он не привык интересоваться чужой жизнью. Обычно киорийцы сами рассказывают о себе, если хотят чем-то поделиться. Но жрице лучше знать.

— Да... мама и папа. Брат. Его жена и племянник. Они подумают, что я погибла.

— Мне жаль, что им...

— Нет, — она вдруг покачала головой. — Они расстроятся, конечно, но... Мы не были сильно близки. Особенно последнее время. Маме будет плохо. А остальные... Наверное, им

станет легче.

Лицо ее стало задумчивым и печальным. Подобные отношения наверняка имели под собой серьезные причины, но допытываться до них сейчас...

— Спросите о друзьях. Человек не может существовать в социуме в полном одиночестве. Если только у него нет психических отклонений, а анализы показывают, что их нет.

— А кроме родственников. Есть кто-то еще? Друг?

Искарис понимал, почему жрица дает пояснения. Кому-то из пробужденных, тому же гиатросу, понадобилось бы куда меньше вмешательства и руководства. Но он слишком мало понимал в эмоциональных связях. Хотя и привык считать Байона своим другом. Довольно близким.

— Подруга. Ольга. Она... она будет меня искать. Наверняка.

— Замечательно, — он даже по голосу понял, что жрица улыбается. — Крепкая привязанность и преданность — хорошая основа. Ей есть, к чему возвращаться.

— Значит, вас будут ждать. И вы вернетесь.

Галактику в любом случае придется исследовать. На обратном пути они захватили часть обломков разрушенных кораблей этросов, к тому же сняли данные излучения и прочего, но информации оказалось мало. Полезно будет узнать о планетах больше, тем более о населенной. В своей жестокости этросы наверняка захотят ее захватить, если обнаружат что-то полезное. Возможно, столкновение немного их отпугнет. Или затормозит исследование. Но не остановит... Этра никогда не останавливается.

— Почему я вам верю? — снова контакт глаза в глаза. — Все, что вы говорите, я не могу проверить. Только надеяться, что вам не за чем врать. И другим тоже. Мне здесь не вредили. Даже спасли, если вам верить, но... Мне все равно страшно. Раньше казалось, что все вокруг — сон. И скоро он кончится. Теперь... уже нет. Но я совершенно не знаю, что мне делать дальше. До того, как вернусь домой. Что со мной будет?

Ее мысли и слова перескакивали с одного на другое, выдавая волнение, а голос дрожал. Остаточный стресс не давал сосредоточиться на чем-то одном и путал сознание. Кажется, для ликосов после сложных тренировок использовали специальные тяжелые одеяла. Они притупляли реакцию нервной системы. Позволяли животным успокоиться.

— Сейчас вам нужно выйти отсюда...

— Командер, вы торопитесь...

— За дверью находится Клео. Она ждет вас, чтобы помочь отойти ко сну. Если вы готовы, можете только сказать.

— А если я не хочу ее видеть? — неожиданно резко спросила гостя. И замолчала, прикусив губу. Нахмурилась. — Я... Она хорошая. Правда. Но... я... можно мне побыть одной?

— Ей пока рано...

— Вы сможете встать самостоятельно?

В глазах отразилось удивление. А затем смятение. Она осмотрела себя и комнату вокруг, будто впервые увидела. Осторожно расцепила пальцы. Ухватила одной рукой за край раковины, второй уперлась в крышку унитаза и очень медленно поднялась. Искарис плавно перетек в вертикальное положение следом. Девушка попыталась сделать шаг, но слишком рано отпустила опору. А от долгого сидения ноги у нее затекли. Не говоря уже об общей слабости после напряжения.

Она полетела навстречу полу, нелепо взмахнув руками и пытаясь удержать равновесие. Очень неуклюже на его взгляд. И наверняка бы сильно ударилась, если бы его реакция не оказалась куда лучше. Два плавных шага, и он легко поймал девушку, обхватив рукой под грудь. Помог выровняться, стараясь прикоснуться как можно меньше. Она и так замерла, сжалась, снова напряглась, а пульс участился. Страх. Доверия от прикосновения не выйдет. Скорее его можно добиться дистанцией.

И он отступил на шаг, аккуратно убирая руки.

— Видите, вам нужна помощь. А женщина не вызовет у вас такой реакции. К тому же Клео обладает медицинскими знаниями, она умеет заботиться о пациентах. Поможет принять вам душ и лечь в постель.

Она отступила еще на шаг, покачнулась, но устояла. И страх немного утих. Тело расслабилось. Хотя ее еще потряхивало от пережитого.

— Вы правы. Я, наверное, доставила вам много проблем.

Проблема — это гибель Талии. Последствия для планеты и для него лично будут... сложными. А нервный срыв женщины, едва пережившей крушение военного катера... Осложнение. Не более.

— Нет. Не доставили. Но вам нужно вернуться в каюту и отдохнуть. Поспать. А утром решить, что делать дальше.

Он направился к двери, чтобы разблокировать вход, но его догнал неожиданный вопрос:

— Вы еще... мы еще увидимся?

Искарис обернулся. Гостья ждала ответа. И он был важен. Пусть не так, как возвращение домой, но достаточно.

— Когда у меня появится свободное время, я могу отправить вызов в вашу каюту. И показать линкор. Возможно, так вам будет проще поверить в то, что он настоящий.

Зачем он предложил? Вряд ли она вообще захочет покинуть каюту после происшедшего.

— Я... я согласна. А как... как вас зовут?

Принц моргнул, вспоминая, что так и не назвал своего имени. И даже не спросил у гиатроса имени его пациентки. Посчитал ненужным. Лишней информацией. Но теперь почему-то стало странно. словно он должен был что-то сделать и не сделал.

— Ис... Икар. Вы можете называть меня Икар.

— А я Саша. Александра... Но меня зовут Саша.

Он кивнул и все же шагнул к панели, кожей ощущая странную тишину в трансляторе. Иерия Элпис все слышала. И молчала. Не комментировала, не давала советы, но за ее безмолвием слышалось нечто большее. Когда он стал столь внимателен к чужой недосказанности?

Дверь распахнулась бесшумно. Клео сразу же вскочила с кресла, в котором ожидала их появления и бросила быстрый обеспокоенный взгляд на пациентку. Командер остановился и обернулся, наблюдая как женщина... Саша... Александра осторожно подходит ближе, а потом покидает очистительный блок. Появилось какое-то абсурдное, острое желание удержать ее. Остановить. Но он только спрятал руку за спину.

— Оставлю вас вдвоем. Надеюсь, оставшаяся половина ночи пройдет спокойно. Если что-то случится, вызывайте меня.

Последние слова он адресовал Клео, в глазах которой мелькнуло яркое удивление.

— Непременно, командер, — пробормотала она и шагнула к подопечной.

А он поспешил удалиться. Короткий треск в трансляторе сообщил, что жрица

отключилась, даже не попрощавшись. Но вежливость, в отличие от собственных реакций, волновала его крайне мало...

...Гиатрос Лезариус откинулся в кресле и промокнул лоб салфеткой. Кризис миновал. Клео окажет помощь гостье и проследит, чтобы ее браслет всегда был заряжен успокоительным. До Киориса они дотянут, а там он с превеликим удовольствием сдаст девушку храму, а рапорт — исследовательскому корпусу, и отправится на заслуженный отдых. Навестит сына. Внуков...

На экране вместо изображения каюты пациентки возникло утонченное лицо верховной жрицы. Сегодня она выглядела непривычно домашней. С простой косой, перекинутой через плечо. Без украшений и традиционного бордового одеяния. Простая ночная туника бледно-лилового цвета подчеркивала светлую кожу и серые глаза.

— Что скажете, иерия?

— Мне сложно судить по короткому разговору, но...

Эллис выглядела задумчивой, погруженной в себя, и явно не спешила делиться мыслями.

— Я склоняюсь к тому, что вы правы, гиатрос. Эта женщина определенно влияет на принца. Неизвестно, как именно и почему... Все же случаи пробуждения киорийцев от женщин других рас еще не встречались. За ней нужно наблюдать. Но и за ним тоже. Если командер Искарис пробудится...

У него появится еще одна головная боль, которую придется как-то сдерживать до возвращения на Киорис.

— Знаете, иерия... У меня буквально только что появилось еще несколько аргументов для того, чтобы просить императрицу вмешаться в наш спор.

Она улыбнулась. И стали заметны морщинки в уголках глаз и рта, напоминающие о возрасте. И о том, сколько лет они уже ведут этот разговор...

— Давайтеждемся вашего возвращения. Я сообщу новости императрице и подберу жрицу для работы с гостьей. Спокойно вам ночи, гиатрос.

— И вам, иерия...

Экран погас, а Лезариус подумал о том, что его ждут два самых длинных дня за все путешествие...

Глава 7

Киорис

Вагон экспресса плавно качнулся на повороте, оставляя в стороне морской берег и направляясь вглубь материка. Справа, на горизонте, проступили очертания Алпасских гор. Белые пики терялись в облаках. Если смотреть только на них, кажется, что время замерло, а она так и осталась на побережье. Но когда приходит вызов от верховной жрицы, отказывать не принято.

Филис откинулась на спинку удобного кресла и оглядела салон. Вагон был полупустым. Ранним утром по делам отправляются только те, кто не может их отложить. Через проход от нее сидела охотница с ликасом на поводке. Дрессированный зверь крутил ушами и раздувал ноздри, готовый в любой момент сорваться с места. Его хозяйка встретилась взглядом с жрицей и приветливо улыбнулась, чуть склонив голову.

— Вызвали в столицу. Подкрепление для подготовки к Играм, — она потрепала

светлую гриву зверя, и тот на мгновение прикрыл глаза от удовольствия.

— Вижу, для вас это не впервые, — Филис кивнула на наградные знаки, выполненные в виде переплетенных ветвей оливы и терновника. Два бронзовых и один медный.

Охотница коснулась знаков, и в глубине ее светлых глаз мелькнула тень прошлого. На лице явственнее проступили ранние морщины, все охотники стареют до срока, как и военные. Ликос, ощутив настроение хозяйки, клацнул зубами и вздыбил шерсть, но рычать не стал. Опытный, матерый зверь не угрожает без повода.

— Пятые Игры на моем веку, надеюсь, пройдут спокойно.

Филис только улыбнулась и отвела взгляд, возвращаясь к пейзажу за окном. Белые пики стали чуть ближе, уже можно различить Близнецов и их Старшую Сестру. Экспресс продолжал плавно поворачивать, устремляясь навстречу солнцу. Информационное табло, встроенное в спинку предыдущего кресла, сообщало, что следующая станция будет уже через пятнадцать минут. В столицу они прибудут незадолго до полудня...

Надеждам спутницы не суждено сбыться, но секреты правящей семьи не выдают. Императрица сама объявит о трагедии. И скорее всего, именно на Играх, посвятив их памяти погибшей принцессы. Прекрасный способ попрощаться, учитывая, что даже прах Талии не будет доставлен на родину.

— Как думаете, на Играх нас ждет заявление от правящей семьи? — мужской голос донесся сзади и заставил жрицу прислушаться. — Давно говорят, что императрица сложит с себя полномочия и передаст их дочери.

— Такое событие вероятно, — холодно ответил второй мужчина. Непробужденный. Так говорят только они. — Анализ последних выступлений маеджи Софронии в Совете Безопасности показывает, что она придерживается прежнего курса, но уже не столь настойчива в своей позиции, как ранее.

— Тогда нас ждут перемены...

— Принцесса Талия менее дипломатична, чем императрица. Обострение конфликта с Этррой почти стопроцентно.

— Главное, чтобы другие это обострение поддержали... А то останемся мы с ними один на один. А война уже дорого нам обошлась...

— Анализ настроений планет, входящих в Совет Безопасности показывает, что...

— Вы тоже думаете, что война будет? — тихо спросила охотница, заставляя отвлечься от чужого диалога.

Филис обернулась к ней.

— К сожалению, опыт показывает, что дипломатия не может решить все конфликты. Но обострение всегда нежелательно.

— И я так думаю... — женщина кивнула собственным мыслям. — У меня два сына, один в охотниках, сейчас на побережье. А второй пошел в отца — военный. Тот первый конфликт он еще не застал, а если начнется сейчас...

Она покачала головой, продолжая поглаживать зверя. Тот также посмотрел на жрицу умными голубыми глазами. Показалось, что с укором. Будто чуял, что она знает, куда больше, чем может сказать.

Первое военное столкновение с Этррой застало Киорис врасплох. Слишком долго они жили в относительном мире, привыкнув, что Совет Безопасности контролирует многие планеты. И когда Этра проявила агрессию, оказались не готовы. Тот конфликт оказался коротким, все же Киорис своими разработками во многом превосходил противника, что и

показал очень быстро. Но этросы не умели признавать поражение. Главнокомандующему Иазону пришлось буквально прижать их в атмосфере собственной планеты, чтобы добиться капитуляции. На несколько лет Этра успокоилась, чтобы затем начать терроризировать уже другие планеты. Но не столь прямолинейно. А тихо и аккуратно. Не оставляя следов, но лишь намеки. Чтобы Совет Безопасности при всем желании не сумел призвать их к ответу.

В той войне Киорис лишился императора. Сейчас погибла принцесса. Мужчины, ведущие диалог, даже не представляли, насколько близко подоברались к истине. Перемены грядут. И обострение будет. Потому что простить такое Киорис не сможет.

На следующих станциях вагон постепенно заполнился путешественниками. Разговорами. Смехом. Жизнью. Группа девушек с жаром обсуждала, кто займет первое место в беге и дискоболе. Женщины постарше интересовались соревнованиями на колесницах. Мужчины говорили о более узких критериях, таких как точность, выносливость, длина шага и прочее. Киорийцы жили предвкушением Игр, проводившихся раз в пять лет. И их оживление невольно передавалось Филис. Она улыбалась, слушая разговоры и отвечая кивками на короткие приветствия, спеша насладиться мгновениями радости.

На подъезде к столице вагон покинула охотница, не забыв улыбнуться на прощание. Жрица снова кивнула и проводила женщину взглядом, наблюдая, как подтянутая фигура в коричневой, с болотным оттенком, форме пробирается сквозь толпу. Ликос смиренно шел рядом, всем своим видом показывая, насколько он готов нести службу.

Из вагона Филис вышла на следующей остановке и сразу направилась в сторону центральной улицы. Столица просыпалась. По дороге, поблескивая на солнце, мелькали электро-мобили, рядом, отгороженные от потока транспорта энергетическим барьером, неспешно гуляли прохожие. Тень олив, высаженных вдоль дороги, позволяла чувствовать себя комфортно даже при полуденном жаре.

Жрица вдохнула суховатый, по контрасту с морским, воздух города и направилась к зданию, чей шпиль терялся на фоне Алпасских гор, находящихся теперь совсем рядом. Острые пики Близнецов с этого ракурса словно обнимали Старшую Сестру и возвышались над городом. Гордые. Неповторимые. У самого их основания располагался императорский дворец. Некоторые его ходы пересекались с пещерами внутри гор и могли спрятать жителей всей столицы, при необходимости. К счастью, необходимость давно не наступала.

Филис легко поднялась по тридцати двум ступеням, ведущим ко входу в храм. Сорвала финик с одного из деревьев, высаженных по обеим сторонам лестницы. Попробовала. Зажмурилась. В столице они были более терпкими, не столь приторно-сладкими, как на побережье. И, пожалуй, по ним она скучала. Куда больше, чем по самому городу.

В храме играла музыка. Она заполняла все пространство огромного мраморного холла, устремлялась ввысь, к самому куполу, отражалась от него, бежала вдоль стен и концентрировалась в центре зала. Музыка менялась по мере приближения к нему и удалению. И, Филис, хорошо знакомая с эффектом, застыла на границе внешнего круга. Всего их было три, выложенных разными породами гранита.

Первый для всех, кто желает слушать, второй — для ищущих исцеления, и третий — для пришедших за вдохновением. В центре зала стоял мужчина. Пробужденный. Он раскинул руки в стороны и запрокинул голову. На лице его отражалось блаженство той степени, что известна лишь творцам в момент наивысшего откровения. Ели бы мог, он бы взлетел, чтобы парить под самым куполом. Чтобы позволить музыке унести себя.

И жрица тоже позволила себе забыть на несколько секунд. Прикрыла глаза. Расслабилась. Позволила музыке пройти сквозь тело. Наполнить его энергией. Очистить мысли. Раскрыть разум. Она глубоко вздохнула и улыбнулась. Встретилась взглядом с киорийцем, выглядевшим совершенно счастливым. Он опустил руки и направился к ней. Долго находиться в центральном круге опасно. Бывали случаи, когда замечтавшихся творцов выносили на руках. А потом долго лечили гиатросы.

Мужчина прошел мимо, кивнув ей и направляясь к выходу. Говорить в холле, когда звучит музыка, невозможно. Она поглотит любые звуки. Филис кивнула в ответ и направилась налево. В проход, предназначенный для жриц. Навстречу ей никто не спешил. У младших жриц и альм сейчас занятия. Старшие либо учат, либо работают с подопечными. Их разговору с Элпис никто не помешает...

Верховная жрица встретила ее на крытой террасе, выходящей во внутренний двор храма. Она служила дополнительным переходом или местом для учебы, но сейчас пустовала. Лишь на одном из столов стояли закуски и кувшин с охлажденной мятной водой.

— Надеюсь, я не заставила тебя ждать? — Филис заняла место напротив верховной жрицы.

— Ты, как всегда, пунктуальна, сестра, — Элпис улыбнулась, но лишь одними губами. Глаза ее остались серьезны и задумчивы. — Как прошло твоё путешествие?

— Экспресс шел по расписанию. Много разговоров об Играх. И о переменах, что скоро наступят...

Верховная жрица позволила себе нахмуриться, выражая недоумение.

— Многие ждут, что императрица передаст власть принцессе... Но мы знаем, что это не случится.

— Не случится, — Элпис перестала улыбаться и, как это обычно бывало, сразу же стала выглядеть на свой истинный возраст.

— Полагаю, теперь императрица должна выбрать наследника, — Филис наполнила свой бокал и сделала несколько глотков, чтобы освежиться.

— Именно поэтому я тебя и пригласила...

Пока верховная подробно излагала то, что не смогла сообщить по видео-связи, солнце поднялось в зенит и встало над самой террасой. Камень стен дарил прохладу. Жаркий воздух касался лица, доносимый легким ветерком, ласкал кожу, и отступал, не в состоянии выиграть у камня.

— Ты хочешь, чтобы я занялась этой женщиной, — сделала вывод Филис, стоило собеседнице замолчать.

— Не только ей... Капитан Байон также нуждается в присмотре. Но в первую очередь, нас интересует принц. Если подозрения гиатроса оправдаются, Искарис станет следующим наследником. И мы должны выяснить, каким он будет, до того, как императрица сделает заявление.

— Игры начнутся уже через три декады. Пробуждение у всех происходит по-разному. Тем более возраст командера...

— Я все понимаю, — Элпис кивнула, — поэтому в первый день Игр императрица лишь объявит о смерти принцессы. Если все окажется так, как мы думаем, в конце Игр будет объявлено о назначении принца Искариса предполагаемым наследником с выдачей соответствующих полномочий. Если же нет... Объявление состоится тогда, когда пробудится первый из принцев.

Но отсутствие наследника, так или иначе, заставит киорийцев волноваться о будущем. Не говоря уже о конфликте с Этрой.

— Я давно не появлялась в столице. Что с остальными принцами?

— Креон заканчивает обучение в университете по инженерной специальности. Иногда посещает жрицу Зеновию. Иазон-младший сейчас с исследовательским отрядом за пределами Киориса, но к началу Игр должен вернуться. На момент отлета признаков пробуждения не обнаружено. Я направлю к нему Калипсо.

— Значит, у нас три претендента...

— И все трое в одинаковом положении.

И кто первый пробудится, тот и унаследует трон. А вместе с ним и место в Совете, и станет управлять внешней политикой Киориса. Войной и миром.

— Теперь ты понимаешь, почему я пригласила именно тебя?

Элпис прямо смотрела на нее. И Филис кивнула.

— Понимаю. Но не могу сказать, что я рада...

— Радости здесь, действительно, мало...

Глава 8

Линкор «Фотис»

Киорис оказался ярче Земли. Два материка, расположенные на примерно равном удалении от экватора и полюсов, полностью покрывала зелень. Серые горные пики почти сливались с ней. А между двух кусков суши протянулась узкая тропинка островов. Словно капли краски, упавшие с кисти. Планета выглядела совсем небольшой. Вряд ли больше Луны.

— А как императрица управляет обоими материками, если находится только на одном?

Саша отвернулась от экрана с изображением планеты и взглянула на Клео, поглощающую завтрак. Та явно опасалась оставлять ее одну и больше не покидала кабину. Как ни странно, ночь прошла спокойно. Александра приняла душ и быстро заснула, а утро началось с лекции о Киорисе. Видимо ее решили занять чем-то безопасным, чтобы не спровоцировать очередной приступ паники. И, пожалуй, выбранная тактика работала.

Она подхватила со стола тарелку с чем-то, похожим на гранолу, вылила в нее полстакана жидкости, напоминающей обезжиренный йогурт, и начала жевать. Вкус оказался таким, как и ожидалось. Пресно-травянистым, но не противным. Клео наблюдала за ней с явным опасением, после чего заглянула в свою тарелку и передернула плечами.

— Императрица не управляет планетой, — медсестра решила вернуться к более безопасной теме. — Она лишь принимает решения о внешней политике. Война и мир находятся в ее руках. Поэтому правители Киориса традиционно носят венки из лавра, оливы и терновника. Конечно, не натуральные, а символические.

Лавр. Олива. Терновник. Что-то вяло зашевелилось в памяти, но Саша поспешила задать следующий вопрос. Она тоже опасалась, до чего могут дойти ее мозги, если дать им свободное время для размышлений.

— А кто тогда правит планетой?

— Киорийцы, — Клео пожалала плечами, будто другого варианта в принципе не существовало. — Налоговая система Киориса полностью отлажена, также как и социальное обеспечение. Если возникают вопросы, требующие принятия решения, они выносятся на

всеобщее голосование.

Сказка. Александра невольно покачала головой, не представляя, как такое вообще может существовать. Разум, привыкший к иной реальности, отказывался воспринимать мир, в котором нет власти.

— А как же нарушение законов? Тюрьмы? Полиция?

— Такое случается редко. За порядком наблюдают охотники. Вместе с ликосами они легко выследят любого нарушителя. К тому же с нарушителями работают жрицы.

— Жрицы?

— Они посвящают себя служению обществу. Помогают, если у кого-то случается горе. Работают с теми, кто оступился.

— Преступниками?

Клео нахмурилась и задумчиво прикусила ложку.

— Мы не используем такое название. Любой человек имеет право на ошибку. И каждый может ее исправить. Нужно лишь понять, что толкнуло его на подобный шаг. Причины бывают разные. Жрицы выясняют их и помогают оступившимся найти путь назад.

Теперь нахмурилась Саша, пытаясь представить задушевные беседы с убийцами или насильниками. Как разговор им поможет?

— Разве можно исправить чью-то смерть?

Теперь в глазах собеседницы отразилось полное непонимание и удивление.

— Мы не убиваем своих. То есть... Жизнь на Киорисе ценится очень высоко. Смерть — это... трагедия. Поэтому наши ученые работают над возможностями продления жизни. Мы понимаем, что вечно жить нельзя, разум и психика не рассчитаны на подобные нагрузки, но несколько дополнительных лет дают новые возможности.

— А какая у вас средняя продолжительность жизни?

— Сто десять — сто двадцать лет, — как ни в чем, ни бывало, ответила киорийка. — Военные живут меньше, постоянный стресс изматывает организм и ослабляет его. Они редко доживают даже до девяноста.

— У нас столько живут только в Японии... — выдохнула Александра и снова посмотрела на экран.

Мир, который ей предстояло посетить, казался раем. Сейчас, как никогда, сложно было поверить, что происходящее реально. Неужели так бывает? Неужели такое возможно?

— Ваш мир только развивается. Вы еще не изучили космос. К тому же, насколько мы поняли по изученным данным, в вашем обществе высок уровень агрессии, а это не добавляет лет жизни.

Агрессия... Да, ее много. Саша нахмурилась и опустила взгляд. Сунула в рот еще одну ложку завтрака. Есть. Ей нужно питаться. Пусть даже аппетит отсутствует, есть надо. Раз уж она выжила в катастрофе, где погибло столько людей...

— Командер... Он забрал меня из-за того, что другие погибли, да? — она подняла глаза на Клео. — Если вы так цените жизнь, он мог почувствовать себя виноватым...

Губы девушки дрогнули в улыбке, которую она тут же попыталась скрыть.

— Прости, мне не стоило... Дело в том, что командер Искарис не мог почувствовать себя виноватым. Он ничего не может чувствовать.

Александра моргнула. Потом нахмурилась, пытаясь вспомнить, что уже слышала на данную тему. Непробужденные. Кажется, медсестра что-то уже говорила о них...

— Почему? Какая-то врожденная травма?

— Можно сказать и так... — взгляд собеседницы затуманился, она явно о чем-то задумалась, но продолжила говорить, словно пересказывая давно известную информацию. — Мужчины-киорийцы рождаются неспособные испытывать эмоции. У них не развиты зеркальные нейроны, то есть отсутствует способность к эмпатии. Возникают проблемы с социализацией, построением связей внутри общества. Поэтому на Киорисе от рождения всем детям рассказывают об эмоциях. О негативных их проявлениях и позитивных. Подробно описывают, что можно испытать при гнев или радости. Стараются больше физически контактировать внутри семьи. В каждом доме есть свои традиции, которые тщательно поддерживаются, чтобы мальчики чувствовали себя частью целого, а не одиночками...

— И они всю жизнь ничего не чувствуют? — Саша похолодела. По спине пробежали мурашки. Вспомнился «Эквилибриум», где у всех людей эмоции блокировались насильно. Но чувствовать-то они могли! Ограничителем являлось лекарство, а здесь...

— Нет, — киорийка покачала головой. — Точный механизм так и остался не изучен, но при встрече с определенной женщиной, в теле мужчины запускается процесс пробуждения зеркальных нейронов, а также происходит гормональный скачок. В какой-то мере «пробуждение» похоже на пубертатный период. Только у непробужденных мальчиков-подростков он проходит значительно проще, поэтому... — Она глубоко вздохнула, а Александра уже начала понимать:

— Их догоняет подростковыми глупостями... С откатом. И во сколько лет происходит пробуждение?

— У всех по-разному. Кому-то везет встретить подходящую женщину еще в детстве, тогда развитие идет более или менее гармонично. Такие мужчины более гибки в общении и легче приспосабливаются к новым условиям. Но иногда пробуждение может состояться уже в зрелом возрасте. Сорок или пятьдесят. Как правило, позже оно уже не случается. Наши исследователи считают, что развитие организма в таком возрасте уже настолько замедляется, что даже при встрече с подходящей партнершей, мужчина не реагирует на нее.

В голову пришли глупые и пошлые ассоциации из курса анатомии. Какая же чушь иногда лезет в голову. И кто бы мог подумать, что она настолько испорчена?

— Ты сказала «партнерша». Женщина становится для мужчины той единственной, с которой он может быть счастлив?

— Иногда. Но иногда нет. Женщине совсем не обязательно может понравиться мужчина. Она лишь подходит ему с точки зрения физиологии. На гормональном уровне. У них наверняка появятся дети, и они будут здоровы. То есть, конечно, на Киорисе редко рождаются больные дети, но в таком союзе они возьмут от обоих родителей все самое лучшее. Иногда подобные соображения являются причиной для создания семьи. Но не все женщины хотят заводить детей... Или уже имеют симпатию к другому мужчине. Или женщине...

На последней фразе Клео смутилась. Учитывая столь сильные гендерные отличия, вряд ли на Киорисе много гомосексуальных пар. Возможно, для них подобное является определенным выходом за рамки. Подобное и на Земле не во всех районах считается нормальным. А рай все же не существует...

— Значит, брак не обязателен? А если женщина испытывает чувства к непробужденному мужчине?

— Как правило, такие истории печальны. Ведь мужчина может навсегда остаться

непробужденным или при пробуждении выбрать другую женщину. Поэтому и нужны жрицы. Они помогают всем участникам подобных историй разобраться в себе и своих чувствах к другим.

— А если женщина идеально подходит двум мужчинам? Что тогда?

Фантазия разыгралась на полную катушку, подкидывая, невесть откуда взявшиеся неприличные образы. Разум намекает, что пора прервать добровольное воздержание? По спине даже озноб пробежал от представления. И всякие глупости из головы выветрились. Нет уж, хватит с нее приключений. И одного замужества.

— Насколько я знаю, в истории известен лишь один такой случай, — теперь собеседница широко улыбнулась, будто подумала о чем-то забавном. — Императрица Мелпомин пробудила двух мужчин — своего мужа и его первого советника. Произошло это очень давно, еще до того, как закончились Темные времена. Она использовала влечение обоих мужчин, чтобы избавиться от Совета, ограничивающего власть императора, а затем отравила обоих и посадила своего сына на трон. Пока он рос, она успела принять несколько важных законов, действуя от имени императора. С нее начались многие перемены на Киорисе.

Сказано было со странной смесью восхищения, почтения и в то же время скрытого осуждения.

— Тебе она не нравится.

Клео покачала головой.

— Дело не в ней. Просто... Когда я думаю о том, что раньше творилось на Киорисе... Мне сложно понять поступки людей, живших задолго до нас. Темные времена — эпоха жестокости, когда жриц и храмов не существовало, мужчинам никто не рассказывал об эмоциях, и пробуждение происходило спонтанно и неконтролируемо. Страшное время. Я не хотела бы жить тогда...

Саша только кивнула. Еще бы... Мужчины, на которых внезапно обрушивается гормональный всплеск, в купе с влечением к определенной женщине. И никакой тебе свободы выбора. Хочешь-не хочешь, а замуж выйдешь. Или даже не замуж, а в койку... Зачем усложнять себе жизнь формальностями?

Та императрица, она ведь не от хорошей жизни решила на подобное. И еще неизвестно, как именно стала императрицей... Да, рай не существует. И пусть те времена для Киориса давно прошли, стало спокойнее от того, что они были. Значит, у них больше общего, чем может показаться...

Глава 9

Оставшееся время до вечера прошло в разговорах о Киорисе и Земле. Обсуждали в основном музыку. Оказалось, что киорийцы используют более традиционные инструменты и мелодии. Более того, часто предпочитают живую музыку. Им неизвестны искусственные обработки или современные виды музыки, привычной для землян. Поэтому Клео так заинтересовалась чем-то новым.

Она походила на ребенка, который открыл коробку со сладостями, и не знает, что выбрать. Ведь хочется попробовать все и сразу. Стоит отдать ей должное, киорийка проявляла небывалую силу воли, выслушивая пояснения, которые Саша пыталась вытащить из своей памяти. Она делала пометки, составляла какие-то списки. Едва не подпрыгивала от нетерпения, но откладывала прослушивание всего интересного до момента уединения в

собственной каюте.

Музыка никогда не являлась для Александры важной, но оказалось, что знает она о ней не так уж и мало. Хотя, конечно, разговор с каким-нибудь музыкантом или композитором оказался бы более полезен. Тем не менее, он отвлекал от более острых тем. Успокаивал. И даже заставил улыбнуться. Все же собеседница казалось ей невероятно юной. Наивной. Или точнее невинной. В каком-то более глубоком смысле...

Беседа прервалась внезапно, когда передатчик у двери в каюту издал писк. Саша вздрогнула и обернулась. Сердце громко забило в груди, ладони мгновенно вспотели, дышать стало тяжело. Браслет чуть плотнее сжал запястье, и по телу прошла волна успокоения. Восприятие сразу же притупилось, ушло легкое, радостное возбуждение, возникшее во время разговора. Происходящее стало казаться далеким и ненастоящим. Наверное, поэтому, когда Клео подошла к двери и сообщила, что в коридоре стоит командер Искарис, она даже не удивилась.

— Впустить его?

— Да, конечно.

Странно представить, что можно не пустить в каюту одно из первых лиц на корабле. Но медсестра терпеливо дождалась ее ответа и только потом разблокировала дверь.

Гость выглядел более официально, чем вчера. В форме. Плотные черные брюки, красный мундир до середины бедра с брошью на левом плече и совершенно незаметной застежкой. Создавалось впечатление, что одежда представляет собой единое целое. Но как-то же оно должно сниматься?

Форма довольно четко обрисовывала фигуру, но в то же время, казалось, не сковывала движений. Волосы мужчины были аккуратно зачесаны назад. Сейчас он выглядел настоящим командиром, или как там его звание переводится? И Саша испытала робость, а еще странное ощущение, что весь прошлый вечер ей приснился.

— ...Вы уже поужинали? — донесся до нее голос ... Икара.

— Да, кажется, да.

Она взглянула на пустую тарелку. Оказывается, под разговоры разыгрался аппетит. И в целом самочувствие казалось намного лучше, чем даже утром.

— Я обещал вам прогулку, — спокойно продолжил мужчина, будто не услышал ее ответ. — Хотите пройти сейчас?

Прогулку? Неужели, он вчера говорил серьезно? А не только для того, чтобы ее успокоить?

— А вы... У вас есть время?

— Моя смена закончена, — ровно подтвердил он.

И сейчас стало заметнее то, о чем говорила Клео утром. Непробуждённый. Ни удивления, ни улыбки, лишь спокойствие. Стена, как она и подумала прошлым вечером.

— Да, я хочу пройтись. Спасибо.

Саша встала и взглянула на медсестру. Та лишь ободряюще улыбнулась. Вот кто испытывал эмоции за всех присутствующих.

— Не буду вам мешать. Если что-то понадобится, ты помнишь, как со мной связаться?

После вчерашнего потрясения киорийка потратила едва ли не час, объясняя как с помощью медицинского браслета можно вызвать ее или доктора Лезариуса.

— Да, — Александра кивнула и не успела даже глазом моргнуть, как Клео ловко обогнула гостя и исчезла в коридоре. Ей явно не терпелось, наконец, послушать музыку.

— Пойдем? — напомнил о себе мужчина.

Она заторможено кивнула и сделала шаг, затем еще один, и остановилась на пороге каюты. Коммандер уже ждал ее в коридоре, оставалось сделать лишь еще один шаг. Но на нее вдруг накатило оцепенение. Вспомнилось, чем закончилась вчерашняя попытка выйти из каюты. Сегодня такого не будет, она ведь не одна. И ее не дадут в обиду. И с каких пор она так верит незнакомцам? Может быть... Что? Заманивает ее в свое логово, чтобы изнасиловать? Так уже мог, и не один раз, если вспомнить время, проведенное в медицинском блоке. Но не стал. Помог. И пришел снова, чтобы ей, идиотке, стало спокойнее. Надо идти. Просто сделать шаг.

Он дался Саше тяжело. Словно к ногам привязали гири, и их пришлось буквально волочь по полу, чтобы сдвинуться на несчастные оставшиеся полметра. Сердце колотилось где-то то ли в горле, то ли вообще в голове. В ушах шумело так, что остальные звуки исчезли. Ноги словно вообще онемели. А руки похолодели. Поток успокоения от браслета не поступал, а сейчас девушка бы от него не отказалась. Но должна же она хоть что-то сделать сама. Пусть даже и выйти из каюты.

Смогла. Остановилась в коридоре, почувствовала легчайшее колыхание воздуха от закрывшейся за спиной двери. Выдохнула. Подняла взгляд на мужчину. Лицо у него не изменилось. Он ждал. Просто ждал. Без раздражения или малейшего намека на недовольство. А Влад бы на его месте уже рычал от злости. И подгонял ее, не желая тратить время.

— Вы готовы? — снова спросил коммандер.

— Да... — в горле пересохло, и с губ сорвался какой-то придушенный сип. Саша облизала губы и повторила чуть громче: — Да. Я готова.

— Если устанете или захотите вернуться — скажите. Я плохо понимаю других людей. Думаю, Клео уже объяснила вам некоторые особенности киорийцев.

— Скажу... И да, объяснила.

Он жестом указал направление и пошел вперед плавным, скользящим шагом, под который оказалось легко подстроиться. Или это он изменил темп, чтобы она не отставала?

Почему-то в коридоре стало спокойнее. Дышалось явно легче. И сердцебиение улеглось. Икар двигался на расстоянии от нее, не пытаясь приблизиться или заговорить. Он открыл рот лишь, когда они вышли из коридора в просторный круглый холл с входами во множество других коридоров и большим диваном в центре, выполненном в форме трех четвертей круга. Перед ним располагался низкий столик.

— Кают-компания. Здесь проходят основные совещания и принимаются решения о ходе военных действий.

Мужчина кивком указал вверх, и Саша заметила расположенную над коридорами галерею с креслами. Зал вмещал не меньше пятидесяти человек.

— Там находится медицинский блок, — ближайший коридор мягко подсвечивался голубым. — Вы там уже были. Доктор Лезариус или Клео дежурят по очереди и наблюдают за состоянием экипажа.

— У вас всего два медика?

Ей казалось, что на столь большой корабль врачей должно быть как минимум с десяток, а уж медсестер...

— Основную часть работы выполняют камеры регенерации, к тому же простейшие операции выполняют автоматы. Доктор нужен для наблюдения, и вмешивается лишь при

серьезных повреждениях, таких, как были у вас. А Клео получает необходимый опыт для дальнейшего обучения.

— А остальные... Вы говорили, что ваша сестра погибла из-за происшествия. Многие пострадали?

— Мы потеряли звено военных катеров. Полностью. Но там никому нельзя было помочь.

Целое звено катеров. Александра не представляла, сколько людей входит в подразделение, но все же... Не она одна переживала. И от того, что сказано о потере ровным тоном, легче не стало. Не верилось, что на мужчину рядом не повлияла гибель сестры или... коллег?

— Мне жаль ваших соотечественников.

Коммандер кивнул и указал на следующий коридор.

— Там расположен склад. Дальше транспортный отсек, самый большой на линкоре, и техническое помещение. А там, — еще один жест указал на коридор, перпендикулярно уходящий налево, — капитанский мостик. Что хотите осмотреть в первую очередь?

Саша моргнула, пытаясь осознать широту предоставляемого выбора. Ей позволяли прогуляться по военному кораблю. Там, где, скорее всего, вообще нельзя ходить посторонним. Но ей можно... Почему? Почему он возится с ней?

— Можно взглянуть на техническое помещение?

Голос неожиданно сел. Склад и транспортный отсек девушка вполне могла себе вообразить, а вот технологии инопланетян... Нечто совершенно иное. Может, если она своими глазами увидит незнакомое оборудование, сможет поверить, что все происходит на самом деле? Конечно, во многом сомнения уже пропали, но где-то в глубине души остался маленький червячок, продолжающий требовать подтверждений.

— Пойдем.

И снова ни удивления, ни возмущения. Они быстро пересекли холл, вошли в коридор, двери в котором казались заметно толще и прочнее, чем в жилых каютах. Икар свернул ко второй справа двери. Прикоснулся к панели и вошел внутрь. Саша последовала за ним. Им навстречу вышел мужчина в сером комбинезоне без отличительных знаков.

— Коммандер, — он коротко кивнул и скользнул по девушке равнодушным взглядом.

— Покажи нам ядро корабля.

В полной тишине, нарушаемой лишь тихим гудением совершенно незнакомых механизмов, они прошли глубже в отсек. И вдруг оказались на просторной площадке, в центре которой оказалась огромная вытянутая капсула.

— Ядро стабильно, излучение в норме, — сообщил незнакомец и вывел на планшет, который держал в руках, какие-то данные.

Коммандер изучил их за пару секунд и кивнул, затем взглянул на Александру. Показалось, оценивающе. Словно раздумывая над чем-то.

— Приоткрой кожух, — киориец в комбинезоне невозмутимо начал набирать команды на экране. — Ядро корабля укрыто тремя степенями защиты. Металлический кожух — вторая. Есть еще силовое поле и закаленное стекло. Они не дают ядру распасться и уничтожить линкор.

Металлические половины капсулы плавно поползли в стороны. В помещении стало ощутимо светлее. Саша заморгала, чтобы привыкнуть к свету, который вдруг пропал. В просвете между металлическими створками мерцала темнота с крохотными вкраплениями

звезд. словно космос в миниатюре. Но глубокий. Запораживающий. Она невольно сделала шаг вперед, чтобы рассмотреть поближе, как вдруг в темноте возник огонек.

Он отличался от других звездочек. Теплый, желтый, точнее оранжевый, или красный? За считанные мгновения огонек полыхнул ярким, пронзительным светом, заставившим испуганно отпрянуть... И упереться спиной в командера. Его руки легли на плечи, удерживая на месте. И Саша застыла, не в силах оторвать взгляд от полыхающего ядра. Свет начал стремительно гаснуть, сжиматься до прежних размеров, оставляя вокруг лишь темноту космоса.

Она успела лишь выдохнуть, как огонек полыхнул снова, заполняя светом все пространство вокруг. Будто тоже дышал. Или... Как биение сердца. Свет был неровным. В самом начале разгорания он обладал отростками разных оттенков. Как протуберанцы у Солнца. Поэтому цвет так сложно определялся. А затем... Становился ровным, единым. Белым. И снова сжимался до разноцветного.

— Как красиво... — выдохнула девушка.

Все проблемы отступили и остались где-то позади. А здесь и сейчас была лишь она, Икар и бьющееся сердце инопланетного корабля. Такое ее разум точно не мог придумать...

Глава 10

Саша плохо запомнила, как они покинули техническое помещение. Перед глазами все еще стоял огонек, превращающийся в солнце. Она послушно переставляла ноги вслед за командером, но совершенно не понимала, куда они идут. Увиденное полностью вышибло ее из реальности. Кажется, Икар даже пояснял, как именно работает ядро корабля, и что там используется, но она ничего не услышала и не поняла. Внутри поселилась невероятная легкость. Будто она парила, а не шла. Захотелось смеяться и танцевать. И стоило смешку сорваться с губ, как она испуганно закрыла рот ладонью. Замерла. И встретила взглядом с внимательными глазами мужчины. Быстро огляделась.

Оказалось, они вернулись в холл и стоят в самом центре.

— Вы очень восприимчивы к воздействию ядра, — медленно произнес Икар. — Мы не реагируем на него столь ярко. Я подумал, что демонстрация станет более результативной, чем слова, но не учел разницу нашей анатомии...

Саша моргнула, собирая слова в предложения и пытаясь осознать их смысл. Речь доносилась будто издалека. Сквозь плотную вату. Да еще и звучала как-то... искаженно. Она задумчиво коснулась уха, пытаясь поправить переводчик, и обнаружила, что устройства нет. Посмотрела на пол, затем коснулась другого уха. Наушник пропал. Видимо, упал еще рядом с ядром, когда Икар удерживал ее за плечи. Но тогда... Она понимает чужой язык?

— Я вас понимаю?

Тупее вопроса не придумаешь, учитывая, что задала она его на русском. Кажется.

— Вы очень активно пользовались переводчиком в эти дни, — собеседник оставался невозмутим и указал на свое ухо. — К тому же высокое нервное напряжение и, как я уже говорил, воздействие ядра. Процесс обучения ускорился. Понимание — лишь первая часть. Научиться говорить будет сложнее. Продолжим экскурсию?

Его манера мгновенно менять тему разговора выбивала из колеи. Наверное, это от того, что киориец не испытывает эмоций. Для него одинаково равнозначны действия и пояснения.

Саша еще раз оглядела холл. Легкость и эйфория немного улеглись, снова накатила усталость. словно на плечи упало свинцовое одеяло и потянуло к полу. Захотелось прилечь.

Но в то же время... Она точно знала, что не уснет. А оставаться одной не хотелось.

Девушка внимательно посмотрела на командера.

— Думаю, я уже достаточно увидела, чтобы поверить в реальность происходящего, — она постаралась выдавить улыбку, но на лице спутника в ответ ничего не изменилось. Конечно, отсутствие зеркальных нейронов. Он просто не понимает, зачем улыбаться. Как ни странно, простое осознание освободило от неловкости. Любого другого человека она боялась бы обидеть, задеть, а сейчас могла свободно сказать, что чувствует. И испытала огромное облегчение. — Я бы хотела немного отдохнуть, но... мне страшно быть одной.

— Позвать Клео?

— Нет! — получилось чересчур уж поспешно, и Александра невольно смутилась. А затем пояснила, чувствуя на себе внимательный, спокойный взгляд собеседника: — Она замечательная, но... очень эмоциональная. А я устаю от... эмоций.

Она не знала, как еще объяснить свою реакцию на медсестру. Как раз ее обижать не хотелось совершенно. Все же киорийка многое сделала для нее: объясняла, помогала, кормила, рассказывала и развлекала. Не хотелось быть по отношению к ней неблагодарной, но... Как быть не в одиночестве и в то же время не утомляться от чьего-то общества? Изоляция последних месяцев плохо на нее повлияла.

— Я полностью свободен до завтрашнего утра. Мне понадобится несколько часов на сон, чтобы не слишком перегружать организм, но вы тоже устанете и уснете.

Ей показалось, что левый уголок его губ дрогнул, словно в попытке улыбнуться. Впрочем, наваждение сразу пропало. Осталась лишь благодарность.

В молчании они дошли до каюты и, только оказавшись внутри, Александра поняла, что совершенно не знает, чем занять гостя. Взгляд заметался по помещению и остановился на компьютере. Клео понравилась их музыка. Возможно, командера интересуют фильмы?

— Хотите познакомиться с земной культурой? — она направилась к рабочему месту, с которым вполне освоилась.

— Должно быть весьма познавательно.

— Есть какие-нибудь пожелания?

— Выберите что-то на ваш вкус. Для меня любой контакт будет интересен, а вам нужно успокоиться.

Успокоиться. Да. Можно включить что-то из старого и знакомого. Тогда велик шанс, что она заснет под десятый пересмотр «Гордости и предубеждения» или «Джейн Эйр». Взгляд упал на знакомый заголовок. «Большая маленькая ложь». Ольга давно советовала посмотреть сериал, но руки все не доходили. Вообще после развода возникли проблемы с восприятием новой информации. Хотелось вернуться в прошлое, как в одеяло, и остаться там, в приятных воспоминаниях из детства и юности. Может быть, пора двигаться дальше? Серий-то всего семь. Выйдет как два длинных фильма.

Чтобы не затягивать с решением Саша запустила просмотр и обернулась к мужчине, чтобы придумать, как лучше сесть ближе к монитору, но он что-то сделал с управляющей панелью около двери, и изображение появилось на иллюминаторе. Несколько секунд сквозь него просвечивали звезды, а затем пропали. Появилось ощущение домашнего кинотеатра. Логичным оказалось сесть за столик и удобно устроиться на стуле. Икар занял место рядом. Как-то легко и естественно. Не произнеся больше ни слова. Словно они давно друг друга знают, и лишние пояснения ни к чему.

Наверное, стоило задуматься, но действие сериала уже началось, и наблюдать за ним

оказалось интереснее.

Сначала все казалось вполне невинным. Разные семьи с детьми. Школа. Детский конфликт. Непонимания между поколениями. И как изюминка — детективная линия с интригой, кого же из героев убьют к концу сезона. В меру интересно, в меру красиво. Саша расслабилась, растеклась по стулу, чувствуя, как уходит напряжение из мышц, а разум постепенно настраивается на картинку, и уже неважно, что она летит на корабле инопланетян где-то посреди космоса, а рядом сидит один из представителей чужой расы.

Когда во второй серии один из героев неожиданно ударил жену по лицу, Александра вздрогнула. Будто ударили ее. Расслабленность исчезла. Тело окаменело. Руки похолодели. А картинка на иллюминаторе вдруг замерла.

— Вы побледнели. Все в порядке?

Зеленые глаза командера смотрела все также невозмутимо. А Саша перевела взгляд обратно на импровизированный экран и не смогла ответить. В голове зашумело, а грудь сдавило тисками. Она поняла, почему подруга советовала этот сериал. Уже поняла.

— Для вашего общества нормальна столь явная демонстрация агрессии?

С губ сорвался нервный смешок. Демонстрация агрессии... В их обществе даже говорить о таком неприято. Бьет — значит, любит. А еще — терпи, у него плохое настроение. Может, ты сама его чем-то спровоцировала? Может, у него на работе неприятности, а тут ты со своими проблемами?

Мама так и не поняла, почему она развелась с Владом. И отец не понял. А Ольге понимала. И, если бы не она, никакого развода вообще не получилось. Это она нашла женщину-адвоката.пустила жить к себе. А потом с раскаленной сковородкой стояла на пороге собственной квартиры, угрожая вызвать участкового, если Влад немедленно не уберется.

Саша думала, что давно уже пережила и развод, и все, что произошло до него, но оказалось... Все осталось с ней. Внутри. Где-то так глубоко, что при одной только мысли о прошлом, становится плохо. Немеет лицо. И губы отказываются шевелиться. А язык присыхает к горлу.

— Александра, чем вам помочь?

Вопрос вернул в настоящее. Позволил вздохнуть. И на выдохе произнести:

— Мой муж меня бил.

Вот и сказала. И мир не рухнул. И никто не запричитал над ухом. И не стал смотреть как на... бракованную. Все тот же спокойный интерес. Лишь тень складки меж бровями говорит о том, что мужчина все же не одобряет данный факт.

— Не постоянно. Но иногда... Мы развелись. И у нас в обществе... Обычно такое осуждают.

— Насилие?

Еще один нервный смешок. Да, успокоиться ей не светит.

— Нет. Не само насилие. Женщину, на которую оно было направлено. Считается, что о таком нельзя говорить. Нужно терпеть и молчать. Что это стыдно. И нужно скрывать.

— В вашем обществе не работают с агрессивными представителями? — а вот теперь ей показалось удивление.

— Ну... Преступников обычно сажают в тюрьму. У нас отменили смертную казнь.

— А после тюрьмы они меняются? Их поведение.

— Обычно в худшую сторону...

— Тогда какой в ней смысл?

Если бы Икар говорил чуть более эмоционально или не столь серьезно, могло бы показаться, что он издевается. Но вопрос звучал совершенно искренне.

— Наказание. Изоляция. Опасному человеку не позволяют общаться с обществом, чтобы он ему не навредил.

— Он находится в изоляции до самой смерти?

— Обычно нет. Только если преступление очень велико. Много людей погибло.

— Значит, после длительной изоляции преступник снова оказывается на свободе, еще более агрессивный, чем раньше, и начинает мстить обществу, которое с ним так поступило?

Александра снова моргнула, заново осознавая услышанное. И кивнула. Медленно.

— Насилие порождает еще большее насилие, — ровно подвел итог мужчина и откинулся на спинку стула. — На Киорисе доказано, что изоляция пагубно действует на разум. Такая мера применяется крайне редко и только при сложных нарушениях. Но даже в этом случае с оступившимся продолжают работать жрицы. Вашего мужа посадили в тюрьму?

— Нет. Мы всего лишь начали жить отдельно и больше не встречались. Я не знаю, как сложилась его жизнь после развода. Хотя вряд ли сильно изменилась.

— Женщин осуждают, а мужчин нет?

— Вряд ли он каждому рассказывал подробности нашего брака. На публику Влад всегда умел произвести впечатление. Как здесь, — она кивнула в сторону застывшего кадра сериала, — муж героини успешен, занимается детьми, опекает жену, со стороны они — идеальная семья. А внутри... Будем смотреть дальше?

— Вы уверены?

— Да. Мне... мне это нужно.

Чтобы, наконец, полностью избавиться от всех иллюзий. Взглянуть на свою жизнь со стороны.

— Когда захотите остановиться — скажите.

Мужчина развернулся к экрану, и картина снова ожила. Действие продолжилось. Сюжет развивался дальше. И смотреть местами оказалось сложно, но Саша убеждала себя, что лекарства тоже бывают горькими, а ей нужно выйти из тщательно выстроенного пузыря. И начать жить... Пусть даже после смерти.

Глава 11

Женщина заснула к концу третьей части. Голова ее свесилась на грудь. Руки расслабленно упали на колени. Устала. И, если останется сидеть, не отдохнет.

Икар осторожно просунул одну руку ей под колени, а второй обхватил спину. Встал, аккуратно прижимая безвольное тело к себе. Голова легла ему на плечо. Она почти ничего не весила. Мало ест. Плохо. Для восстановления организму нужно хорошее питание. А у нее впереди долгий путь.

Коммандер бережно опустил свою ношу на кровать. Снял ботинки. Иначе ноги к утру будут болеть. Достал из шкафа запасное одеяло и укрыл. Она даже не проснулась. Только перекатилась, устраиваясь поудобнее и кутаясь в теплую ткань. А он вернул все настройки в каюте к первоначальному виду и выключил свет. Обернулся перед самым уходом. Девушка крепко спала. Хорошо.

Принц вернулся к себе, избавился от формы и направился в душ. В голове все еще

крутились увиденные образы. Стоило признать, искусство землян, пусть и не создавало эффекта полного погружения, выглядело вполне приемлемо. Лучше, чем у траллов или вети, где формы принимали совершенно безумные очертания и ставили в тупик метафорическим значением.

Талия, как наследница, обязана была посещать другие планеты, входящие в состав Совета Безопасности. Присутствовать на дипломатических мероприятиях, вести беседы, в том числе об искусстве. А он сопровождал ее последние три года. И повидал достаточно, чтобы научиться понимать основы. Вспомнилось, как сестра натягивала вежливую улыбку на выставке в честь какой-то памятной годовщины на Вет. Внимательно слушала правителя, кивала и даже что-то отвечала, пока он пытался понять, как правильно смотреть на представленные экспонаты и какое у них назначение. Кажется, тогда она первый раз сказала, что завидует его безэмоциональности. Ей изображать интерес и радость оказалось куда сложнее, чем объяснить безразличие брата.

Странное чувство заставило замереть на выходе из душа. Внутри будто стало теплее. Мужчина потер грудь с левой стороны, пытаясь понять, откуда взялось ощущение, и почему сменилось вдруг странной тяжестью. Поднял взгляд и увидел себя в зеркале. Что-то изменилось. В глазах? Или чертах лица? Он подошел ближе и коснулся пальцами гладкой поверхности, пытаясь понять. Ладонь закрыла нижнюю половину лица. И на мгновение показалось, что из зеркала на него смотрит Талия.

В груди заныло. Будто от удара. А в горле встал комок. Чтобы проглотить его пришлось приложить усилие. Ему не хватало сестры. С ее разговорами, рассказами о встречах и приемах. С ее страстью к полетам и умением командовать, принимать решения. Она была такой яркой, что ее уход будто оставил его в темноте. И осознание пришло только сейчас.

Ладонь безвольно упала. Если ему так тяжело пережить ее уход, то каково Байону? Императрице? Как отреагируют другие? Он механически вытерся полотенцем и вернулся в каюту. Отправил вызов другу. Тот ответил сразу. Не спал.

— Ты что-то хотел? — голос звучал хрипло и устало.

— Узнать, как ты себя чувствуешь.

Коммандер синхронизировал вызов с монитором. Здесь пришлось подождать. Капитан не очень хотел, чтобы его видели. И когда его лицо появилось на экране, стало ясно почему. Глубокие тени под глазами, запавшие щеки, щетина, повисшие вокруг лица волосы, потухший взгляд.

— Узнал?

— Чем тебе помочь?

— Скажи гиатросу, чтобы перестал пичкать меня успокоительным. Я не выхожу из каюты и больше ни для кого не представляю опасности.

— Он знает, но перестраховывается. На нем лежит ответственность за состояние всего экипажа.

— Значит, не скажешь... — выражение лица Байона не изменилось, успокоительное притупляло его эмоции и делало почти непробужденным. — А та девушка? С ней все в порядке? Я ее сильно напугал...

— Она уже оправилась, — Икар сел на кровать, вспоминая прошедший вечер. — Ты напомнил ей о прошлом, но сейчас кризис миновал.

В комнате воцарилась тишина. Мысли текли непривычно вяло. Байон молчал, явно погруженный в свои переживания.

— Она похожа на Талию... Но характер совсем другой, — отметил командер.

— В коридоре мне показалось, что я схожу с ума... — неожиданно ответил друг. — Вышел пройтись, а тут она... Живая. Рядом. Я бы, наверное, согласился даже на безумие, чтобы вернуть ее. Хотя бы на пару часов. А потом все забыть. И никогда не пробуждаться...

Взгляды мужчин встретились. И в глазах друга Икар увидел агонию. Которая неожиданно отозвалась тянущим чувством в груди.

— Я завидую тебе, — продолжил капитан, — я бы тоже сейчас хотел не чувствовать. Но прошлое не вернуть. Ты ничем не можешь мне помочь, Икар. Так хотя бы не мешай...

Изображение пропало, вызов завершился. Байон не станет вредить себе. Не на корабле. К тому же за ним постоянно следят. Но вот смогут ли ему помочь жрицы? Вернут ли они его к жизни? А Саша? Ее они восстановят? Стоит ли им сообщить подробности ее прошлого?

С точки зрения этики следовало молчать. Она доверилась ему. Рассказала и показала. Секретами не стоит делиться. Но можно намекнуть.

Командер легко нашел нужный файл в хранилище корабля и отправил его верховной жрице с коротким пояснением. Она поймет. И сможет правильно подобрать жрицу, которая поможет Александре.

Икар улегся в кровать, укрылся одеялом. Спать не хотелось. Яркие образы увиденного продолжали кружиться перед глазами. Его учили, что за пределами Киориса, каждая планета живет по своим законам. И не следует вмешиваться и навязывать свое виденье. Если потребуется помощь, ее попросят. И просят. Киорис оказывает гуманитарную помощь десяти мирам. А также принимает туристов со всех планет, входящих в Совет Безопасности. Но Земля слишком неразвита, чтобы попасть в круг интересов императрицы.

Инженеры, чтобы скрасить время перелета, изучали материалы, полученные из информационного поля планеты. Ее загрязнение, уровень агрессии аборигенов, научный потенциал, а также недра не представляли никакой ценности. Обычная планета, каких тысячи во Вселенной. Когда-нибудь через пару столетий она разовьется достаточно, чтобы установить связь с другими мирами, а пока ее лучше не беспокоить. Как показывал опыт, ничем хорошим подобное не кончается. Однако...

Что-то не давало ему успокоиться. Отнестись к увиденному столь же спокойно, как к сезонным ураганам на Нерое, стабильно уносящим жизни десятков тысяч жителей. Или к экологической катастрофе на Пескаре, после которой практически не осталось плодородной почвы, и жители вынуждены скрываться под поверхностью планеты или жить на станциях в космосе. Или к насилию Этры, полагающей себя будущей хозяйкой Вселенной.

До сих пор он не принимал происходящее на других планетах близко к сердцу. Чужой мир живет по своим законам. На Пескаре преступников убивают. На Нерое до сих пор приносят жертвы, пытаясь умиловить природу. На Этре женщины живут лишь по милости взявшего за них ответственность мужчины. И ни разу ничто из уже известного не вызвало в нем возмущения. А сейчас...

Безнаказанность человека, что причинял боль Саше, вызывала смутное неудовольствие. Ситуация не казалась исправленной полностью. Девушка сломлена. Многого боится. Не может жить полноценной жизнью. А тот мужчина продолжает жить как раньше. И вряд ли понимает, что натворил. А если не понимает, то, как может исправить? Пусть даже самого себя, чтобы больше не совершать подобное? Где гарантия, что от его действий не пострадает еще одна женщина? И сколько еще таких, спокойно живущих на Земле?

Коммандер заснул лишь за пару часов до будильника. И во сне ему виделись переговоры с императрицей. Он тщетно пытался убедить ее взять Землю под защиту, а она обоснованно отказывала, раз за разом разбивая все его доводы...

...Гиатрос Лезариус изучал данные с браслета принца Искариса. Вот сердцебиение увеличилось на десяток ударов в минуту. Вот произошел всплеск гормона счастья, а вот уровень гормона стресса повысился и уже не снижается. Но, к счастью, держится на приемлемом уровне. До критической точки еще далеко. Да и выработки гормона страха нет. А значит и спонтанных действий тоже. Хорошо, целый день прошел спокойно. А если такой темп сохранится и дальше, они вполне придут на Киорис живые и невредимые.

А что с девушкой? Судя по активности мозга, спит и видит сны. Общее угнетение нервной системы остается на том же уровне. Хотя, по некоторым параметрам наметилась положительная тенденция. Но до нормы еще далеко. Главное, чтобы ее влияние на командера не оказалось фатальным. Если показатели хотя бы отдаленно приблизятся к ее...

Медик вздохнул и глотнул воды. Взгляд его упал на панель, где зеленым огоньком мерцал ожидающий вызов с Киориса. Только этого не хватало...

Лезариус немедленно ответил, переводя вызов на личный канал. И совсем не удивился, когда на экране возникла жрица. Незнакомая, моложе Элпис, но уже далеко не юная.

— Доброй ночи, иерия...?

— Филис. Доброй ночи, гиатрос. Верховная жрица передала мне все данные по ситуации на Фотисе. А буквально только что она переслала мне послание от принца Искариса. У меня возникло несколько вопросов, которые вы, возможно, сможете прояснить.

— Все мои знания к вашим услугам, иерия. И я буду благодарен за любую вашу помощь, особенно за рекомендации в отношении принца.

— Расскажите, что произошло на линкоре за последние сутки.

— Что ж...

Рассказ не занял много времени, благо событий было немного. Выражение лица Филис не менялось, оставаясь вежливо-заинтересованным, пока гиатрос не начал пересказывать события вечера.

— Так принц сам проявил инициативу?

— Полагаю, что так и есть. Я не рискнул подслушивать их разговор, иерия. А показатели лишь создают общую картину. Могу лишь заметить, что общество принца для девушки приятнее, чем Клео. К вечеру у нее начал накапливаться гормон стресса, а вот прогулка по кораблю вызвала всплеск гормона счастья. Даже нескольких гормонов. Конечно, следом наступил откат, но даже он постепенно стабилизировался. Не знаю как, но командер успешно справляется с настроением и состоянием гостя.

Жрица неожиданно улыбнулась.

— Хорошие новости, гиатрос.

— Полагаете, нам удастся обойтись без срывов? — с надеждой спросил Лезариус.

— У вас имеется печальный опыт?

Он тяжело вздохнул.

— Пробуждение моего сына прошло не совсем гладко. Мне пришлось пережить несколько не самых приятных дней. И я хорошо представляю, как в один момент ситуация может полностью выйти из-под контроля. Поэтому переживаю.

— Я понимаю ваши чувства, — собеседница участливо кивнула. — И опасения вполне оправданы. Принц уже не юноша. А с каждым прожитым годом пробуждение становится все более непредсказуемым. Вы сможете усыпить командера при необходимости?

— Боюсь, в таком случае, у нас возникнут проблемы с посадкой. Принцесса погибла, капитан Байон отстранен, только принц имеет допуск для ручного управления линкором.

— Я предупрежу посадочную станцию. У нас есть еще сутки, чтобы придумать решение. Продолжайте наблюдать и, при необходимости, сразу же свяжитесь со мной.

Спокойствие и решимость жрицы передались и мужчине. Он попрощался с ней и выдохнул. Всего сутки. Одни сутки, и они будут дома.

Глава 12

Утро началось... странно. В кровати. И почему-то в одежде. Воспоминания о прошлом вечере обрывались где-то на сериале, а все остальное терялось во сне. Спокойном и глубоким. Саша чувствовала себя отдохнувшей. Выспавшейся. Едва ли не впервые за прошедший год. Словно у нее снова появились силы.

Подобное обманчивое ощущение уже не раз посещало ее раньше, и девушка не торопилась верить себе. Лежала, смотрела в потолок каюты. И неожиданно резко села, осознав, что в кровать ее перенес командер. А потом, видимо, ушел. Но сначала укрыл и снял обувь. Стало неловко. Странно. И где-то в памяти замаячило смутное воспоминание о Владе, в начале их знакомства проявлявшем подобную заботу.

Усилив воли Александра отодвинула воспоминания о бывшем и занялась бытовыми мелочами. Простые действия позволяли успокоиться. И не думать о всяких глупостях. Например, что командер вряд ли придет снова. Обещанную прогулку ей провели, а она в благодарность уснула. Отличную компанию составила, ничего не скажешь. Еще и попросила его не уходить специально. Интересно, что он подумал?

Вдох-выдох. Ничего. Он же не чувствует. Не злится, не обижается, и вообще вряд ли замечает ее существование. Если бы не ответственность и вовсе забыл бы.

Почему-то от осознания стало спокойнее. Ей не хотелось обижать человека, который спас ее. И снова странность. Он ведь спас ей жизнь. А она еще даже не поблагодарила. Истерику вот устроила. А про «спасибо» забыла.

— Как можно быть такой дурой, Саш? — отражение в зеркале промолчало в ответ, глядя на нее виноватыми глазами. Надо уже брать себя в руки и становиться адекватнее, а то ее изолируют где-нибудь подальше от общества и будут правы.

Она вернулась из ванной как раз в тот момент, когда Клео вошла в каюту. Непривычно бледная. И явно напуганная. Она очень старалась вести себя как обычно, но приветствие вышло вялым, а разговор за завтраком вообще не клеился.

Саша жевала свою порцию, почти не чувствуя вкуса. Спросить, что случилось? Или не стоит? Будет ли ее любопытством навязчивым? Или проявлять интерес к людям, окружившим ее заботой, нормально? Может быть, тактичнее сделать вид, что ничего не происходит?

Измучившись от сомнений до того, что голова начала трещать, она осторожно тронула Клео за руку и заглянула в глаза.

— У тебя все хорошо?

Та отодвинулась и отложила приборы. Затем вздохнула.

— У нас не приняты прикосновения. Точнее... Приняты только между близкими. Или

между гиатросом и его подопечным. Лучше задать вопрос до прикосновения.

— Извини, я не знала.

На всякий случай Саша убрала руки на колени. И вспомнила, что сама совсем недавно избегала любых прикосновений. И не стремилась к контакту с другими людьми. Скорее держала дистанцию. Так что же изменилось? Дело в ней или... Вчерашнее прикосновение командера не показалось неприятным. Скорее наоборот. Успокоило. Подарило уверенность. И он не спрашивал, прежде чем прикоснуться к ней. Хотя, момент, прямо скажем, был неподходящий для вопросов. То она в истерике, то под впечатлением от увиденного, то спит... Их отношения уже можно считать достаточно близкими для физического контакта без разрешения?

Мысль показалась двусмысленной.

— Все в порядке, — Клео постаралась улыбнуться. — Я не обижена. Скорее предупреждаю на будущее. Завтра мы уже будем на Киорисе...

Она прервалась, словно споткнувшись о какую-то мысль.

— Что-то все-таки случилось, да?

Ей хотелось помочь. Поддержать киорийку, к которой за пару дней она успела привязаться. Происходи все на Земле, Александра постаралась бы обнять собеседницу, напоить чаем, выслушать. А сейчас совершенно растерялась и не знала, что делать. Как помочь правильно, ничего не нарушив и не навредив.

Но потрясение Клео оказалось сильнее привычных правил. Она заговорила сама, глядя на столешницу и перекладывая столовые приборы по одной ей известной схеме.

— Гиатросов ко многому готовят. Я знала, что наша работа сложная и требует задействовать все ресурсы организма. В том числе и ментальные. Нас проверяют на устойчивость к стрессу. И я показала достаточную пригодность, иначе меня бы не приняли. Но... Столько всего произошло. Все начиналось так хорошо. Перелет в дальний сектор. Исследования. Возвращение. И вдруг это столкновение с этросами. Мы потеряли столько воинов. Принцессу. Едва спасли тебя. А теперь...

Сердце вдруг сжалось и пропустило удар. Случилось. Точно случилось. Внутри все похолодело от дурного предчувствия.

А Клео продолжала говорить деревянным, чужим голосом:

— Под утро поступил срочный вызов. Я схватила сумку и бросилась к указанной каюте. Даже не посмотрела, чья она, так торопилась. На входе столкнулась с инженерами. Дверь в каюту не просто заблокировали, а сломали панель управления. Им пришлось вскрывать дверь вручную. И потом также с очистительным блоком. Когда мы ворвались внутрь, все было залито водой. Ее было так много... Почти до колена. Все сливы оказались заткнуты. А система подачи сломана. Напор хлестал такой, что мы едва смогли подойти. Он зафиксировал себя там... у стены... он хотел... — голос девушки сорвался на шепот. — Хотел убить себя. И гиатрос Лезариус сказал, что все спланировано. Значит, он готовился заранее. Значит, мы плохо следили. Не заметили чего-то. Он... он был таким бледным...

Киорийка замолчала и закрыла лицо руками. Саша облизала разом пересохшие губы и с трудом сглотнула.

— Это был капитан Байон, да?

Молчаливый кивок стал ответом. На мгновение дышать стало легче. Командер не пострадал. И сразу же накатило чувство вины. Капитан ей ничего плохого не сделал. Напугал... Кто еще кого напугал больше... Он не заслужил смерти. Тем более такой.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить еще одну потерю.

Клео вскинула на нее глаза, полные ужаса.

— Нет, нет, он не умер! Мы смогли надеть на него маску и очистить легкие от воды. К счастью, сигнал сработал вовремя. И инженеры справились быстро.

Саша не сдержала облегченный вздох. Напряжение сразу же ушло.

— Ая уже испугалась... — она встретила взгляд собеседницы, ставший еще более выразительным, и постаралась пояснить свою реакцию: — Нет, ситуация, конечно, ужасная. И мне очень жаль капитана, но он жив, вы справились. Разве это не хорошо?

— Он пытался себя убить, — медленно произнесла киорийка, тщательно проговаривая каждое слово. — Лишить жизни. Значит, дошел до такой степени отчаяния, что не видел смысла в дальнейшем существовании. Что может быть страшнее? Те, кто причиняют вред другим, хотя бы имеют цель. Она разрушительна и неправильна по своей сути, но в ней можно найти смысл. Причины. Все можно исправить. А лишение жизни себя... — она покачала головой, будто не в состоянии поверить. — Мы иногда облегчаем страдания умирающих. Даже на Киорисе есть болезни, которые неизлечимы. Они, в основном, касаются разума и проявляются с возрастом. Тогда мы помогаем страдающим уйти. Они не испытывают боли. Мучений. Они могут попрощаться с родными. Выбрать день. Церемония печальна. Моя бабушка... Она ушла таким способом. Но была счастлива. И прожила долгую, счастливую жизнь. Я плакала, но лишь от того, что первый раз столкнулась со смертью. В остальном я была спокойна. Знала, что она получила то, чего хотела. А здесь...

Браслет Клео издал писк вызова. Она бросила на него короткий взгляд и тяжело вздохнула.

— Гиатрос Лезариус считает, что сегодня я — не лучший вариант для компании. Могут оказать негативное влияние. Ты сможешь побыть одна?

— Да, у меня есть сериалы. Я справлюсь.

Ответ вышел так себе. Но Клео не обратила внимания. Ушла так быстро, как только могла. И Саша осталась одна. Взглянула на монитор. Но подошла к иллюминатору. Прижала ладонь к толстому стеклу. Взглянула на звезды.

Почему-то мысли о самоубийстве никогда не приходили ей в голову. Может быть, она не достаточно страдала? Или дело в том, что рядом находилась Ольга? С ее неумной энергией, жадной жизни, силой и... поддержкой. Точнее сказать, направлением, которое она задавала.

Ольга всегда шла вперед напролом. Напористая. Хваткая. Уверенная в себе и в том, что может и хочет взять от мира. Она умела разговаривать с учителями в школе. Спорить. Находить аргументы. Заставлять слушать себя. Она не стеснялась выступать на публику. Громко смеяться. Ярко одеваться.

Как они сошлись? Потому что Ольга захотела. Чем-то тихая, незаметная Саша, постоянно читавшая книжки, стала ей интересна. А если Ольга чего-то хотела, делала все, чтобы это получить. Они подружились. И пусть после школы поступили в разные ВУЗы, продолжали общаться. Говорят, школьные друзья быстро теряются, но с ними оказалось не так. Они встречались, переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, делились новостями. И, единственное, что вызвало отдаление — появление Влада.

Ольге он сразу не понравился...

— ...Слишком правильный, — сказала она после знакомства, когда они сидели в кафе вдвоем. — И вообще... будто бриллиантами присыпанный. Как этот... страдающий мальчик

из кино про вампиров.

— Думаешь, таких не бывает? — Саша не только смотрела все фильмы «Сумерек», но и читала книги. Плакала и радовалась за героев, а Ольга только выразительно молчала, слушая ее пересказы. Хорошо, что хотя бы молчала.

— Думаю, что у таких правильных за фасадом дерьма много прячется. И рано или поздно, оно из него ползет. А достанется, подруга, тебе. Потому что ближе всех окажешься.

— Ну, не всем же пить и курить.

Подруга одарила ее взглядом. Как здоровый человек смотрит на глубоко и безнадежно больного.

— Если бы он пил и курил, я была бы за тебя спокойна. Тут хотя бы все понятно. И что делать, тоже ясно. А с такими... Саш, я не буду с тобой ругаться из-за какого-то членистоногого, просто будь аккуратнее. И если что — пиши. Я тебе всегда помогу.

...На том и остановились. Александра через полгода счастливо окунулась в семейную жизнь, а Ольга не менее радостно выкинула из своей жизни очередного «членистоногого». Она легко меняла мужчин. Расставалась с ними без лишних сожалений и сходилась столь же легко. Порой общие знакомые считали ее легкомысленной, но Саша знала, что в глубине души подруга ищет того, кого сочтет достойным, чтобы доверить себя любимую один раз и на всю жизнь. И, учитывая собственный опыт Александры, была не так уж и неправа...

— Как же мне тебя не хватает...

Подумалось, что Ольга наверняка быстрее разобралась бы и с инопланетянами, и с командером, она бы нашла, чем утешить Клео. И заставила бы Сашу саму взяться за ум. Как тогда, когда у нее все-таки хватило сил попросить о помощи. И получить ее.

От мыслей отвлек сигнал у двери. Уже знакомый. Клео решила вернуться? Но она всегда заходила без предупреждения. Еще одна из особенностей гиатросов. Кто еще может ее навестить? Прежде, чем Саша успела подойти и посмотреть, дверь плавно отъехала в сторону. В коридоре стоял командер...

Глава 13

...Его снова разбудил вызов гиатроса. Но теперь все оказалось сложнее. И стремительнее. Когда кто-то из членов экипажа находится в опасности, на разговоры времени не остается.

Все обошлось, но...

— Он все продумал, — Лезариус выглядел подавленным и постаревшим. Будто прожил десять лет за неполный час, что ушел на спасение Байона. — Все продумал... Я надеялся, что предусмотрел любой вариант. Браслет отражал малейшие перемены в пульсе, давлении и гормональном составе, доза успокоительного подавалась исправно, я каждый день сам проводил осмотр и опрос. Дважды в день! И все равно не углядел...

— Вы бы и не смогли, гиатрос.

Командер просматривал записи с камер наблюдения в каюте друга. Ни одного лишнего движения. Лишь скупые, точно отмеренные жесты. Байону, с его отличным инженерным образованием, ничего не стоило намертво заблокировать двери в каюту и очистительный блок. Его доступ в другие помещения корабля существенно ограничили в связи с отстранением, но со своей каютой он мог делать почти все, что угодно. Разве что система жизнеобеспечения не поддавалась воздействию. Защиту на ее управление ставили специалисты на Киорисе, взлом занял бы слишком много времени и не остался бы

незамеченным. Поэтому подача воздуха не прекратилась. Как и воды.

— Но что я упустил? Когда? Почему ничего не заметил? Ведь показатели были в норме!

Байону не давали столовые приборы. Еду приносил робот-разносчик. Оружие, как и защитный костюм изъяли. И на этом успокоились, посчитав, что капитан в безопасности. Не учли... Целеустремленность. Упрямство Байона не знало границ. Он мог тренироваться часами, отрабатывая приемы или выполняя авиационные маневры, оттачивая мастерство. Мог ночами сидеть за изучением новых статей по инженерии. Во всем, что касалось дела, он не умел отступать. И только Талия могла его отвлечь. Когда появлялась она, все остальное уходило на задний план...

— Должен был быть всплеск гормонов стресса или...

— Гиатрос, вы ни в чем не виноваты, — уверенно произнес Икар, наблюдая, как хладнокровно друг фиксировал себя под струей воды. — Он хотел умереть. И решение, скорее всего, принял давно. Возможно, сразу после смерти... принцессы. Он ждал. Обдумывал план. Просчитывал время между визитами. Подбирал способ. Вы не знали его так близко, чтобы предотвратить эту попытку. Если кто и виноват, то я. Мне следовало больше думать о нем...

Старый медик поднял на него усталый взгляд.

— При всем моем уважении, командер, но вы не могли понять, что происходит с вашим другом. А он наотрез отказался говорить с жрицами. Хотя я предлагал. Несколько раз.

— В таком случае, давайте сойдемся на том, что никто не виноват. Ответственность за произошедшее ляжет на меня. А вам стоит подготовить все необходимое для проведения расследования.

— Конечно. Я все подготовлю.

Старик потер лицо руками, явно пытаясь успокоиться и настроиться на работу. Принц обернулся к медкапсуле, в которой находился погруженный в медицинский сон Байон. Путешествие скоро завершится, пробуждение капитан встретит уже в Храме. В окружении тех, кто сможет ему помочь.

— И примите успокоительное, гиатрос. Вы нужны нам.

Покидая медицинский блок, командер затылком чувствовал пристальный взгляд Лезариуса. И ему стоило больших трудов не обернуться. А ведь раньше чужие взгляды его ничуть не задевали. Смотрят... Кто-то всегда на кого-то смотрит. Взгляды безобидны. Если что-то понадобится, ему скажут. А все остальное... Сложно.

Сейчас же Икар с трудом подавил непонятное стремление вернуться. И вколоть себе успокоительное. Чтобы вернуть ясность разуму. Чтобы заглушить неизвестно откуда взявшийся голос, твердящий, что стоило поговорить с Байоном раньше. Или дольше. Задержать его. Связать диалогом, не позволяя прервать связь. Но он был так уверен, что ничего не произойдет...

Ошибся. Не в первый раз неправильно понял чужие эмоции. Или дело не в них? Решение принимает разум. Эмоции дают лишь первичную информацию для анализа. Байон тяжело воспринял смерть Талии, и это понятно. Но его решение... Он принял его в тот же момент? Или позже, когда встретил в коридоре Александру? Все думали о девушке, и он в том числе. Она испугалась. Но что почувствовал капитан?

Дышать стало тяжело. И неудобно. Впервые форма словно душила его. Не давала вздохнуть полной грудью. Почему? Ему просто нужен воздух. Немного воздуха. И станет

легче. Так бывает, когда происходит много травмирующих событий. Организм не справляется и начинает сбоить. Ему сейчас нельзя ломаться. Нужно вернуться в медицинский блок и попросить провести диагностику. Принять лекарства или энергетики. Скоро они вернуться домой... Но до дома еще нужно дотянуть.

Коммандер так и не понял, как оказался перед каютой землянки и постучал. А затем просто открыл дверь, пользуясь своим доступом. И это было неправильно. Нельзя столь бесцеремонно нарушать чужие границы, не имея на то должного основания...

Вот только все правила вдруг смешались. Они не помогали. А она обернулась и смотрела на него растерянным взглядом. Странно, но дышать стало легче.

...Коммандер выглядел странно. Не так как вчера. Или позавчера. В нем что-то изменилось. Лицо стало бледнее. Волосы растрепались. В глазах появился странный блеск. Он чем-то походил на Клео.

В голове Саши что-то щелкнуло. Смерть сестры. Попытка самоубийства знакомого. Или друга? Еще и ее истерики. Каким бы бесчувственным от природы не являлся мужчина, он не может не переживать. Сердце трепыхнулось в груди. И пришло четкое осознание, что сейчас ему нужна помощь. Вот только он ее не примет. Не ту, которую Александра привыкла оказывать. Объятия. Горячий чай. Разговоры. Вряд ли он сможет говорить. Значит, нужно иное...

— Коммандер, я рада вас видеть. Проходите.

Она сделала шаг к нему и постаралась, чтобы голос звучал ровно. Хотя сердце громко ухало в груди. Будто пойманная птица билась в клетке.

Мужчина окинул каюту непонимающим взглядом, но затем все же прошел внутрь. Пригладил волосы. Посмотрел на свою ладонь и сжал ее в кулак прежде, чем Саша успела что-то заметить.

— У вас появилось свободное время?

— Не совсем... — выдохнул он. — Скорее сегодня все немного не так, как обычно. Клео?..

— Она ушла. Сегодня... действительно, все необычно. Хотите посмотреть фильм?

Стоило порадоваться, что она выспалась и мозг, едва ли не впервые с момента пробуждения на корабле, работал как надо. А еще оставался кристально чистым. Даже несмотря на вспотевшие ладони и пересохшее горло. Такое обычно случалось во время работы, когда на нее снисходило вдохновение и понимание, как решить новую задачу. Сейчас требовалось чем-то отвлечь мужчину. Переключить его внимание.

— Не знаю... — он отвечал предельно честно. Коротко. Четко. И почему-то его манера успокаивала. словно подтверждала, что Саша все делает правильно. — Я вас от чего-то отвлек? Прошу прощения за свое вторжение. Мне не следовало...

— Ничего страшного. Я все равно хотела вас увидеть.

Слова сорвались с языка раньше, чем девушка успела их обдумать. А дальше и вовсе потекли так, будто она заранее отрепетировала речь:

— Я так и не поблагодарила вас за спасение. За то, что вы забрали меня и не дали погибнуть. Я понимаю, что ваш поступок выходит за рамки принятых правил, но очень благодарна. Спасибо, коммандер. Я, к сожалению, не знаю, как еще вас отблагодарить...

Слова закончились, а Икар поднял на нее взгляд, который очень сложно оказалось прочесть. И от которого сердце забилося еще громче. А ладони вдруг высохли и стали

горячими. И вообще в каюте заметно потеплело. Или у нее вспыхнули щеки? Чего не случилось уже лет пять так точно...

— Мне хватит слов, — тихо ответил он. — Что вы говорили о фильме?

Саша тихо выдохнула, радуясь смене темы. Мозг принялся лихорадочно прикидывать варианты. Сериал не годился однозначно. Требовалось нечто яркое, способное отвлечь от реальности и достаточно интересное, чтобы увлечь инопланетянина. Может быть...

— Знаете, земляне тоже фантазировали о том, как могут выглядеть жители других планет. Возможно, вам будет интересно. Или даже полезно узнать, чтобы лучше понимать...

Мысль показалась чересчур запутанной, и девушка умолкла, уткнувшись в монитор и отыскивая нужный файл. Оставалось только молча восхищаться размерами информационного пространства корабля, позволяющего хранить такие объемы данных.

— Пожалуй, это будет на самом деле полезно.

Мужчина устроился на стуле, освещение приглушилось, и в каюте стало заметно уютнее. Привычнее. Правильнее. А еще спокойнее. Сердце перестало отбивать ритм испуганного кролика. А когда Саша устроилась на свободном стуле, и по экрану-иллюминатору поползли знакомые до боли титры «В одной далекой-далекой Галактике...», волнение отступило окончательно.

Да, она ни черта не смыслит в психологии. И уж тем более в отношениях инопланетян. Но, по крайней мере, может тихонько посидеть рядом, оставляя человеку, спасшему ей жизнь, личное пространство и время, чтобы прийти в себя. Может быть, она ошиблась, и он ничего не чувствует. Не волнуется. Не переживает. Но...

Она украдкой взглянула на его профиль. Показалось, или к лицу вернулись краски? И скулы уже не столь туго обтянуты кожей. Руки все еще сжимались в кулаки, и ей хотелось прикоснуться. Накрыть его ладонь своей. Но в то же время... Слова Клео не давали покоя. Стоит ли заходить столь далеко?

Коммандер повернул голову и поймал ее взгляд. Дыхание снова перехватило, будто ее застали за чем-то неприличным. Но в зеленых глазах не было осуждения. Они снова стали спокойными. Невозмутимыми. А от мужчины повеяло привычной уже надежностью.

— Спасибо.

Он произнес это так тихо, что девушка не была уверена, правильно ли услышала. И услышала ли вообще. Поэтому просто повернулась к фильму и продолжила смотреть историю о джедаях.

Она чувствовала себя так, будто только что прошла по канату без страховки. Или прыгнула с парашютом. Где-то в ногах поселилась слабость, а в голове немного шумело. Хорошо, что она сидит. А фильм достаточно длинный, чтобы прийти в себя и понять... Что же с ней происходит?

Глава 14

Когда фильм закончился, и за коммандером закрылась дверь, Саша опустилась прямо на пол. Приток сил, ощущавшийся утром, иссяк. Хотелось лечь и не шевелиться. Почему? Она же ничего такого не делала. Но ужасно устала. Нахлынуло привычное безразличие, девушка с трудом прожевала обед, доставленный роботом и рухнула на кровать.

Она так и не спросила, что будет, когда они прибудут на Киорис. Что ее ждет? И как скоро она сможет вернуться на Землю? И самое главное, как объяснить родным свое отсутствие? Сочинить историю про лечение в закрытом центре? Амнезию? А документы? К

счастью, в сумке лежала только ксерокопия паспорта, телефон и всякие мелочи. Телефон откровенно жаль, но его все равно нужно было менять, а она все не решалась. Вот и повод. Сбережений на карте хватит, чтобы купить новый и даже не заметить. После развода и переезда она почти не тратила деньги. Только вот карту тоже придется восстанавливать. И с начальством объясняться... А еще и с полицией, если ее объявят в розыск...

Перспектива вырисовывалась не самая приятная. Но решаемая. На амнезию многое можно списать. Главное — не затягивать с возвращением. Но о нем нужно говорить с командером, который даже не упомянул, заглянет ли вечером. И увидятся ли они после посадки? И нужны ли ей эти встречи?

Да, рядом с Икаром Саша чувствовала себя в безопасности. Он не переходил границы. И даже сегодня, будучи не совсем адекватным, вел себя совершенно прилично. Не то что Влад... С ним оказалось легко разговаривать. И интересно было бы обсудить фильм. Она поймала себя на том, что хочет именно разговаривать с командером. Не только сидеть рядом, но слушать. Говорить. Как в прошлый раз. Вот только она ему надоеет со своими эмоциями и прочими глупостями...

А если нет? Если он пробудится, как говорила Клео? Ну да, ну да... пробудится, влюбится, проникнется ее душевной красотой и возьмет в жены. А потом превратиться в чудовище. Нет, сказка с ней однажды уже случилась. И в прекрасных принцев Саша больше не верила. Домой. Вот, что ей точно необходимо. Вернуться в квартиру, на любимый диван, к ноутбуку. И заняться работой. Снова... А что потом?

Неожиданно, собственная жизнь, сложившаяся за последний год, показалась Александре пустой. Бесперспективной. Серой. Она ни к чему не стремилась. Ничего не хотела. Только боялась. Пряталась. Выживала... Зачем? Для чего?

Вспомнился взгляд Ольги и ее тяжелые вздохи каждый раз, когда подруга приходила в гости. Сама Саша ни к кому не ходила. А родителей к себе и вовсе не приглашала. Даже не звонила. Только подруга и брат иногда нарушали ее одиночество. Сергей предлагал завести кота. Или собаку, чтобы иметь причину выходить из дома. Но она отказывалась. Панически боялась ответственности за еще одно живое существо. Ей и с самой собой тяжело было справляться, а заботиться еще о ком-то...

Может быть, слетать в Париж? Найти подходящий тур. Ей хватит денег на недорогую поездку. Дней на пять хотя бы. Или начать с чего-то попроще? Например, гулять по выходным? Сходить в кафе. В кино. Посмотреть какую-нибудь новинку. Пройтись по парку. Сменить прическу, в конце концов. Когда она последний раз была в парикмахерской? Или на маникюре?

Все это осталось в той, другой жизни. Где юная девочка Саша хотела быть красивой. Хотела нравиться мужу. Хотела, чтобы он смотрел только на нее и сыпал комплиментами, как в первый год их знакомства. После развода она выбросила все платья, оставив только удобные джинсы, объемные кофты и обувь без каблуков. В мусорку отправилась косметика, от которой чесались глаза, и духи, которые нравились Владу. Кажется тогда, освобождая шкаф и полки, она испытала облегчение. То чувство, когда обретаешь свободу и делаешь первый вдох. Полной грудью.

Да, она долго пряталась. И, когда снова вернется домой, больше не будет. Не будет. Она научится жить. Без страха. Без воспоминаний. Без боли...

Под фантазии о будущей жизни девушка не заметила, как заснула...

...Благодарность... Она оказалась своевременной. Важной. Нужной. Пусть он нарушил протоколы, но сохранил жизнь. Хотя бы одну. Тонкой ниточкой протянувшуюся между Киорисом и Землей. Неожиданно ставшую очень важной...

Икар остановился посреди холла, где в дневную смену находилось достаточно экипажа. В основном инженеры. Со всех сторон доносились обрывки фраз. Рабочий процесс. Мозговой штурм по построению перспективных моделей развития Земли. Приказ никто не отдавал, но и инициативу не пресекали. Анализ поможет понять, является ли планета интересной для Этры. И соответственно, грозит ли ей нападение.

— Командер, с вами все в порядке?

К нему подошла Соройя. Первый инженер.

— Да, все хорошо.

Женщина остановилась на расстоянии метра. Заглянула ему в лицо.

— От лица всего инженерного состава я хотела бы выразить вам наши соболезнования. Мы искренне скорбим о гибели принцессы. И сочувствуем вам и капитану Байону.

— Благодарю...

Байону сочувствие могло бы помочь. Если бы его выразили раньше. Возможно, разговор с кем-то, имеющим богатый жизненный опыт, как Соройя, мог бы быть полезен. Но... Нет смысла теперь сожалеть. Никто не мог предположить такой поворот. Да. Никто. Ответственность ляжет на него, как на старшего по званию. Но его вина в произошедшем не больше, чем у любого другого члена экипажа.

Время, потраченное на просмотр фильма, позволило лучше понять ситуацию и взглянуть на нее рационально. Откуда только взялось чувство вины и...? Он не знал названия для того, что испытывал. И чем дольше анализировал свое состояние, тем больше понимал, что что-то изменилось. И уже не станет прежним...

Командер кивнул инженеру и направился дальше. Если бы Байон находился в сознании, он бы задал ему несколько вопросов. Говорить с остальными не хотелось. Тема являлась чересчур личной. Даже для обсуждения с гиатросом. Хотя он должен был заметить изменения. Наверняка.

Икар взглянул на браслет связи. Базовые настройки позволяют медикам отслеживать состояние всего экипажа. Сердцебиение, давление, насыщаемость крови кислородом. При необходимости любой браслет можно настроить на более детальную выдачу информации о пациенте. Как правило, гиатросы не переходят границы и не злоупотребляют своей властью, но есть случаи, когда подобные нарушения оправданы.

Командер резко развернулся и направился обратно в медицинский блок. Лезариус при его появлении заметно вздрогнул и свернул окно на мониторе.

— Командер?

— Мои показатели. Насколько они изменились после того, как мы покинули Землю?

— У вас имеются симптомы, вызывающие беспокойство? — профессионально осведомился медик, принимая рабочий вид.

— Вы мне скажите, гиатрос, — командер сделал шаг, нависая над Лезариусом. — Во мне имеется что-то, вызывающее ваше беспокойство? Страх.

— Командер, гиатрос, прошу вас, не нужно проявлять агрессию, — женский голос донесся со стороны монитора. — Гиатрос, не могли бы вы?..

Медик вернул на экран свернутое изображение. Жрица. Ну, конечно...

— Благодарю. Добрый день, командер Искарис. Приношу свои извинения за нашу

скрытность, но возникшая ситуация в первую очередь требовала всестороннего анализа. Гиатрос Лезариус не делал ничего, что выходило бы за рамки его полномочий.

— Значит, я прав. Перемены есть.

Икар отступил и отвернулся от монитора. Взгляд наткнулся на спящего Байона. Безмятежного и умиротворенного за прозрачным стеклом. Монитор над его камерой отражал изменения показателей. Привычные волны позволяли сосредоточиться на главном.

— Пока динамика изменения ваших показателей незначительна, командер, — заговорил медик. — Есть некоторые пики нервной активности, но, в общем, все укладывается в нормальный диапазон для непробужденных.

— Гиатрос может судить лишь о физических показателях, но, как мы все знаем, они не являются единственно верными. Вопрос в том, что чувствуете вы... командер.

Голос жрицы звучал мягко. Убедительно. Предельно вежливо.

— Императрица знает?

— Я обязан был доложить, — выдавил Лезариус.

— И какова вероятность того, что женщина с Земли может пробудить киорийца?

Тишина стала ответом. А ведь раньше он бы не понял. Но теперь...

Александра. У нее тонкие руки. Болезненная худоба. Испуганный взгляд, который становится спокойнее, когда он рядом. Она борется с самой собой. И у нее страшное прошлое, которое не дает покоя. Она принадлежит другой планете. И захочет вернуться домой. Она благодарна. И показывает странные фильмы. В ней след чужой культуры. Жестокости. Боли. Она сломлена. И сможет ли восстановиться? И она — та, к кому он пришел, сам не понимая зачем. Но обрел то, чего не хватало именно в тот момент.

— Что мне делать?

Гиатрос лишь тяжело вздохнул.

— Полагаю, вам нужно прибыть на Киорис, — заметила жрица. — И не торопиться. Вам нужно дать себе время. Себе и ей. Неизвестно, куда приведут вас перемены. История знает множество вариаций пробуждения. Какой будет ваша? Кто знает?

— Благодарю, иерия. Вы встретите нас в порту?

— Именно так, командер. И я рада, что теперь между нами нет недомолвок. Так работать намного проще.

Он обернулся и взгляделся в смутно знакомые черты лица. Они уже виделись с жрицей. Когда-то давно. И имя... Что-то легкое.

— Филис... Вы займетесь также и капитаном Байоном?

Она кивнула и улыбнулась.

— Я сделаю все, чтобы вернуть его к жизни, командер. Поверьте, ваш друг будет в надежных руках.

— Верю...

Он покинул медицинский отсек, не прощаясь. Хотелось побыть одному. Но перед посадкой оставались еще дела. Отчет. Проверка состояния линкора и его систем. Отчеты экипажа. До самого вечера Икар работал и сознательно не вспоминал о Саше и разговоре с жрицей. Но работа подошла к концу. А ночь только-только началась. И он снова направился к каюте, ставшей чересчур знакомой.

Принц пытался понять себя. Отследить тот момент, когда что-то в нем изменилось. И как это связано с ней. И не мог. Пока каюта не открылась, и Александра не обернулась к нему. Она уже сидела на привычном месте и, кажется, ждала его.

— Я не знала, придешь ли ты... — девушка улыбнулась. — Но нашла вторую часть. Или можно посмотреть что-то другое, если хочешь...

Он сделал шаг и почувствовал странное тепло в груди. Легкое. Едва уловимое. Приложил ладонь к сердцу, отмечая, что пульс стал чаще.

— Все в порядке? — Саша нахмурилась, и в глазах появился страх. Скрытый, слабый, не такой, как в очистительном блоке в первую их встречу. Но она не должна бояться...

— Сегодня очень странный день... Кажется, я устал. Но фильм посмотрю. Да. Вторая часть...

Он занял свое место и впервые испытал желание подвинуть стул ближе к гостье. Но сдержался. Не стоит спешить... Принимать желаемое за действительное — первая ошибка пробуждающихся. Не нужно придумывать связь там, где ее еще нет.

И он поднял взгляд на сменяющие друг друга картинки, пытаясь понять новый виток истории о далекой галактике...

Часть 2. Храм. Глава 15

Киорис

Посадку Саша не заметила. Спала. А проснулась от навязчивого сигнала в дверь. Кто-то очень хотел ее увидеть. Коммандер? Вчера она все же досидела до конца фильма и проводила мужчину, а потом самостоятельно легла в кровать. Просто достижение на фоне остальных дней.

Девушка встала, одернула выданную для сна сорочку с треугольным вырезом и длиной до колена, пригладила волосы. И решила, что выглядит достаточно прилично для встречи раннего гостя. Ведь всегда можно попросить зайти попозже. Она доковыляла до двери и уже собиралась поздороваться, когда поняла, что посетитель ей неизвестен...

В коридоре стояла женщина. В бордовой тунике из какой-то тяжелой ткани, складками спускавшейся до пола. Руки оставались полностью открытыми. Левое запястье украшал изящный браслет-передатчик, из тех модификаций, которые показывала Клео. Псевдо-золото подчеркивало теплый оттенок кожи незнакомки, который немного смягчал острые черты лица. Рыжие волосы были собраны вокруг головы в сложную прическу. А глаза у нее оказались карими, темными, как вишни, и даже, кажется, с алым отливом...

— Добрый день. Меня зовут Филис, я — старшая жрица Храма, направленная к вам для встречи. Могу я войти?

— А... Здравствуйте. Входите.

Саша неловко отступила, позволяя гостье войти и чувствуя себя неудобно. Жрица двигалась плавно и легко, будто не шла, а парила над полом. Следом за ней скользнул робот-разносчик с завтраком. Филис остановилась возле столика, окинула каюту долгим взглядом и обернулась к ней, переминающейся с ноги на ногу.

— Я смутила вас своим появлением. Прошу прощения. Нам требовалось как можно скорее забрать капитана Байона, и я решила не тратить время зря и познакомиться.

Она заняла стул, который предпочитал Икар. Поза ее казалась совершенно расслабленной, но в то же время невероятно изящной. А складки туники улеглись вокруг ног столь живописно, что хоть сейчас пиши портрет. И Саша невольно залюбовалась, зачарованная неспешными, уверенными движениями гостьи.

— Забрать капитана?

— Полагаю, вам сообщили о произошедшем несчастье, — лицо жрицы омрачила тень. — Капитану требуется внимание и уход, который ему окажут в Храме.

Александра заняла свободное место, как показалось, особенно неловко. Тело будто сковало напряжение, мышцы стали деревянными, а ладони вспотели. Внутри вспыхнуло раздражение. Время она терять не хотела, явилась с самого утра, застала врасплох, вся такая идеальная...

— Мне тоже нужен будет уход в Храме? — резко спросила она, пододвигая к себе тарелку с ассорти из фруктов, овощей, мяса и сыра. Точно такая стояла перед собеседницей. Есть полагалось руками, при желании обмакивая угощение в мед или соус. И больше половины из представленного Саша видела первый раз.

— Скорее спокойствие и изучение нового, — жрица умудрялась есть, не пачкая пальцы, одежду и лицо. — Скажите, вы готовы сейчас покинуть эту каюту? Корабль? Встретиться с киорийцами за его пределами?

Рука, только-только окунувшая кусочек сыра в мед, дрогнула, и сладкая капелька упала на стол. Есть расхотелось. Александра представила, как покидает корабль... Точнее попыталась. Господи, да она почти год из собственной квартиры не выходила. И вот вчера решила начать гулять по выходным, а тут... Чужая планета. Чужие... инопланетяне. Мир тоже чужой. И, пусть немного знакомый по рассказам, но совершенно непонятный и...

— Дышите, — ее запястья коснулись длинные пальцы с аккуратным маникюром. — Медленно. Вдох и выдох. Нам не нужно торопиться. Я всего лишь хотела сказать, что вы не можете прятаться здесь вечно. Вы, конечно, привыкли к своей каюте и считаете ее безопасной. Здесь вам комфортно. И я хочу предложить вам убежище. Место, где вас не станут беспокоить. Где вы сможете познакомиться с новым для вас миром без потрясений.

Пальцы раскрошили несчастный сыр, и мед размазался по всей ладони. Жрица взяла салфетку и подала ей. Глаза... Ее глаза казались совершенно невероятными. В них царило безмятежное спокойствие. Гармония. И в то же время сила. Тот комок энергии, что раздражал в Клео первые дни, здесь давно обрел свое место и предназначение. Превратился в мощный поток, не растрчивающий себя понапрасну.

— Вы читаете мои мысли?

— Жрицы не обладают сверхспособностями. Их заменяет опыт. Умение читать эмоции по лицам. Вы совершенно их не скрываете, и мне легко понять вас.

Ни грамма удивления. Интересно, ее вообще можно вывести из равновесия? Или эта женщина способна сохранять спокойствие в любой ситуации?

— Хорошо, — Саша глубоко вдохнула и выдохнула, понимая, что ее согласие в общем и целом никому не нужно и не интересно. Все уже решено, а ей лишь оставляют возможность сохранить достоинство и согласиться самой. — Я пойду с вами. Командер Искарис сказал, что я смогу вернуться домой, когда к Земле будет отправлена экспедиция. Но он не знает, сколько времени уйдет на подготовку. Все это время я проведу в Храме?

— Возможно, — кивнула жрица, — но давайте не будем торопиться. Сейчас речь идет лишь о сегодняшнем дне. Вам нужно позавтракать, собраться и позволить мне сопроводить вас. Об остальном подумаем завтра.

Знаменитый лозунг Скарлет О'Хара заставил вспомнить о том единственном, что связывало ее с домом.

— А я могу как-то забрать информацию с корабля? У меня нет никаких вещей, только те, что выдали здесь. И... мне бы хотелось что-то взять...

— Храму будут переданы все данные, собранные линкором на Земле. Что касается ваших личных файлов, я могу скопировать их на свой коммуникатор прямо сейчас. Или их пришлют дополнительно. Можно было бы использовать ваш медицинский браслет, но он останется здесь как часть корабельного имущества.

Саша еще раз взглянула на собеседницу. От нее не веяло раздражающей доброжелательностью и заботой. Желанием причинять добро. Лишь ответы по существу. И профессионально-ровный тон. Не равнодушный, но с той ноткой участия, которая позволяет чувствовать себя свободно.

— Вы ведь, так или иначе, изучите всю информацию обо мне?

— Только ту, что вы расскажите сами. Вы не первая инопланетянка на Киорисе. И мы давно не ставим опыты на чужаках. Лишь обмениваемся информацией, которая может быть полезна, или запрашиваем разрешение на проведение исследований. Все официально и с заключением двусторонних договоров, которые довольно долго рассматриваются и согласуются. С вами же мы взаимодействуем как с частным лицом. А закон о неприкосновенности частной жизни довольно строг. Я не стану изучать ваши файлы, если только вы сами не захотите показать мне их.

— Тогда скопируете их себе?

Саша снова почувствовала себя загнанной в угол. словно дала согласие на то, что и так подразумевалось. Неприкосновенность частной жизни... Интересно, закон распространяется только на киорийцев или на всех, присутствующих на планете? И как тут вообще с правами туристов? Ведь никакого консульства или посольства нет и в помине, защиты ждать не от кого...

— Недоверие — нормально. Вы не обязаны испытывать ко мне симпатию. Как и ко всему Киорису. Вас забрали с вашей планеты, и пусть даже спасли жизнь, это все равно нарушение вашей свободы. Могу лишь сказать, что вы для нас — гостя. Вам не причинят вреда, даже если вы запретесь в выделенной для вас комнате и просидите там до самого возвращения на Землю.

— Тогда зачем вы?

— Чтобы у вас имелся выбор. Выйти или остаться взаперти. Когда есть проводник, сделать первый шаг проще. И поверьте, я поддержу любое ваше решение.

Поверила. Странно, но... поверила. Успокоилась. А дальше все пошло проще.

Завтрак. Душ. Копирование информации. Снятие медицинского браслета. И первый шаг из каюты, от которого сердце забилося громче. Захотелось вернуться назад, но Филис легко взяла ее под руку и повела за собой.

— Команда уже покинула линкор. Здесь осталась лишь диагностическая техника. И ваша знакомая...

Клео ждала их у трапа. Или как называется пологий спуск с корабля на землю? Без привычной формы киорийка выглядела еще более юной. Немного потерянной. Уставшей. Вдруг стало ясно, что путешествие далось ей совсем нелегко. А еще очевидно, что жрица намного старше.

Она столь же легко подхватила свободной рукой медика и увлекла их обеих в сторону ожидающего транспорта. Машина. Точнее нечто с элегантными, округлыми формами, поблескивающее металлом и стеклом. С прозрачной крышей и шикарным салоном. Оказавшись внутри, Саша невольно погладила обшивку. Ткань напоминала велюр. Мягкая, в меру ворсистая, похожая на домашний плед. По сидению прошла волна вибрации,

заставившая девушку отвлечься и вскрикнуть от неожиданности.

— Это анатомическая подстройка, — пояснила Клео, устраиваясь рядом, на заднем сидении. — Чтобы снять напряжение и создать максимально комфортные условия для путешествия. Можно еще добавить массаж.

— Нет, не надо, — испугано пискнула Александра, привыкая к новым ощущениям. Кресло будто обнимало ее со всех сторон.

Филис устроилась впереди и что-то настраивала на приборной панели. Вскоре машина плавно тронулась с места. Никаких лишних звуков. Вибрации. Лишь легкое ощущение потерявшегося где-то позади желудка, как бывает в лифте в начале подъема.

Они проехали через космопорт, как пояснила юная гиятрос, оставили в стороне основное здание, архитектуру которого на удаче рассмотреть, и выехали на проезжую часть. Саша прилипла к стеклу.

Широкая дорога. Светящийся силовой барьер. Бесшумно стремящиеся куда-то машины. Здания... Ей казалось, что все они должны быть высокими. Чем-то похожими на небоскребы в США. Или на здания на Корусканте. Но реальность оказалась иной.

Первое, что бросалось в глаза — зелень. Деревья вдоль дороги. Цветы на балконах. Сады на крышах. Или на отдельных этажах, если высота превышала три этажа. Парки или скверы, разделяющие кварталы. Мужчины и женщины, скользящие по отдельной полосе на чем-то, напоминающем электро-самокаты или скейты. Террасы кафе с небольшими столиками. Фасады зданий с высокими окнами-мозаиками и барельефами, непохожими один на другой.

Дыхание перехватило. Вокруг бурлила жизнь. Спокойная, легкая, простая. Люди шли по улицам и улыбались. Или торопились куда-то, огибая других с сосредоточенным лицом. Но не толкали. Не злились. Не ругались. Не хмурились. Этот неизвестный город, освещенный солнцем, словно радовался новому дню и встречал его с улыбкой.

— Как такое возможно? — пробормотала Саша, не в силах поверить, что не спит.

— Если захотите узнать, я всегда готова помочь.

Филис даже не повернула головы, но девушка не сомневалась, что она прекрасно ее услышала. И более того — поняла. Ее удивление. Ее неверие. Ее сомнения. Это было странно. И немного пугающе. И в то же время...

— Да, я хочу. Я хочу узнать этот мир.

Глава 16

Хотелось пить. Жажда и затекшие мышцы — верные спутники длительного сна в медицинской камере. И, если бы не пересохшее горло, он бы так и остался лежать. Но жажду сложно долго игнорировать.

Открыл глаза. Сел. Нашел воду, заботливо оставленную рядом. И выпил почти половину предложенного. Огляделся. Удобная кровать. Высокие окна. Камень стен, не пропускающий жар. Впрочем, судя по свету, за окном уже догорал закат. А значит, жар отступил. Он знал, где очнулся. И это совсем не добавляло радости. Также как и бесшумно открывшаяся дверь, и едва различимый шелест ткани по камню...

— Добрый вечер, иерия.

— Добрый вечер, капитан Байон. Рада, что вы уже проснулись.

Жрица остановилась в проходе, отделяющем спальную зону от гостевой. Покои для гостей в Храме устроены отлично. Чтобы посетители чувствовали себя комфортно. Вот только ему не хотелось комфорта.

Байон взглянул на гостью из-под упавших на лицо волос. Высокая. Стройная. Рыжая.

— Можете начинать... — буркнул он. — Убеждать меня в том, что я совершил ужасную ошибку. Безответственный поступок. Расстроил близких. Подвел командование. Что еще вы там говорите в таких случаях?

Жрица склонила голову к плечу.

— Вы путаете меня с родителями, капитан. У меня нет цели упрекнуть вас. Полагаю, вы сами хорошо справляетесь.

Байон покачал головой и опустил взгляд на пол. И на свои босые ноги. Из одежды на нем оставили свободные домашние штаны и тунику. Никаких шнурков и застежек. Предусмотрительно.

— Я не хочу с вами разговаривать. И ни с кем другим. Оставьте меня в покое, иерия. Для вашего же блага.

— Вы мне угрожаете, капитан?

Ее тон едва уловимо изменился. Стал чуть жестче.

— Думайте, как хотите.

— Я думаю, что вы хотите сделать все возможное, чтобы вас признали негодным к службе, а затем оставили в покое. И сдали родственникам. Которые не смогут помешать вам довести задуманное до конца.

Мужчина поднял взгляд, вглядываясь в узкое лицо.

— Хотите сказать, что все поняли? Посмотрели на меня, прочитали личное дело, доклад о событиях на корабле, и теперь все знаете? Можете судить меня? Просчитывать? Думаете, я не знаю, как все это происходит?

Он не заметил, как встал на ноги и сделал шаг к женщине, которая продолжала смотреть на него внимательно и без всякого страха.

— Я знаю, что у вас достаточный опыт, капитан. Много летних часов. И боевых. Вы не раз бывали в Храме и, действительно, знаете, как проходят беседы жриц с подопечными. А также весь период восстановления.

— Прекрасно. Мы оба все знаем и понимаем. Так давайте на этом и разойдемся?

Она бросила короткий взгляд в сторону окна. Затем снова взглянула на него.

— Вижу, вы упрямы. Что ж... у меня есть для вас предложение: сейчас вы со мной выйдете в сад. Там вас ждут. Если вы согласитесь, я оставлю вас. И в следующий раз приду только тогда, когда вы сами меня позовете.

— В чем подвох?

Он похож на ребенка, раз его пытаются так легко провести?

— Никакого. Одна встреча. В саду. И я оставлю вас в покое, как вы и хотели.

— И кто там? Мои родители?

— Я не слышала вашего согласия, капитан.

— Я не соглашусь, пока вы не скажете, с кем я встречусь!

— Разве личность так уж важна, если взамен вам обещают покой?

Байон открыл рот, чтобы возразить, и неожиданно понял, что его втянули в диалог. Увлеченный. Живой. Первый шаг на пути к восстановлению — интерес. И он попался.

Мужчина сжал зубы и резко выдохнул набранный воздух.

— Хорошая попытка. Ладно. Я иду с вами. Но мы не договаривались, сколько будет длиться эта встреча!

— Конечно, капитан. Все зависит только от вас.

Жрица развернулась и направилась к двери. А ему оставалось идти следом с неопишимым чувством проигрыша. Он сдал свои позиции. Слишком легко. Нужно было молчать и не реагировать на ее появление. Сама бы ушла. Как будто он — единственный подопечный. Такие исключения не делаются даже для членов императорской семьи. Жриц слишком мало, чтобы уделять внимание кому-то одному.

Они прошли по коридору до одной из боковых лестниц. Сколько раз Байон бывал в Храме, и все равно чувствовал себя здесь как в лабиринте. Огромное здание обладало массой переходов, галерей, террас, залов на все случаи жизни. Не говоря уже о комнатах жриц, обучающих классов и покоев для гостей. Оставалось только удивляться, как кто-то может здесь ориентироваться.

Воздух стал свежее и более влажным. Жрица продолжала двигаться прежним шагом. Легким, скользящим и достаточно быстрым, чтобы сохранять между ними дистанцию. Считает его опасным? Разумно. Тот, кто не ценит свою жизнь, может легко оборвать чужую. Особенно имея боевой опыт.

Впереди мелькнул дверной проем. Один из проходов, ведущих в сад. Незапертый. Скорее даже распахнутый настежь. И оттуда донесся едва различимый звук. Подвывание, перешедшее в лай. Короткий и такой знакомый, что на мгновение Байон замер, сбившись с шага. А затем ускорился. Догнал и обогнал жрицу, бесцеремонно отодвинув с дороги. Выскочил на свежий воздух, под чистое небо и едва не упал, встретившись с Ареем.

Мощные лапы ударили в грудь. Шершавый язык прошелся по щеке.

— Здравствуй, дружок!

Ликос опустил на все четыре лапы, ткнулся мордой ему в бедро, и обернулся к проходу, виляя хвостом. Но оттуда появилась лишь жрица. Она снова остановилась на границе, окинув их внимательным взглядом.

— Вижу, встреча оказалась приятной. Не буду вам мешать...

Женщина развернулась, чтобы уйти, но Байон шагнул к ней.

— Подождите! Откуда он здесь?

Зверь тем временем сел на землю и вопросительно посмотрел на него. Раздался тихий скулеж.

— Его привезли утром, — жрица остановилась и лишь немного повернула голову, демонстрируя четкий профиль. — Смотритель во дворце отметил, что в последние дни ликос почти не ест и плохо спит. Много воет и скулит по ночам. Императрица приказала отвезти его сюда. Решила, что вы сможете распорядиться его судьбой.

— Я? Но я...

Байон встретился взглядом с умными и понимающими глазами зверя и не смог закончить. А когда снова обернулся к проходу, женщина уже ушла. Тихо прикрылась дверь. Ее не заперли. Он мог уйти в любой момент. Уйти и бросить Арея.

Прирученные ликосы выбирали себе одного хозяина на всю жизнь. После его смерти они переставали слушаться кого-то еще. Подпускали к себе лишь тех, кого считали друзьями. Членами стаи. А для остальных могли быть опасны. Очень давно зверя хоронили вместе с хозяином. С тех пор многое изменилось, но до сих пор существовала вероятность того, что Арея усыпят. Если только он не найдет к нему подход. Грозный хищник признавал лишь Талию, а его принимал лишь как неизбежное приложение к хозяйке. Что с ним будет, если Байона не станет?

Капитан запрокинул голову, рассматривая стену здания и пытаясь найти на одном из

балконов притаившуюся фигурку жрицы.

— Довольны?! Нашли повод не дать мне покончить с собой?! И не стыдно, да?! Все средства хороши?! Какие же вы...

Он проглотил слова, рвущиеся с языка. Запустил пальцы в волосы и дернул, пытаюсь хотя бы так выпустить злость. Рядом раздался предупреждающий рык. Неуверенный, так как Арей не понимал, на кого стоит направить агрессию.

— Все в порядке, дружок, — он потрепал зверя по холке. Опустился на землю рядом с ним, заглянул в глаза. Отвел взгляд и огляделся. Ликосы чувствуют ложь. — Нас тут с тобой заперли, да?

В их распоряжении оказалась полукруглая площадка, со всех сторон окруженная раскидистыми грабами, между которых расползлись колючие кустарники, аккуратно подстриженные лишь с внутренней стороны. Идеальная изоляционная камера. Даже на свежем воздухе. А он по летней поре теплый. Ночью они не замерзнут. Особенно если спать не хочется.

Арей сунул морду под руку и сам ткнулся носом ему в лицо. Посмотрел серьезно и вопросительно. Заскулил. Коротко твякнул, требуя объяснений.

— Тебе не сказали, да? — пальцы запутались в короткой, жесткой гриве. — Никто ничего не сказал.

Говорить стало вдруг тяжело. Воздух собрался где-то в груди и не желал выходить. В горле встал ком. А глаза обдало жаром.

— Твоей хозяйки больше нет, дружок. Она не вернется. Не придет к тебе. Не будет играть... Больше не споеет тебе колыбельную. Ты же любил ее колыбельные, да? Я тоже.

Ликос сел и заскулил громче. В умных глазах отразилось понимание. И Байон снова отвел взгляд. А зверь завыл. Запрокинул морду к небу, вытянулся и завыл. Звук шел из глубины его тела. Рождался там, где билось сердце, и устремлялся ввысь. К небу. К стене здания, возвышающегося над ними. К звездам и космосу, в котором исчезла та, что была для него всем...

Вой стал громче. Объемнее. Глубже. Он не стихал, а лишь набирал силу. Раньше считалось, что ликосы провожают души в мир иной. Своими песнями отгоняют злых духов. А иногда могут наоборот призвать души из загробного мира. И пока длится песня, можно увидеть умершего.

Байон лег на траву. Закинул руки за голову и стал смотреть на небо. Закат уже догорел. Синеву разбавили первые звезды. Скоро станет видно Стрелу и Весы. А рядом с ними Мать. Талия любила смотреть на звезды. Ее вдохновляли легенды о созвездиях. Благодаря ей он знал их все. И сейчас, сквозь вой ликоса будто снова слышал ее голос.

«...А вон там, смотри, под Стрелой. Видишь, две фигурки? Это Влюбленные. При жизни их все время разлучали. Они любили друг друга и не могли быть вместе. Но когда они умерли, боги сжалились и позволили им быть вместе на небе...»

— Мне всегда казалось, что это созвездие Близнецов, — прошептал Байон, продолжая смотреть туда, где под Стрелой уже вырисовывались знакомые силуэты. — Фигурки ведь одинаковые.

«...Не порть мне сказку!»

Она рассмеялась и ударила его по плечу. А потом поцеловала. И он был счастлив. Настолько, что казалось, они будут вместе всегда.

А теперь Талии нет. А он остался. И Арей тоже. И проклятое созвездие на небе. Но е

нет... И все уже не так...

Он провел ладонью по лицу. Вытер мокрые пальцы о тунику. Грудь горела огнем от нехватки воздуха. Почти также как на корабле, когда вода накрыла его с головой. И ведь почти получилось. Почти... Сейчас он мог бы быть там. Среди звезд. Вместе с Талией. Но его вернули на Киорис. И привязали здесь воем ликоса, которого невозможно бросить...

Глава 17

— Добро пожаловать домой, сын мой.

Икар обернулся на голос, отвлекаясь от вида на город, раскрывающегося почти из любого окна дворца. Здание Храма возвышалось над остальными, и где-то там в его лабиринтах сейчас находилась Александра. И Байон.

— Добрый вечер, маеджа.

Он коротко склонил голову в привычном приветствии и услышал тихий вздох. Поднял взгляд на императрицу. Талия умела разговаривать с ней. Смеяться, шутить, обсуждать нечто, понятное лишь им двоим. А он... даже не мог назвать ее матерью. Командер знал о родственных связях и своем месте во дворце и обществе, об ответственности и традициях, но... не чувствовал. Может быть от того, что и сама она не стремилась пересечь однажды проложенную черту.

— Как прошел доклад?

Софрония заняла кресло с широкими деревянными подлокотниками и указала на соседнее, в которое он опустился без всякого желания. Мысли блуждали далеко. Непривычно оторванные от происходящего здесь и сейчас. У всех пробужденных так? От того они и становятся более рассеянными и невнимательными? Да и как сосредоточиться, если думаешь о постороннем? И прогнать мысли усилием воли не выходит.

— Как обычно. Меня приняли. Выслушали. Уточнили некоторые моменты. Главнокомандующего все устроило.

Конечно, беседу с ним вел не дядя. Но все доклады будут переданы ему, и именно он будет принимать решение о его дальнейшей судьбе. Пригодности или непригодности к службе, повышению и прочем. Учитывая, что из военного управления его выпустили к вечеру, главнокомандующий пока удовлетворен полученной информацией.

— Искарис... — императрица наклонилась к нему и заглянула в глаза, прикоснувшись к ладони. — Расскажи мне о той женщине, что ты забрал с Земли. Что с ней?

Он окинул мать долгим взглядом. Неожиданно в глаза бросился темно-синий цвет туники, отсутствие украшений, простая прическа, с уложенными в узел волосами. Даже в таком виде она умела оставаться... правительницей. Пусть сейчас и хотела казаться ближе и проще. Понятнее.

Икар заново осмотрел комнату, в которой ему предложили подождать Софронию. Одна из малых гостиных, относящихся к ее личным покоям. Кажется, любимая. Здесь они часто завтракали в глубоком детстве, когда отец еще был жив. И все они жили во дворце. Светлый пол и стены, тонкие занавеси, отделяющие комнату от широкого, тенистого балкона. Раньше там располагался стол и плетеные кресла и стулья. Мебель внутри напротив была массивной, надежной, деревянной, с мягкими сиденьями, отделанными темно-синей тканью. Сейчас стало заметно, что со временем она выцвела. Обивку давно не меняли. Так сколько же лет ее не открывали? И почему именно сейчас?

— Ты поэтому пригласила меня сюда?

Он встал, аккуратно забрав ладонь из пальцев матери, и подошел к выходу на балкон. Занавеси выгорели на солнце. Стали белесыми. А какими были раньше? Синими? Зелеными? В памяти не осталось места для цвета. Зато вспомнилось, как Талия кружилась, закрутив вокруг себя ткань и что-то кричала. А отец улыбался, глядя на нее. И даже Креон оторвался от книги, чтобы взглянуть на сестру.

— Хочешь узнать, пробудился ли я?

На ощупь ткань оказалась тонкой и мягкой. Едва ощутимой. А за ней не оказалось ничего. Ни стола, ни кресел, ни даже тени... Кажется, раньше ее давала решетка, которую оплетал дикий лимонник. Что с ним случилось? Засох? А решетку убрали? И когда? До или после смерти отца?

— Конечно, хочу. Ведь ты — мой сын.

— Тебе нужно назвать наследника.

Он понимал дальнейшие события с самого начала. Но почему-то только теперь осознал до конца. Появление Александры. Его изменения. Будущее.

— Как дела у Креона?

Икар обернулся, возвращаясь в комнату.

— Он прибудет к началу Игр. Хотя я отправила ему сообщение, а он прислал соблезновения и обещание приехать пораньше.

Теперь она говорила официально, снова став правительницей. Уже привычной и понятной.

— И он еще не пробужден. Как и Иазон-младший.

Понимание прокрадывалось в голову медленно, постепенно вытесняя иные мысли. Но тут же делая женщину в Храме невероятно важной. Ведь, если все подтвердится...

— К чему мне готовиться?

— Тебя никто не станет неволить, Икар. Как и твою... гостью. Я лишь хочу узнать о ней больше, чем отчет корабельного медика.

— Разве жрицы тебе не доложат?

Всегда есть исключения из правил, особенно когда речь заходит о будущем планеты.

— В общих чертах... Филис отказалась рассказывать мне подробности, а Элпис будет покрывать своих подопечных до конца.

— Отказалась?

Странно слышать, ведь жрицы всегда поддерживают императорскую семью.

— Она училась вместе с Талией, а потом куда-то пропала...

Вспомнить больше не получалось. В то время он не слишком интересовался жизнью старшей сестры. Учеба казалась намного интереснее. И, если лицо и имя еще задержались в памяти, то такие мелочи, как тонкости общения, уже нет.

— Да, училась. А затем вернулась на побережье.

Софрония переплела пальцы, закинула ногу на ногу и отвернулась к окну, наверняка разглядывая Храм. А Икар понял, что мать чего-то не договаривает. И выбор верховной жрицы ее не порадовал, как и отказ Филис сотрудничать. Его можно было бы счесть прямым неповиновением, если бы не правила. Обычное упрямство? Уважение к личным границам? Или нечто куда большее?

— Через два дня возвращается Иазон-младший, — императрица легко сменила тему. — Я подумала, что нам будет полезно собраться на семейный обед, как раньше. Помянуть Талию в узком кругу, пока новости не разлетелись по Киорису.

— Если таково ваше желание...

Он привычно кивнул, выражая согласие и отступая за рамки правил. Они позволяли действовать без раздумий и сомнений.

— Тебе придет приглашение... если только ты не пожелаешь задержаться во дворце.

Она чуть повернула голову, наблюдая за ним краем глаза. И в словах ее послышалась надежда. Вот только на что, командер так и не понял.

— Я вернусь к себе на квартиру. Прошу меня простить.

Еще один короткий кивок, тихий вздох и жест, позволяющий уйти. Аудиенция завершена.

...Когда за сыном закрылась дверь Софрония встала. Плечи опустились. Руки безвольно повисли. Она вышла на балкон. Занавеси невесомо скользнули по плечам. Ее окутала ночная прохлада и отголоски жизни города, раскинувшегося внизу.

Когда-то эта комната и этот вид были ее любимыми. Здесь они собирались семьей, и пусть мальчики вели себя тихо, но Талия заменяла всех. Шумела, бегала, играла. Заставляла их улыбаться. Рядом с ней мир становился ярче... Императрица хотела бы сохранить покои прежними, вот только... Дети выросли и пошли каждый своей дорогой, муж погиб на войне, а теперь умерла дочь...

Руки привычно легли на мраморные перилла. Взгляд скользнул вниз. Не на столицу, но на стены и пристройки дворца. Энергетический барьер не позволит упасть и разбиться. Не то, чтобы ее посещали подобные мысли, но... Горе порой слишком велико.

— Маеджа Софрония...

Элпис возникла позади как всегда бесшумно.

— Ты говорила, что он стал эмоциональнее...

Она не хотела упрекать, но горечь придала словам жесткость.

— Каждому мужчине требуется разное время для пробуждения.

Жрица приблизилась и остановилась рядом, глядя вперед. Вот кого стены и пристройки не интересовали.

— С Маттиасом мне было просто. Мы встретились на Празднике Цветов. Он увидел меня на сцене в постановке и не смог отвести взгляд. Я до сих пор помню, как он смотрел. Его глаза... Благие Боги, меня все еще бросает в жар, когда я вспоминаю. И я хотела подобного для детей. Чтобы у них все оказалось также просто. Талии повезло...

— Капитан Байон подходил ей как нельзя лучше. И он стал бы хорошей опорой, как только она заняла бы ваше место.

— А эта женщина, — Софрония в упор взглянула на жрицу. — Она сможет стать опорой для Икара? Сможет выдержать эту ответственность? Напряжение? Власть?

Элпис выдержала взгляд.

— Ваш сын сможет. Он силен и стоек.

Императрица покачала головой.

— Все они кажутся такими до пробуждения, а затем... Нам обоим известны исторические случаи перемен. Я не знаю, каким станет мой сын. Как он изменится. И мне страшно, иерия, ведь время уходит...

Если кто-то и мог понять, каково ей каждое утро вставать с постели, встречать послов, вести переговоры и заседания Совета Безопасности, ходить, говорить, улыбаться, думать, да даже просто дышать, то только Элпис. После гибели Маттиаса она хотела оставить власть.

Отречься. Сделать брата регентом. Он тогда пользовался большой популярностью и уважением. Главнокомандующий, выигравший войну. Его бы приняли, и сам Иазон согласился бы. Исполнил свой долг. Вот только Дарей поняла все раньше мужа и выпросила аудиенцию. Упала на колени. Умоляла не взваливать на мужа еще больший груз.

Никто не знал, чем для него обернулась победа. Никто не видел, сколько успокоительных выпил главнокомандующий, чтобы спокойно принять поздравления. Никто не слышал, как он просыпался по ночам от крика, вспоминая события той войны.

Софрония не знала подробностей. Она не покидала Киорис до самой капитуляции Этры. Муж хотел уберечь ее, взяв на себя все переговоры и перелеты. Потому и погиб... О чем Дарей также не постеснялась упомянуть. И попросила не губить еще одного мужчину. Императрица отступила. И с тех пор сама несла весь груз ответственности, ожидая, когда подрастет дочь...

— Я понимаю, маеджа. Принцессу никто не заменит, но мы сделаем все возможное, чтобы выбрать подходящего наследника. А Филис... Поверьте, она никогда не станет вредить Киорису. И она — лучшая из всех возможных вариантов.

— Мне остается только поверить тебе.

И надеяться, что хватит сил продержаться еще немного. И что Этра не перейдет в наступление прямо сейчас, когда поймет, кого именно уничтожила...

Глава 18

...Ночь оказалась тихой и теплой. Кажется, впервые после гибели Талии ему удалось выспаться. Без успокоительных. Снотворного. И кошмаров. Горячий бок зверя плавно вздымался рядом, а ровное сердцебиение убаюкивало и прогоняло тяжелые мысли.

Байон раскрыл глаза и некоторое время продолжил лежать на боку, впитывая ощущение наступающего утра. Тени проступили ярче. Свет изменился. Воздух стал теплее. А ликос за спиной начал шевелиться активнее, то ли пытаясь умыться, то ли в попытках отыскать блох. А может быть, шерсть свалялась и мешала?

Талия всегда вычесывала зверя сама. Трепала гриву. Чесала за ушами. И оба получали удовольствие от процесса. Наверняка об Арее заботились в отсутствие хозяйки, но точно не так... Да и как может быть иначе?

Он сел и запустил пальцы в плотную шерсть.

— Ну, как ты, дружок? Хорошо спал? — ликос повернул к нему острую морду с внимательными, печальными глазами. — Как себя чувствуешь? Ты, кажется, похудел. Когда я улетал, точно был массивнее. А шерсть? Слушай, с тебя же просто сыпется. Так дело не пойдет. Сейчас позавтракаем и займемся тобой.

У той самой двери уже ждал поднос, накрытый полотенцем, и сверток, в котором оказалось покрывало, смена одежды, расческа и даже щетка для зверя.

— Своевременно... — прокомментировал капитан и запрокинул голову, вглядываясь в ближайшие балконы. — А прошлым вечером одеяло нельзя было оставить? Сложно?!

Он покачал головой и повернулся к еде. В желудке уже заметно ощущалась пустота. Поесть стоило бы еще вчера, но как-то не сложилось. На завтрак оказался творог с медом и орехами, запотевший графин с водой и ячменный хлеб, завернутый в ткань. Еще теплый. Пахнувший так, что голова закружилась. Кто-то без всякого зазрения совести перевернул его досье и постарался угодить. Конечно, в Храме всегда внимательны к гостям, но такое с ним впервые...

Арея тоже ждало любимое лакомство. Мелко нарубленная свежая печень, перемешанная с зеленью. Блюдо походило на кашу и выглядело совершенно неаппетитно, но для ликосов было весьма полезно. Вот только зверь от миски отвернулся.

— Давай, малыш, тебе нужно поесть.

Байон не удержался и сунул в рот отломанную горбушку, оставив творог на потом. Переставил еду под нос Арея, но тот свернулся клубком и закрыл морду хвостом.

С губ сорвался вздох. Некоторое время мужчина молча жевал, пока восхитительный теплый хлеб не закончился. Раньше они с Талией всегда ломали краюху пополам, а потом запивали из одного кувшина, расплескивая воду и смеясь. Одежда намокала, если вообще присутствовала, и завтрак продолжался уже в постели.

Тело обдало знакомым жаром. А в груди кольнуло болью. И внутри расплзлась пустота. Холодная. Бесконечная. Похожая на черную дыру. Она высасывала из него силы, эмоции, желание жить. И готовилась снова утащить в знакомую пучину, но сейчас рядом находился Арей. И его нужно накормить.

Байон взял миску и сел рядом со зверем, зарылся пальцами в гриву.

— Послушай, дружок, я все понимаю. Ты тоскуешь. Тебе грустно и одиноко. Человек, который был для тебя всем, ушел. И другого такого уже не будет.

Говорить оказалось тяжело. Слова продирались сквозь глотку, будто неотесанные камни. Глаза начало жечь.

— Я знаю... Знаю, что тебе больно. И... я ведь тоже хотел умереть. Понимаешь? Хотел быть с ней. Ты ведь тоже хочешь. Никто не позаботится о ней лучше тебя.

Ликос вынырнул из своего укрытия и заглянул ему в глаза. Как показалось, с упреком. Да, Арей доверял ему. Терпел его присутствие. И даже позволял приблизиться. Вести себя по-дружески. А он... подвел. Не уберег.

— Ты прав, дружок. Я не справился. Не только я. Но от этого не легче, правда? Кто вообще мог отговорить твою хозяйку хоть от чего-нибудь? Никто. Ни ты, ни я... Но сейчас речь не обо мне. Ты. Ты точно ни в чем не виноват. Она любила тебя. Очень и очень сильно. И она бы не хотела, чтобы ты пострадал. Чтобы ты страдал из-за нее. Она бы хотела, чтобы ты жил.

Комок в горле стал таким огромным, что пришлось сглотнуть. На губах снова появился привкус соли. Байон поставил миску и вытер лицо. Пальцы дрожали. Шершавый язык прошелся по щеке. Арей тихо заскулил.

— Да, я знаю. Жить не хочется. Совсем. Только лечь и умереть. Ведь голодать — тоже отличный выход. Долгий, но верный... Но ты ведь не хочешь ее расстраивать, да? Ты всегда слушался ее. Радовал. Так, давай порадуем ее снова. Ведь, если верить, легендам. Мертвецы за нами наблюдают. Оттуда.

Капитан запрокинул голову и посмотрел на небо, Ликос повторил за ним. Звезды уже давно побледнели и исчезли. Темно-синий сменился розовым и золотым. Рассвет. Наступает новый день. Для них тоже. Чтобы ни происходило, новый день всегда наступает.

— Давай, ты поешь, а потом я тебя хорошенько причешу, ладно? — он снова встретился взглядом с ликосом. — Талия хотела бы, чтобы ты жил. Постарайся для нее, дружок.

Мужчина развернул морду Арея к миске и буквально ткнул его носом. Тот возмущенно вывернулся, но облизал морду. Тряхнул гривой и нехотя принялся жевать. На мгновение стало легче. Байон вернулся к подносу и взялся за творог. Первый голод он уже утолил. Аппетит пропал. Но...

Все, что он говорил зверю, относилось и к нему самому. Пожалуй, только теперь он в полной мере оценил коварство замысла жрицы. Она не только вынудила его остаться живым, дав причину. Но и заставила убеждать жить другого. Что невозможно, если сам не веришь в то, что говоришь.

Талия бы хотела, чтобы они оба остались живы. И он не может ее подвести. Никак...

— Будь проклят этот Храм... — пробормотал капитан и сунул в рот ложку сладкой массы.

...— Как твои успехи?

Филис отвела взгляд от монитора и обернулась к верховной жрице.

— Лучше, чем могло бы быть. Капитан Байон вполне справляется, девушки спят. Принц пока не появлялся.

— А ты сама спала? — Элпис села рядом на полукруглый диван, расположенный в одном из проходных холлов. Двери на балкон были распахнуты настежь, и ветер доносил ароматы пробуждающегося сада. Их гость был почти прав, когда адресовал свое возмущение стенам. Но для наблюдения порой хватает и камер.

— Семь часов. Для меня достаточно. Сегодня не самый сложный день.

— Главное — не забывай о себе. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Я умею расставлять приоритеты.

Ее взгляд вернулся к экрану, где мужчина и ликос воевали за расческу. Капитан пытался привести гриву зверя в порядок, а тот отворачивался и рычал, клацая зубами в опасной близости от пальцев.

Всего лишь угроза. Будь зверь настроен агрессивно, уже отхватил бы половину предплечья.

— Так странно... Я помню его еще ребенком. Точнее подростком. Нескладным. Угловатым. Тихим. А он меня даже не узнал...

— Мы помним одни и те же события по-разному. Ты знала капитана до пробуждения?

Филис невольно улыбнулась и запрокинула голову на спинку дивана.

— Я видела его пробуждение, Эл. Обычный непробужденный мальчик в толпе таких же ровесников. И вдруг его взгляд меняется. Становится таким удивленным. Немного испуганным. А затем все сменяется восторгом. Таким искренним. Таким чистым. Я сразу поняла, кто его пробудил. Сложно было бы не понять. Он смотрел на Талию и, кажется, забыл, как дышать. Тогда мне захотелось, чтобы однажды кто-то также посмотрел на меня...

— Не сложилось.

— Нет. Не сложилось. Но я уже давно смирилась...

Она встретила внимательный взгляд верховной жрицы, и та кивнула в знак доверия. Нельзя контролировать ситуацию, если собственные эмоции мешают. Одно из правил Храма. Как только жрица становилась чересчур эмоционально привязана к подопечным, начинала пересекать границы дозволенного или чувствовала, что подходит к грани, ее отстраняли. На время, требующееся для восстановления.

— Я не ошиблась, выбрав тебя.

— Не ошиблась. Я справлюсь. И с девушкой, и с ним. И с гиатрос Клео. Но сообщать детали императрице не стану.

— Ты злишься на нее?

— Нет. Она все сделала правильно. Своевременно. Да, тогда мне было больно и обидно.

Но теперь... Я давно повзрослела. И сейчас понимаю гораздо больше, чем тогда. Мое молчание связано лишь с правилами. И с тем, что ей тоже следует соблюдать границы. Помнить о себе. В своих попытках контролировать то, что ей неподвластно, маеджа Софрония может надорваться. Впустую растратить силы.

— Она считает иначе.

— А что думаешь ты?

Эллис давно не смущали прямые вопросы. И сейчас она не изменилась в лице, лишь взгляд на мгновение затуманился. Будто жрица находилась не здесь.

— Я думаю, что мы находимся на перепутье. Одним из тех, после которых эпоха меняется. И мне страшно, потому что перемены могут оказаться губительны.

— Киорис долго процветал. Мы успели застать спокойное время.

— И тем опаснее крах. Ты знаешь, что все цивилизации приходят к упадку, рано или поздно.

— Или эволюционируют в нечто новое. Порой перемены не так уж и плохи.

— Хотела бы я, чтобы все оказалось именно так, как ты говоришь. Но прошлым вечером императрица задала вопрос, на который у меня до сих пор нет ответа. Она спросила, сможет ли эта девушка с Земли, стать для ее сына тем, чем был для нее Магтиас. Опорой и поддержкой. И мне пришлось сменить тему, ведь я не знаю. Императорская семья играет важную роль для нас. И подготовка наследницы длится с самого рождения и до дня коронации. К императору никогда не выдвигаются столь же высокие требования и ожидания. А эта девушка... Она чужая. И как она справится?

— Если ей придется справляться, — мягко возразила Филис. — Принц Искарис совсем не похож на отца. И на капитана Байона. Его взгляд не вспыхнул в одно мгновение. И эта девушка для него может стать лишь катализатором. Но не занять место рядом. Полагаю, такой исход устроит всех.

— Возможно, и устроит...

Жрицы кивнули друг другу и разошлись, отправившись каждая по своим делам. День обещал быть длинным...

Глава 19

На новом месте спалось хорошо. Даже лучше, чем на корабле. Саша едва коснулась головой подушки, как провалилась в сон. Кажется, будто на мгновение закрыла глаза, а ночь уже промелькнула. Она потянулась и встала, окидывая комнату рассеянным взглядом.

Выделенные ей покои представляли собой просторное помещение, разделенное на гостевую и спальную зону аркой. Кровать располагалась на небольшом возвышении, что позволяло видеть каждый угол. В спальном зоне находился выход в ванную и встроенный шкаф, точнее по размерам почти гардеробная, о которой раньше оставалось только мечтать.

Прошлым вечером Саша изучила каждый предмет мебели, включая рабочий стол в углу гостиной. Обстановка казалась стандартной, напоминающей каюту на корабле. А потому не вызвала лишнего волнения. Будто ничего и не произошло. Возможно, ей специально подобрали такую комнату, а возможно кто-то когда-то разработал универсальную эргономичную обстановку.

Девушка зашла в гардеробную, где вчера нашла несколько свободных туник и знакомую серо-голубую форму. Собственных вещей у нее так и не было. Оставалось лишь пользоваться гостеприимством инопланетян. Одну из туник, как показалось, из некрашеного льна, она

использовала для сна. И сейчас пыталась понять, что лучше: надеть форму или все же более тонкую бежевую тунику?

Любопытство победило, и она забрала в ванную второй вариант. А когда привела себя в порядок и решила примерить наряд, замерла перед зеркалом, пытаясь понять, нравится ей отражение или нет. Туника... свисала. Складками. Такой бесформенной хламидой, скрывающей фигуру. Грудь стала совсем плоской. Талия исчезла, а бедра... Может быть, Влад был прав, ругая ее внешность?

Некстати вспомнилось, как выглядела в похожем наряде жрица. Вот кто мог порадовать глаз и формами, и походкой, и вообще...

Саша вернулась в комнату и опустилась в кресло. Настроение разом пропало. Почему-то казалось, что после всего пережитого, на другой планете она тоже станет другой. Но чуда не случилось. Со страшной силой снова захотелось домой. В квартиру. На диван. К ноутбуку и работе. Какая клиентам разница, как выглядит автор их сайтов? Главное, чтобы работали и выполняли нужные функции.

Да и к чему ей вообще быть красивой? Еще раз замуж выйти? Или принца очаровать? Решила, что раз он однажды жизнь ей спас, и пару раз фильм вместе посмотрели, то теперь все? Любовь до гроба? Господи, какая же она дура...

— Доброе утро, — мягкий голос заставил вздрогнуть и обернуться.

Филис стояла посреди гостевой части и выглядела... Ну вот примерно так, как хотела бы выглядеть Саша. Туника, чуть отличающаяся кроєм, сидела на ней идеально. Подчеркивала и грудь, и талию, и бедра. И рост. И... Вот как у нее так получается? Такому вообще можно научиться? Или это от рождения дается?

— Вас что-то расстроило?

Жрица приблизилась и вдруг легко присела рядом с креслом. Их глаза оказались на одном уровне. Так близко, что Саша невольно отшатнулась. И поняла, что в задумчивости устроилась именно так, как привыкла сидеть дома: с ногами в кресле, обхватив колени руками. Кажется, не совсем прилично. И что у них вообще прилично?

— Ничего особенного...

Она отвела взгляд. Признаваться в собственной никчемности не хотелось.

— Вижу, вы примерили наряд альмы. Как он вам?

— Альмы?

— Ученицы Храма. Девушки, желающие стать жрицами. Сейчас здесь на обучении находятся почти две сотни. Вы позволите взглянуть?

Она снова поднялась и сделала приглашающий жест. Саша тяжело вздохнула, невольно ожидая критики и резких слов. Медленно встала, кое-как одернула ткань, боясь поднять взгляд от узорного теплого пола, сделанного то ли из камня, то ли из дерева.

— Нужно немного подогнать по фигуре. Пройдемте в гардеробную, я покажу. Как вам спалось?

Пока девушка лепетала что-то в ответ, жрица легко увлекла ее к зеркалу и встала за спиной. Что-то подтянула на плечах, отчего треугольный вырез опустился чуть ниже и обрисовал контур груди. Подхватила с одной из полок бежевый шарф, оказавшийся поясом, перехватила им талию.

— Туники шьются условно, чтобы надеть их могла любая. А для индивидуальности снабжаются аксессуарами. Каждая альма сама выбирает, как хочет выглядеть. Кто-то любит более свободный вариант, а кто-то наоборот...

Она расправила складки, а Саше оставалось только жадно следить за короткими, точными жестами и пытаться запомнить. Получится ли у нее также?

— У вас очень изящная фигура. В просторном одеянии она потеряется. Если только не сделать несколько акцентов. А волосы? Оставьте так или хотите убрать?

Она ловко закрутила растрепанную гриву и подняла так, что над макушкой стал виден пышный хвостик. Затем чуть опустила, перехватила. Теперь вся масса оказалась на затылке. А лицо вдруг стало четче. Откуда-то проступили скулы, и линия шеи показалась вдруг... изящной?

— Можно вот так зафиксировать? — неуверенно спросила Саша, чувствуя себя ребенком, впервые попавшим в парикмахерскую.

Наверное, также себя чувствуют участницы всяких шоу-преображений, когда над ними работают стилисты. А здесь одна только жрица. Она улыбнулась, выглядывая из-за ее спины. Одобрительно. Мягко. Подбадривая.

— Конечно. Сейчас только сделаю чуть аккуратнее, присядьте вот сюда.

Откуда-то в гардеробной оказался и складной стул, и расчески, и тонкий золотистый шнурок, которым Филис обвязала волосы, а затем как-то закрутила и завязала на затылке. Саша аккуратно повернула голову в профиль, разглядывая пышный пучок, в который превратились ее тонкие, непослушные волосы. Да и она сама... если и не стала красавицей, то выглядела однозначно лучше, чем всего полчаса назад.

— Как у вас получилось?

— Что именно? — серьезно спросила жрица, склонив голову к плечу и разглядывая ее в зеркале.

Девушка обернулась к ней и посмотрела снизу-вверх.

— Сделать меня такой... Вас этому специально учат?

— Сделать... какой?

Глаза-вишни смотрели без насмешки. С вниманием. И желанием услышать ответ.

— К-красивой...

Слово не шло с языка. И во рту вдруг пересохло. Стало ужасно неловко. Будто они говорили о чем-то неприличном.

— Но я ничего не сделала. Лишь помогла вам с одеждой, которая вам не привычна, и с прической. На Киорисе каждый сам выбирает, как ему выглядеть. Как одеваться. Подчеркивать или нет свои достоинства и недостатки. Возможно, вы правы. Нас с детства учат понимать себя и свое тело. Выбирать совершенствоваться или принимать то, что есть. Ни тот, ни другой подход не осуждаются. То, что вам нравится результат моего вмешательства, и вы считаете себя красивой — прекрасно. Но позвольте спросить, что заставило вас думать иначе?

— Я...

Саша замерла, не зная, что ответить. В памяти всплыли все комментарии Влада, взгляды продавцов в магазине, перешептывания маминых подруг. Тошная. Кожа да кости. Даже подержаться не за что. И кто на такой велосипед позарится?

Стало вдруг невероятно обидно. Даже горло перехватило. Как тогда, когда она так хотела надеть новое платье на праздник в садик. Кажется, было восьмое марта. И ей пять лет. И папа купил новое платье. С пышным, кружевным воротником, с короткими рукавами и развивающимся подолом. Она представляла, как будет кружиться в нем, когда станет танцевать поздравительный танец. Голубое. То платье обладало каким-то совершенно

поразительным оттенком голубого. И Саша казалась себе в нем принцессой. Как Золушка из мультика. Пока не услышала мамин комментарий. «Ой, висит, как на вешалке. Тощая, просто ужас»...

— Возьмите.

Перед глазами возникла салфетка. Саша шумно шмыгнула носом и поспешила вытереть непрошенные слезы. Глупости какие. Она тут едва не умерла. Оказалась на другой планете, а плачет из-за испорченного четверть века назад утренника. Вот не дура?

— Извините, — она промокнула глаза и даже высморкалась. — Просто я...

— Расстроены, — мягко перебила жрица. — Мой вопрос задел что-то в вашем прошлом, что вызвало столь эмоциональный отклик. Если хотите, вы можете рассказать.

Рассказать... Жаловаться на жизнь малознакомой женщине, которая играючи сделала из нее греческую красавицу. Глупо. Или... Почему-то подумалось, что Филис не станет смеяться. И осуждать. Но... говорить все-таки не хотелось.

— Если не хотите, можем перейти к завтраку, — легко продолжила беседу жрица, когда пауза несколько затянулась. — А потом я могу показать вам Храм. А вы можете задавать мне любые вопросы.

Она улыбалась. Как-то светло и искренне. Ей хотелось верить. И, может быть, как-нибудь потом они еще вернуться к этому разговору.

— А сколько учатся альмы?

Завтрак оказался простым и знакомым. Дополненным разве что свежими фруктами, которые, по словам Филис росли прямо в Храмовом саду.

— По-разному. В среднем от трех до семи лет. Зависит от возраста и индивидуальных качеств.

— Семь лет? Так много...

— Жрец мало. Из двухсот альм примерно половина уходит после первого года обучения. Еще треть отсеивается позже. И почти половина выпускниц отказывается от служения в течение первых двух лет.

— Но почему?

Саша едва не подавилась, шокированная приведенными цифрами. После рассказов Клео ей казалось, что на Киорисе жрицы занимают привилегированное положение. А значит, многие должны желать занять их место. Разве что отбор чересчур строг...

— Ответственность. Психическая устойчивость. Мы работаем с теми, кто совершает ошибки. Копаемся в чужой жизни. Помогаем пробуждающимся мужчинам. Консультируем. Ведем лекции по развитию эмпатии и эмоционального диапазона. Не все могут справиться с нагрузкой. Или с собственными эмоциями. Бывает так, что жрица привязывается к подопечному. Больше, чем необходимо, и тогда уже не может быть беспристрастной. Иногда из таких привязанностей рождаются пары. А иногда случаются трагедии...

Лицо Филис заметно омрачилось.

— А как вы справляетесь с такой нагрузкой?

— Следим за собой, — в глазах жрицы снова зажегся свет. — Первый постулат Храма гласит: помни о себе. Он означает, что при первых признаках переутомления нужно остановиться. Бессонница, проблемы с аппетитом, быстрая утомляемость — что угодно. Мы должны сообщать другим жрицам. Обращаться за консультацией к гиатросам. Помнить о себе. Если одна из жриц окажется не в состоянии заботиться о своих подопечных, другим придется взять на себя ее работу. Нагрузка увеличится. Что может повлечь за собой цепную

реакцию. Конечно, случается всякое. Порой невозможно остановиться вовремя, предусмотреть все обстоятельства. Но мы стараемся. Отвечая за себя, мы отвечаем за других.

Саше почему-то вспомнилось, как мама готовила ужин после рабочего дня. Уставшая. Хмурая. Она вставала к плите, варила, жарила, потом проверяла уроки у нее и у брата. Всегда с одинаковым выражением на лице. Хмурая усталость, которая со временем стала ее частью. Если бы ей кто-то и когда-то сказал, что нужно в первую очередь заботиться о себе, она бы послушала? Или нахмурилась и пошла бы дальше заниматься делами в святой уверенности, что не имеет права на отдых?..

Глава 20

Храм... Он вызывал двойственные чувства. Подавлял и восхищал одновременно. Бесконечные коридоры, сменяющиеся просторными залами и террасами с большими окнами. Мрамор. Белый, розовый, персиковый, серый, голубой... Каких-то совершенно невероятных расцветок и качеств. Иногда он казался почти прозрачным, а иногда воспринимался гранитной плитой, поглощающей свет. Впечатления от помещений менялись в зависимости от отделки, и через час у Саши уже кружилась голова от увиденного.

Они как раз вышли в сад, где буйствовала зелень, разбавленная светлыми туниками альм и оттененная небесной лазурью.

— Полагаю, нам стоит отдохнуть, — жрица легко опустилась прямо на траву в тени раскидистого дерева.

Саша огляделась, отмечая, что многие поступали также, немало ни заботясь о разводах, которые могут остаться на одежде. Она провела ладонью по немного шершавой ткани и неловко села рядом Филис, прислонившись к дереву. В голове немного шумело, а воздух показался сладким. В нем смешались запахи травы, листьев, цветов и чего-то еще, настолько неуловимого, что хотелось вдыхать снова и снова, чтобы понять, что же ускользает...

— У вас небольшая дезориентация, вызванная разницей газового состава воздуха на Киорисе и Земле, — ровный голос привлек внимание, и Саша ошалело взглянула на собеседницу. Та легла на живот, пристроив голову на ладони, и наблюдала за ней с легкой улыбкой. — В нашей атмосфере меньше углекислого газа. Соотношение других газов также меняется. Вы привыкнете, но нужно немного времени.

— Внутри я ничего не почувствовала.

— В помещении разница не столь заметна, к тому же ваш организм пережил стресс от перелета, и гормональный фон изменился. Сейчас он перестраивается с учетом новой среды обитания. Человеческое тело — удивительно. Оно способно творить настоящие чудеса.

— У нас тоже считают, что человек — вершина эволюции, но при этом мы так слабы...

— Слабость возникает от незнания. Или неумения обращаться с тем, что имеешь, — жрица взглядом указала на группы альм вокруг. Каждая занималась чем-то своим. В одной девушки явно повторяли танцевальные движения, в другой что-то обсуждали, сидя в кружке, в третьей как будто делали спортивную зарядку, в четвертой разделились на пары и... сражались? — Первое, чему мы учим будущих жриц — умение полностью владеть своим телом. Раскрыть тот потенциал, что заложен от рождения. Но начало лежит в изучении... Мы начинаем с познания самих себя еще в раннем детстве. Анатомия — вот основа образования. С нее начинается биология, биоинженерия, медицина, берет начало химия и физика. Искусство также начинается с человека. Оно не существует в природе само по себе. Мы преобразуем материалы и формы и создаем нечто новое. Порой прекрасное, а порой...

ужасное...

Почему-то сейчас, слушая уверенную и полную достоинства речь жрицы, Саша неожиданно на мгновение ощутила себя действительно вершиной эволюции. В груди поднялось и словно распустилось неведомое до сих пор чувство, которому нет названия. Нечто настолько огромное, что его сложно осознать. И страшно прикоснуться. И она привычно зачихнула его поглубже. Словно захлопнула шкатулку и убрала на дальнюю полку, опасаясь снова заглянуть внутрь.

— Значит, человек в вашем понимании необыкновенно силен?

— Именно так. Этра превратно трактует философию силы, считая, что сильный обязан править слабыми. Киорис же позиционирует силу в первую очередь как ответственность. Сильный не убивает того, кто слабее. Да, в природе именно так и происходит, но человек стоит выше и создает свои законы. И он несет ответственность не только за себя, но и за мир вокруг. Ведь от него зависит, как именно будет меняться и развиваться этот мир.

И снова накатило то самое чувство. По спине пробежали мурашки, а воздуху стало тесно в груди. Ответственность за мир, которую несет каждый. Наверное, если с рождения расти с таким осознанием, мировоззрение сформируется совершенно иначе, нежели у землян...

— А вам не страшно?

— Чего именно нам стоит бояться?

И снова этот прямой, серьезный взгляд без капли насмешки.

— Не знаю... Например... того, что вы не справитесь, или причините вред... или...

Саша умолкла, не зная, что еще сказать. Ее пугала ответственность за кого-то еще. Как показал опыт, она и за себя-то отвечать не в состоянии. Точнее может, но... как-то все сложно.

— Оценка вреда или возможных последствий, рисков — одно из самых важных направлений деятельности на Киорисе. Ни один проект не получает одобрения, пока несколько независимых компаний не вынесут свой вердикт. Анализ позволяет минимизировать негативные исходы и сценарии. А что касается того, что мы не справимся... У каждого свой предел возможностей. И его мы также изучаем на протяжении всей жизни. Учимся вовремя останавливаться, отказываться от того, что нам не по силам. Из этого и вырастает ответственность. В первую очередь — за себя.

— Но разве думать о себе — это не эгоизм?

— Полагаю то, что ты обозначаешь данным термином, подразумевает негативную окраску и пренебрежение к потребностям окружающих. Но скажи, разве усталый, голодный, испытывающий боль человек способен кому-то помочь?

Саша вспомнила себя всего пару недель назад. Ей было сложно даже выйти из дома. Заказывать еду. Готовить. Убирать. Все приходилось делать через силу и только тогда, когда других вариантов уже не оставалось. Работа... Она работала, чтобы иметь средства к существованию и стимул, чтобы вставать по утрам. А если бы работы не было? Почему-то такая мысль заставила передернуть плечами. Стало очень неудобно.

— А если тому, кому нужна помощь, еще хуже?

— И что же могут сделать два нездоровых человека, страдающих по разным причинам? Позволь уточнить, мы не говорим о каких-то экстремальных условиях или ситуациях. Речь идет о повседневной жизни в мирное время.

— Ну... они могут поесть.

Ольга кормила ее, дала крышу над головой, нашла адвоката, ходила на все судебные

заседания, а потом помогла подыскать квартиру в другом районе. Она потратила массу сил. И ничего не просила взамен. Только отдавала. И Саша была благодарна. Безмерно. Но даже отдаленно не представляла, как возместить долг подруге.

— Допустим. Еще они могут вместе отдохнуть, если им нужно восполнить собственные ресурсы. Но в том, что касается боли... Как лечить, если нет опыта и знаний? Методов?

После переезда, оставшись в новой квартире в одиночестве, она словно выдохлась. Перешла в максимально пассивный режим. Да, Ольга сделала для нее все, что могла. Не вылечить... Пожалуй, без специальных знаний это действительно невозможно. Подруга советовала пойти к психотерапевту, даже давала номер, но Саша так и не решилась.

— И что же делать?

— Лучшее, что может сделать нездоровый или уставший человек, когда у него просят помощи — сказать, что он не может ее оказать и попросить отложить разговор, а в случае срочности — отправить просителя к специалисту. Двое больных не только не исцелят друг друга, но также могут навредить. Не со зла, но по незнанию.

— Так эгоизм — это не плохо?

Филис широко улыбнулась и сунула в рот сорванную травинку. Только теперь Саша обратила внимание, что жрица, ничего не стесняясь, болтает ногами в сандалиях. Туника сползла до самых бедер и вовсе не лежала идеальными складками, а прическа немного растрепалась, и несколько прядей выбились из пышного узла волос на затылке. Но женщина не стала выглядеть хуже. Наоборот, в ее естественности виделось куда больше красоты и жизни, нежели в образе, увиденном утром. А еще стало заметно, что в уголках ее губ появились морщинки, а нос и скулы слишком резкие, и под таким углом лицо выглядит тощим. Но... это совсем неважно...

— Плохо... хорошо. Равнодушие к окружающим возникает там, где у людей нет возможности позаботиться о себе. Они выживают. И от того становятся жестоки. Холодны. Когда люди могут позаботиться о себе, думают о себе, тогда у них появляются силы и желание заботиться о других. Помогать. Что-то отдать можно только тогда, когда есть излишки. Ведь тогда ты сам не пострадаешь. Нет страха, нет жадности. Легко отдать и легче принять, разве не так?

Кольнула мысль об Ольге. И показалось, что жрица знает намного больше, чем Саша рассказала. Или понимает. Видит. Разницы нет. Ведь она права. Принять помощь порой настолько сложно и даже унижительно, что невозможно просить о ней.

— Значит, человек — центр Вселенной.

Фраза обрела совсем иной смысл, нежели тот, что объясняли в школе. И пришло понимание. То чувство, от которого воздух распирает грудь — это ощущение необыкновенной силы, которая есть у каждого, но... Кажется, земляне разучились им пользоваться. Сила и ответственность. Страх. Ее он мучил, потому что сама Саша слабо представляла границы своих возможностей. Да и как, если она последний год только и делала, что выживала? Не жила, нет. И потому оставалась равнодушна ко всему. Захотелось немедленно позвонить Ольге и извиниться. Спросить, как у нее дела. Позвать куда-нибудь в кафе или в гости... Обнять. Выслушать. Помочь, если ей что-то необходимо.

— Некоторые осознания даются нелегко. Особенно, когда приходят в более зрелом возрасте. Когда жизненные ориентиры и ценности уже сформированы.

— Мне пока сложно принять то, о чем вы говорите. Но... я понимаю, что во многом вы правы. Не уверена, что смогу быстро перестроиться...

— Никто и не ждет перемен за один день. Я лишь рассказываю основы нашей культуры. Так наше общение будет строиться проще и продуктивнее. Я также с удовольствием послушаю об особенностях культуры землян.

— Ой, я совсем ничего не знаю! — поспешила отказаться Саша, взмахнув руками. — У нас очень много народов и культур. И каждая со своими особенностями, вряд ли я смогу рассказать даже о четверти.

— О, я вовсе не собираюсь проводить экзамен, — Филис улыбалась легко и мягко. — И готова слушать все, что угодно. Я знаю, что вы с командером несколько раз смотрели фильмы с Земли. Храму передали основной массив данных, полученных из информационного поля. Может быть, есть рекомендации и для меня?

— Рекомендации...

Девушка запрокинула голову и посмотрела на небо сквозь широкие ветви с зелеными листьями. Подумалось, что уже очень давно она вот так не смотрела на небо. Без всякой цели. Просто небо. И просто день.

— Я люблю английскую классику... Гордость и предубеждение. Джейн Эйр. Чувство и чувствительность. Аббатство Даунтон...

Глава 21

День за беседой и экскурсией пролетел незаметно. Обед прошел на террасе, где за столиками размещались жрицы и альмы. Никакого разделения на учителей и учениц не было. Беседы одинаково оживленно шли как среди носительниц алых туник, так и за смешанными столами. Еще одной особенностью стало полное отсутствие любопытных взглядов. Что не могло не радовать Сашу, не привыкшую к повышенному вниманию.

— В Храме часто бывают гости, и, как правило, они не любят, когда их беспокоят, — пояснила Филис, — поэтому мы научились сдерживать интерес.

За обедом к ним присоединились Клео. Выглядело немного лучше, чем при посадке, но все же не столь жизнерадостной, как в первые дни на корабле. Девушка ела молча и, закончив, сразу же ушла.

— Некоторым требуется уединение, чтобы пережить потрясение. Пройдет время, и она восстановится, — уверенный тон жрицы немного успокоил, но все же киорийку было жаль. И еще больше от того, что сама Александра испытывала подъем сил. Ей нравилось погружаться в атмосферу нового места, которое завораживало своей необычностью.

Ближе к вечеру, когда стены Храма приобрели рыжеватый оттенок, экскурсия дошла до просторного холла, где как раз раздевались жрицы.

Саша невольно замерла и сделала шаг назад, чтобы не мешать, но Филис легко обогнула ее и вошла в помещение.

— Что это за место?

Девушка проводила взглядом робота-уборщика, подобравшего туники и отнесшего их к боковой стене с ячейками. Умная машинка, не сбавляя хода, поднялась по стене, достигла нужного места, быстро, но аккуратно закинула туда вещи, и столь же легко вернулась обратно.

— Здесь мы отдыхаем. Помнишь, я говорила о восстановлении? Здесь оно и начинается.

Александра обернулась в тот момент, когда одеяние Филис бесшумно упало на пол. Жрица без всякого смущения переступила через него и вопросительно взглянула на нее:

— Тебя смущает нагота?

— Немного...

Мужчин в Храме они, конечно, не встречали. То ли их тут совсем нет, то ли есть, но в других местах. Однако... Выставлять себя напоказ не хотелось.

— Принеси накидку для купания, — киорийка отдала указание роботу и отвернулась. — Тебе будет удобно, если я отвернусь?

— Да, спасибо.

Снять тунику оказалось намного проще, чем правильно надеть. А накидка для купания вообще оказалась куском ткани с завязками на шее. Полотенце с подвязками. Удобно, чтобы не сползло и в меру прилично. Длина заканчивалась как раз чуть ниже ягодиц.

Переодеваясь, девушка то и дело косилась в сторону жрицы. Длинные ноги. Подтянутые ягодицы. Чуть вытянутая фигура из-за роста. Удлиненная, невыраженная талия. Довольно резкая линия плеч. И руки. Длинные. Пропорционально, но все же. Вряд ли на Земле Филис посчитали бы красавицей. Объективно ее фигура не являлась эталоном. Но то, как она двигалась, говорила, держала себя...

— Ты закончила?

Она обернулась, и Саша невольно вздрогнула, отводя взгляд.

— Да...

— В вашей культуре имеется табу на обнаженное тело?

И снова этот ровный, спокойный тон. Совершенно серьезный вопрос, который вгоняет в ступор.

— Демонстрировать его считается неприличным... Я думала, у вас также, раз вы одеваетесь...

— Жесткий запрет и соблюдение этических норм — немного разные вещи, — собеседница распахнула дверь в огромное помещение с несколькими бассейнами, объединенными подобием каналов. Со всех сторон раздавались разговоры, смех, плеск воды. Кажется, здесь собрались все обитательницы Храма. И почти все они были обнажены. — На Киорисе нагота не считается постыдной. В теле нет ничего, что стоило бы скрывать. Да, мы носим одежду, обусловленную климатическими условиями и безопасностью. Но и не стесняемся, когда нам приходится разоблачиться.

Вот уж действительно, здесь никто не испытывал стеснения. Женщины разных возрастов, фигур, весовых категорий, объемов. Никто не пытался прикрыться или спрятаться от чужих взглядов. Хотя... никто и не смотрел. Точнее, никто не изучал чужие тела с неприкрытым интересом. Отсутствовало то ощущение липких взглядов, что порой преследовало на летних улицах Москвы. Когда встречные мужчины, кажется, не только раздевают глазами, но и... реализуют все свои фантазии.

Сашу передернуло от воспоминаний. По коже прокатилась волна мурашек, но тут же пропала. Филис, не останавливаясь, прошла мимо бассейнов налево к широкой арке, отделявшей еще одно помещение. Здесь располагались высокие столы, и киорийки, облаченные в светло-голубые накидки для купания, делали массаж.

— Доркас!

На зов жрицы обернулась массажистка с каштановыми волосами, заплетенными в сложную косу, спускающуюся по спине до самой поясницы.

— Филис! — та широко улыбнулась, не отвлекаясь от занятия. — Я сейчас закончу. Подожди.

— Здесь мы снимаем физическое напряжение, — спутница указала на полки с

баночками разных форм и размеров. — Можно выбрать масло, подходящее под настроение или случай. Забота о теле важна. Она дает основу для всего остального. В том числе для духовных поисков и открытий.

Саша протянула руку и осторожно открыла ближайший флакон. Пряный, сладкий аромат оказался чересчур насыщенным. Она поспешила вернуть масло на место. И пожалела, что отсутствуют надписи с составом. Хотя... Что она смогла бы в их понять, если местные растения ей неизвестны?

— А что может подойти мне?

— Зависит от цели, которую преследуешь, — ответил глубокий, насыщенный голос.

Доркас освободилась и вытирала руки полотенцем, стоя совсем рядом. Она оказалась ниже Филис, но с таким же золотистым оттенком кожи и более пышной фигурой. Мягкая, округлая с аккуратными чертами лица и большими голубыми глазами в обрамлении пушистых ресниц. Вот кто точно покорила бы мужчин на Земле.

— Александра — наша гостья. Она впервые посещает термы. Как и Киорис.

— И как вам пришелся Храм?

— Очень интересно. Все такое необычное. Я много узнала... И хочу узнать больше.

Саша очень надеялась, что не выйдет наивной провинциалкой, впервые выехавшей в столицу. Но чувствовала себя именно так. Все вокруг словно видели ее насквозь. И ее смущение, и неловкость, и неуверенность в себе. Последний раз она так себя чувствовала, когда устраивалась на работу. Вчерашняя студентка, наивная, невинная и глупая. С тех пор прошло не так уж мало лет, а оказывается, чувства остались прежними. Стоило только оказаться в похожей ситуации.

Киорийки переглянулись.

— У Александры был долгий перелет, из-за которого скопилось много стресса.

— Тогда я знаю, что нам понадобится.

Доркас уверенно направилась к полке и взяла тонкий, вытянутый флакон. Вытащила пробку, вдохнула аромат, чуть прикрыв глаза, кивнула себе и протянула масло гостье.

— Цитроны, базилик и иланг-иланг.

Аромат оказался свежим. Немного пряным. Горьковатым. Как грейпфрут. Чуть кислым. И самую малость сладким. Последняя нота постоянно ускользала, заставляя сделать еще один вдох, чтобы уловить ее. Запах заполнил легкие, взбодрил, принес легкость. И только теперь стало ясно, как она устала за прошедший день.

— Мне нравится, — выдохнула Саша, возвращая флакон.

— Тогда, прошу к столу.

Доркас сделала широкий, приглашающий жест. И уже через пару минут девушка оказалась на удобной поверхности, покрытой плотной тканью. Накладку пришлось снять, но ее отсутствие уже не вызывало такого протеста, как раньше.

На спину упали первые капли масла. Теплые. Они потекли по позвоночнику, собираясь вместе и устремляясь к пояснице. Затем заскользили по ребрам и талии, а потом спины коснулись руки. Теплые. Сильные. Мягкие. Уверенные движения втирали масло в кожу, и выбранный аромат заполнил воздух. Поглаживания сменились давлением. Стремительными нажатиями на точки, известные только киорийке. Короткие, быстрые, они приносили боль и облегчение одновременно. А еще заставляли вспомнить о мышцах, о существовании которых девушка и вовсе не знала.

— Ох! — выдохнула она, когда обе руки Доркас легли на основание шеи.

— Извини, буду мягче. Ты очень напряжена. Одним сеансом тут не обойдешься.

И снова широкие ладони, разминающие спину. Заставляющие едва ли не выгибаться от смешанных ощущений. Хотелось и прекратить, и в то же время не заканчивать. Стоило массажистке на мгновение убрать руки, и по телу прокатывалась волна облегчения. Мышцы словно превращались в кисель. Такого расслабления Саша не испытывала давно. Но затем, сильные пальцы снова находили еще одно место, требующее внимания. И все повторялось.

Руки. Ноги. Ягодицы. Поясница. Плечи. Шея. Александра потерялась во времени и ощущениях. Кажется, она стонала. И шипела. А еще иногда ругалась. На русском. И когда ее оставили в покое, накрыв теплым куском ткани, не сразу поверила, что все закончилось.

Тело казалось чужим. Легким. Невесомым. Совершенно расслабленным. До такой степени, что даже пальцами пошевелить сложно. Сознание, раздраженное ароматом, отказывалось концентрироваться на здесь и сейчас. Все пыталось уплыть в дрему, а лучше полноценный сон. И сопротивляться оказалось невозможно...

— Тяжелый случай. Давно такого не видела.

Доркас разминала пальцы и хмурилась, поглядывая на уснувшую гостью. Филис, за время массажа успевшая посетить парилку, отбросила влажные волосы на спину.

— Возьмешься за нее? Без помощи мне здесь не справиться.

— Шутишь? Конечно, возьмусь. Я же начала. А девочке явно досталось. Нужно будет подумать, кого из пациентов отправить пока к другим.

Доркас являлась гиатросом и специализировалась на восстановлении после травм. А также помогала Храму и жрицам.

— Спасибо, Дора.

— Не благодари. Случай мне интересен. Это новый опыт. Поэтому у меня здесь свой интерес. Но я рада буду поработать с тобой.

— Взаимно.

Жрица улыбнулась и снова взглянула на подопечную. День оказался плодотворным. Но впереди их ожидало еще долгое путешествие.

Глава 22

К вечеру Байон понял, что как бы не злился на жрицу, общаться с ней все-таки придется. А так как ни одного средства коммуникации ему не оставили, пришлось использовать природные данные.

— Эй! Я хочу поговорить с жрицей Филис!!! Как можно скорее! Прямо сейчас! Или хотя бы сегодня! Пришлите ее сюда кто-нибудь!

Он попрыгал и помахал руками над головой, привлекая внимание. Стены Храма оставались безмолвны. Не могли же его бросить без присмотра? С чужим ликосом. В саду. Как-то это негостеприимно. И уж точно не в привычках жриц. Но тогда где они?

— Меня вообще кто-нибудь слышит?! Может, хоть знак какой-то подадите, в конце концов?!

На одном из балконов мелькнул огонек, а спустя некоторое время дверь приоткрылась, и показался робот из обслуги. Он уже приносил обед, ужин и даже пару одеял, увидев которые капитан и решил перейти к диалогу. Робот остановился рядом и выдал аудио-сообщение.

— Ваша просьба услышана, капитан. Иерия Филис подойдет, как только освободиться. Пожалуйста, будьте терпеливы.

Как только сообщение закончилось, робот отправился обратно.

— Терпеливы... Да я — сплошное терпение! Воплощенное!

Мужчина опустил на траву, на плечо тут же легла морда зверя. Влажный нос ткнулся в щеку.

— Все нормально, дружок. Ты же знаешь, что ночевка под открытым небом меня не пугает. Просто я не хочу здесь больше оставаться. Мы с тобой ведь справимся, да?

Он потрепал кое-как расчесанную гриву и вздохнул. Байон и сам не мог объяснить, чем его так раздражает пребывание в Храме. И даже не хотел разбираться. Только покинуть его поскорее. Уйти. Остаться без надоевшего наблюдения.

— Мы справимся, дружок. Не будем творить глупости. Просто проживем. Как-нибудь.

Ему полагалось жалование за последний полет. И в отставке тоже будет что-то выплачиваться. К тому же есть квартира. Все будет нормально. Нормально. Он справится.

Жрица появилась, когда небо уже окрасилось фиолетовым, а на стенах Храма вспыхнули огоньки подсветки. Раздражение немного улеглось, и капитан даже постарался выглядеть вежливым.

— Добрый вечер, иерия.

— Добрый вечер.

Она окинула взглядом поляну, внимательно осмотрела зверя и заглянула ему в глаза.

— Как прошел ваш день?

— Полагаю, вы знаете это не хуже меня.

Нет, все-таки улыбаться и оставаться спокойным не получалось.

— Возможно, но я хотела бы узнать ваши впечатления и ощущения. Как вы себя чувствуете, капитан?

Он выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Неплохо. Я хочу покинуть Храм. Обещаю вам, что не стану повторять попытку самоубийства. И никому не причиню вред. Мне есть, о ком заботиться. И я всецело осознаю возложенную на меня ответственность.

Заготовленные слова кончились, и Байон взглянул в лицо женщины, стараясь понять, какое впечатление произвел. Никакое. У нее даже бровь не дрогнула.

— Позвольте возразить. Никто не возлагал на вас ответственность за Арея. Вы сами ее взяли. Вам лишь предоставили выбор. И, прежде чем вы начнете возражать, хочу заметить, что никто не знал, какой будет ваша реакция на появление ликоса. Забрать его — только ваше решение.

Капитан скрипнул зубами и сжал кулаки. Прикрыл глаза. Медленно выдохнул. И пошевелил головой, стараясь размять шею, в которой скопилось много напряжения.

— Так вы позволите мне уйти?

— А что вы собираетесь делать дальше? Вот вы покинете Храм, придете в свою квартиру, где множество вещей принцессы Талии. Где вы проводили вместе много часов и дней. Где каждый уголок наполнен воспоминаниями...

— Хватит!

Он закрыл уши руками и зажмурил глаза. Нарисованная жрицей картина оказалась слишком реальной. И невыносимой. К счастью, она замолчала. А Байон смог отдышаться. Хотя бы вздохнуть, прогоняя ощущение удушья. И снова встретиться взглядом с глазами жрицы, наполненными сочувствием и пониманием.

— Позвольте, я расскажу, что будет дальше. Вы вернетесь домой, и первое время будете

отчаянно пытаться выполнить данное себе обещание. Жить дальше. Заботиться об Арее. Но чем больше вы будете пытаться, тем хуже вам будет. И в один из дней вы подойдете к краю. Вы не станете вредить себе или кому-то. Вы обещали и привыкли держать слово. Поэтому вы возьмете бутылку. А затем еще одну. И еще. Вы будете пить каждый день, чтобы забыться, и обещать себе, что остановитесь. Когда-нибудь обязательно остановитесь.

— Я не зависим!

— Да, вы не зависимы сейчас. Потому что у вас есть силы. Пока еще есть силы. Но вы надломлены. И не хотите принимать помощь. И если пойдете по этому пути, окажитесь там, где не желаете.

Он хотел возразить. Пытался подобрать слова. Но они даже ему не казались убедительными. Мужчина попытался успокоиться. Сосредоточиться. Ему нужно вырваться. Просто покинуть это место и станет легче. Он начал ходить по поляне. Дышать. Хотя грудь сжимало, словно в тисках. И каждый вздох отдавался физической болью.

— Этого не будет! Не будет! Я справлюсь! Я смогу! Смогу!

В какой-то момент он оказался перед стеной. Гладкой стеной с шершавыми прожилками. И он ударил ее. А потом снова. И снова. Он так хотел выбраться. И снова оказался заперт. Боль отрезвила. На мгновение дышать стало легче. И он бил, уже не чувствуя рук. И не понимая, что кричит. А остановился только тогда, когда услышал за спиной приглушенное рычание ликоса.

Обернулся. Арей пошире расставил лапы и пригнул голову к земле. Вздрыбил шерсть на загривке, от чего грива стала больше. И смотрел. Без злости. Но с предупреждением. А у него за спиной стояла жрица. Она тоже не злилась. И не боялась. Но в ее глазах он увидел свое отражение. Сломленный. Да, именно так.

Байон перевел взгляд на разбитые в кровь руки. Пострадал только он сам. Но, если бы рядом оказался кто-то еще. Если бы он не смог себя контролировать пусть даже минимально. Если бы...

Капитан застонал и опустился на землю. Сел, согнув колени и повесив на них руки. Сил не осталось. Раздражения тоже. Пустота. Много пустоты. А еще он, кажется, сломал пару пальцев.

Филис осторожно обошла зверя и опустилась рядом, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Здесь рядом, на первом этаже, есть гостевая комната. Она совсем небольшая, но находится в стороне от остальных. Вас никто не потревожит, и вы сможете проводить время с ликосом. Столько, сколько захотите. Пойдемте?

Он смог только кивнуть. И попытался встать, но тело отказывалось слушаться. А кисти вдруг заболели так, что в глазах потемнело. Жрица, как могла аккуратно, закинула его руку себе на плечо, и обхватила его за пояс. Помогла встать и удержать равновесие. Она оказалась неожиданно сильной. Крепкой. И с него ростом.

— Осторожно. Нам некуда торопиться. Можем идти медленно.

Шаг. И еще один. Байон показался себе слабым. Еще никогда не чувствовал себя так. Ни после первого вылета. Ни после первого столкновения. Тогда он восстанавливался легче. Быстрее. Требовалось лишь немного отдохнуть. Несколько бесед для правильного понимания себя и ситуации. И снова становился собой. А теперь...

— Я не справлюсь, да?

— Вам нужна помощь. Поддержка. Забота. Больше, чем раньше. Возможно, потребуется

больше времени. Но один вы не справитесь, да.

— Я вас напугал?

Они зашли в коридор, и он попытался опереться рукой о стену, но едва не взвыл от пронзительной боли.

— Вам лучше довериться мне и не торопиться, капитан, — мягко укорила женщина, когда он зашипел, стараясь сдержать крик. — Нет, вы меня не испугали. Я видела разные проявления боли. Гнев и злость являются ее частью. Вам нужно выпустить их. Позже мы поговорим о том, как делать это так, чтобы никто не пострадал. И вы в первую очередь.

— Не уверен, что хочу говорить.

— Тогда сможете слушать. А говорить буду я. Вы помните, что скоро начнутся Игры?

— Да... мы хотели вернуться до их начала. Талия... она любила Игры.

Комната оказалась рядом. Буквально за углом. Небольшая, но уютная. Со старомодным плетеным ковром на полу. Кроватью в углу. Старинным комодом вместо гардеробной. Парой деревянных кресел и круглым столом у окна. И еще одной дверью, ведущей в очистительный блок. Ему неожиданно понравилось. И он не стал сопротивляться, когда жрица усадила его в кресло.

Оказалось, что Арей все это время следовал за ними. Зверь заглянул в комнату, принюхался. Обошел ее по кругу. И устроился на ковре, прикрыв глаза и накрыв морду хвостом.

— Надеюсь, вам здесь будет комфортно. Сейчас я вызову гиатроса, чтобы обработать ваши руки. Здесь есть немного одежды, — она указала на комод, — полотенца и запасное одеяло. Ночи иногда бывают прохладными. Робот-разносчик будет приносить еду и прибираться при необходимости.

Последнее Филис могла и не говорить, он все понимал. Хотя ее ровный тон и голос успокаивали. Стало чуть легче.

— Долго я буду таким?

— Никто не знает... Но, повторяю, вам не стоит торопиться. Постарайтесь относиться к своему состоянию как к болезни. Сложной, тяжелой болезни. Вам нужно принимать лекарства и выполнять рекомендации гиатроса, тогда выздоровление настанет.

— Разве есть лекарство от боли? От такой боли?

— У каждого оно свое. И, рано или поздно, больной его находит.

В дверях появилась еще одна женщина в голубой форме.

— Добрый вечер. Что у нас тут?

— Небольшое происшествие, — мягко ответила жрица.

Гиатрос окинула его руки профессиональным взглядом, поместила на стол портфель с инструментами и сдержанно улыбнулась.

— Сейчас мы вас быстро подлечим. Но сначала обезболим, — она достала ампулу с прозрачной жидкостью.

— Не нужно. Делайте так.

Байон положил ладони на стол. Кровавое месиво из мяса и костей. Физическая боль куда лучше той, что терзает его изнутри.

— Капитан, вам не нужно страдать больше, чем необходимо, — на плечо опустилась ладонь жрицы. Он с трудом подавил первый порыв сбросить ее и поднял взгляд. — Пожалуйста, доверьтесь мне. Позвольте гиатрос Доркас сделать свою работу.

Сил на споры тоже не осталось. Мужчина кивнул со вздохом.

— Хорошо. Делайте то, что необходимо.

Глава 23

Одеться следующим утром оказалось проще. Пусть вышло не так аккуратно, как у Филис, но все же. В зеркале уже не отражалась непонятная фигура без половых признаков, похожая на приведение в занавеске. Волосы Саша также постаралась аккуратно закрутить на затылке. Непослушные пряди рассыпались и все никак не хотели лежать ровно. Может, вообще их остричь? Вернуться к каре, которое она когда-то носила? Или оставить длинными, но придать какую-никакую форму? Интересно, в Храме есть парикмахеры или что-то похожее?

Решив выяснить все у жрицы, девушка закрутила волосы шнурков в обычный хвост и успокоилась. Она отлично выспалась и ждала появления своей спутницы, чтобы продолжить вчерашний разговор. Ей нравилось узнавать новый мир. Хотелось также выйти за пределы Храма и пройтись по городу. Или проехать. Если, конечно, ее желание никому не доставит неудобств. Все же она совсем не привыкла говорить о том, чего хочет.

Услышав тихий звук открываемой двери, Александра устремилась к арке, боясь потерять мысль и передумать:

— Доброе утро! Мы можем пройтись по городу?..

Однако в комнату вместе с роботом-разносчиком вошла Доркас.

— Доброе утро. Кажется, меня не ждали. Прости, что разочаровала. Филис сейчас с другой подопечной, она появится позже и наверняка будет рада прогулке.

Легкий переход на «ты» немного резанул слух, но сразу же забылся, когда гиятрос улыбнулась. Все же она была невероятно обаятельной.

— А почему ты здесь? Мне нужна медицинская помощь?

Саша сразу же обеспокоенно нахмурилась. После операции она не чувствовала потребности посетить врача, на теле даже не осталось следов проведенных манипуляций. И, если бы не запись с камер, продемонстрированная Клео на линкоре, она бы вообще не поверила в трагедию. Но теперь сердце неприятно кольнуло. Что, если не все прошло гладко? А хорошее самочувствие временно?

— Нет-нет, — Доркас взмахнула руками и покачала головой. — Я здесь только ради консультации. И чтобы озвучить предложение, которое, возможно, будет тебе интересно. Но сначала тебе стоит позавтракать. Здесь творог и фрукты.

Порция, поставленная на стол, оказалась заметно больше привычной. А еще к блюду добавилась пиала с каким-то отваром. Травянистый аромат защекотал ноздри.

— Что это?

Саша села за стол и с некоторой опаской заглянула в пиалу.

— Укрепляющее средство. Полностью натуральное и составленное с учетом твоих показателей. Я сама готовила сбор, — Доркас так и не села напротив, а начала ходить по комнате, продолжая говорить. По сравнению с Филис она выглядела куда более живой и понятной. Привычной. — Понимаешь, моя специализация — реабилитация. Я помогаю пострадавшим вернуться к полноценной жизни. Ты недавно перенесла сложную операцию — мне предоставили записи с линкора, и я также поговорила с гиятросом Лезариусом, чтобы уточнить некоторые нюансы. Судя по показаниям, твой организм длительное время находился в неблагоприятных условиях. Нервная система была угнетена, что отражалось и на других системах. Операция прошла успешно, но от правильного восстановления многое

зависит.

Александра слушала и проглатывала ложку за ложкой. Творог оказался нежирным, мягким и практически безвкусным. Фрукты отлично его дополняли. А слова гиатрос заставляли думать. Угнетение нервной системы — это, скорее всего, депрессия. Неудивительно, если вспомнить последний год. Да и ее состояние на корабле вряд ли улучшило общую картину. Даже сейчас продолжались эмоциональные качели. То радость и эйфория, то внезапная усталость и раздражение. Стоит признать, ей нужна помощь...

Доркас остановилась напротив, положив руки на спинку стула, и заглянула ей в глаза.

— Я могу составить специальное меню, которое поможет организму прийти в гармоничное состояние. Уравновесит баланс веществ. А также показать упражнения, которые вместе с массажем помогут укрепить мышечный каркас. Прости, но у тебя он откровенно слабый. Я бы сказала, опасно слабый. Не говоря уже о начальной стадии истощения.

Саша проглотила еще одну ложку и посмотрела на оставшуюся половину.

— А если я откажусь? Что будет тогда?

Не то, чтобы ей не хотелось. Все же не каждый день тебе бесплатно предоставляют личного диетолога и тренера. Но все же... Иногда нужно знать, что есть возможность выбора. Или отказа. Пусть даже и глупого. А Ольга точно назвала бы ее душой...

— Я не стану настаивать. Филис продолжит свою работу. Велика вероятность, что она сможет помочь тебе. И постепенно организм восстановится сам. Это займет намного больше времени, но наше тело способно на многое. Постепенно тебе станет лучше, я лишь предлагаю работать над проблемой с двух сторон. Объединить физическое и ментальное. Одно, так или иначе, потянет за собой другое. Улучшения настанут быстрее.

Быстрее... А сколько вообще у нее времени? Александра так расслабилась и увлеклась новым, что совсем забыла о возвращении домой. Коммандер говорил, что на сбор экспедиции уйдет время. Но сколько? И у кого теперь спросить? Вряд ли мужчина решит ее навестить, но все же...

— Сколько я здесь пробуду?

— В Храме?

— Нет, на Киорисе. Мне обещали возвращение домой. И я не знаю, сколько у меня дней... или недель. Может быть, ваша забота окажется бесполезной... Так зачем все начинать?

Доркас обошла стул и все же села напротив.

— На то, чтобы показать упражнения, не уйдет много времени. Потом ты сможешь делать их сама без присмотра. В полете в том числе. Рекомендации для диеты я также могу передать на корабль, который отвезет тебя домой. Поэтому моя забота не будет бесполезной. И я не считаю, что забота вообще может быть бесполезной. Моя работа состоит в том, чтобы помогать. Быть полезной. Не нужно ее обесценивать.

— Я не хотела тебя обидеть...

— Я понимаю, — гиатрос снова улыбнулась. И странно, ее жизнерадостность совсем не вызвала отторжения. — Принять помощь иногда очень сложно. Это ответственный шаг. Ты можешь подумать, я не стану торопить.

— Но ведь, может оказаться, что времени у меня не так много... Не лучше ли начать сейчас?

— Тогда доедай все, что в тарелке и пей отвар. Потом нужно сделать перерыв, я

расскажу тебе основы, а затем перейдем к упражнениям.

...Саша никогда не любила физкультуру. Ни в школе, ни в университете, ни после... Ее фигура позволяла игнорировать нагрузки, и даже сидячая работа не сильно на ней отражалась. Так ей казалось ровно до сегодняшнего дня.

Тело после вчерашнего массажа ощущалось прекрасно. Обновленным. Легким. Свободным. Но упражнения показали, что ничего существенно не изменилось. Грации, ловкости и четкости больше не стало. И по волшебству она не превратилась в балерину, проделывающую замысловатые па и даже не сбивающуюся с дыхания.

— Я думала, будет проще, — пробормотала она, спотыкаясь на ровном месте.

— Ты слишком напряжена. Расслабь плечи. Все напряжение у тебя скапливается в шейно-плечевом отделе. Нужно отойти от этой привычки.

— Какой?! — непонимающе воскликнула девушка, глядя в зеркало. В гардеробной оказалось достаточно места для тренировки.

— Ты поднимаешь плечи и вжимаешь голову. Отведи их назад и опусти. Вот так.

Доркас плавно привела ее в нужное положение. Крайне непривычное, надо отметить.

— Сейчас неудобно, но со временем, когда мышцы привыкнут, станет проще. Нам нужно избавиться от зажимов в теле. Поясница. Колени. Лодыжки. Пойдем постепенно. Начнем сверху.

У нее не получалось. Ни с первого. Ни со второго. Ни даже с третьего раза. И уже стал казаться, что идея все же плоха, и не стоило совсем начинать. Но голос гиатрос обнадеживал:

— Все хорошо. Твое тело сопротивляется переменам. А мозг не может уловить суть. Главное — повторять. Постепенно ты поймешь движение. И тогда тебе даже не придется задумываться, чтобы выполнить его. Просто продолжай повторять. Снова и снова.

Доркас делала то, что говорила. Повторяла. Одно и то же. Весь комплекс. От начала и до конца. Если думать отвлеченно и не вникать в детали, он выглядел просто. И не занимал много времени. Минут десять. Не больше. Но вот при попытках повторить и учесть все нюансы...

На лбу выступила испарина. Дыхание стало как у марафонца перед финишем. Сердце колотилось как у зайца. А голова натурально болела от попыток все осмыслить и разложить по полочкам.

Саша сдула со лба прилипшую прядь и встретила взглядом с собственным отражением. Лицо покраснелось. Прическа растрепалась. Туника, оказавшаяся вполне удобной для любой активности, пропиталась не самым приятным запахом. Красавица, ничего не скажешь. Просто мечта.

— Перерыв, — объявила гиатрос, а землянка радостно растянулась прямо на полу.

— Давно я так не уставала...

— Дай руку, — Доркас профессиональным движением обхватила ее запястье и взглянула на браслет. Несколько секунд в комнате царил тишина, прерываемая только тяжелым дыханием. — Пульс довольно быстрый. Кажется, я немного перестаралась. В глазах не темнеет?

— Нет, но пить хочется.

— Сразу нельзя. Давай-ка вставай, пройдемся по комнате.

Она не стала ждать, пока Александра соберется с силами, и буквально в пару движений сама поставила ее на ноги. Комната на мгновение поплыла перед глазами, но почти сразу

стало легче.

— Я привыкла лечить киорийцев. А мы с детства много времени уделяем физическому развитию. Даже в ослабленном состоянии организм быстрее возвращается к привычному состоянию, а для тебя тренировка — наоборот выход за пределы. Теперь буду это учитывать.

Она легко поддерживала Сашу, пока они бесцельно бродили по спальне, а затем по гостиной. Та лишь кивнула. Тренировка для нее точно выход за пределы. Но, как ни странно, она чувствовала себя лучше. Уставшей, но... отдохнувшей. Будто физическое напряжение сняло внутреннее. Или перекрыло.

— Спасибо, Доркас. Я продолжу занятия. Ты права. Мне нужна помощь. И я рада ее принять. Хотя мне и очень непривычно. Но я хочу восстановиться.

— Я помогу, — серьезно ответила киорийка.

Внутри будто развязался тугий узел. Лопнула натянутая струна. А к горлу подкатил комок. Глаза защипало. Дышать стало трудно. Александра провела пальцами по щеке, вытирая непрошенные слезы, но легче не стало. Они потекли бесконечным потоком, а ей оставалось только часто-часто дышать и пытаться говорить.

— Я... не... знаю... откуда... это... я...

— Тише, — Доркас усадила ее на стул и протянула пачку салфеток. — Пусть льются. Иногда просто нужно поплакать. Плачь, сколько нужно. Я здесь.

Саша уронила лицо в ладони и, уже не сдерживаясь, разрыдалась...

Глава 24

...Жрица пришла, когда поток слез постепенно иссяк. В носу хлюпало. Лицо явно опухло, а глаза жгло. Но дышать стало легче, а внутри возникло странное опустошение. Саша сидела на широком подоконнике и смотрела в окно. На альме в светлых одеждах, живущих, кажется, совершенно беззаботной жизнью. Как у них так получается?

Филис села рядом, а Доркас как-то незаметно исчезла.

— Я отвлекла тебя от другой подопечной?

— Нет, я завершила нашу беседу и пришла так быстро, как смогла. Все в порядке. Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю... Я не понимаю, почему вдруг расплакалась. Не знаю, что со мной. Все ведь хорошо. Я жива. Здорова. Мне помогают. Заботятся. Вчера был отличный день. И я выпалась. Но слезы...

В уголках глаз снова защипало. Девушка пальцами стерла влагу со щек.

— Ну, вот опять... Что со мной не так?

В горле опять появился комок.

— Когда организм долго находится в режиме выживания, у него нет времени и возможности, чтобы разобраться с другими проблемами. Есть только одна — выжить. И когда опасность уходит, наступает затишье, вот тут всплывает все то, что так долго откладывалось на потом. У многих военных, возвращающихся домой, неожиданно открываются хронические заболевания, или вдруг к ним прилипают простуды и вирусы, с которыми они не сталкивались долгое время. То же самое и с разумом. Когда все настолько плохо, что сложно даже выполнять повседневные дела, он старается сохранить баланс. Тратит имеющиеся ресурсы дозированно, и кажется, что все не так уж и плохо. Кошмар наступает тогда, когда все на самом деле становится хорошо. Тебе кажется, что причин для слез нет, но они накопились задолго до сегодняшнего дня...

Саша сглотнула и прислонилась спиной к стене. Слезы продолжали катиться по щекам, и она уже не пыталась их сдерживать.

— Это можно как-нибудь остановить?

— Зачем?

— Я не хочу... Не хочу вспоминать. Хочу просто быть здесь и сейчас.

— Да, я понимаю. Разбирать старые завалы совершенно неприятно. И болезненно. Как промывать старую рану. Она уже успела зарости и закрыться шрамом, а тут необходимо вскрыть ее, прочистить от гноя, промыть и закрыть заново. Можно откладывать. Не сегодня, и не завтра. Мы можем подождать. Но, сколько бы времени не прошло, гной никуда не исчезнет. Разве что его станет больше, и разовьется заражение.

Аналогии были вполне прозрачными. Но говорить... Не хотелось. Совсем.

— Мы можем начать с простого. Не обязательно сразу бросаться к самым болезненным воспоминаниям. Как ты думаешь, почему слова Доркас о помощи спровоцировали срыв?

Саша облизнула губы, чувствуя соль, и судорожно вздохнула.

— Это так странно... Вы, наверное, даже не представляете, насколько странно. Вы предлагаете помощь, поддержку. Просто так. Вы ничего не требуете взамен. Просто потому, что я и не могу ничего вам дать. И вы готовы тратить на меня время. Силы. Выслушивать мои истерики. Возиться со мной как с ребенком... Просто так. Я... На Земле у меня осталась подруга. Она помогала мне. Наверное, единственная, кто искренне помогал. Но мы знакомы с детства. А здесь... У меня просто мозг взрывается. Так хочется верить, что все это правда, и все равно кажется, что я сплю. Что вот сейчас я проснусь, и выяснится, что я лежу в больнице. В коме. Что прошел год. Или пара недель. А я просто спала. И ничего не было. Понимаешь?

Она взглянула на Филис, и один ее прямой взгляд, выражение глаз и даже неизменная поза принесли успокоение. Охладили тот хаос, что творился в мыслях и чувствах.

— Мне очень жаль. Возможно, вместе мы сможем придумать, как облегчить для тебя знакомство с Киорисом?

На мгновение девушка растерялась, а затем рассмеялась. Сначала тихо, потом громче и громче.

— Прости, — пробормотала она. — Ты... Ты снова это делаешь...

— Что?

— Ты... — Саша глубоко вздохнула, чтобы правильно сформулировать мысль. — Ты отдаешь мне больше, чем берешь. И ты не осуждаешь. Я ною... То есть... Ольга умела слушать. Но она давала мне пинка, когда необходимо. Заставляла собраться и действовать. А ты слушаешь. И предлагаешь найти решение вместе. Не указываешь. Не требуешь. Каждый раз, когда я жду ожидаемой реакции, ты буквально переворачиваешь мой мир. И я... не знаю, как реагировать.

— Могу сказать, что только рада тому, как ты описываешь свои эмоции. Очень образно и доступно. Что касается моих реакций — такова моя работа. Понимать, принимать без какого-либо осуждения и направлять без жестких указаний. Я ничего не могу тебе запретить, лишь привести аргументы и надеяться, что ты их услышишь.

— Ты умеешь убеждать.

— Спасибо, — жрица коротко улыбнулась. — Нас учат правильно выстраивать беседу. Доносить мысль. Не всегда беседа помогает. Но ты умеешь слушать.

— Спасибо.

Возвращенный комплимент вызвал невольную улыбку. Слезы снова высохли.

— Каким ты видишь наш мир? — неожиданно спросила Филис. — Какие эмоции он у тебя вызывает? Можешь просто описать свои чувства.

Саша мельком посмотрела в окно. Пасторальная картинка в отрыве от контекста казалась совершенно утопичной. Но, если задуматься над тем, на чем строится общество Киориса...

— Я вижу руки. Сотни протянутых рук. Одна поддерживает другую. И все они сплетаются в единое море рук. Если одна вдруг слабеет, ее сразу же подхватывают другие. Не дают упасть. И... мне кажется, что я где-то на самом дне. Но если смогу зацепиться, удержаться, мне помогут подняться... Глупо?

Она взглянула на собеседницу и вдруг поняла, что подсознательно ожидает критики. Постоянной критики. А ведь ей казалось, что неуверенность и страхи остались в далеком детстве.

— Вовсе нет. Это лишь твое восприятие. Почему ты считаешь свои высказывания глупыми?

Тяжелый вздох сорвался с губ. И вдруг накатило. Будто плотину прорвало.

«Во что ты вырядилась? Ничего получше найти не смогла?!»

«Саша, ну разве так можно? Почему ты сначала нас с отцом не спросила?»

«Куда ты смотрела?»

«Чем ты думала?»

«Ты, действительно, считаешь, что можешь чего-то достичь?»

Она зажмурилась, обхватила голову руками. Сердце застучало где-то в горле. Часто-часто. И дыхание сбилось, будто от долгого бега. Сколько раз она выслушивала такое от родителей? А от Влада? От коллег по работе, пока не перешла на удаленку? Сколько раз защищалась от нападок? И сколько раз отказывалась от проекта, потому что не верила, что справится? Наверное, только в последний год сомнения отошли на задний план. Она бралась за все, что предлагали. Спрашивала только срок и параметры. И делала, делала, делала. А ведь она хорошо работала. И многое делала. И премию ей давали не зря. Но вот веры... веры в себя не осталось.

— Знаешь, какой я вижу свою жизнь? До Киориса, — Александра заговорила тихо, с трудом подбирая слова. — Серой. Как будто вокруг туман, и ничего не видно. Нужно идти наощупь. Спотыкаться. Падать. Вставать. И снова идти. И никто не поможет. Только очень редко. И это такая удача, которую нельзя упускать. Хорошо, если вокруг не смеются. Не толкают. И не подставляют ноги. Понимаешь? Нет протянутых рук. Ты — один. Всегда. Может быть, так только у меня. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но туман остается...

— Я понимаю. Пассивная агрессия.

— Что?

Саша уже достаточно понимала киорийцев, чтобы не использовать наушник, но иногда возникали нюансы, которые приходилось обсуждать отдельно. Говорить на киорийском она также могла, но произношение пока хромало на обе ноги, поэтому продолжала использовать русский, а Филис соответственно — переводчик.

— Агрессия может быть явной и скрытой, пассивной. Когда общество в целом страдает от неустроенности, отсутствия перспектив, повышенной тревожности, уровень пассивной агрессии в нем возрастает. Явной тоже, но она довольно очевидна, и люди быстрее учатся защищаться от нее. А вот от пассивной защититься сложнее...

— В чем она проявляется?

— Как правило, в словах. Обесценивание успехов, насмешки или шутки, выглядящие на первый взгляд вполне невинно, но на самом деле ранящие. Неприятные. Отрицание чувств. Эмоций. Или наоборот грубое их обнажение с целью манипуляции. У пассивной агрессии много выражений, и все они направлены на разрушение личных границ. Ее проявления похожи на мелкие уколы. Укусы пчел. Единичные могут быть болезненны, но быстро проходят...

— А постоянные могут вызвать аллергию, — дополнила Александра.

— Именно. Человек, обитающий в такой среде, либо учится жестко отсекал любые проявления агрессии в свой адрес ответной, либо страдает и терпит, либо старается свести контакты с окружающим миром к минимуму. Из соображений собственной безопасности.

Так с ней и получилось. Минимум контактов. Минимум друзей. Минимум общения. Надо сказать, жить стало немного легче. И ушло то бесконечное ощущение давления, от которого не получалось избавиться раньше.

— Отдельно стоит отметить, что пассивная агрессия может проявляться также близкими людьми. Родственниками. Партнерами. Друзьями. Причем незаметно. Как правил, представители такого общества сами не до конца осознают, что действуют разрушительно. Они не имеют цели навредить, скорее неосознанно повторяют привычные нормы общения и переносят их в близкий круг.

— То есть они не виноваты в том, что причиняют боль?! — возмутилась Саша.

Но жрица на ее вспышку лишь ожидаемо улыбнулась.

— Они действуют так, как привыкли. Людям сложно перестроиться. Также как и тебе сейчас. Когда постоянно находишься во враждебной среде, подстраиваешься под ее законы. Учишься выживать. И каждый выживает так, как может. Порой, люди причиняют боль неосознанно. Не потому, что хотят сделать больно, а потому, что не понимают. Возможно, они искренне хотят помочь. До тех пор, пока им не объяснят, и даже после, до тех пор, пока они сами не осознают до конца свои поступки и их причины, нельзя говорить о том, что они виноваты.

Девушка вдохнула, откинула голову назад и очень долго выдыхала, пытаясь уложить в голове услышанное.

— Значит, родители меня все-таки любят...

— Вопрос в том, что вызывает у тебя сомнения в их чувствах?..

Глава 25

Сомнения... Саша не могла сказать, откуда и когда они появились. Может быть, были всегда. Может быть, возникли в школьные годы. Может быть, позже, когда она определялась с будущей профессией. А может быть, когда поняла, что идея с разводом никто не поддержит... Да и была ли она, любовь?

— Сколько я себя помню, от меня всегда чего-то ждали. Требовали. Читать. Считать. Писать. Хорошо учиться. Слушать старших. Уважать. Понимать. Не шуметь... Я была послушной. Тихой. Много читала, очень любила книги. Я и сейчас их люблю. Но тогда... У родителей всегда были какие-то дела. Поездки на дачу. Бабушки и дедушки. А мы с братом могли оставаться вдвоем. И тогда я должна была за ним следить... Хотя он старше, но вот как-то так получилось...

Действительно, получилось. Как говорила Ольга: «Сережку твоего соплей перешибить»

можно, чихнешь рядом, он весь и кончится». Пожалуй, так и было. И есть до сих пор. Брат был мелким. Каким-то хилым. Болезненным. Тихим. Еще тише, чем сама Саша. И так уж вышло, что его все время задирали во дворе мальчишки, а она... присматривала. Как могла. Все-таки конфликты Саша и в детстве не любила.

— Он тоже хорошо учился. В общем-то, у нас хорошая семья. Папа-инженер, мама-учительница. Интеллигенция. Они никогда не ругались между собой. Разве что мама иногда ворчала, или обижалась и тогда прекращала разговаривать.

Эти ее обиды заставляли всех в доме замирать. Вот как так получается? Человек вроде ничего не делает, а ты уже знаешь, что что-то не так. А она молчит. Ходит, поджав губы, и молчит. А еще смотрит иногда с укором. И хочется сразу пойти и сознаться во всех смертных грехах. Даже если ничего не сделала, все равно хочется. Почему?

— Папа говорил, что у нее это профессиональное. Деформация. Привыкла на работе всех воспитывать, вот и домой переносит. Только от этого не легче.

Школа. Она запомнилась серым зданием с шумным классом, тяжелым портфелем, постоянными требованиями и хмурыми учителями. К выпускным экзаменам такими же становились и ученики. Хмурыми, озлобленными, издерганными... После выпускного, какого-то нарочито праздничного и громкого, Саша ни разу не приходила на встречи выпускников. Почему-то даже пересекать порог этого серого здания не хотелось. Ольга ходила, рассказывала потом, какими стали одноклассники, чего добились, как поменялись... Слушать ее было интересно, и иногда смешно, а главное легко. Ведь от самой Саши никто ничего не требовал.

— Я думала, они меня поймут. Родители. Они ведь оба спокойные. И никогда нас не били. Да и за что? А онисказали, что надо терпеть...

Только сейчас, снова анализируя прошлое и детство, девушка вдруг поняла, что ничего противоестественного в их ответе не было. Они ведь и сами всю жизнь терпели. Мама — женский коллектив и скандального директора, отец — начальство, которое, конечно, признавало его заслуги, выплачивая порой премии или выдавая путевку в санаторий, но не повышая. А он — слишком гордый, чтобы просить, и слишком преданный, чтобы поставить вопрос ребром и пригрозить увольнением.

Они терпели, мирились с неудобствами, пережили девяностые, когда каждый выживал, как мог. И, наверное, они слишком боялись повторения чего-то подобного. Вот и держались. За работу и друг за друга. Они поженились один раз и на всю жизнь. И не могли представить иного. Почему-то только столь простая мысль пришла ей в голову только теперь.

— Они не могли иначе, да? — где-то в груди словно разжались тиски, так долго сжимавшие сердце. — Просто не могли. А мне было так обидно...

О да, она рыдала, сидя у Ольги на кухне. Жаловалась. И задавалась только одним вопросом: почему? Почему ее заставляют терпеть? Почему? Теперь Саша понимала. И, наверное, когда-нибудь потом сможет простить. И, может быть, начнет отвечать на звонки. А не только слушать новости от брата. Вот он как раз очень хотел помочь.

Сережка. Тощий, нескладный, немного смешной и неловкий. В очках и вытянутом свитере. Типичный программист. Из-за стекол его глаза казались непривычно большими. Немного испуганными. Удивленными. Он искренне хотел поговорить с Владом «помужски». И в этом отчаянном порыве напоминал задиристого воробья, решившего напасть на благородного грача. Хорошо, что ему хватило мозгов сначала со своим желанием прийти к ней и Ольге. И подруга, не стесняясь в выражениях, подробно объяснила ему, куда он

может идти со своим благородством. А заодно сказала, в чем может заключаться реальная помощь.

— Я так сильно на них злилась. И обижалась. И... Мне казалось, что я им совсем не нужна и не интересна.

— К сожалению, я не знаю подробностей их истории. К тому же, наш культурный опыт сильно отличается. Мне сложно судить. Но рискну предположить, что твои родители травмированы тем обществом, в котором им пришлось жить. А травма в свою очередь рождает еще одну...

— И так будет всегда? Одно травмированное поколение сменяется другим?

— Если говорить в целом, то у каждого есть стремление улучшить свою жизнь, и соответственно жизнь своего потомства. В истории Киориса были и темные времена, которые сейчас кажутся нам ужасными, но опыт других миров показывает, что подобное может существовать и в настоящем. Мы прошли очень долгий путь от травмы к тому, что имеем сейчас. Завтра или через пару дней, мы можем посетить Музей Истории. Я расскажу тебе об основных этапах, конечно, если тебе интересно.

— Мне интересно, — Александра взглянула на жрицу и кивнула. — Я хочу знать больше. И понимать тоже больше. Если у вас получилось, значит... для Земли тоже не все потеряно.

— Возможно, но у каждой культуры свой путь. Если же говорить об отношениях родителей и детей. В норме, когда пара создается по взаимному желанию и симпатии, их отношение к детям всегда исходит из вложенного обществом понимания «лучшего».

— А можно попроще?

— Конечно, — Филис коротко улыбнулась и на мгновение задумалась, собираясь с мыслями. — Например, на планете Нероя каждые пятьдесят лет происходят штормы. Их атмосфера устроена таким образом, что испарения копятя в нижних слоях, собираются в тучи, которые заслоняют прямые солнечные лучи. Только в таких условиях ее население может жить и заниматься земледелием. Звезда находится слишком близко к планете, и ее излучение пагубно влияет на все живое. Облака необходимы. Но когда их становится слишком много, приходит Шторм. Первое, чему неройцы учат своих детей — следить за плотностью облаков. Избегать солнечных лучей. Определять ранние признаки дождя и ветра. А еще бегать. Очень быстро бегать, чтобы успеть попасть в убежище и занять в нем место для всей семьи. Потому что Шторм и образование нового слоя облаков длится от года до двух. И все это время неройцы проводят под землей. У них считается, что тот, кто успел родиться и умереть между двух Штормов, попадает прямо в Сердце Земли. Для них нет места лучше. Ты понимаешь, о чем я?

Саша поняла. Родители заставляли ее учиться, потому что считали, что без образования нельзя построить хорошую жизнь. Кто знал, какой станет разваливающаяся страна к моменту, когда она окончит школу? Никто. Они пытались дать ей самое лучшее, и это она понимала и раньше, но теперь почувствовала снова. Уже иначе. Как-то вот ощутила. Кожей.

— Они считают небо чем-то ужасным, да? Неройцы.

— Да, — жрица кивнула. — Небо несет смерть. К тому же неройцы до сих пор поклоняются стихиям и природе. Приносят жертвы, умоляя отсрочить приход нового Шторма. Когда киорийцы прибыли туда впервые, их приняли за посланников Шторма, пришедших всех убить.

Александра неверяще покачала головой. Если во Вселенной существует нечто подобное,

то чему вообще можно удивляться?

— Хочешь обсудить своих родителей? — мягко уточнила Филис.

— Нет, — резче, чем хотела ответила девушка, но тут же вздохнула, понимая, что накопившийся за долгие годы багаж не разобрать за пару часов. — Не сейчас. Мне нужно подумать. Понять. Ты права, наш культурный опыт очень отличается. Тебе будет сложно судить, не зная нашей истории...

— Ты можешь рассказать. Иногда, когда объясняешь, лучше понимаешь, о чем говоришь.

— Я расскажу... Но... я устала.

Признание далось сложно. Но, сказав, Саша почувствовала себя так, будто сбросила с плеч гору.

— Конечно. У нас достаточно времени для бесед. Хочешь посетить термы?

— Да, с удовольствием. И... спасибо.

— Робот проводит тебя, когда захочешь.

Филис что-то сделала со своим браслетом, и в комнату вкатился уже знакомый механический прислужник, похожий на пылесос с ручками.

— А ты?

— У меня сегодня очень напряженный день, — по лицу жрицы пробежала едва заметная тень. — Нужно посетить еще одного подопечного. Но прежде необходим перерыв. Если тебе нужна компания, гиатрос Клео в соседней комнате. И... она достаточно побыла в уединении, чтобы не отказаться.

Когда собеседница ушла, в комнатах стало тихо. Настолько, что на мгновение Сашу окутал страх. Необъяснимый, глухой, как в детстве. Сердце вдруг забилось чаще, а дыхание застряло в горле. Но несколько глубоких вдохов поправили ситуацию. Она уже не маленькая. И, пусть многого еще не понимает и не знает, но справится. Обязательно.

Александра слезла с подоконника. Прошла в очистительный блок. Полубовалась на покрытое красными пятнами лицо. Вздохнула и включила холодную воду. Спустя минут десять о недавнем водопаде слез напоминала только легкая припухлость вокруг глаз. Она надеялась, что тактичная Клео не станет задавать вопросы. И подумала, что также не будет надоедать. Лучше придумать, о чем поговорить. О чем-то отдаленном и не вызывающем потрясений.

Еще минут через пятнадцать тема была найдена, а Саша, переодевшись в чистую тунику, решила, что выглядит вполне сносно для похода в баню, если говорить земным языком.

Клео открыла не сразу. А когда появилась на пороге, удивилась. Александра постаралась выдавить самую искреннюю улыбку и спрятала руки за спину, чтобы не выдать волнение. Ей было немного страшно в одиночку пересекать пол Храма, и она надеялась, что гиатрос не откажется от предложения.

— Привет. Не хочешь сходить в термы? Я так уже была вчера, но заснула сразу после массажа и ничего толком не видела. Вот хочу сходить еще раз и ничего не упустить. Что скажешь?

Почему-то в мыслях речь звучала куда увереннее и не столь глупо.

Медик окинула ее долгим взглядом и неожиданно робко улыбнулась.

— Я с удовольствием. Еще ни разу там не была. Ты знаешь дорогу?

— Мне выдали проводника, — Саша указала на робота, подмигнувшего синим глазом. Или сенсором? Или как там это у них называется?

— Тогда идем?

Клео закрыла дверь, оставшись в коридоре. В ее глазах появился знакомый блеск, чуть приглушенный усталостью. И когда они вдвоем направились по коридору вслед за киорийским аналогом Р2Д2, неловкость начала уходить. Разговор завязался сам собой, и по телу растеклось странное тепло. Ощущение того, что она движется в верном направлении...

Глава 26

...Руки болели. Не сильно, все же обезболивающее существенно притупляло ощущения, а судя по легкому отупению, к нему щедро добавили успокоительное. Сложно обвинять гиатросов в желании помочь. Да и не хочется...

Байон посмотрел на предусмотрительно нарезанные кусочки мяса, овощей и сыра, разложенные на тарелке, и отвернулся от стола. Есть не хотелось. Хватило завтрака и половины обеда, чтобы притупить голод. В остальном же он не испытывал потребности в пище. Другое дело Арей. Зверь с удовольствием уплетал все, что ему приносили, восполняя потраченные за время голодовки запасы. Он выглядел лучше, хотя все еще предпочитал лежать во дворе и дышать воздухом, отказываясь проявлять активность.

Влажный нос ткнулся в колено.

— Что такое, дружок?

Зверь заглянул ему в лицо, в умных глазах отразилось понимание. А резкий кивок мордой недвусмысленно указал на оставленный ужин.

— Считаешь, что мне нужно поесть?

Короткий рык стал ответом.

— Да, ты прав, мы с тобой, кажется, договорились. А уговоры нужно соблюдать.

Мужчина, нехотя, пододвинул к себе тарелку и отправил в рот пару кусочков поменьше.

— Видишь? Я ем. Все честно.

Ликос сел на пол и сурово уставился на него.

— Не отстанешь, да? Ладно-ладно... Сейчас.

Капитан развернулся к столу и медленно начал есть. Приходилось признать, что жрица была права. Если бы он отправился домой, надолго его решимости не хватило бы. Апатия взяла бы свое. И вряд ли данное слово помогло бы продержаться достаточно долго.

Вывод вызвал раздражение. Но вялое. А под рукой вдруг оказалась любопытная морда. Арей поддел его локоть и снова заглянул в лицо.

— Все наладится, малыш, — Байон, как мог, погладил его макушку. — Мы справимся. Еще немного побудем здесь и справимся. И тебе лучше погулять. А я доем. Обязательно все доем.

Ликос еще мгновение рассматривал его лицо, затем заглянул в тарелку, после чего развернулся и направился к двери, которая предусмотрительно не закрывалась плотно. Зверь легко поддел створку лапой, отодвинул, а затем протиснулся в проем целиком.

Не успел капитан перевести дух, как вместо зверя в комнату вошла Филис.

— Снова вы... — без всякого удивления отметил мужчина, смиряясь с тем, что свое право на одиночество бездарно потерял вчера, когда решил позвать ее в сад.

— Сегодня прекрасная погода, не желаете прогуляться? — она будто и не заметила его хмурого лица и комментария, оставаясь безмятежной и доброжелательной.

— Честно говоря, не хочу.

— В таком случае позвольте открыть окно, свежий воздух не повредит.

Она, не дожидаясь ответа, приблизилась, обошла стол и распахнула устаревшие уже створки. Комната сразу же наполнилась запахом травы, свежести и вечерними трелями птиц, спешащих в гнезда.

— Говорят, ночью будет дождь, — отметила жрица и заняла место напротив, продолжая смотреть на сад. На лице ее застыло немного мечтательное выражение и улыбка. — Скоро зацветут гиацинты...

— Вы пришли говорить о погоде и цветах?

— А вы хотите поговорить о чем-то другом? — глаза-вишни взглянули на него, застав врасплох.

В другой раз он ответил бы грубостью. Или постарался избавиться от нее. Но сегодня ругаться не хотелось. Определенно, ему подмешали успокоительное. Неужели в еду? И Арей пропустил?

— Что вы хотите услышать?

— Все, что вы готовы рассказать. Поэтому и говорю с вами о цветах, — она снова устремила взгляд в окно. — Отвлеченные темы помогают расслабиться. Возможно, есть то, что вам интересно...

Интересно... Интересы он не испытывал. Разве что...

— Та девушка... Которую Икар принес на корабль. Она здесь?

— Да, — осторожный взгляд из-под ресниц, который он предпочел проигнорировать. — Вы хотите ее увидеть?

Вопрос оказался неожиданно сложным. Хотел ли он? Снова ошибиться, приняв ее за Талию? Помучить себя обманчивым сходством? Увидеть в глазах страх?

— Я... Я просто хочу знать, что с ней все в порядке. Я не хотел ей навредить. Или напугать. Мне жаль, что так вышло. Очень жаль...

— Я понимаю. И думаю, она тоже понимает. С ней все в порядке. Насколько это возможно, конечно.

По последней фразе стало ясно, что с гостьей явно что-то не так. И где-то внутри шевельнулось беспокойство, удивившее его самого. Заставившее нахмуриться. Почему посторонняя женщина вдруг вызывает такие эмоции?

— У нее травма после трагедии?

— Я не могу рассказать вам подробности, капитан, но поверьте, у нашей гостьи достаточно болезненных воспоминаний, которые во многом перевешивают последние события.

— Вы ей поможете?

Байон уже прямо смотрел в глаза жрицы и понимал, что происходящее как минимум странно. Ему важен был ответ. Определенный ответ в отношении определенной женщины.

— Я сделаю все от меня зависящее. Для нее и для вас. И для других подопечных.

— Да, я понимаю.

Однако дышать стало чуточку легче.

— Ваше беспокойство за нее объяснимо. Вы пережили тяжелое потрясение, и ваш разум находится в смятении. Образы двух женщин смешались, и теперь Александра для вас стала невольной заменой принцессы. Когда вы немного придете в себя и снова увидите ее, все встанет на свои места.

Пояснение успокоило. И напомнило о другом...

— Икар... командер Искарис не интересовался моим состоянием?

— Нет, командер пока не обращался в Храм.

Байон не удивился. Порой дружить с непробужденным сложно. Все же разный диапазон эмоций не позволяет обсуждать многие темы. Однако Икар всегда старался соблюдать правила и общественные нормы, которые предписывали проявлять заботу и заинтересованность в отношении близких. Тогда, на линкоре, он попытался поговорить очень вовремя. Едва не помешал. И продлился тот разговор дольше... осуществить задуманное оказалось бы сложнее. Странно, что теперь друг проявляет демонстративное равнодушие...

— Пока? Вы считаете, что он обратится?

Жрица помедлила с ответом, а затем очень аккуратно произнесла:

— Есть основания полагать, что командер отправит запрос на днях...

Капитан нахмурился, ощущая подвох и скрытый смысл в словах собеседницы. Но понять, что именно за ними спрятано, не удалось. Хотя интерес заставил апатию отступить.

— А дворец? Как... как себя чувствует императрица?

Маеджа Софрония относилась к нему тепло и всегда демонстрировала поддержку и благосклонность. Она никогда не говорила прямо о будущем, но давала понять, что одобряет их с Талией союз и возлагает на него большие надежды. Наверное, сейчас она очень страдает, переживая потерю дочери.

— Она готовится сделать заявление. Полагаю, вы понимаете, что теперь ситуация кардинально изменилась. Для всего Киориса.

Он понимал. Точнее раньше мужчине было глубоко безразлично, что изменилось для планеты. Куда важнее казалась его собственная боль, но теперь... Выводы оказалось сделать просто.

— Наследника нет. Вы ведь еще и поэтому держите меня здесь? Никто не должен знать до официального объявления?

Жрица не стала отрицать, и плавно кивнула.

— Это одна из причин. Команда линкора подписала документы о неразглашении, но вы... Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что с вами произошло нечто страшное. Простите, но пребывание в Храме для вас — вопрос политической безопасности Киориса.

— Почему же вы сразу не сказали?

В голосе прорезалась досада. Не столько на жриц, сколько на себя. Не будь он так заиклен на собственной боли, давно бы все понял.

— Потому что политика не дала бы вам повод жить дальше. Вы остались бы, но всего лишь ждали, когда вас отпустят, и не думали бы больше ни о чем, кроме реализации вашего плана.

И снова она права. Скорее всего, именно так он бы и поступил. Злости не осталось. Только безмерная усталость от того, что кто-то понимает и знает его лучше, чем он сам.

— Вы можете передать императрице мои соболезнования? И... что мне очень жаль. Я не хотел доставить ей лишние хлопоты.

— Вы и не доставили. Рапорт о произошедшем на линкоре отправился к главнокомандующему, а он не стал тревожить сестру.

Ну, конечно... Разделение власти и ответственности позволяло убереечь императрицу от некоторых неприятных подробностей. Талия тоже не раз пользовалась такими лазейками.

— Однако ваши соболезнования я передам. Или можете изложить их в послании. Когда руки заживут...

— Вы предлагаете мне написать письмо?

В цифровую эпоху письменность использовалась разве что для весеннего фестиваля искусств. Для придания достоверности происходящему на сцене. Но никак не для переписки.

— Полагаю, вы справитесь. К тому же это поможет вам разобраться в собственных чувствах и мыслях. Письменность очень недооценивают.

— Хорошо, я попытаюсь.

Не то чтобы он обрадовался перспективе сидеть над листом бумаги и выводить вежливые фразы, но почему бы и нет? Особенно, если его оставят в покое. Да, он даже постарается написать что-то приличное. И подумает о своих чувствах.

— Расскажите мне о принцессе, — неожиданно произнесла Филис. — Какой она была?

Пожалуй, в другой ситуации, Байон бы выразил жрице свое восхищение. Тем как безупречно она усыпила его бдительность, как позволила расслабиться и задавать вопросы, как выдала ничего не значащую рекомендацию, и как точно рассчитала время, чтобы нанести отмеренный удар. Да, в другом месте, в другое время, и в отношении другого киорийца...

Он откинулся на спинку стула и посмотрел в распахнутое окно. На тени, что расплзались от деревьев. На листья, колышущиеся на ветру. Дождь, скорее всего, будет.

Где-то в груди уже привычно заныло. Странно, ведь целый день он ничего не чувствовал. И это было благо.

— Куда вы подмешали успокоительное? В еду? Воду?

Жрица покачала головой.

— Капитан, вы не первый раз находитесь в Храме, и должны знать, что такими методами мы не пользуемся. Способ жриц — диалог. Поэтому мы с вами и говорим.

— Вы правы, я здесь не первый раз и знаю, что ваш способ — не только диалог.

— Могу заверить, что никто не подмешивал вам успокоительное. Вчера вы выплеснули накопившееся эмоциональное напряжение, после которого наступает откат, выражающийся в апатии и вялости. Все закономерно. И я рада, что вчерашний всплеск пошел вам на пользу. Вы задаете вопросы, проявляете интерес. Акцент немного сместился с вас на окружающий мир. И теперь я хочу, чтобы вы рассказали мне о принцессе.

Он вздохнул. Хотелось снова отправить ее куда подальше, закрыть дверь и не видеть никого и ничего. Но... запираясь ото всех, он никогда не выберется.

— Что вы хотите знать?

Глава 27

— Все, что вы сможете рассказать, капитан...

Талия...

— Вы сможете описать грозу? Или шторм? Отсветы пламени в темноте? — Байон откинулся на спинку стула и устремил взгляд в окно. — Она была стихией. В лучшем ее проявлении. Яркой. Сильной. Разрушительной, но... справедливой. Она могла ободрить и вселить уверенность словом или заставить отчаяться одним только своим уходом.

— Я много слышала о принцессе... — задумчиво ответила жрица. — Но что помните именно вы?

Помнил... Он помнил все.

Тот день, когда увидел ее впервые. Где-то в коридорах школы. Смех. Да. Громкий. Он повернулся на звук и замер, глядя на нее. Солнце запуталось в темных волосах. Прическа

растрепалась. Лицо было испачкано краской или чернилами. И она смеялась, откинув голову назад, и пытаясь вытереть лицо, но только еще больше размазывая пятна. Она была такой, такой... счастливой. Его как будто ударило в грудь. Дыхание перехватило. Во рту стало сухо. А глаза начало жечь. Оказалось, что он не моргал несколько секунд, не в силах отвести взгляд. Просто стоял и смотрел. И будто начинал заново видеть мир. Другим. До того мига все вокруг казалось простым и понятным, но после в голове возникло столько вопросов, и каждый из них казался важным. Кто она? Откуда? Когда выпускается? Какие предметы посещает? Можно ли ее снова увидеть? И много-много других.

— ...Я даже не сразу понял, что произошло. Нам рассказывают о пробуждении, но когда с ним сталкиваешься... Слышать — одно, пережить — другое. Вы, наверное, тысячу раз слышали подобные истории.

— Каждое пробуждение уникально. Как и история отношений.

— Но у всего есть общие закономерности, которые вы отслеживаете. Можете не говорить, я понимаю. Задача Храма — безопасность общества. И вы отлично справляетесь...

— Благодарю, капитан. Но вернемся к вам. Когда вы поняли, что случилось?

— Вечером...

Он весь оставшийся день ходил сам не свой. На вопросы учителей отвечал невпопад. Не смог сделать парное задание с Икаром, и тот работал за них двоих. И даже на обычные вопросы родителей не мог дать внятные ответы. Мать подумала, что он заболел. И даже сам Байон заподозрил неладное, и поверил, что заболел. Но правда крылась в ином. Лежа в кровати он все пытался уснуть, но сон не шел. В голове мелькали смутные образы, сердце билось часто, слишком уж часто. Хотелось пить. А еще что-то делать. Кровь будто закипала. Внизу живота росло непривычное напряжение, которое копилось, а затем вдруг выросло в физический дискомфорт, с которым прежде он никогда не сталкивался...

— Тогда все и стало ясно. На анатомии нам рассказывали, как проявляется возбуждение. И что у непробужденных оно невозможно без прямого физического воздействия. Я все понял. И испугался...

— Почему?

Он пожал плечами.

— Тогда я не мог объяснить. Даже не понял, что боюсь. Просто вдруг стало холодно. Очень холодно. Возбуждение пропало. Зато появился озноб. Я не знал никого своего возраста, кто прошел через пробуждение. Не знал, чего ждать. Как сказать родителям. Что теперь будет? Со мной. С учебой. С Талией... Я знал, что ей расскажут. И от этого становилось страшнее. Я не знал, как она отреагирует. Много неизвестности — это ужасно.

— Что произошло потом?

Разговор с родителями напугал скорее их, чем его. Пожалуй, сейчас Байон понимал, что идея дожидаться их пробуждения под дверью спальни, чтобы объявить новость как можно раньше, была не самой удачной. Конечно, они порадовались. Точнее постарались успокоить его, затем сообщили в Храм и школу. Потом состоялась встреча с жрицей, беседа, полная доброжелательности и сопереживания. Пожалуй, та женщина, уже давно немолодая, с морщинами и седыми волосами, смогла успокоить его больше, чем все остальные. Она предложила чай. Дала новый набор конструктора. Спрашивала об успехах в учебе. И слушала. Так внимательно, что он сам не заметил, как все рассказал. И как пропал страх. И волнение. Потом они встречались каждую неделю. Она учила его распознавать эмоции, справляться с ними, расставлять приоритеты. В ее присутствии он впервые встретился с

Талией.

— ...Вы знаете процедуру лучше, чем я. Официальное знакомство. Я тогда безумно волновался. Еще из-за разницы в возрасте. Мне было тринадцать, а Талии уже семнадцать. Она казалась мне взрослой. Далекой. И такой непонятной. Я совершенно не знал, как сложатся наши отношения. Точнее я был уверен, что ей не интересен — да и как могло быть иначе? — и надеяться не на что.

...Однако Талия разговаривала с ним на равных. И та встреча прошла довольно спокойно. А еще после нее он уверился в том, что влюбился. Раз и навсегда. А значит, должен вырасти и стать достаточно интересным, чтобы при новой встрече и знакомстве — а она точно его не узнает — получить тот зыбкий и призрачный шанс на нечто большее.

— Только не смейтесь, — Байон сам не заметил, как начал улыбаться, да и уголки губ Филис подрагивали, в глазах плясали смешинки, делая их светлее. — Я познавал мир чувств и был полон первых иллюзий и мечтаний. Я засыпал с мыслями о ней и просыпался, надеясь, что смогу ее увидеть и просто поздороваться. Когда мы случайно встречались, она всегда улыбалась и приветливо кивала. А иногда спрашивала, как проходит мой день. Тогда мне казалось, что ничего лучше просто не может быть.

— Позвольте, угадаю, вы демонстрировали необыкновенные успехи в учебе, меньше спали и не уставали, физические показатели выросли, и вы чувствовали себя победителем?

Он кивнул. То время вспоминалось легко. Он не просто чувствовал себя победителем, ему казалось, что нет никого в мире счастливее. Он строил планы, выбирал специализацию, читал книги, изучал все, что попадалось под руку. Мир казался таким ясным и понятным. Таким близким. Будто рухнули стены, которые не позволяли прикоснуться к нему и ощутить в полной мере то, что доступно другим. Нет, он не зазнавался. Он хотел, чтобы другие испытали то же, что и он. Рассказывал. Делился своим опытом. Учился сочувствию и эмпатии. Буквально летал...

— Когда наступил откат?

— Когда Талия окончила школу и уехала. Я не знал, какую специализацию она выбрала в итоге, куда решила отправиться. И тогда впервые понял, что мои мечты могут и не исполниться. Что где-то там она может встретить другого, кто устроит ее намного больше, чем я. Что она не обязана ждать. И вообще ничего мне не должна. Сначала я пытался себя успокоить. Думал, что это не важно, что главное, чтобы она была счастлива, но...

— Когда хочешь быть счастлив сам, сложно думать о других, — мягко отметила Филис, Байон рассеянно кивнул и вдруг поднял на нее взгляд.

Странно слышать такие слова от жрицы, но они ведь тоже чувствуют. Живут. Мечтают. И порой, возможно, оставляют свои мечты неисполненными, чтобы другие могли быть счастливы. Чтобы сохранять гармонию и мир. Безопасность.

— Не стоит жалеть меня, капитан. Поверьте, никто не заставляет жриц заботиться о других насильно. Наша служба — наш выбор. И те, кто хотят уйти, никогда не подвергаются гонениям Храма. Полагаю, ваша наставница помогла вам прийти к равновесию?

О да... Ее терпение казалось по истине безграничным. Она как-то умела усмирять беспричинную злость, вытаскивать его из глубокой апатии или развеивать совсем уж тяжелые мысли. Он долго не хотел понимать, что испытываемые чувства — не любовь, но болезненная влюбленность и зависимость, которая часто встречается у пробуждаемых в подростковом возрасте. Что происходящее — лишь откат и ломка, и что никак нельзя допустить, чтобы он узнал, где находится принцесса, или встретился с ней. Что нужно

время. И познания в первую очередь себя.

Наверное, по-настоящему легче ему стало только через год. Самый длинный год в его жизни. Самый сложный. Непонятный. Полный сомнений и метаний. Эмоциональных качелей, заставляющих его вновь парить или падать на землю. Он все-таки научился управляться с эмоциями. Жить с ними. Понимать других. Прощать им черствость. Снова начал общаться с Икаром, которому запрещено было рассказывать ему о сестре, что и положило конец разговорам. Но непробужденный как будто и не заметил, что на него злились и обижались. Когда Байон решился вновь подойти и заговорить, Икар, как ни в чем не бывало, кивнул и ответил.

— Второй раз мы встретились на Играх, точнее я увидел ее выступление...

И снова почувствовал, как дыхание перехватывает, как сердце сбивается с ритма, как язык прирастает к гортани, неспособный издать ни звука. Он больше не был мальчишкой и давно лишился иллюзий и глупых мечтаний, но когда Икар пошел встретиться с сестрой, не смог остаться в стороне.

— Мне показалось, что она почти не изменилась. Такая же яркая, ослепительная, сильная, и в то же время... живая. Оказалось, что у нее отличное чувство юмора, что она любит мифы и сказки, что у нее есть свой ликос, что...

Горло перехватило, и он умолк. Если память о детстве казалась далекой и уже нереальной, то их второе знакомство состоялось будто вчера.

— Я помню ту встречу. Потом были еще. Но та... Тогда я понял, что она — не образ, а живая женщина, что за силой и ослепительностью есть много иного, что видно далеко не всем. Я хотел узнать ее. Любую. Грустную и уставшую, или смелую и непобедимую. Наверное, я чем-то тоже смог ее заинтересовать, раз она предложила встретиться снова. Вы спрашивали, что я помню? Ее волосы всегда пахли ирисами. И лавандой. Она любила свежее испеченный хлеб. И гречишный мед. Чтобы немного горчило. Она макала в нег клубнику и жмурилась от удовольствия. Она могла разбрасывать вещи, а когда работала, раскладывала вокруг документы только по одной ей известной схеме. Она могла часами разговаривать с послами, но в душе ненавидела дипломатию. Она любила босиком бегать по траве. И ночами плавать в озере. Обнаженной. А когда ее что-то не устраивало, она искала выход. И пока не находила, не могла успокоиться. Иногда она страдала от бессонницы, и мы шли гулять. Она просила поговорить с ней. Неважно о чем. И я рассказывал что-нибудь из новостей инженерии. Вестник Науки всегда лежал у меня на столе. Я так привык читать его, что машинально загибал страницы с интересными статьями, чтобы потом пересказать ей. Я не знаю, что вы хотите услышать, но я могу говорить о ней бесконечно. И я не представляю, как жить дальше... без нее.

Глава 28

...— Икар, рад тебя видеть.

Иазон-старший приветливо улыбнулся и даже протянул руку в знак особого расположения, на что командер ответил крепким пожатием.

— Мы не видели тебя уже почти полгода, — Дорея как всегда везде следовала за мужем и окинула его долгим, внимательным взглядом, — с самого отлета Иазона-младшего.

Она обернулась, отыскивая взглядом сына, расположившегося на балконе рядом с императрицей. И их беседа тете совсем не понравилась. Она нахмурилась, но сразу же поспешила улыбнуться и бросила на него быстрый взгляд, словно пытаюсь понять, заметил

ли он смену настроения.

— Полагаю, его экспедиция оказалась успешной, — вежливо ответил Искарис, выдерживая ровный тон.

Странно, раньше оставаться невозмутимым казалось куда проще. Но сегодня, да и в последние пару дней, в нем появилось непонятное раздражение. Хотелось перемен. Движения. Тяжело стало сидеть на одном месте. Даже ежедневная медитация не помогла.

— Вполне, — коротко отметил дядя и поджал губы. — Его успехи мы обсудим в следующий раз, сегодня у нас другой повод для встречи.

— Мы очень сожалеем о случившемся и выражаем искренние соболезнования, — добавила Дорея.

И голос ее, глубокий и обволакивающий, вдруг показался фальшивым. Икар не выдержал и поймал ее взгляд, впервые позволяя себе выйти за рамки привычных правил. И тетя, не ожидавшая столь пристального внимания, растерялась. Хлопнула длинными ресницами, заметно смутившись, и постаралась отступить за спину мужа.

— Не стоит ли нам выйти на воздух? Я помню, что с этого балкона открывается чудесный вид на город.

Она потянула главнокомандующего за собой, и тот привычно покорился. А принц остался, рассматривая удаляющуюся пару и ощущая... нечто неясное.

Высокая, подтянутая фигура мужчины в форме и мягкая, округлая и пышная фигурка женщины, едва достающей ему до плеча. Раньше он принимал их как должное. Всегда вместе, всегда рядом, как две половинки, дополняющие друг друга. Он знал, что у родителей все было именно так. Любовь, привязанность и взаимоуважение, гармония. Но так ли все у других? Сейчас вопрос стал неожиданно интересен.

Дверь гостиной открылась, и в нее проскользнул робот с несколькими блюдами с закусками. Трапеза начиналась, и ему стоило присоединиться к другим, чтобы не расстраивать мать.

При его появлении, она обернулась, не прерывая беседы с Иазоном-младшим, и показалось, что в глубине ее глаз мелькнуло облегчение. А еще на балконе его встретил неожиданный гость. Креон поднял взгляд от планшета, на котором наверняка читал очередную статью, и коротко кивнул. Икар ответил тем же.

Кажется, последний раз с братом они виделись едва ли не год назад. Или больше? Он никак не мог вспомнить и неожиданно понял, что отсутствие младшего никогда его не беспокоило. Он был... другим. Интересовался расчетами и наукой, инженерией, но не так, как Байон в прикладном назначении, а скорее теорией и новыми изысканиями, которые самого командера не привлекали. Пожалуй, с Талией у них было куда больше общего, чем с Креоном. И оттого еще удивительнее стало то, что он убрал планшет и подошел ближе. Остановился совсем рядом. Низковатый, тощий и немного нескладный. С белой кожей, сторающей на солнце, длинными руками и едва заметной сутульностью от постоянного сидения.

— Ты рано приехал, — отметил Икар, не зная, что еще сказать.

Младший смотрел на него снизу-вверх. Он словно хотел что-то спросить и никак не мог подобрать слова. Только смотрел. И от взгляда становилось неуютно. Будто холод забрался под одежду.

— Она не мучилась?

Голос у Креона оказался резким, грубым, каркающим. Даже не сразу стало ясно, о чем

речь. Но спустя несколько секунд командер понял.

— Корабль Талии разбился от удара о землю, предварительно приняв на себя огромные перегрузки. Скорее всего, она потеряла сознание еще в полете и не почувствовала столкновение.

По крайней мере, официальное заключение аналитиков, внесенное в отчет, звучало именно так.

— Хорошо, — Креон отрывисто кивнул и качнулся назад, будто хотел уйти, но остался стоять рядом. — Я не хотел, чтобы ей было больно.

В плане выражения мыслей младшему приходилось тяжелее, чем его сверстникам. Вспомнилось, как в детстве Талия заставляла их играть. Он всегда соглашался, готовый быть, кем угодно, чтобы только она смеялась. А брат... Ей приходилось его уговаривать, отвлекать от книг или конструктора, объяснять важность и необходимость игры. А Икар ждал. Ждал и не понимал, почему она с ним возится.

И вдруг что-то шевельнулось внутри. Это он проводил с Талией последние годы, он сопровождал ее в перелетах и имел возможность говорить, слушать и видеть мир ее глазами. А Креон, отгородившийся от семьи стенами исследовательской лаборатории, оставался на расстоянии. И что, если Талия поддерживала с ним связь? Что, если она продолжала тормозить его и уговаривать? Что, если он, несмотря на сложность собственной натуры, испытал такую же утрату? Ведь приехал. И раньше, чем думала императрица. И не от того ли, что по-своему переживал?

— Я могу рассказать тебе подробности перелета, если хочешь. И показать отчет аналитиков. Ты сам убедишься, что все верно.

Младший кивнул. Резко. Будто дернулся.

— Завтра. Вечером. Я устал.

Креон повернулся к другим гостям, и оказалось, что все смотрят на них. И ждут, когда они займут свои места. И если взгляды обоих Иазонов отражали вежливое любопытство, а мать смотрела с какой-то скрытой надеждой, то Дорея снова предпочла отступить и спрятаться в тени мужа. Совпадение? Случайность? Или нечто большее?..

...Ветер тербил черные занавеси. До официального объявления в траурные цвета одели лишь личные покои императрицы. Кроме кабинета, в котором порой появлялись посетители и куда направлялись личные звонки. Сама она в темных одеждах, неожиданно подчеркнутых цвет волос и белизну кожи, выглядела несчастной. Или же это память с ним играет? Когда погиб отец, мать тоже носила черное. Тогда он не понимал, как тяжело ей пришлось, а теперь...

Прошлое вдруг показалось таким близким. И к нему возникли вопросы. Много вопросов.

— Встреча прошла неплохо, — резюмировала маеджа Софрония, наблюдая, как роботы убирают со стола.

— Креон остановился во дворце?

Икар наблюдал за братом всю трапезу и только укрепился в мысли, что брат не остался равнодушным к гибели Талии. Им нужно поговорить. Теперь, когда ее нет, кто-то должен продолжать тормозить его и объяснять необходимость общения. Пока он не замкнулся в себе и не ушел с головой в одну лишь науку.

— Нет, — тихий вздох, — он тоже предпочел отправиться на квартиру.

Она не упрекала, но невысказанная горечь повисла в воздухе.

— Мне жаль, что мы расстраиваем тебя.

Мать вздрогнула и подняла на него взгляд. Удивленный и растерянный.

— Икар... — она снова вздохнула. — Вы не расстраиваете меня. Мне горько. И больно.

Я потеряла дочь. И дело не в утрате наследницы. А в том, что мой ребенок мертв. Ты не сможешь понять меня сейчас, и от того мне больнее, но не ты, не твой брат не расстраиваете меня. Вы — такие, какие есть. А я лишь могу принимать вас. И любить.

Принц сглотнул вставший в горле комок. Отвернулся. Сжал кулаки, переживая приступ неизвестного до сих пор чувства.

— Не сопротивляйся. Когда пытаешься подавить чувства, становится только хуже. Они накапливаются, и уже не ты управляешь ими, а они — тобой.

Прописная истина, которую им объясняли с самых первых занятий. Не противиться чувствам. Позволять им окутывать себя. Особенно во время пробуждения. Знакомиться с ними. Но... он никогда не думал, что некоторые чувства будут столь неприятны. Даже физически.

Икар запрокинул голову и глубоко вдохнул. Медленно выпустил воздух.

— Мне ее тоже не хватает. Будто целый кусок моего мира перестал существовать.

Сегодня они поднимали чаши в память о принцессе. И он не испытывал и половины того, что вдруг свалилось на него сейчас. В груди защемило. А глаза начало жечь. Он провел ладонью по лицу и вяло удивился, почувствовав влагу.

Императрица встала и медленно подошла к нему. Накрыла ладонью руку и заглянула в глаза. Погладила по щеке. И стало ясно, что вся ее величественность — лишь маска, которую пристало носить правительнице. Она не может позволить себе быть иной. Слабой. Страдающей. Несчастной. Но боль ее никак не меньше, чем его.

— Мама...

Она судорожно вздохнула и вдруг порывисто обняла его за шею. Притянула голову к себе. И он согнулся, утыкаясь носом в ее плечо. Вдыхая знакомый с детства запах мяты. Обнял, сжимая в руках и не в состоянии отпустить.

— Я здесь, сын мой, я здесь.

Ее пальцы прошились по волосам, даря ласку, которую он забыл за прошедшие годы. Когда он отдалился от нее? После смерти отца? Когда она вдруг превратилась в незнакомку с невозмутимым лицом? Когда стала больше императрицей, чем матерью? И столько лет даже не замечал, как не хватает ее ласки и взгляда.

Наверное, он сжал ее слишком сильно и сделал больно, но она не сопротивлялась. Обнимала также крепко и судорожно вздыхала, а форменный китель на плече становился влажным. Кажется, и ее накидка немного промокла, но дышать стало легче, а буря внутри и зуд, мешавший трезво мыслить, улеглись.

Икар не знал, сколько прошло времени, прежде чем он разжал руки и отпустил мать. Ее глаза опухли, но она постаралась улыбнуться.

— Спасибо тебе. Ты можешь жить, где угодно. Но я буду рада, если ты захочешь погостить в своей старой комнате. Или в любой другой во дворце. А сейчас я устала...

Устала. Он видел. Теперь увидел. Заострившиеся черты лица. Морщинки. И даже первую, едва заметную седину. Она устала. Очень давно. И все равно продолжала быть той, кем необходимо.

Он подержал ее под руку, и они неторопливо пошли вместе. Рядом. В молчании. Не

зная, что еще можно сказать. Но теперь тишина не казалась оглушающей. Скорее понятной и даже уютной. Он мог бы слушать ее долго, если бы в коридоре не мелькнул знакомый силуэт Дорей. И мысли не пошли в совершенно ином направлении...

Глава 29

Музей истории Киориса располагался совсем недалеко от Храма. К его дверям вела столь же высокая лестница, а с других сторон окружал цветущий сад. Сашу поражало столь непривычное количество зелени и деревьев вокруг, казалось город, от которого она видела лишь небольшой кусочек, буквально утопал в ней. Свежий воздух врывается в легкие и кружил голову. Конечно, уже не так как в первый день, но в теле ощущалась непривычная легкость. Или это от посещения терм и ежедневной зарядки?

Казалось, что занятия с Доркас должны выматывать. И физическая усталость ощущалась тяжестью и ноющей болью в мышцах от растяжки, но в то же время... появилась легкость. Сосредоточенность. Стало проще вставать по утрам. И настроение заметно выровнялось. По крайней мере, последние два дня никаких истерик не намечалось, а губы сами собой растягивались в улыбке.

Саша понимала, что далеко не в порядке. Скорее даже наоборот, наконец, в полной мере осознала, насколько глубоко ее засосала трясина депрессии. И даже понимала, что быстро из нее не выбраться. Стоило признать, что и сил у нее не так уж и много. Их хватало на повседневные дела и соблюдение устоявшегося режима, но не более... Филис говорила, что двигаться стоит маленькими шажками и радоваться каждой победе. Сегодня таким шажком должно стать посещение музея...

— Не устала? — жрица обернулась, остановившись перед распахнутыми дверями, по сравнению с которыми казалась крошечной.

От Храма они прошли пешком, вроде бы недалеко, но ступеньки... Да и непривычная обстановка. Саша остановилась перевести дыхание и запрокинула голову, рассматривая колонны и треугольную крышу, которую они поддерживали. Сердце билось часто. Не только от ходьбы, но и от волнения. Покинуть обитель жриц оказалось проще, чем линкор, но, оказываясь на открытой территории, она все еще ощущала себя голой. Беззащитной. Слабой. И от того хотелось побыстрее скрыться за толстыми стенами.

— На Земле есть места с похожей архитектурой, — задумчиво ответила она, напрочь игнорируя вопрос.

В детстве она до дыр зачитала книжку с мифами Древней Греции, адаптированную для детей. И теперь узнавала знакомые очертания. Чуть более изящные, и сохранившиеся куда лучше, чем на фотографиях и картинках.

— Возможно, — Филис окинула здание задумчивым взглядом и с интересом взглянула на нее. — Наша анатомия очень близка. Никто не знает, когда и как зародилась жизнь на Киорисе.

— Разве у вас нет научных теорий? Или... легенд?

— Легенды... — жрица коротко, но не обидно рассмеялась. — Я могу рассказать несколько самых известных и интересных, но пока лучше ознакомимся с фактами.

Внутри музей выглядел непривычно пустым. Никаких ковровых дорожек и ограждений, гидов, предлагающих экскурсии, и даже посетителей. Сплошной камень стен и пола, прохлада, а еще непередаваемое ощущение древности.

— Наши ученые полагают, что человек не был рожден на Земле. Возможно, наши

предки прибыли из космоса. И сейчас я готова в это поверить.

Саша обернулась, отыскивая глазами спутницу. Та уже подошла к боковой стене, где взяла одну из емкостей, стоящих на полке. Проверила содержимое, поднесла к тускло светящемуся прямоугольнику у бокового прохода. Раздался едва слышный щелчок, вспыхнула искра, и на металлическом носике зажегся огонек.

— Лампа?

Только теперь девушка смогла понять, на что похожа емкость. Лампа Аладдина. С изогнутой ручкой, крышечкой и длинным, узким носиком.

— Нам предстоит окунуться в прошлое, а для лучшего погружения стоит использовать то, чем пользовались наши предки, — мягко ответила жрица, прикрывая огонек свободной рукой, и кивком головы пригласила ее пройти следом.

Саша с внутренним трепетом шагнула к ней. Сердце забилось чаще, а ладони стали влажными. В животе скрутился узел из страха и предвкушения. Нечто новое, неизвестное, возможно привлекательное, а возможно... ужасное.

Оказалось, что в проходе отсутствуют окна. А на стенах примерно через каждые два метра располагались масляные светильники, лишь немного разгоняющие темноту. Девушка обернулась, чтобы убедиться, что светлый зал совсем рядом.

— Внизу расположены залы, рассказывающие о далеком прошлом. По мере приближения к современности мы будем подниматься, сделаем полный круг и вернемся в холл.

Голос жрицы удалялся, и Саша, тяжело вздохнув, последовала за ней. Тени дрожали на стенах, а отсветы пламени придавали одеянию жрицы зловещий, кровавый оттенок. Пол плавно опускался все ниже, а воздух становился более влажным и холодным. В какой-то момент даже показалось, что они спускаются в могилу.

Девушка замерла, хватая воздух губами, и оперлась рукой о стену, пытаясь справиться с приступом паники.

— История Киориса насчитывает порядка трех тысяч лет, когда наши предки начали вести первый календарь, который, к счастью, сохранился до наших дней.

Голос Филис немного успокоил. Она остановилась и подошла к стене, подняла лампу выше. И среди теней вдруг проступили вполне заметные контуры. Словно... барельеф. Саша сама не заметила, как подошла ближе и протянула руку, чтобы коснуться изображения.

Круг, разделенный на двенадцать секторов с изображением животных в каждом. По бокам выстроились предположительно столбики цифр, чем-то похожих на римские. Даты? Годы? Снизу тянулась витиеватая надпись, почти стершаяся от времени. Дрожащие пальцы коснулись букв. А с губ сорвался вздох.

— Три тысячи лет...

Совсем немного, если подумать. Но результат, которого достиг Киорис, впечатляет. Земля, конечно, научилась отправлять корабли в космос, но вот о перелете через всю Солнечную систему речь пока не идет. Точнее уж точно не в те же сроки.

— Тогда было смутное время...

Жрица двинулась дальше, освещая отдельные барельефы и рисунки на стенах, изображающие мужчин в античных одеждах, так хорошо знакомых по мифам. Они сжимали в руках оружие. Сражались или охотились.

— Киорийцы еще плохо осознавали свои особенности. И потакали им. Общество строилось на силе. Слабые не выживали.

Младенцы, падающие со скалы. Старики, прыгающие в волны. Мрачные, темные краски и светлые воды, принимающие всех. Кажется, нечто подобное было в Спарте.

— Женщин использовали для деторождения и ухода за домом. Замуж продавали. Устраивали особые праздники сватовства, когда всех незамужних девушек свозили в одно место, где они демонстрировали свои таланты. Но главное — себя самих, чтобы пробудить кого-то из мужчин.

Танцующие, поющие, играющие на музыкальных инструментах, ткущие ткани женщины в светлых одеждах с застывшими улыбками на лицах. Их наверняка пытались показать счастливыми. Радостными. Но почему-то по спине пробежал холодок. И такой знакомый страх невидимой рукой сдавил сердце. Дыхание стало тяжелым.

— Чем знатнее мужчина, тем выше выкуп. Тем большие привилегии может получить семья девушки. Дочерей ценили. В их образование вкладывались большие деньги в расчете на то, что затем все затраты будут возмещены.

— А если нет? — пискнула Саша.

Ей показалось, что она спросила тихо, но узкий коридор вдруг ответил эхом. «Нет, нет, нет, эт...»

— Тех, кто долго не выходил замуж, принимали в гаремы богатых господ. Наложницами. За них тоже платили выкуп, пусть не как за жен, но все же. Супруг заводили для рождения детей, а остальных — для удовольствия.

— А если наложница беременела?

— Такое случалось редко. Непробужденный мужчина не способен зачать ребенка. А пробужденный, как правило, стремился завести детей от пробудившей его женщины. Считалось, что пробуждение — дар Богов. Оно — единственно верное предназначение и не стоит изменять ему. По крайней мере, в том, что касается потомков. Наложницы принимали специальные отвары, чтобы не забеременеть. А если такое случалось, к ним приглашали лекаря, который устранял проблему.

От того, как спокойно Филис рассказывала о прошлом, стало тошно. На лбу выступила испарина. А по спине пробежали мурашки. Стоило только подумать о судьбе несчастных наложниц, и дурнота подкатывала к горлу. Сколько их было? Сотни? Тысячи? Женщины, лишённые свободы, выбора и возможности завести ребенка, потому что кто-то решил, что это неправильно? Неужели такое могло быть на Киорисе? Который на ее, земной, взгляд казался просто ожившей сказкой?

Несколько минут они в молчании переходили от одной картины к другой, демонстрирующей моменты быта. Женщин за домашними делами и мужчин с оружием. Светлые тона для одних, темные для других.

— Тогда территории Киориса делились между разными городами. И каждый считал себя важнее. Сильнее. Лучше. Часто случались конфликты из-за территорий, пока однажды не появился талантливый полководец, сумевший объединить под своей рукой три самых богатых города, а затем завоевавший территорию всего материка. Он стал первым императором.

Чеканный профиль, отлитый в неизвестном сплаве металлов, выглядел достаточно грозно. В нем угадывались смутно знакомые черты Икара. Прямой нос. Жесткая линия подбородка. Широкая бровь. Давний предок, однако, выглядел куда опаснее. Более хищным. Жестоким. Да и каким может быть полководец? Не добрым и милым уж точно.

— Цезарь?

— Что? — удивилась жрица. — Нет, его звали Птолемей Первый. С тех пор род Птолемеев правит Киорисом.

— Его не свергли?

— Пытались, и не раз... Но Птолемей был хитер. Или мудр. Он отправил исследовательскую экспедицию вдоль змеиного архипелага, и она наткнулась на второй материк, куда Птолемей отправил тех, кому хотелось власти. Он обещал отдать им земли, которые они смогут завоевать и удержать. Все желающие отправились к новым берегам, а император смог спокойно править. И дожил до глубокой старости.

— А жители другого материка? У них все шло также?

— Не совсем...

Они прошли еще несколько метров, все дальше углубляясь в темноту. Тьму и пыль веков. Теперь свет лампы озарил совсем иные краски. Яркий голубой, нежно-зеленый, пудрово-розовый. Цвета так ошеломили, что Саша даже сразу не смогла понять, что видит перед собой. А осознав, восхищенно вздохнула.

Цветок, в сердце которого спала женщина. Точнее ее силуэт лишь угадывался, складываясь из более ярких контуров лепестков. Огромный бутон окружали листья, словно обнимая и защищая, а вокруг раскинулась небесная лазурь. Или водяная гладь?

— Нимфея. Водяная лилия. Некогда герб и название государства, которое пыталось противостоят Птолемею...

Сердце сжалось, а в горле встал комок. Что-то подсказывало, что самая мрачная часть истории еще впереди...

Глава 30

...— Нам мало известно о том, как проходило становление государства в Нимфее. Но, как известно из летописей того времени, достигшие другого материка путешественники были поражены архитектурой, а также искусством и библиотеками того государства. Сохранились воспоминания одного из генералов Птолемея, который описывал вид открывшегося им города. Куда более просторного, чистого и красивого, чем любые города Пафоса — так называлось государство Птолемея.

Новый барельеф оказался исполнен в совершенно иной технике. В нем сохранилось куда больше деталей фона, горы в дали, солнце скрывающееся, или поднимающееся из-за них, и город, раскинувшийся у подножия. Саша потянулась к сохранившемуся осколку древности, но так и не решилась коснуться. Настолько хрупким он казался. Отсветы пламени и игра теней создавали поразительный эффект. Будто изображение оживало.

— Так красиво...

— Столица Нимфеи — Александрия. Все, что от нее осталось — лишь пара барельефов. Нимфеей управлял Сенат, который предложил путешественникам вести торговлю. Хороший металл и оружие, которым славился Пафос в обмен на предметы быта, искусства, краски и драгоценные камни.

— Они отказались, да? — уже понимая, что будет дальше, спросила девушка. — Зачем платить за то, что можно взять даром?

— Именно так. Генералы забрали подарки, оставили немного оружия в залог будущих отношений и вернулись к своему императору. А он велел собрать армию...

Следующие картины и осколки керамики отражали сражения. Черный, белый, красный. Простые краски, известные пафосцам. Нимфейцы, владеющие куда большим количеством

оттенков, не изображали войну. И лишь через несколько метров свет лампы выхватил на стене полотно. Воины, склонившие головы, стоящие на коленях пленные или рабы, а возможно и те, и другие. И в центре, возвышающаяся над всеми фигура в темных одеждах и венце. А перед ним молодой мужчина в доспехах и женщина в светлых одеждах. Вот только на лице ее совсем не видно радости.

— Старший сын Птолемея возглавил войска, именно он отдал приказ сжечь Александрию, чтобы устрашить другие города и сломить сопротивление. Однако война длилась долгих пять лет. Победа досталась Пафосу. Но сын Птолемея в одном из городов встретил девушку и пробудился. Она была дочерью одного из сенаторов, которую мудрый отец отправил к дальней родне, чтобы уберечь от ужасов войны.

— Не вышло... — выдохнула Саша, рассматривая лицо девушки. Бесспорно красивой, утонченной и глубоко несчастной. Она смотрела на мужа с тоской и таким отчаянием, что сердце сжималось в груди.

— Не вышло, — эхом ответила жрица. — Их свадьбу приурочили к окончанию войны. Но на самом деле, как известно из сохранившегося дневника Ксении — новой императрицы Пафоса и Нимфеи — сын Птолемея овладел ей еще в первый день, когда вырезал ее близких и забрал ее себе. И два года до конца сражений она жила пленницей и бесправной наложницей при главнокомандующем армии.

— Ужасно...

— Так два государства объединились в одно, а Птолемей провозгласил себя императором уже всего Киориса. Он прожил еще долгих десять лет после окончания войны и умер в окружении детей, внуков и доверенных людей, считая свою жизнь великой и полной свершений. Именно так написано в его биографии, которую писал с его слов один из плененных ученых Нимфеи.

Саша только покачала головой, не в состоянии сказать ни слова. Всегда хочется, чтобы тот, кто причинил много боли и горя, мучился так же, как и его жертвы. Чтобы его наказала жизнь или судьба. Чтобы... восторжествовала справедливость. Хоть какая-то. Но как показала история, справедливостью в жизни даже не пахнет. И, пожалуй, именно это удручало ее больше всего.

Дальше картины и барельефы постепенно менялись, они стали подробнее, искуснее, явно лучше, чем грубые работы пафосцев, но все же не столь ошеломляющими как то изображение Александрии. И где-то в глубине души поселилась печаль по безвозвратно утраченному искусству и знаниям. Нечто подобное происходило и на Земле, только лишь с меньшим размахом.

— Пафос многое взял от Нимфеи. В том числе Сенат — как орган управления столь большой территорией. Государство поделили на провинции, и у каждой в Сенате имелся свой представитель, доводивший новости и пожелания народа до императора. Нимфея долго находилась в упадке и крайне медленно восстанавливалась после окончания войны. А Пафос тем временем процветал. Он получил богатства, знания, лучших мастеров и мудрецов, сыну Птолемея досталось богатое государство, уstraшенное его отцом. И многие годы он лишь пожинал плоды труда своего родителя. Как делал его сын и его внук. Но ничто не вечно...

Они остановились перед огромной картой, так похожей на то изображение Киориса, что показывала Клео. Не столь детальное, более грубое, но сделанное в ручную и с большим трудом. Горные хребты, реки, леса, озера, песчаный берег и бескрайний океан с цепочкой островов. Тонкие линии, очерчивающие границы провинций, названия, нанесенные

красивейшей вязью. От мастерства захватывало дух.

— Почему мудрость проигрывает насилию?

Саша взглянула на Филис, в ответах пламени ее лицо выглядело более жестким, четче проступили скулы и подбородок. Глаза стали темнее и загадочнее. В них крылась тайна. И знание. А еще печаль.

— Гармония рождается в мире. Когда насилие исчезает или становится столь малым, что его не замечают, люди забывают, как защищаться. Привыкшие жить в безопасности искренне не понимают, что может быть иначе. Что нужно прятаться. Бежать. Склонять голову, когда осыпают оскорблениями. Терпеть унижения. Женщины Нимфеи были рождены свободными. Их не продавали замуж. Они получали образование наравне с мужчинами. И их заслуги для общества ценились ничуть не меньше. А мужчины, лишённые способности чувствовать, ценили их за то, чем не могли обладать. Восхищались. В той войне равенство погибло. Воины Пафоса убили многих мужчин, а вдов и дочерей забрали себе в наложницы. Знания о том времени забылись. Потерялись. И лишь в некоторых родах, в тех, что старались сохранить осколки прошлого, рассказывались сказки, в которых была заключена мудрость тех веков.

— И что случилось через сто лет?

— Началось восстание северных провинций. Не всем нравилась единая власть. Некоторые сенаторы начали требовать независимости для своих территорий. И завязалась междоусобица, которая длилась из поколения в поколение. Императоры менялись, каждый доказывал свое право на трон в бою, усмиряя восстания и бунты. То в одном конце страны, то в другом. К счастью, или, к сожалению, у Птолемея имелось много детей, способных продолжить династию. Ушло много лет, прежде чем древо его рода измельчало, и остался лишь один наследник. Его наставник, напуганный настроениями в Пафосе, сбежал вместе с мальчиком в Нимфею. Спрятал его. И пока сенат праздновал победу и делил власть, мальчик рос и узнавал то, о чем не рассказывают детям Пафоса. Он оказался достаточно мудр, чтобы суметь применить знания, лишь чудом сохранившиеся в тайниках старых библиотек, и создать новое оружие, которое позволит ему вернуть себе трон и власть. Он женился на женщине из древнего и знатного рода Нимфеи, заручился поддержкой ее родни, а также многих других представителей старой знати. И в один из дней вернулся домой во главе армады кораблей, везших на борту совершенно новое вооружение. Он победил, и те, кто поддержал его, потребовали вернуть Нимфее свободу и независимость. Библиотеки и людей, тех, что захотят вернуться на родину. Но мальчик... Конечно, уже не мальчик, а мужчина, сделал вид, что забыл об обещаниях. Он отказал просителям и пригрозил, что обернет оружие против них. Ведь теперь у него есть не только знания, но и сила Пафоса...

И снова ничего удивительного. Закономерно. И даже в какой-то мере понятно. Ведь люди, обличенные властью, редко остаются совестливыми и честными. Разве что в сказках...

— Они ему отомстили?

— Нет, нимфейцы склонили головы и ушли. Вернулись в свои земли, предварительно принеся клятву верности, даже получили со временем некоторые привилегии и послабления. За прошедшие годы они научились жить в новом мире уже по другим законам. Но вот императрица Мелпомин...

Знакомое имя заставило вздрогнуть. Мелпомин... Та, о ком говорила Клео. Женщина, пробудившая двух мужчин, странившая между собой Сенат, избавившаяся от мужа...

Ее портрет открылся через пару шагов. Первый портрет в этой странной галерее. Женщина в традиционных греческих одеждах изумрудного цвета с некрасивым, слишком жестким лицом и выделяющимся носом с горбинкой. С тяжелыми бровями, нависающими над темными глазами. С черными волосами, уложенными в узел на затылке. С венцом на голове. Ее изобразили в три четверти. И взгляд, даже направленный в сторону, заставлял трепетать. Жесткие, тонкие губы и тяжелый подбородок лишь усугубляли общее впечатление. Эта женщина была опасна. И странно, что император и тот, другой мужчина, доверились ей. Иначе как возможно было осуществить то, что сделала она?

— Ее дневники сохранились лучше, чем воспоминания Ксении. Они зашифрованы. Известно, что Мелпомин воспитывали в старых традициях Нимфеи. Она рано показала огромный талант к дипломатии и ораторскому искусству. К тому же с детства играла в домашнем театре, где ее впервые и увидел будущий муж. Судя по истории, Мелпомин не прониклась к нему чувствами, но хорошо понимала, какие перспективы открывает подобный союз. И она позволила молодому наследнику ухаживать за собой, а затем столь же милостиво согласилась стать его женой. Она мечтала о независимости для Нимфеи. О возрождении своего народа. И она ненавидела Пафос всей душой, но умела скрывать это. Она подарила императору наследника, поддерживала его во всем и даже простила ему предательство интересов родины. В качестве извинений император построил в ее честь Храм...

— Храм в честь женщины? Но разве они не для богов?

— Для богов, но у Пафоса, как и у Нимфеи существовала традиция: любой Храм на этапе строительства можно было посвятить живому человеку, выражая этим уважение и почет. Тот, кому посвящался Храм, пожизненно получал половину податей, что жертвовались посетителями. А его имя навечно оставалось выгравированным на стене Храма. Подобное право не наследовалось, так как являлось слишком личным.

— То есть императрица получила постоянный доход?

Саша попыталась представить, какие деньги могут жертвовать посетители Храму. В те времена, когда Храм являлся местом религии. Какой, кстати, религии? И так ли она похожа на культ древних греков?

— Она не только получила доход, но и попросила, чтобы верховным жрецом Храма стал нимфеец. И император согласился.

— Он настолько ей доверял?

Сейчас картина готовящегося заговора казалась очевидной, но ведь для императора все выглядело иначе.

— Он делился с ней своими планами и мыслями, советовался, приглашал ее на заседания Сената, где и познакомил с тем, кого Мелпомин также пробудила.

Еще несколько шагов и новый портрет, совсем небольшой, но удивительно живой и точный. Уже немолодой мужчина, с широким, грубоватым лицом, со светлыми, живыми и очень умными глазами. Широкоплечий. Коренастый. Он казался невысоким, даже когда сидел. А еще от него веяло чем-то неуловимо знакомым.

— Нестор Маркис. Исследователь, практик, ученый по меркам того времени. Весьма талантливый и разносторонне развитый человек, сумевший быстро возвыситься при дворе и ставший почти правой рукой императора. Он занимался усовершенствованием того оружия, что создали нимфейцы.

— О, Боже...

Глава 31

...— Маркис долго не признавал свои чувства и сопротивлялся им. По воспоминаниям его друга, Нестор метался между долгом и чувствами. Он искренне полюбил императрицу, восхищался ее умом и силой духа, а также видел куда больше, чем император, но... Молчал.

— Он тоже вел дневник?

— Его верный слуга, оказавшись в тюрьме после смерти господина, занялся описанием тех событий. Его трактовка оказалась столь хороша, что ее не уничтожили. Не опубликовали, но сохранили в императорской библиотеке. А спустя несколько веков включили в учебники истории, как самый непредвзятый взгляд на эпоху Раздора.

— Эпоха Раздора?

Они снова шли в темноте, к которой Саша успела уже привыкнуть. Сродниться с языками пламени и тенями на стенах. С влажностью и прохладой, окружающей со всех сторон.

— Императрица Мелпомин не только уничтожила Сенат, посеяв вражду и соперничество между его членами, но и разрушила основы религии того времени. Избавившись от мужа и советников, она провозгласила себя регентом при малолетнем сыне. А затем велела закрыть все Храмы старых Богов, а жрецов изгнать. Народ Пафоса воспротивился, но армия подчинялась правителю. К тому же, Мелпомин завладела разработками Нестора, и в руках ее доверенных людей появилось новое оружие...

По спине пробежал холодок, а кожа, в который уже раз, покрылась мурашками от представления тех событий.

— А во что верили в Пафосе?

Пламя выхватило на стене еще одно изображение. Старое. Старее, чем последние портреты. В красно-черно-белой гамме. Алый мужчина-воин с мечом и в доспехах. Тьма, клубящаяся у его ног, и силуэт, угадывающийся в ней. Свет, окутывающий его сверху, и снова эфемерный силуэт в нем. Слева и справа от воина фигуры еще двух мужчин — один поменьше и хрупче в тунике и сандалиях, устремляющий взгляд вверх, и второй — низкий и коренастый с молотом в руках.

— Главным богом считался Воин, покровитель мужчин, здоровья и процветания. Ему всегда помогал Кузнец или Мастер, истинные имена Богов не сохранились до наших дней, но суть ясна по рисункам. Также существовал Бог Мертвых, насылающий духов и болезни. Он считался главным противником Воина. А его покровитель — Бог-Отец. Он не вмешивается в жизнь людей, но лишь наблюдает, и после смерти судит по справедливости. Еще есть Посланник — он не имеет своей воли, но лишь исполняет приказы Отца или Бога Мертвых. Сопровождает души в загробный мир или является людям, чтобы донести волю Богов. Также он покровительствовал дорогам и путешественникам.

Арес, Аид, Зевс, Гефест и Гермес. Сильно урезанный пантеон греческих богов. И ни одной богини, хотя в Греции их имелось немало.

— А кому поклонялись женщины?

— Богине Любви и Матери. Их изображений как таковых не сохранилось, а храмы им были малы и строились на окраине. Думаю, не стоит объяснять почему.

Они с Филис встретились взглядами. Ну да, что уж тут объяснять? Если роль женщины низведена до наложницы и продолжательницы рода, то и храмы ей ни к чему. Хватит и окраины города.

— А тот Храм, который император построил в честь Мелпомин, кому в нем поклонялись?

Жрица улыбнулась и едва заметно кивнула, словно одобряя вопрос.

— Всем пятерым богам. Он являлся общим. И потому поступок императора вызвал много споров и вопросов, но он сумел заставить завистников замолчать. Открытие Храма было красивым и торжественным. Народ принял широкий жест императора и простил его.

— А Нестор? Ты сказала, он видел намного больше, чем император. Неужели он не понимал, к чему все идет?

— Понимал. Судя по воспоминаниям его слуги, господин делился с ним своими сомнениями. И опасениями. Он чувствовал напряжение во дворце незадолго до бунта. Видел, что в Сенате не все гладко. Он хотел собрать у себя отдельных сенаторов и побеседовать с ними, убедить их договориться между собой. Он пытался добиться аудиенции у императора, но тот все время оказывался занят. А императрица встречала его с неизменной улыбкой и занимала искусной беседой. Нестор, действительно, пытался остановить надвигающуюся беду. Его слуга несколько раз даже подслушивал его беседы с Мелпомин, в которых Маркис пытался напрямую переубедить императрицу. Отговорить ее. Не губить государство. Но она уходила от ответа. А в последнюю встречу протянула ему бокал вина. Слуга Маркиса считал, что хозяин понял, что в бокале находился яд. Он взял его обеими руками, посмотрел в глаза императрицы и выпил все до капли. А через минуту упал мертвым к ее ногам. Мелпомин лишь отвернулась и приказала арестовать его слугу. В тот день случился переворот...

В горле неожиданно пересохло, а кожа покрылась липким, противным потом. Вспомнилось вдруг скрытое восхищение в словах Клео. Знала ли она такие подробности об императрице? Или история — не ее конек? Или... Стоит отдать должное, императрица была умна и коварна, раз смогла провернуть такое. Она отомстила Пафосу за унижение родины. Обезглавила, а потом вышибла почву из-под ног, ввергнув в религиозную войну.

— Сколько лет длилась война из-за Храмов?

— До самой смерти императрицы. И даже позже. Ведь ее сын не стал отменять законы, введенные матерью. Она постаралась, чтобы ему досталась подходящая жена. Из тех жриц, что поселились в ее Храме и прибыли из Нимфеи.

Жрицы. Храм... Девушка вздрогнула и остановилась, осененная невероятной догадкой.

— Она... Она основала первый Храм? Ваш Храм...

— Именно так. Мелпомин считала, что Боги — это ересь, придуманная людьми. Она знала, что Пафос нельзя уничтожить, не изменив его суть. Но суть его крылась в религии. В поклонении войне, оружию и силе. И только изменив главные ценности, можно изменить само общество. Да, она действовала жестоко. И ее действия повлекли за собой сотни и тысячи смертей. Часто неповинных людей. Она была жестока. Но то время само по себе было жестоким, насилие считалось нормой. И, если рассуждать категориями самого Пафоса, императрица поступила именно так, как должна была. Безжалостно, но верно. Она утопила дух воина в войне. И пока сражения отодвигались дальше от столицы, ее жрицы постепенно завоевывали сердца ее жителей. К тому моменту, когда война официально завершилась, каждый освобожденный Храм перешел к жрицам. Храмы Любви и Матери пускали их сами, распахивая двери и благодаря. Жрицы других Богов сопротивлялись, но народ уже перестал им молиться и требовал новых жриц.

— Кому поклонялись в Нимфее?

На этом полотне богов было больше. И выглядели они куда более знакомо, чем на первом. Вот очень похожий, бородатый Зевс-Отец, вот его жена, Гера-Мать, вот их дети: пара воинственных Афины и Ареса, златокудрый Аполлон и красавица Афродита. Вот у их ног крутятся смутные тени, но ни подземного царства, ни другой тьмы не видно. Лишь тени. И свет. Гармония, как она есть. И равенство, которое не подделать.

— Тогда в Пафос прибыли жрицы всех трех богинь, — пояснила Филис. — Они решили объединиться, отбросить различия ради общего дела. И со временем из трех культов родился один. Лики богинь и богов исчезли, хотя в Нимфее еще сохранились старые Храмы, но уже лишь в музейных целях.

Любовь, Дом и Мудрость — вот основа Храма. То, из чего он вырос. И начало ему положила женщина, едва не уничтожившая страну.

— Я не знаю, как к ней относится. С одной стороны, она, безусловно, ужасна, но с другой... Не будь ее, разве Киорис сейчас стал бы таким?

— Поэтому, когда жрицы изучают историю становления Храма, нас учат принимать факты без эмоций. Не судить прошлое, насколько это возможно. Оно прошло. Мы должны быть благодарно за то, что оно нам оставило. За Храм, за мир и гармонию, за долгий путь, который мы прошли, чтобы сейчас не склонять головы, а на оскорбления отвечать улыбкой.

Саша покачала головой, все еще пребывая под впечатлением от услышанного.

— Все кажется таким нереальным. Будто я снова сплю. И в то же время... — она посмотрела на картину, обернулась на коридор, освещенный лампами. — Я четко понимаю реальность происходящего. Чувствую ее. Я будто там, где и должна быть. Куда всегда стремилась попасть. Это странно, да?

— Ничуть. Порой к нам снисходят откровения. Или перенасыщение информацией притупляет способность осознавать реальность. Думаю, на сегодня историй хватит. Пора подняться на поверхность.

Жрица протянула руку, и девушка, помедлив, вложила в ее ладонь свою. И пошла следом. Где-то за спиной остались тени. Жестокого императора, вздумавшего объединить материки. Его потомка, создавшего новое оружие и попавшего в ловушку любви. Императрицы, положившей целую жизнь, чтобы отомстить... Или восстановить справедливость по ее мнению. Да, насилие рождает насилие.

— Как ты думаешь, она была счастлива? Мелпомин. Она ведь не любила ни мужа, ни того сенатора. Никого. Разве что сына... но... Вряд ли, да? Те, кто долго ненавидят, перестают любить.

— Я изучала дневники Мелпомин. И могу сказать, что она была скорее глубоко несчастна. Она понимала необходимость своих действий, но ради уничтожения Пафоса ей пришлось покинуть родную Нимфею. И она всю жизнь тосковала по дому. Особенно в старости. Перед смертью императрица часто мечтала вернуться домой, в родные места. Пройтись по аллеям сада. А еще она жалела о гибели Нестора. Она знала, что он не примет ее путь. И понимала, что его смерть необходима. Но также она знала, что никто во всем Пафосе больше не сможет поддержать с ней разговор. Никто не разделит ее интерес к трудам древних. И ту пользу, что можно извлечь из их изысканий. Для своих соотечественников Мелпомин стала чужой. Слишком властной, слишком жестокой, даже родители ее опасались. Но для Пафоса она также не стала своей...

Обреченная на одиночество. Пожалуй, императрица сама себя наказала. За все и сразу. И в глубине души Саша ее пожалела.

Они неожиданно свернули в открывшийся сбоку проход и пошли по ступенькам, медленно поднимаясь вверх.

— Запасной выход, — пояснила Филис, — точнее, старый тайный ход. Считается, что он сохранился еще со времен Мелпомин. Императрица до конца дней боялась заговоров и покушений, доверяла только жрицам и Храму, поэтому в каждом имелось несколько входов и выходов, чтобы она могла в любой момент скрыться.

Девушка промолчала. Да и что еще здесь можно сказать?

Глава 32

После тьмы и сырости подземелья, светлый и солнечный день показался сказкой. Саша замерла на вершине лестницы, привыкая к ощущениям дня. Тепло. Шелест ветра в ветвях деревьев. Чистый воздух с ароматом хвои. И тишина. Пожалуй, что больше всего поразило ее на Киорисе, после яркой зелени и большого количества деревьев — это тишина. Нет постоянного гула машин, криков, рекламных лозунгов и даже громкой музыки. Первое время тишина оглушала, но теперь стала привычной. И сейчас ощущалась иначе. На контрасте стало ясно, что вокруг — живой мир. Где-то рядом раздавался смехи разговоры. Но тихие, до слуха доносились лишь отдельные слова, и общее мирное журчание речи. Киорийский она понимала уже достаточно хорошо, чтобы вникнуть в смысл. Но к чему? Чужая жизнь — чужие секреты.

— Присядем? — Филис указала на ближайшие скамейки, выполненные в виде лежанок с общей крышей.

Как оказалось, они достаточно удобны. И девушка с удовольствием растянулась, неожиданно понимая, что устала. Сколько времени они провели под землей? И сколько прошли? Или сказывается напряжение? Волнение от услышанного?

— Как получилось, что Киорис стал таким?

Саша не знала, как еще сформулировать вопрос. Однако жрица ее поняла. Она тоже легла, но на живот, пристроив голову на переплетенные пальцы и болтая в воздухе ногами.

— Время. Терпение. И мудрость. Ты спрашивала, почему она проигрывает насилию. Я могу сказать, что мудрость проигрывает сражению, но не войну. Да, Нимфея не смогла отразить прямой удар, однако собралась с силами и все же покорила Пафос, спустя столетие.

— Но столько людей погибло...

— Да, войны не бывают без жертв. История учит нас тому, что не стоит забывать. Киорис сейчас объединяет в себе достоинства обоих государств. Жрицы помогают гражданам, армия защищает внешние границы, императрица занимается Советом Безопасности, а люди могут выбирать то, что им по душе.

— Клео говорила, что у вас нет тюрем.

— Они ни к чему... Каждый совершает ошибки, но каждый может их исправить. Задача жриц — помочь человеку встать на путь исправления.

— А если он не хочет исправляться?

Вспомнился Влад, его прикосновения, слова, и те упреки, высказанные в зале суда. «А я ведь детей с тобой хотел...».

— Тогда помочь ему понять, что он не прав. Где и в чем он нарушил чужие границы и законы.

— А если он все равно считает, что прав?

Разве Влад осознал свои ошибки? Понял, вдруг, что вел себя неправильно? Что не

должен был применять силу? Что...

Александра закрыла глаза, снова чувствуя мороз на коже. Холод, когда вокруг тепло. И, кажется, вообще лето в разгаре. А на Земле сейчас начало весны... Холод. И целый год как она в разводе.

— Тогда кто-то из жриц совершил ошибку, пропустив ранние черты асоциального поведения. Насилие — это болезнь, которая поражает общество. И, как любую болезнь, его можно вылечить. Следует лишь отслеживать появление симптомов. Если правильно трактовать их и выявить на ранних этапах, то болезнь легко поддается лечению. Если же процесс запущен... Все становится сложнее. Лечение возможно, но в таком случае придется лечить не только носителя, но и тех, кто уже пострадал от него.

— Лечить его?

Она попыталась представить Влада у психотерапевта. И только головой покачала. Невозможно. Он никогда не согласится. Да и... Зачем ему лечение?

— Насилие редко рождается на пустом месте. Как правило, оно является следствием полученной травмы, нанесенной кем-то другим по неосторожности или незнанию. Мы не рассматриваем случаи, когда вред причиняется намеренно. Тогда он уже имеет целью породить насилие. Умножить его. Так вот, насилие оставляет шрамы не только на том, на кого оно направлено, но и на том, кто его несет. Когда человеку больно, он злится. В гневе он может многое наговорить. Или сделать то, о чем пожалеет. Как правило, военные страдают от вспышек подобного гнева и агрессии. И наша задача помочь им адаптироваться к мирной жизни. Научить жить в покое и гармонии. Выпустить их гнев и боль.

— Значит, изначально кто-то причиняет боль по незнанию...

Кто же мог так навредить Владу, чтобы он потом так обращался с ней? Или чужая боль только оправдание? Ведь не все страдающие в детстве становятся монстрами.

— Недостаток эмпатии или сил легко может привести к тому, что родители навредят ребенку. На Киорисе подобное встречается редко. И мы работаем над тем, чтобы свести подобные случаи к нулю. Но другие планеты идут своим путем, а мы лишь наблюдаем и помогаем там, где можем.

Да, какой смысл объяснять голодному или замерзающему от холода, что нельзя кричать на детей или, тем более, бить их? Не услышит. Не поймет. Но ведь... Влад вырос в девяностые. Как и она. Сложное, тяжелое время. Отца у него не было, и он не любил о нем говорить, а мать... Саша видела ее на свадьбе и пару раз после. Нина Петровна жила в Самаре, Влад к ней не ездил, да и в гости не звал. Вообще их отношения можно назвать прохладными, если не хуже... Но раньше, в другой жизни, Александра об этом не задумывалась. Предложила пару раз съездить к его маме, наткнулась на отказ и успокоилась. Не была ли она сама слишком уж равнодушной для любящей жены?

— А если человек сам виноват в том, что ему причиняют боль?

Она села, обхватив колени руками, и прямо посмотрела в глаза Филис. Жрица едва заметно нахмурилась и прищурилась, разглядывая ее, а затем заговорила мягко и, как показалось, осторожно:

— Подобное невозможно. Никто не просит, чтобы ему причинили боль. А если просит, то здесь уже речь об отклонениях и причинах их возникновения. Те, кто ими обладает, обычно не жалуются, но лишь испытывают восторг. В здоровых отношениях ни один из партнеров не может желать, чтобы ему причиняли боль.

— А, если он не желает, но все равно виноват... Спровоцировал или...

В горле встал ком. Слова приходилось буквально проталкивать сквозь зубы. Но Саше нужны были ответы. Необходимы. Чтобы убедиться, что она... нормальная. Что она вовсе не сама виновата в том, что с ней произошло, что...

По щекам покатались слезы. А грудь сдавило от сдерживаемых рыданий.

Жрица села, а затем покинула свою лежанку и опустилась рядом. Ее руки аккуратно легли на плечи, сжали. Стало чуть легче. Получилось даже сделать вдох. Рваный. Тяжелый.

— Никто и никогда не виноват в том, что ему причиняют боль, — спокойно и веско произнесла киорийка. — Здоровый человек не ищет страданий. Быть счастливым намного проще и приятнее, чем мучиться. Если же эти понятия подменяются, то о здоровье речь уже не идет.

— Но почему? Почему он так со мной поступал? Я же... я ничего плохого не сделала... я...

Слезы душили и катились по щекам. Дышать было тяжело. И нос как-то вдруг заложило. А значит, она вся покраснела и похожа теперь на чучело. Кажется, так говорил Влад, когда его раздражали ее слезы. Эмоции. А ведь он сам часто портил ей настроение своими замечаниями. Словно специально.

— Полагаю, от того, что сам был несчастен. Это не оправдание. Ни одна боль, которую испытывает человек, не может быть оправданием того, что он заставляет страдать других. Объяснением, но не оправданием.

— Я... я так хотела, чтобы он меня любил.

И только выдохнув, вытолкнув эту фразу, Саша поняла, как сильно на самом деле желала любви. Как мучилась, не находя ее, и как ухватилась за первый же призрачный шанс получить. Увидела сказку, поверила и сделала все, чтобы она стала реальностью. Вот только сказка оказалась не с тем героем...

— Почему? — мягкий вопрос, и плавные поглаживания плеч и рук ради успокоения. — Почему тебе так важна чужая любовь?

— Я... мне ее было мало. Родители... Да, я сейчас понимаю, что они меня любили. И любят, наверное. Что они, по-своему, желают мне добра. Просто... не понимают. Может быть, если им объяснить, поймут. Я не знаю. У них всегда был еще Сережка. Мой брат. У него все оказалось хорошо. Образцовая семья. Дети. А я... Когда я встретила Влада, я подумала, что уж он-то будет любить только меня. Для него я буду единственной.

— А для себя самой?

Умные глаза-вишни. Такие серьезные и спокойные. Без упреков. Без злости. Лишь с искренним интересом.

— Я... — девушка судорожно выдохнула. — Не знаю... Не умею, наверное. Вы здесь так легко говорите о том, что себя нужно ценить и никогда не забывать о себе. Это кажется таким простым и естественным. Но на Земле... Там все иначе. И... понимаешь, где-то в другой стране, наверное, было бы проще. Но у нас... Я просто не умею себя любить.

И, наверное, это ужасно. Дожить почти до тридцати и понять, что единственная любовь, которая встретила в жизни, оказалась выдумкой. А вот реальный шанс на искренние чувства она просто... упустила?

— Никогда не поздно начать. Любовь к себе рождает вовсе не эгоизм, как часто считают в нездоровой среде, но в первую очередь — уважение. К себе. К другим. Уважая себя, ты не станешь соглашаться на предложение, не обдумав все нюансы. Ты не станешь торопиться. Ты будешь действовать и оценивать ситуацию в своем темпе и, исходя из своих

взглядов, а не тех, что навязало общество. Ты будешь думать о том, что важно и нужно в первую очередь тебе. И научишься отказываться от того, что неважно и ненужно. И от тех людей, которых ты увидишь иначе. Любовь к себе позволяет тебе видеть мир иначе. Полнее. Шире. Она куда глубже, чем забота о теле и внешности. И начинается, прежде всего, с заботы о своих чувствах.

По мере того, как Филис говорила, в груди Саши медленно рассасывался узел боли. Становилось легче. Проще дышать. Спокойнее. А еще просыпалась надежда. Может быть, избавившись от прошлого, которое теперь кажется железными оковами, она еще сможет стать счастливой? Здоровой, как говорят на Киорисе.

— Спасибо. Я не знаю, почему ты мне помогаешь, и почему Храм вообще со мной возится, но... Все равно спасибо. Я бы не справилась одна. Дома... На Земле у меня осталась подруга. Очень хорошая. Заботливая. Она спасла меня. А теперь... ты лечишь. И Доркас. И Клео... Мне кажется, я за всю свою жизнь не встречала столько людей, для которых не была бы безразлична. Я понимаю, что помогать — твоя работа. И я — не первая, и не последняя. Но, знаешь, так даже легче. Я не чувствую себя особенной. Точнее чувствую... Но иначе. Не то, что со мной все носят, потому что чего-то от меня хотят. А скорее просто помогают, потому что... могут. И это правильно.

Дышать стало совсем легко. И внутри как будто тоже вышло солнышко. Потеплело. Озноб прошел.

— Я рада, что тебе легче...

Глава 33

...Креон переступил порог квартиры точно в назначенный час, который он педантично уточнил утром.

— У тебя просторно, — отметил он, быстро осматривая помещение. — Куда пройти?

Квартиру Икар получил, как другие военные, за заслуги. С каждым повышением в звании ему предлагали расширение площади, но он не соглашался. Квартира Байона, в которой часто появлялась Талия, располагалась всего через два дома, а других причин для смены района он не видел.

— Ты голоден?

— Нет, — младший резко качнул головой, от чего ему на глаза упала челка. — Если только воды. С лимоном.

— Тогда проходи в гостиную.

Икар сделал шаг в сторону, пропуская брата.

— Сирил, графин воды с лимоном и два бокала, пожалуйста.

— Принято, командер, — нейтральным тоном отозвалась встроенная система домашнего хозяйства. Имя ей дала Талия, а он так и не стал менять. Привык. Теперь Сирил стала еще одним напоминанием.

— Ты обещал показать заключение аналитиков, — Креон едва опустил на кушетку, как сразу же достал из сумки рабочий планшет, явно одной из последних моделей, и установил его на столе.

— Сирил, предоставь Креону файлы из папки Z-A-9071. И отрегулируй высоту стола по его параметрам.

— Сделано, командер.

Пока в гостиной происходили перемены, из кухни выкатился модуль-разносчик с

посудой и напитком. Направляемый искусственным интеллектом, он безошибочно остановился возле гостя и замер.

— Спасибо, — брат быстро наполнил свой бокал и выпил половину залпом.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Плохо спал ночью... Точнее уже третью ночь. Не знаю, почему. Точнее... На меня ведь не должно все так сильно влиять, да?

Они встретились взглядами. Сейчас Креон казался младше своих лет. Возможно, психологически так и есть. Все же военные, даже непробужденные, получают весьма специфический опыт. А вот об ученых такого не скажешь.

— Здесь могут ответить только жрицы. Ты не хочешь посетить Храм?

— Я поддерживаю контакт с иерией Зеновией, но... я не хочу говорить с ней о Талии. Не могу. Дай мне четверть часа, чтобы изучить материалы.

— Хорошо.

Икар наполнил второй бокал и устроился в кресле напротив. После окончания проверки он редко покидал квартиру. Тренировался, досмотрел сериал, который показала Александра и ту серию фильмов про джедаев. Несколько раз порывался связаться с Храмом, но каждый раз отказывался от этой мысли. И все равно думал о землянке. Каждый день. Он представлял разговоры с ней. Хотел показать ей столицу. Представлял, как она может отреагировать. Представлялось плохо. Все же они мало общались. Да и эмоции и реакции воспринимались еще слишком поверхностно. Он мог упустить нечто важное...

Например, раньше он никогда не замечал, насколько сдержан дядя в проявлении эмоций. На службе его поведение не вызывало вопросов. Но на семейном празднике... Иазон-старший держался отстраненно. А если говорил, то коротко и сухо. А ведь он пробужденный. И уже давно. Отец наедине с ними всегда вел себя иначе. К тому же, стоило втянуть главнокомандующего в диалог, как сразу же вступала Дарейя и перетягивала внимание на себя. До прошлого вечера Икар не обратил бы внимание, но пробуждение заставило взглянуть на происходящее иначе. И возникшие вопросы требовали ответов. Вот только задавать их тоже стоило правильно...

— Ты прав, — тихо отметил Креон. — Все произошло слишком близко. Скорее всего, Талия потеряла сознание от перегрузок и даже не почувствовала удар.

Он отложил планшет и замер, глядя перед собой. Опустошенный. И потерянный.

— Тебе легче?

— Не знаю... Я плохо понимаю себя. Других еще хуже. Талия помогала. Она прилетала. Писала. Иногда заставляла куда-то пойти, чтобы покинуть лабораторию. Думаю, она хотела, чтобы я встретил кого-нибудь. Надеюсь, что Пробуждение исправит меня.

— Не думаю, что она хотела тебя исправить. Скорее чувствовала ответственность. И хотела, чтобы тебе было лучше.

Младший резко перевел на него взгляд. Четкий. Сфокусированный. Будто только что его увидел.

— Ты раньше не говорил о чувствах. Что изменилось?

Икар задумался лишь на мгновение. Скоро всем станет известен его секрет, а Креон сможет сохранить тайну некоторое время. Так почему не рассказать все как есть?

— Многое... Я встретил женщину.

— Пробуждение? — в зеленых глазах мелькнула тень удивления. — Кто-то из экипажа? Тебя временно отстранят?

Будь все так просто, отстранили бы. До момента стабилизации. Вот только...

— Она не из экипажа. Землянка. Я нашел ее на мете крушения корабля. Она умирала. Ей оставалось совсем немного. Она очень похожа на Талию. И я не смог ее там оставить. Нарушил все правила и забрал на корабль. Сейчас она в Храме.

— Землянка? — сипло переспросил младший и допил оставшуюся воду из бокала. — Значит, мы нашли ее...

— Кого? — нахмурился Икар.

Несколько минут Креон молчал, рассматривая столешницу. Затем налили себе еще воды, сделал несколько глотков и медленно заговорил:

— Земля Предков. Среди ученых давно обсуждаются гипотезы о появлении жизни на Киорисе. Было много теорий, но сейчас все склоняются к одной. Она ничем не подтверждена, но все другие разбиты вдребезги. Считается, что изначально мы рождены на другой планете. А на Киорис попали лишь по стечению обстоятельств. На космическом корабле, который разбился, или еще каким-то образом, но мы точно не рождены здесь. Антропологи и биологи лучше объяснят доказательную базу, я могу лишь сказать, что последние несколько лет ученые собирали данные о других планетах. В частности, для того, чтобы узнать, откуда мы пришли.

— Но зачем нам искать Землю Предков?

— Демография. Киорийцев мало. Благодаря возможностям искусственного оплодотворения, нам удастся поддерживать воспроизводимость населения на нужном уровне, но... Ты сам понимаешь, из-за наших особенностей с рождением детей все слишком сложно. По сравнению с временами Птолемея численность киорийцев сократилась почти вдвое. Уровень жизни стал выше, продолжительность также высока, но последняя война оставила свой след...

— Почему же это не обсуждается публично?

— Обсуждается. Тебя эта тема не касалась, поэтому ты не в курсе. Ведутся открытые дискуссии, собираются форумы по вопросу демографии, но единого решения нет. Нельзя заставить женщин рожать больше детей, если они не хотят. Как и нет возможности мужчине зачать ребенка до Пробуждения. Но Земля Предков может решить все проблемы, и ты — живое подтверждение этой теории.

Икар смотрел на брата и пытался осознать услышанное. Он понимал, о чем идет речь. Новый приток совместимых генотипов. С другой планеты. Больше разнообразие, больше возможности для встречи подходящей пары, для рождения потомства, для развития и процветания.

— Хочешь сказать, что мы прибыли на Киорис с Земли? Но их цивилизация только-только начала постигать космос, они не умеют путешествовать между галактиками. Их двигатели слабы.

— Возможно, мы и не прибыли оттуда. Возможно, земляне, как и киорийцы, потомки некоего третьего народа, отправившего свои корабли в космос. Но сейчас главное не это. Ты. Пробудился. От землянки. Значит, мы совместимы. Значит, Киорису необходимо отправить экспедицию для изучения Земли. Значит...

— Землю необходимо включить под покровительство Совета Безопасности, — закончил командер.

И почувствовал, как впервые за последние дни расслабились плечи. Как внутри ушло напряжение. Как перестал ныть затылок от постоянных мыслей о том, как убедить

императрицу сотрудничать с Землей. Если планета попадет под патронаж, как более слабая и неразвитая, Киорис сможет постепенно ввести на ее территории свои законы. Те, что не будут ущемлять культурные особенности и традиции. И соответственно, насилия станет меньше. И такие, как бывший муж Александры, больше не смогут причинять вред и не нести за это ответственность.

Он закрыл глаза, испытывая неведомую до сих пор легкость. Даже дышать стало проще.

— Необходимо. Но без официального объявления мы ничего не сможем сделать. Думаю, подготовка уже началась. Как только императрица объявит о твоём состоянии, всё придет в движение. Начнутся новые теории и обсуждения. И та женщина... Её захотят увидеть.

А вот тут сердце вдруг сжалось и упало куда-то в живот. Или даже ниже. Увидеть. Её. Тонкую. Хрупкую. Слабую. Испуганную. Ничего не понимающую. Нет, киорийцы не звери. Никто не станет требовать от неё полной публичности, но Креон прав в одном. Её захотят увидеть. И значит, её нужно подготовить. Возможно, ещё и поэтому Храм взялся за неё.

Голова неожиданно заболела. Мыслей стало слишком много. Икар встал и прошёлся по комнате, пытаясь успокоиться.

— Ты хорошо держишься. Для пробуждённого. Наверное... Я в этом всё-таки мало понимаю.

— Спасибо, что рассказал. Теперь я буду лучше понимать происходящее. И знать, к чему готовиться.

— Когда ты её последний раз видел?

— Перед посадкой корабля. Она ничего не знает. Совсем. И вряд ли в Храме ей расскажут. Её культура совсем другая. Она... не поймет. И вряд ли примет.

— Ты ещё не пытался, — теперь младший едва заметно нахмурился. — Талия говорила, что нельзя сразу думать о негативном исходе. Нужно пытаться. Я ничего не знаю о женщинах, но она-то знала. И Байон знает. Может быть, тебе поговорить с ним?

Байон. Да, он знает. Ему плохо. Намного хуже, чем самому Икару. И следовало бы давно узнать, как он. И о Саше... Да, в Храм однозначно нужно заглянуть...

Глава 34

...Руки заживали. Недостаточно быстро, чтобы вернуться к тренировкам, которых не хватало, но всё же...

— Давай, Арей, давай. Не ленись!

Ликосу, вот, ничего не мешало наверстывать упущенное и восстанавливать форму. Во дворе для него быстро оборудовали полосу препятствий, и теперь зверь радостно вспоминал знакомые трюки.

Прыжок с разбегом по наклонной доске, и стенка высотой два метра осталась позади. Зверь приземлился, пробежал несколько шагов и обернулся к нему, высунув язык набок.

— Молодец! Умница! Заслужил перерыв и вкусненькое, — он протянул Арею кусочек вяленого мяса и потрепал по холке.

Сегодняшний день с затянутым тучами небом отлично подходил для активности на воздухе. Площадку оборудовали за пару часов, стоило только намекнуть. Пожалуй, выскажи капитан желание, Храм сделал бы многое, вот только желаний особенно не наблюдалось.

Байон устроился на земле рядом с подопечным.

— Славно потрудились, малыш...

Общение с ликосом перекрывало одиночество в изоляции. Да, изначально он сам не хотел никого видеть и слышать, но постепенно интерес к внешнему миру возвращался. Беседы с жрицей давали лишь небольшой ручеек данных, однако решиться на более плотное общение с кем-то из близких капитан еще не был готов. Впрочем, шанс ему представился. И отказаться оказалось выше его сил.

Икар появился почти бесшумно. И, не тренируйся с ним Байон еще с детских лет, даже не заметил бы. Арей и тот не насторожился. Лишь повернул ухо в сторону дверей. А потом и морду. Вскочил на четыре лапы, вильнул хвостом.

— Иди, поприветствуй его как следует, — разрешил мужчина, поднимаясь на ноги.

Зверь радостно рванул с места и попытался опрокинуть гостя на траву. Не вышло. Как и всегда. Однако в этот раз, вместо того, чтобы призвать ликоса к порядку, Икар неожиданно потрепал его по шерсти и даже позволил облизать подбородок. А уж выражение лица состроил...

Байон остановился, продолжая наблюдать. Сердце сбилось с ритма. Брови сошлись на переносице. Икар что-то говорил питомцу погибшей сестры, а капитан отмечал все больше странностей. Изменения в мимике, поза, жесты. Неосознанные. Полностью отсутствующие у непробужденных. И принц заметил его внимание. Почувствовал взгляд. Отвлекся от зверя и шагнул ближе. Протянул руку.

— Мне рассказали об инциденте, но выглядишь ты лучше, чем на корабле.

Байон помедлил, но все же осторожно сжал предплечье друга, и ощутил на своем знакомое, крепкое пожатие.

— Ты изменился...

— Так заметно? — командер отвел взгляд. — Креон сказал, что я хорошо справляюсь.

— А он не слишком хорошо считывает эмоции. Даже для непробужденного. Хотя, те, кто знают тебя не слишком хорошо, не заметят. Давно ты?

Не может быть, чтобы давно. Сколько прошло с момента посадки? На корабле Икар вел себя как обычно. Быстрое Пробуждение?

Принц прошелся по поляне, лавируя между препятствий и явно медля с ответом. Байон не спускал с него глаз. Не торопил. И вспоминал свои недавние размышления о переменах в управлении Киорисом. Кажется, все определилось. Или?

— Ты знал о демографическом кризисе?

— Талии присылали результаты исследований для ознакомления и прогнозы. Она делилась... — Капитан скрестил руки на груди и прищурился. Становилось все интереснее.

— И какие прогнозы?

— Неутешительные. Если говорить в сумме, то наши ученые сошлись во мнении, что без Земли Предков, мы все обречены на вымирание в течение ближайших лет трехсот. А если добавить пару внешних конфликтов, то и раньше.

Икар остановился, глядя в заросли терновника. Потом повернулся к нему и заглянул в глаза. И вот теперь стало окончательно ясно, что он пробудился. В малахитовой зелени появился отблеск чувств. И того знакомого огня, что горел в Талии.

— А если я скажу, что мы ее нашли?

— Невозможно, — Байон даже покачал головой, отказываясь верить, а потом замер, осененный внезапной догадкой. Словно все кусочки мозаики внезапно встали на места и сложились в общую картину. — Подожди... Та девушка. Это она? И Земля, значит... — Икар только медленно кивнул. — Благие боги...

Капитан прошелся по свободному от препятствий пространству, пытаясь сразу осознать и переварить новую информацию. Мысли разбежались.

— Значит, мы прибыли с Земли? Но ведь это бред какой-то, у них неразвитая цивилизация... И теперь что? Нам включать планету такого уровня в Совет Безопасности? А императрица в курсе? А землянка? Она же в шоке, наверняка... Или ей еще не сказали? В общем, ты должен мне все рассказать! — резюмировал он, останавливаясь.

Икар вдруг усмехнулся. Дрогнула уголок губ, а вокруг глаз разбежались мелкие морщинки. Так непривычно. И в то же время так знакомо. Сердце сжалось, но умолкло.

— А ты справишься? Я сомневался, стоит ли приходить к тебе. Не думал, что ты так быстро все поймешь. Хотел убедиться, что ты в порядке. Не слишком ли рано такие потрясения?

Байон вздохнул, прикрыл глаза, умиряя эмоции. Досчитал до десяти.

— Мне отдали Арея, чтобы вынудить жить. Не сказать, чтобы я порадовался, но... Мы стали неплохой командой. Я нужен ему, а он мне. Я справляюсь. Не буду врать, что чувствую себя хорошо, но... мне лучше. И, чем больше будет поводов, чтобы жить, тем лучше. Я бы сказал, новые потрясения в виде неожиданного избавления от вымирания мне просто необходимы. Я знаю свой предел, Икар. Но, если я могу чем-то помочь... Просто оказаться полезным... Я бы хотел.

— Здесь есть место, где можно поговорить?..

...Спустя пару часов, они сидели за столом и слушали шелест дождя, доносящийся из сада. Ликос лежал у дверей, убаюканный звуками природы. По комнате плыл запах свежести и влаги. Мокрого камня и почему-то цитронов.

— Почему-то Земля Предков представлялась мне иначе... Знаешь, нечто волшебное. С парящими в воздухе островами. Водопадами и радугами. Там, где люди не болеют и не страдают...

— Слишком утопично. А образы похожи на Юргеса.

— Талии он нравился. Я купил несколько бумажных сборников и читал ей под настроение.

— Она никогда не говорила, что любит поэзию...

По лицу Икара пробежала тень. И стало ясно, что он вовсе не равнодушен. Пожалуй, сейчас они понимали друг друга как никогда хорошо.

— Ты — брат, а я все-таки жених... был. У нас немного разные роли. И откуда ты знаешь об образах Юргеса?

А вот теперь невозмутимый и непоколебимый командер вдруг смутился.

— Читал... немного. Хотел понять, как пробуждаются чувства. Юргес считается одним из самых ранних пробужденных. К тому же он стал поэтом... Ты знаешь, какая это редкость. Я подумал, что... Кто еще сможет дать хоть какое-то представление?

— И как впечатления? — Байон с трудом подавил улыбку и закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Смутные... Кажется, он писал на другом языке.

Смешок все же вырвался, и спрятать его за кашлем не удалось. Икар понял, но не обиделся. Лишь посмотрел с молчаливым укором.

— Прости. Я начинал читать Юргеса дважды. Первый раз, когда только пробудился. Ты знаешь, что по статистике он — первый, чье творчество бросаются изучать все

пробужденные? Тоже ничего не понял. А второй раз о нем заговорила Талия... Она объяснила. И... Чтобы его понять, нужно не только пробудиться, но и накопить эмоциональный опыт. Ощутить оттенки чувств. Грани. Не только позитивные, но и негативные, потому что без них опыт не будет полным. И вот тогда многое становится яснее. А его образы обретают смысл...

— Я поторопился... Радует, что хотя бы не я один.

Теперь они улыбнулись оба. И это было так странно. Удивительно. Радостно. И грустно. Как давно он хотел вот так открыто говорить с другом. Конечно, они и раньше обсуждали многое, но в тех разговорах не хватало близости. Без эмоций она невозможна в полной мере. И теперь контраст ощущался наиболее остро. Жаль, что Талия не увидела брата таким. Она обрадовалась бы. И постаралась бы подружиться с той женщиной. Неважно, что они разные, она нашла бы нечто общее, чтобы установить контакт, а потом не остановилась бы, пока они не стали бы подругами.

Никто не знал, но принцесса скучала по семье. По общим ужинам вместе. По долгим разговорам. По болтовне ни о чем. Ей хотелось семейного тепла, но она знала, что получить его невозможно, пока братья не пробудятся. И она бы сделала все, чтобы собирать их вместе.

— Почему вы с Талией не завели детей?

Вопрос застал врасплох. Заставил вздрогнуть. Подобраться. Байон скрестил руки, готовясь защищаться.

— Я знаю, что спрашивать о таком не принято, — продолжил Икар. — Извини, если тема слишком болезненна для тебя. Ты можешь не отвечать. Я лишь хочу понять... Она была наследницей. Ты уже давно можешь стать отцом. И императрица наверняка намекала на продолжение рода, ведь... Это необходимо. Талия не хотела?

Капитан медленно выдохнул и заставил разжаться сжавшиеся кулаки.

— Она хотела... Мы хотели. По возвращении, на Играх должно было состояться объявление о свадьбе. Мы поженились бы через пару месяцев. Талия приняла бы полномочия от матери, а через год или полтора... — спазм сдавил горло. — Это был ее последний полет. Я бы подал в отставку. Все равно военный из меня уже никакой. Занялся бы... чем-нибудь занялся бы. Ей требовалась бы поддержка, а я в ней достаточно преуспел. Я даже готов был заниматься ребенком. Присматривал курсы для будущих отцов, чтобы подготовиться. Ну, знаешь... особенности развития мальчиков и девочек в первые месяцы жизни. На что следует обратить внимание. Разница между ними и общее. Нормы. Изучал... литературу. Маеджа Софрония обещала выделить покои во дворце. Прислала несколько вариантов. Талия довольно равнодушна к комфорту, поэтому я подбирал отделку... Ничего не заказывал, но... Сохраненных вариантов осталось прилично. Я хотел, чтобы всем нам, сколько бы нас не планировалось, было комфортно. И, знаешь, императрица, она вовсе не холодная. Ей безумно одиноко. Не хватает всех вас. Талия пыталась скрасить ее одиночество, но одной ее было мало...

В горле запершило, и он закашлялся. Командер молча налил в бокал воды и поставил рядом. После первого же глотка стало легче.

— Спасибо.

— Прости. Я ничего не знал... Мне казалось, что я ее знаю, понимаю. А оказывается, я ничего не знал... Не понимал. Даже приблизительно. Мне так жаль...

— Мне тоже... жаль...

Глава 35

...Оказывается, когда день упорядочен и расписан едва ли не по минутам, время летит незаметно.

Ранний подъем, оказавшийся вдруг привычным и комфортным...

Зарядка под наблюдением Доркасс...

Завтрак в одиночестве или в обществе Клео... Та шла на поправку намного быстрее и уже выглядела почти так же, как на линкоре. Разве что иногда в ее глазах мелькала печаль. Киорийка старалась скрыть ее. Но Саша чувствовала и отчаянно желала помочь, стараясь делать все правильно. Так, как ее научили здесь: выражать сочувствие и поддержку, если человек не просит о большем. Клео не просила, а на доброту отвечала улыбкой...

Изучение информации о Киорисе... После посещения Музея Истории, вопросов стало больше, и Саша искала ответы в книгах, которые ей передала Филис. Как оказалось, учебники истории для подростков. Информация подавалась в них четко и ясно. Без лишних деталей, но достаточно подробно, чтобы поддержать интерес или разжечь его еще больше. Нюансы можно уточнить у жрицы, которая приходила после обеда...

Прогулки по территории Храма или по городу... Беседы, от которых становилось легче. Они обсуждали не только историю, но и родителей, детство. Порой Филис пыталась вернуться к обсуждению Влада, но Саша молчала. Говорить о нем все еще было тяжело...

Ужин снова в одиночестве или компании...

Термы... Массаж. Парилка. Бассейны с водой разной температуры. Отвары трав. Ароматы масел.

Порой ей казалось, что сон затянулся. И тогда тянуло сделать нечто странное, непривычное. Чтобы поверить в реальность происходящего. Так в один из дней Александра заглянула в еще одно помещение терм, где жрицы уделяли внимание внешности. Оно оказалось наполовину пустым. Филис не лукавила, когда говорила, что на Киорисе больше ценится здоровье и естественность, нежели стандарты красоты. Однако кто-то должен присматривать за волосами... Как оказалось, сами жрицы.

— Хочешь что-то особенное? — спросила ее невысокая киорийка с пышной фигурой и каштановыми кудрями, уложенными на голове в замысловатую прическу.

— Не знаю, — честно ответила девушка, облизав вмиг пересохшие губы. — Я давно за собой не ухаживала. За волосами особенно. Можно что-нибудь... интересное? Чтобы мне шло. И... не нужно было укладывать каждый день. Практичное.

Жрица с крупным носом и полными губами, совсем даже некрасивая по любым меркам, выслушала и улыбнулась. Кивнула.

— Все будет хорошо, детка. Через эти руки прошли сотни жриц. И никто еще не ушел недовольным. Давай-ка мы тебя укроем и намочим волосы.

Следующие полчаса как-то выпали из памяти. Руки у женщины оказались волшебными. Широкими. Мягкими. Уверенными. Она легко разбирала пряди. Щелкала ножницами. Что-то мурлыкала под нос, создавая совершенно непередаваемую атмосферу сказки. В какой-то момент Александра даже задремала. А когда проснулась, увидела себя.

Моргнула, пытаясь поверить, что отражение настоящее. Волосы, никогда особенно не лежавшие пышно, которые вечно приходилось мыть специальным шампунем для придания объема, вдруг улеглись аккуратными волнами чуть выше плеч. Естественной пышной шапочкой, сделавшей лицо... моложе? Изящнее?

Саша смотрела и не верила. Повернула голову в одну сторону, затем в другую.

Вздохнула.

— Нравится? — за спиной выросла массивная фигура некрасивой женщины, которая вдруг перестала казаться некрасивой. Ну и что, что нос и подбородок велики, а глаза наполовину пропали под тяжелыми веками? Что лицо покрыто морщинами? Она светилась такой внутренней гармонией и счастьем, что все недостатки уходили на второй или даже третий план.

— Очень, — выдохнула девушка и смахнула слезы, выступившие в уголках глаз. — Большое вам спасибо.

— На здоровье, детонька. Приходи еще. Я не только с волосами работаю. Могу маски для лица смешать. С кожей поработать...

Саша думала, что больше не придет. Но в один из дней зашла снова. Старое, зарытое глубоко внутри желание быть красивой вдруг вылезло на поверхность. Как цветок, что, несмотря на все ненастья, желает жить. Она поделилась желанием с Филис, и та, как всегда, нашла объяснение:

— То, что мы подавляем в себе, рано или поздно находит выход. Гнев, боль, горе... А также желание чего-то. Мы учимся работать с подавленными эмоциями. С желаниями немного сложнее, но в твоём нет ничего плохого. Фрида поможет тебе. Она умеет показывать красоту.

Показывать красоту... Тогда словосочетание показалось странным. Но позже Александра поняла, что жрица вовсе не оговорила. Ведь красота есть у каждого. Ее лишь нужно уметь показывать...

Старая Фрида умела. Она смешивала ингредиенты, медленно подготавливая состав, который для каждой ее подопечной был индивидуален. А сама говорила... Саша не могла бы вспомнить, что именно та говорила. Но магия ее слов окутывала сознание невесомой паутиной. Заставляла расслабиться. А еще вселяла уверенность. Понимание, что каждый красив по-своему. И, если красоту не видно, значит, человек ее еще не понял. Не поверил в себя. Не ощутил себя собой. И нужно лишь помочь ему. Подтолкнуть. Дать шанс. И красота проявится. Раскроется. Как тот самый цветок...

...— Ты изменилась, — как-то отметила Клео за завтраком.

— Да?

Удивление оказалось мимолетным. Девушка и сама чувствовала перемены, но боялась признаться в них даже себе.

— Стала спокойнее. Намного. А еще походка поменялась. На более плавную. Мягкую. И ты не оглядываешься по сторонам. А взгляд больше не испуганный. Прости, если я перехожу границы, но я очень рада таким переменам.

— А раньше я какой была? Скажи, я не обижусь.

— Сначала, когда проснулась, ты была... пустой. Равнодушной. Отрешенной от всего. Как будто выгорела изнутри. Потом ты испугалась. Стала напряженной. Недоверчивой. Испуганной. Я никогда с таким не сталкивалась и не знала, как себя с тобой вести. Боялась что-то сделать не так и все испортить. Гиатрос Лезариус говорил, что я должна держаться естественно, и я старалась, но... было сложно. А сейчас мне не нужно стараться. Я говорю с тобой, как с подругой, которую знаю с детства. Или с хорошей знакомой. Или с коллегой-гиатросом. Я к тому, что... Ты выглядишь более здоровой. Осанка исправилась. И ты больше ешь. Цвет лица стал ровнее и чище. Ты поправилась. Это очень хорошие признаки. Возможно, мне не следует говорить тебе о них, но гиатросы сообщают пациентам, когда

видят прогресс.

— Спасибо, что сказала, — выдохнула Саша, испытывая смешанные чувства. Радость от того, что прогресс заметен, и смутную тревогу от того, что все может вернуться назад. — Ты тоже стала выглядеть лучше. Намного.

— Да. Завтра мне разрешено покинуть Храм, — Клео радостно улыбнулась. — Я буду еще возвращаться и встречаться с иерией Филис, сначала дважды в декаду, потом реже, но интенсивный курс восстановления завершен.

— Так быстро? — теперь удивление оказалось куда более явным.

— Прошло уже полторы декады. Для моего случая вполне достаточно.

Полторы декады. Пятнадцать дней. Две недели по меркам Земли. И еще... сколько они добирались до Киориса? Ее уже наверняка похоронили дома. И вообще про нее забыли. Сколько ищут пропавших без вести? Родители, наверное, с ума сходят. И Сережка, и Ольга. А она тут желания исполняет... Живет в сказке.

Закончив с обедом и порадовавшись за Клео, Саша с трудом дождалась появления жрицы.

— Филис, я хочу узнать, когда отправится экспедиция на Землю? Коммандер Искарис говорил, что ее подготовят, и я смогу вернуться домой. Когда это будет?

Киорийка лишь на мгновение нахмурилась, но сразу же кивнула.

— Мне неизвестно, когда будет готова экспедиция, но могу отметить, что ее не готовят быстро. Нужно время для сборов, подготовки ресурсов и экипажа. Составление плана полета. Анализ рисков. Подготовка на такие случаи. Что тебя так взволновало?

Александра села и постаралась вздохнуть, чтобы спокойно объяснить.

— Время. Я совсем потеряла счет дням. А на Земле уже прошло достаточно... Родные беспокоятся за меня, думают, что со мной что-то случилось, а я... Отдыхаю.

— Да, они беспокоятся. Мне жаль, что у нас нет возможности связаться с ними и успокоить. Но послушай, ты вовсе не отдыхаешь. И уж конечно, не бездельничаешь. Ты работаешь над собой. Над своим здоровьем. Физическим и эмоциональным. Это важно. Да твои близкие напуганы, но если сравнить с тем, что ты могла на самом деле погибнуть...

Девушка снова выдохнула. Конечно, Филис права. Лучше позднее возвращение, чем похороны. Но...

— Я испугалась, что перестала замечать время. Что потеряла себя. Что-то важное в себе. Растворилась в Киорисе. В вашей культуре. Я понимаю, что во многом она намного более логична и здорова, чем культура Земли. Но мне кажется, что я могу потеряться в ней...

— Такое ощущение возникает от большого количества информации. Передозировка. Возможно, мы взяли чересчур быстрый темп, и нужно немного замедлиться. Ты хорошо продвинулась во многих аспектах, Доркас тебя хвалит, а теперь мы можем сместить ракурс восприятия.

— Каким образом?

— Вместо зарядки, ты можешь посещать занятия с альмами. Уроки медитаций, танцев, анатомии могут быть полезны. А история и искусство останутся для души, когда появится желание. К тому же, если тебя волнует возвращение, я знаю, кто может ответить на твои вопросы.

— Кто? — спросила Саша, уже предчувствуя ответ.

— Коммандер Искарис. Наверняка он в курсе подготовки.

Сердце забило быстрее. И, кажется, она покраснела. Опустила взгляд.

— А он захочет меня видеть?

— Захочет, поверь мне. Захочет. Коммандер очень... ответственен. Он захочет убедиться, что с тобой все в порядке.

Теперь сердце вдруг ухнуло куда-то в пятки, а по спине пробежали мурашки. Он заметит ее перемены? Порадуется? Или... Дурочка, он ничего не чувствует. Кроме ответственности. И встречи с ним можно не бояться. И не ждать. Что бы ни переменялось, он будет смотреть также. И, наверное, это к лучшему. Зачем цепляться за мужчину, с которым все равно придется расстаться? Лишние переживания до добра не доводят. Работа над собой важнее. А уж если ей скоро возвращаться домой, нужно постараться получить максимальный результат. Ведь там никто не будет с ней так носиться. Терпеть, поддерживать, помогать, пробуждать красоту и это непередаваемое чувство уверенности в собственных силах.

— Я согласна посещать уроки с альмами. Если это никому не мешает. Я буду рада... И коммандер. Я бы хотела с ним увидеться.

— Я обо всем договорюсь...

Глава 36

...Байон замедлился и плавно перешел на шаг, восстанавливая дыхание. Утренняя пробежка подходила к концу. Впереди ждал бодрящий душ и завтрак. Арей с радостным рыком толкнул его в спину лапами, едва не уронив.

— Эй, так не честно!

Капитан устоял только благодаря навыкам и координации, а зверь, явно ухмыляясь, обогнул его по дуге и побежал вперед. Из-за тренировок, их зону обитания заметно расширили, позволив использовать дорожки в глубинах сада. Байон не сомневался, что жрицы продолжали наблюдение, но желания покинуть Храм больше не возникало. Порой с лечением нужно смириться...

К тому же сейчас пребывание здесь стало намного приятнее. Икар приходил едва ли не каждый день. Как только руки зажили, они начали тренироваться вместе, как когда-то давно в Военной Академии. А еще говорить, порой заново обсуждая уже известные темы, а порой наталкиваясь на нечто новое. Словно знакомство проходило заново. И оно буквально стало глотком свежего воздуха.

Икар тоже переживал гибель сестры. По-своему. Немного иначе. Но все же... Вдвоем им становилось легче. Поддержка. Помощь. Возможность поговорить. Определенно, раньше он недооценивал простые ценности.

...Сегодня друг появился раньше. Точнее уже сидел за столом, когда Байон покинул очистительный блок.

— Ты рано... — он повесил полотенце на шею, чтобы вода с волос не капала повсюду.

— Я привез тебе вещи, которые ты просил, — Икар указал взглядом на сумку в углу.

Сердце сразу же сжалось. Гостеприимство Храма было безграничным, но после длительного нахождения здесь, хотелось видеть привычные вещи. Вот только все они хранили налет воспоминаний.

— Спасибо, — скупно поблагодарил капитан, позже он обязательно откроет сумку и расставит все по местам. — Так, все-таки... Ты рано сегодня.

— Иерия Филис передала, что Александра хочет меня увидеть.

Официальный тон и формулировка сказали Байону все о волнении и переживаниях

друга. В моменты эмоционального накала тот старался спрятаться за привычной, выращенной годами маске безразличия. Вот только получалось у него плохо.

— А ты сам не проявлял инициативу?

— Я... Не знаю, о чем с ней говорить. Как говорить... Сказать или нет. Я... Чувствую себя очень глупо. Как будто завтра экзамен, а я ничего не выучил.

— Такого никогда не было. Ты всегда все учил.

— Да, но у меня нет другого сравнения. Все остальное в моей жизни понятно и привычно, а здесь...

— Она — человек, — спокойно ответил Байон, вспоминая себя перед первой официальной встречей с Талией. — Такой же человек, как ты и я.

— Женщины — не такие, как мы, — Икар едва заметно нахмурился. — Они эмоциональнее. Более эмпатичны. Более творческие. И...

— Стоп, — капитан поднял вверх руки, пытаясь прервать поток информации, который знал с детства. — Подожди. Забудь все, чему нас учили в школе. Да, это база, и она нужна для понимания различий. Но главное в том, что мы — люди. Мы говорим, дышим, едим, спим, изучаем новое. Мы одинаково болеем...

— Считается, что... — командер, явно вспомнивший еще один статистический факт, наткнулся на его взгляд и замолчал. — Ладно, я понял, продолжай.

— Мы одинаковые, Икар. Чем быстрее ты это поймешь, тем проще тебе будет. Пробужденные мужчины и женщины отличаются только физическими параметрами и индивидуальностью. Ты можешь говорить с ней о чем угодно. Если ей будет интересно, она поддержит тему, если нет — скажет. Или переведет разговор в другое русло. Ты изучал информацию о Земле, поверь, вам уже есть, о чем поговорить. Не знаешь, с чего начать — говори о погоде. Она, кстати, чудесная, и ирисы уже зацвели. Возможно, ей будет интересно.

— Ирисы? — на лице друга отразилось недоумение пополам с удивлением.

Байон глубоко вздохнул и провел рукой по лицу. Сложно. Оказывается, со стороны Пробуждение намного сложнее, чем он себе представлял. А ведь казалось, что все идет как по маслу. Просто и понятно. До тех пор пока не появился камень преткновения.

— Хорошо, о чем ты обычно говорил с Талией?

— Обо всем. Обычно говорила она, я только слушал. Ну, или рассказывал что-то из новостей. Но Талия...

— А с императрицей? Ты же посещаешь ее сейчас. Я знаю.

— Мы вспоминаем детство... — бесстрастная маска дрогнула и медленно сползла с лица, обнажая эмоции. Печаль, ностальгию, приглушенную радость. — Сейчас многое видится иначе. Кажется, я так много не знал. Не понимал... А теперь уже поздно. Отца и Талии нет. Креон еще не пробужден.

— Запомни это состояние.

— Что?

— Настроение... Когда будешь говорить с девушкой, представь, что ты дома. Там тебе не нужно прятаться. Быть кем-то другим. Рядом с ней ты не командер. Не принц. И не наследник Киориса. Ты просто Икар. Будь собой. А все остальное получится само собой.

— А если нет? — серьезно спросил друг, поднимая взгляд.

Байон пожал плечами. Ему повезло с Талией. Но всем ли везло также?

— Значит, попробуешь еще. Или все закончится проще, чем ты думаешь. Пробуждение далеко не всегда означает любовь на всю жизнь. Или вообще любовь.

— Спасибо, — Икар встал и протянул руку. — Я загляну потом...

Капитан сжал предплечье и усмехнулся.

— Не торопись... Иногда встречу нужно не только пережить, но еще и осмыслить.

...Когда за Икаром закрылась дверь, Байон опустился на пол. Прислонился затылком к стене. Взглянул на сумку. Он радовался за друга. И даже гордился, что может дать дельный совет. Помочь. Но еще... Где-то в глубине души тлел обжигающий уголек боли. От того всепоглощающего пожара, что сжигал его ранее, осталось немного. Но ощущения отнюдь не притупились.

Он потянул в стороны магнитную застежку. Вынул электронную рамку с фотографиями Талии. На первой она улыбалась после тренировки на симуляторе полетов. Растрепанная, уставшая, но счастливая. Следующая проступила сквозь первую. Спящая принцесса. Умиротворенная и счастливая. Кажущаяся моложе и беззаботнее.

Он провел пальцем по экрану, очерчивая знакомый контур скул.

— Ты бы им гордилась... Посмеялась бы, конечно, но гордилась. У него все получится. И она, надеюсь, станет для него такой же, как ты для меня.

Аррей подошел и сел рядом, положив морду на плечо и разглядывая, что у него в руках. Тихонько заскулил, узнав хозяйку.

— Я тоже скучаю, дружок. Иногда так сильно, что даже дышать больно.

— Доброе утро, капитан, — голос жрицы раздался сверху.

Байон уже привык к ее появлениям, даже не удивился.

— И вам доброе утро, иерия. Разделите со мной завтрак?

Обычно Филис появлялась позже, но сегодня, видимо из-за визита Икара, решила изменить установленный порядок.

— Спасибо, я уже поела, а вам стоит подкрепиться, капитан.

Она прошла по комнате, что стало уже частью ритуала их встреч. Мужчина встал, поставил рамку на подоконник, вернулся к столу.

— Почему мне стоит подкрепиться?

— Потому что сегодня вас ожидает прогулка. Маеджа Софрония изъявила желание встретиться с вами.

Байон порадовался, что не успел приступить к трапезе. После такого заявления кусок точно встал бы ему поперек горла.

— Меня вызывают во дворец?

— Нет, императрица прибудет в Храм. Думаю, она хочет обсудить с вами детали прощальной церемонии...

Аппетит пропал совсем. Капитан лишь пригубил воду и бросил взгляд на рамку.

— Я не готов к такому.

В темных глазах жрицы отразилось понимание. И грусть.

— Рано или поздно вам придется поговорить. Маеджа Софрония понимает ваше состояние и откладывала разговор, сколько могла. Но... время идет. Официальное объявление состоится в день открытия Игр. А на закате состоится сама церемония. Думаю, вы захотите принять участие.

— Нет!

Байон откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Сердце забилось быстро, отдаваясь болью в ребрах.

— Я не могу. Прощание значит...

— Что вам придется ее отпустить. Вы едва смогли смириться с фактом ее смерти и еще не до конца пережили потерю, я понимаю, что вам тяжело.

— Понимаете? — он посмотрел в глаза собеседницы. — Действительно понимаете или говорите так, чтобы мне стало легче? Я знаю, что вы хотите помочь. И вы помогаете. Да, мне легче, чем в тот день... Или в день, когда я прибыл на Киорис, но... Я не могу. И видеть императрицу тоже. Она захочет выразить соболезнования, а я... Я не смогу их принять. Простите, но нет. Мне нужно время.

— Я передам ваш ответ. У вас еще есть возможность передумать и принять другое решение.

Передумать... Стоять там, перед тысячами киорийцев. Принять из рук императрицы факел и зажечь Огонь Памяти, который будет гореть тридцать дней. До самого окончания Игр. И сами они будут посвящены прощанию с принцессой. Носить оттенок горечи. И памяти. Талия сама когда-то участвовала в Играх. Об этом вспомнят. Будут говорить. О ней. О ее победах. К огню возложат цветы. Принесут хлеб и вино по старому обычаю. Главнокомандующий церемонно сломает ее клинок в знак того, что Талия погибла в бою и была командиром.

Он будто уже видел, как все будет. И не хотел становиться частью этого. Потому что... Потому что хотел, чтобы она оказалась жива. Ведь тело так и не нашли. А значит... Значит, он сходит с ума от тоски, ведь никто не мог пережить такое крушение. А Талия, как бы он ее не любил, все же была человеком. Смертной.

— Мне очень жаль, капитан. И простите, что пришлось потревожить вас такими новостями.

— Вы не виноваты... — глухо ответил он, отгоняя мрачную картину. — Я уже не злюсь. Ни на вас. Ни на нее. Но отпустить... Я не могу.

Глава 37

...Саша волновалась. Она перебирала складки туники, украдкой пытаясь вытереть влажные ладони о ткань. Опомнившись, приглаживала волосы и оглядывалась вокруг, пытаясь найти зеркало. В саду зеркал не имелось. Как и другой отражающей поверхности. И вообще эта полянка и дорожка, которая уходила в заросли какого-то очень пушистого растения, казались едва ли не иллюстрацией к сцене «Встреча после разлуки». По крайней мере, чувствовала она себя крайне глупо.

Стоит, переминается с ноги на ногу, ждет. Хотя Филис предупреждала, что торопиться не стоит, что лучше еще посидеть в комнате, но... Сидеть она уже не могла. И так не спала полночи, ворочаясь и пытаясь отогнать глупые мысли. О командере, о возвращении домой, о родных... Мыслей и эмоций стало вдруг слишком много. И идея со встречей уже не казалась хорошей. Может, надо было попросить жрицу связаться с командером и спросить об экспедиции? А потом просто передать то, что узнает? Да, малодушно и трусливо, но... Безопаснее. Определенно. А еще она не чувствовала бы себя так глупо.

— Доброе утро.

Звук голоса заставил замереть. Вот так, крутилась-крутилась, а появление мужчины умудрилась пропустить. Ну, не дура?

Саша прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Обернулась, растягивая губы в улыбке. И окунулась в зелень чужих глаз.

— Доброе утро...

Коммандер без привычного уже кителя и формы выглядел... Странно. Какие-то мягкие темно-синие брюки, светлая то ли рубашка, то ли кофта с рукавами в три четверти и треугольным вырезом. Волосы чуть более растрепанные, чем раньше. И лицо, явно загорелое. Он стал больше бывать на солнце?

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо. В Храме мне помогают...

— Вы выглядите более здоровой...

Станный диалог. И волнение вроде бы уходит, или скрывается за мнимым спокойствием, которое накатывает волной. Ложится на плечи покрывалом, окутывает все тело. В глазах Икара что-то мелькает. Он изменился? Или она забыла, каким он был?

— Да, мне все так говорят... А вы... Как ваша семья?

Идиотка. Она его пригласила, чтобы узнать об экспедиции. При чем тут семья?!

— Семья?

— Вы говорили, что ваша сестра погибла на Земле... Наверное, ваши родные переживают.

— Да, ее потеря — очень большая горе для всех, — он едва заметно нахмурился, а в глазах промелькнула печаль. Разве непробужденные способны ее испытывать? Или на своей планете киорийцы более чувствительны? Может быть, вся эта история с отсутствием эмоций вообще преувеличена? И все дело только в способности завести детей? Да, раньше коммандер был на службе, ему приходилось сдерживать себя, а теперь... Ой, лучше пусть он и дальше сдерживается! — Моя мать... Ей очень тяжело. И даже брату.

— У вас есть брат?

Они все-таки сдвинулись с этой несчастной полянки и пошли по тропинке. Так говорить оказалось чуть проще, а ширина позволяла идти рядом и не касаться друг друга. Хотя напряжение витало в воздухе. Или ей только кажется? Может быть, напряжена она сама? А коммандер вообще ничего не замечает?

— Младший, а еще кузен — сын моего дяди со стороны матери. Мы собирались все вместе, чтобы вспомнить Талию. Но официальная церемония еще не состоялась.

— Мне очень жаль, что вы ее потеряли...

— Благодарю.

Воздух, напитанный влагой от прошедших дождей, по утрам казался густым и свежим. Ароматы цветов ощущались ярче и буквально туманили голову. А сердце... Сердце билось громко и часто. Саше казалось, что она слышит свое дыхание. Слишком громкое и тяжелое.

— Иерия Филис передала, что у вас есть вопросы, — напомнил гость.

Конечно, он должен быть очень занят, а она его отвлекает со своими глупостями. Нет, не глупостями. Возвращение домой — не глупость. Но... Девушка глубоко вздохнула и выдохнула. Коммандер никогда не принижал ее в отличие от Влада, всегда выслушивал серьезно и спокойно. Пусть эта особенность окажется врожденной у всех киорийцев, но в его глазах глупой она себя не чувствовала. Значит, нужно перестать так думать. Если бы еще и сделать оказалось так же просто, как решить.

— Вы говорили, что я смогу вернуться домой вместе с экспедицией, которая отправится в нашу Солнечную систему. Я хотела узнать, когда все будет готово? Дома меня тоже ждут родные, которые переживают и думают, что потеряли меня.

— Мне жаль, что они переживают. Сейчас подготовка идет полным ходом. Открылись

некоторые детали, которые делают Землю более интересной для Киориса. Подготовка потребует больше времени, но мы доставим вас прямо к вашим родным. И можем сделать все официально. В том числе принести извинения за доставленные неудобства.

Саша представила лицо мамы и отца, когда к ним в квартиру войдет командер и серьезно начнет извиняться за спасение дочери. А потом похолодела, вообразив, что станет с ее жизнью, если на Земле хоть кто-то узнает, что ее оперировали инопланетяне. Вся кровь отхлынула от лица, а сердце ухнуло куда-то в желудок.

— Не надо официально, — пискнула она, потом прочистила горло и продолжила уже спокойнее: — Я понимаю, что вы хотите как лучше, но на Земле сильны предубеждения против всего... инопланетного. Если кто-то узнает, что я жила на Киорисе... Меня запрут в какой-нибудь лаборатории до конца дней и будут ставить опыты, чтобы выяснить, что вы со мной сделали.

— Но никаких лишних вмешательств в организм не производилось, — возразил мужчина, как показалось, почти возмущенно.

— Да, но вы им это в жизни не докажете. Не знаю, чем вас заинтересовала Земля, но наладить контакт с ней будет сложно. Я безмерно благодарна вам и другим киорийцам за помощь, но предпочла бы, чтобы мое приключение осталось в тайне. Так будет безопаснее не только мне, но и моим родным.

Некоторое время они шли в молчании, пока не оказались у небольшого пруда, на берегу которого оказалась беседка-ротонда, увитая плющом, или еще чем-то столь же вьющимся и ползучим. Внутри сохранялась чудесная прохлада и тень, вдоль всей стены тянулась скамья, на которую Саша присела, устремив взгляд на воду.

Ее поражало, сколь необъятны размеры сада, окружавшего Храм. И это в самом центре большого города. Да здесь можно гулять весь день и даже не встретить жриц или альм. Или других гостей.

— А если Киорис даст вам официальный дипломатический статус? Он сделает вас неприкосновенной, даст безопасность, а также позволит рассказать о своем опыте. Если земляне столь недоверчивы, им проще будет поверить кому-то из своих, чем нам.

— Они просто подумают, что мне промыли мозги. Украли, сделали преданной сторонницей, а потом выставили на всеобщее обозрение, чтобы заманить новые жертвы.

Она посмотрела на командера, севшего на расстоянии, и заметила в его глазах недоверие.

— Зачем нам могут понадобиться новые жертвы?

Перед глазами замелькали чудные кадры из «Чужого», где инопланетяне откладывали в людей яйца для размножения. И «Хищника», где инопланетяне прилетали на планету для охоты на людей или тренировки своего молодняка.

— Я даже не знаю, что вам сказать... — протянула Александра. — Вы выглядите как люди, что уже хорошо, но... Может быть, вам не хватает женщин для размножения или вы хотите испытать на людях какие-то новые типы оружия, или вам просто необходимы рабы для простых работ...

На лице мужчины отразилось нечто странное. А потом он словно застыл, отвернулся, глядя на воду. Саше стало неловко. Хотела поскорее попасть домой, а в итоге обидела своего спасителя. А если не обидела, то задела точно. Кому понравится спасать человека, а потом выслушивать обвинения и подозрения? Она уже хотела извиниться, когда он заговорил:

— Киорис не испытывает новые типы оружия на людях. Безусловно, мы ведем разные

разработки. Для защиты и безопасности планеты. Но все эксперименты проходят в закрытых зонах, проходят тщательные проверки безопасности для окружающих. И ни один вид оружия не испытывается на людях. А для простых работ мы используем роботов. Их легко чинить, заменить, улучшить, и их использование позволяет киорийцам заниматься более творческой и глобальной работой.

— Я понимаю. Простите, я не хотела оскорбить вас или Киорис в целом. Я лишь пытаюсь объяснить, что земляне... — она вздохнула. — Даже с моим участием убедить правительства разных стран сотрудничать будет довольно сложно.

— Значит, вы согласны на дипломатический статус?

Теперь он снова смотрел на нее. И обернулся так быстро, что девушка даже не успела отреагировать. Застыла с открытым ртом, не зная, что и как ответить. Отказаться было бы правильно. Какой из нее дипломат? На презентации собственного проекта она обычно так волновалась, что начинала заикаться, а тут переговоры между двумя планетами. Саша не вовремя чихнет, и начнется военный конфликт. С другой стороны... Она ведь хотела путешествовать? Есть шанс посмотреть весь мир. К тому же, Земля после контакта с Киорисом уже не будет прежней. Может быть, станет лучше? И, ее ведь вряд ли там бросят одну, рядом будет кто-то из нормальных дипломатов, с образованием и опытом. А она так... фон для примера и доказательств, что землян на Киорисе не убивают. Может быть, все не так и страшно?

Но мысли из головы как-то быстро улетучились. Аргументы «за» и «против» потеряли смысл. Остались только глаза мужчины, который смотрел на нее. Такие глубокие. Такие яркие. Полные чего-то... Точно не безразличия. Он ждал ее ответа. Но не только. Смотрел. Будто ему нравилось. Просто смотреть. И ей нравилось. Нравится.

Он ведь красивый. Пусть чем-то похож на статую, но живой. И говорить с ним легко. Спокойно. Волнение ушло и сейчас показалось глупым, ведь... Икар ни разу не пересек границу. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. И, наверное, могла бы посетить даже глав государств. Он не обидит. И не даст обидеть кому-то еще.

Воздух стал еще гуще. Каким-то тяжелым. Вдыхать его приходилось полной грудью. Губы пересохли. Саша облизнула их и невольно взглянула на губы мужчины. Чуть приоткрытые. Тонкие. Стало жарко. От воды повеяло прохладой, а кожа покрылась мурашками. Прядь волос упала на лицо. Саша хотела поправить, но не могла пошевелиться и отвести взгляд от командера. А он медленно, как-то очень медленно и осторожно протянул руку и аккуратно отвел волосы в сторону. Сердце забилось как сумасшедшее, а внизу живота скрутился узел жара. Уже забытого, но такого знакомого, что...

Девушка вздрогнула и вскочила с места, в два шага оказалась около воды. Она бы и в пруд нырнула, чтобы охладиться и прийти в себя. Но остановилась. Обхватила себя руками за плечи.

— Я... Мне нужно подумать. Я не могу ответить сразу. Нам... нужно вернуться в Храм. У меня сегодня начинаются занятия...

И, не дожидаясь ответа, она направилась к тропинке, ведущей обратно. Икар догнал ее через десяток шагов. И, слава всем Богам, какие есть во Вселенной, не сказал ни слова. Проводил ее до входа в Храм, вежливо попрощался и ушел. А она осталась наедине со своими неожиданно проснувшимися желаниями...

Саша металась по комнате не в состоянии усидеть на месте. Снова и снова вспоминала встречу с командером, проговаривала мысленно каждую фразу, проживала и все больше не понимала сама себя. Как? Как она могла? Как вообще так получилось?

Филис появилась только через час или около того.

— Что случилось? На тебе лица нет, — она остановилась в зоне гостиной, заметно растерянная. — Командер что-то сказал?

— Нет! — воскликнула девушка, резко останавливаясь. Не хватало еще, чтобы он что-то сказал! — Дело не в нем, а во мне. Я...

— Что с тобой?

Вот и как ей объяснить?

— Понимаешь... я... он... Я не знаю, как об этом говорить! Боже... — она закрыла лицо руками, желая провалиться под землю. — Я... я не ожидала от себя такого.

— Чего? — в голосе жрицы впервые проскользнула неуверенность. — Я не могу понять, пока ты не объяснишь. Что случилось? Он рассказал о подготовке экспедиции?

— Нет! — Саша отвела руки от лица и снова начала ходить от стены к стене, но уже чуть медленнее. — То есть да... Он рассказал. Что-то рассказал, да. Но дело не в ней. Просто я... — она остановилась, пытаясь собраться с духом, чтобы озвучить свои ощущения. — Я его захотела. Как мужчину. И мне кажется, что он понял... Понимаешь?

В комнате стало тихо. Так тихо, что шелест одежд жрицы показался чересчур громким. Она подошла ближе и остановилась за спиной, но не касаясь девушки.

— Ты испытала к командеру физическое влечение. И что тебя испугало?

— Такого не должно быть! — Александра обернулась, взмахнув руками.

— Почему? Разве ты не живая, взрослая, половозрелая женщина?

Зубы клацнули, едва не прикусив язык, так резко она захлопнула рот. Филис снова смотрела на нее серьезно и с толикой недоумения.

— Да. Взрослая. Но... Я думала, что вообще на это не способна...

Брови жрицы поползли вверх, а глаза расширились.

— Прости, если мой вопрос покажется грубым, но разве ты не была замужем?

— Была, в этом и проблема...

Говорить о Владе не хотелось совершенно, но кажется, придется. Рано или поздно все равно придется. Саша добрела до стула и почти рухнула на него, ощущая резкую усталость. Давно у нее не случалось таких перепадов активности. Все, казалось, идет так замечательно. Она только-только начала выстраивать свою жизнь заново. И вот опять...

— Когда у тебя последний раз была близость с женщиной?

Филис, словно почувствовав ее настроение, заняла место напротив и спокойным тоном начала задавать вопросы.

— Год назад... Или даже больше. Я не помню. Точно до развода, а потом никого не было.

— Почему?

— Потому что...

Слова застряли в горле. Как объяснить, что ее бросало в холод от любого прикосновения? Что она смотреть не могла на мужчин, не то, что терпеть их рядом? Что ее тошнило от воспоминаний о сексе? И даже читать о нем не хотелось. Или смотреть.

— Твой муж был груб? — чем сложнее вопрос, тем мягче становится голос жрицы. Саша уже заметила закономерность. И невольно расслабилась, принимая правила игры.

— Был... Да. Он...

Слюна во рту становится вязкой. Горькой. А в животе завязывается узел. Совсем не приятный и жаркий, а холодный, будто там копошатся чьи-то пальцы.

— Он больше не коснётся тебя. Ты в безопасности. Я лишь хочу помочь тебе пережить то, что уже произошло.

Пережить. Саша закрыла глаза. Холодно. Страшно. Противно. Она долго мылась мочалкой и все пыталась понять тогда, можно ли изнасиловать собственную жену или же это квалифицируется как секс по согласию? Она ведь сказала «да». Один раз и на всю жизнь, по крайней мере, так считала.

— Почему ты вышла за него замуж?

— Потому что любила... Точнее хотела любви. Мы ведь уже это выяснили, да? Я так хотела любви, что ничего не видела вокруг. Моя подруга предупреждала, но я не слушала. Так хотела поверить в сказку. А сейчас даже не могу вспомнить, как он сделал предложение. Или... как ухаживал. Какие говорил слова. Кажется, все происходило как в тумане. А потом я проснулась от кошмара.

Наверное, отправной точкой пробуждения стало осознание того, что рано или поздно Влад ее убьет. И что ее согласие его уже мало заботит. Главное то, чего хочет он сам.

— Ты испытывала к нему физическое влечение?

— Сначала да. Потом все казалось, что накопилась усталость. Секс стал не таким. Хотя меня все устраивало. В конце концов, не в сексе же счастье.

— Тебе нравились его прикосновения? Поцелуи?

— В начале... Потом. Он стал меньше касаться меня. Обнимать. Ему не нравилось, когда я пыталась чмокнуть его перед работой. Говорил, что я могу помять костюм. Может быть, он завел себе кого-то в офисе?

Странно, что такая светлая и простая мысль посетила ее только сейчас, а не тогда. Ей ведь даже в голову не пришло, что Влад может изменять. А почему нет? Что бы его удержало?

— Когда ты перестала получать удовольствие от близости с ним?

— После того, как он меня ударил.

Да, первый раз он отвесил пощечину, а потом извинился и вечером начал активно приставать. А у Саши в голове не укладывалось, как можно делить постель после такого. Хотя отказывать она не стала, чтобы не провоцировать новый скандал.

— И после разрыва с ним ты решила, что больше не можешь испытывать влечение к мужчинам?

— Я и не испытывала. До сегодняшнего дня...

Кровь снова прилила к щекам, а по коже пробежали мурашки. Подумать только... Влад у нее такую реакцию вызывал только во время медового месяца, а тут...

— А сама себе доставляла удовольствие?

— Что?

Мысли из головы вылетели мгновенно. Саша уставилась на собеседницу широко раскрытыми глазами, думая, что неправильно ее поняла. Филис выглядела совершенно невозмутимой.

— Ты же знаешь, что тебе нравится. Почему бы не доставить удовольствие самой себе?

— Зачем?

— Ради удовольствия, — пожала плечами жрица. — Зачем ты ешь вкусную еду или

ходишь на массаж? Занимаешься зарядкой по утрам? Зачем посещала Фриду?

— Я... ну... мне нравится. И я чувствую себя лучше.

— Так почему не доставить себе удовольствие? Физическое и эмоциональное всегда связаны. А всплеск гормонов удовольствия полезен.

— Но... разве... так... можно?

Брови Филис снова поползли вверх. Но теперь она быстрее взяла себя в руки и вернула лицу невозмутимое выражение.

— А почему нельзя? Для достижения пика мужчина вовсе не нужен. Да, прикосновения к чужому телу, взаимные ласки и поцелуи создают интимную атмосферу. Но порой нужна лишь разрядка, а не сам процесс.

Саша сглотнула и прочистила горло.

— Прости, а ты сама часто... ну... ты... себя ласкаешь?

— Когда мне это необходимо, — киорийка широко улыбнулась без капли смущения или стыда. — Полагаю, на Земле есть определенные запреты на прикосновения к собственному телу?

— Воспитание... Нас с детства учат, что прикасаться к интимным зонам не следует. Кто-то выполняет, кто-то нет. Порой запреты выливаются в странные выверты психики...

Возможно, дело вовсе не в запретах, а в том, как строится сексуальная жизнь отдельных людей, но здесь уже вопрос к Фрейду.

— Я правильно понимаю, что после разрыва с мужем, ты не только не испытывала влечения к мужчинам, но и не касалась себя, а также уже давно не получала удовольствие от физической близости?

В такой формулировке почему-то стало очень жаль себя саму.

— Да, — выдохнула Александра.

Филис на мгновение отвела взгляд и едва слышно вздохнула.

— Тогда неудивительно, что ты так испугалась своей реакции. Стоило раньше записать тебя на занятия альм. Они будут более чем полезны.

Возникшие мысли о том, что творится на таких занятиях, вытеснил один единственный вопрос:

— Как думаешь, командер все понял? Мне кажется, я повела себя не слишком адекватно и...

— Все в порядке. Если он будет интересоваться твоим состоянием, я сошлюсь на физическое недомогание. В остальном же... Не думаю, что командер понял твои эмоции и желания. Как ты знаешь, на Киорисе все непросто.

— Мужчины на самом деле ничего не чувствуют?

— Так и есть.

— Но сегодня мне показалось, что Икар изменился. Стал... более живым.

— Возможно...

Наверное, он просто встретил женщину, которая его пробудила. Вот и весь секрет. Тогда желания Саши его точно не интересуют. И хорошо, не будет так стыдно в следующий раз смотреть ему в глаза.

— Тебе не нужно стыдиться своего желания. Оно означает лишь то, что твое тело пробуждается вслед за разумом и эмоциями. Твой организм долгое время испытывал напряжение, которое выматывало его и забирало все ресурсы. Сейчас, когда силы появились, тебе стало лучше, начали вскрываться другие проблемные вопросы, о которых раньше ты бы

даже не задумалась.

— Разве женщине не полагается быть скромной? Беречь свою честь и прочее...

— Какое отношение к чести имеет физическая близость? Честь — это, в первую очередь, самоуважение. А секс интересен мужчинам и женщинам одинаково, как и удовольствие от него.

— А непробужденные мужчины испытывают сексуальное влечение? Ты говорила, что они могут завести детей только после Пробуждения. А как же... остальное?

— Скажем так, мужчины могут физически заниматься сексом, но не испытывают в этом потребности. По достижении определенного возраста, им объясняют их физические особенности, а также учат тому, как правильно проверить свои способности. В первую очередь стоит вопрос здоровья. После этого мальчики регулярно занимаются практикой.

Кажется, ей только что мягко рассказали про мастурбацию. И у них она является нормальной практикой, потому что... с сексом все сложно.

— То есть они все девственники до Пробуждения?! — озарило Сашу.

Филис улыбнулась ее реакции.

— Технически да. Но юноши изучают специальную литературу и видео, чтобы знать и понимать, что такое близость между мужчиной и женщиной. На Киорисе девушки быстрее и охотнее раскрывают свою чувственность и желания. А затем, при необходимости, учат этому избранников. Все мы индивидуальны, то, что нравится одной женщине, может совсем не понравиться другой. Поэтому мужчины подстраиваются.

— А...а... — облечь мысли в слова не вышло. Картина мира оказалась настолько далека от привычной, что просто не укладывалась в голове. — А если мужчина пробудился... У него ведь возникает... желание. Потребность. И... Как ему? В смысле они и дальше сами с собой?..

Кажется, к концу разговора она навсегда станет красной и косноязычной.

— Зависит от того, найдут ли они партнершу. У нас есть сайты для знакомств. Для пробужденных мужчин, которые не вступили в брачные отношения и женщин. Также, никто не запрещает знакомства на улице. Проводятся праздники... Поверь, все не так строго, как тебе кажется. Когда рассказываешь, понять сложнее, нужно прожить. Поэтому я и хочу отвести тебя на занятия. Первое, кстати, уже началось...

Глава 39

Закатное солнце освещало сад, придавая ему загадочности и нотку волшебства. Длинные тени. Золотистый свет. Зелень. Кажется, наблюдать за изменениями картины можно вечно. По крайней мере, так проще, чем что-то решать или думать.

В голове у Саша царил вакуум. Разум просто отказывался воспринимать и переваривать информацию, оглушенный ее потоком.

«Чувственность — это способность наслаждаться физическими удовольствиями».

Даже в термы идти не хотелось. Теперь понятно, почему никто из киориек не смущается своей внешности. Почему они столь раскованы и спокойны. И почему легко узнают в ней чужачку.

«В близости главное — взаимное удовольствие, а каким способом оно получено уже неважно».

Они знали, чего хотят. Понимали себя и свое тело. Даже более юные альмы интуитивно постигали суть намного быстрее, чем она. А ведь они совсем недавно закончили школу.

«Близость похожа на танец. У кого опыта больше, тот и ведет. Опыт приходит с практикой».

Ее ровесницы, пришедшие в Храм уже не для изучения себя, но для помощи другим, также рассказывали о своем опыте. И он так сильно отличался от Сашиного, что она могла только слушать, широко распахнув глаза и даже не успевая задавать вопросы.

«Мы с мужем долго не решались попробовать что-то новое, нас вполне устраивала традиционная программа, но недавно все-таки решились разнообразить и перешли к оральным ласкам. Кто бы мог подумать, что будет так интересно и здорово...»

Занятие само по себе сводилось скорее к беседе по душам. Жрица-наставница лишь наблюдала за ее ходом и направляла. Иногда поясняла отдельные моменты. Но в целом занятие было направлено на познание себя. Группа специально подбиралась разных возрастов и опыта, чтобы более юные киорийки могли спросить совета у старших и более опытных.

Следующим уроком оказались танцы. Все стандартно. Что могло бы пойти не так? Как оказалось все...

«Вы очень зажаты. Постарайтесь расслабиться. Эти движения не требуют такого напряжения. Для начала нужно поймать свой ритм...»

Свой ритм... Она не знала, какой у нее ритм. Не понимала себя. Свое тело. Как им управлять. Оказывается, упражнения с Доркас лишь помогли ей укрепить мышцы и увеличить выносливость, не более. А теперь ей пытались привить грацию и плавность движений. И относились с огромным терпением и пониманием, иначе она просто сбежала бы. Александра хотела, после обеда, но ее пригласили продолжить занятия дальше и как-то незаметно увлекли за собой. А потом уходить было уже неловко. Хотя, всего лишь лекция по анатомии...

И снова, ни записей, ни менторского тона лектора. Рассказ и беседа. Живая, полная огня, вопросов, сомнений и доказательств. Пожалуй, ее можно было бы назвать не столько анатомией, сколько базой медицины. Наставница перечислила симптомы и попросила учениц объяснить, какое отклонение могло возникнуть у человека. База имелась у каждой альмы, и они строили предположения, основываясь на своих знаниях, а затем озвучивали их наставнице. А она, в свою очередь, разбирала случай полностью, указывая на ошибки и правильные выводы, постепенно подводя всю группу к реальному диагнозу.

Саша, не имея достаточной подготовки, в обсуждении не участвовала, но слушала очень внимательно. И, когда остальные покинули аудиторию, задержалась и обратилась к наставнице.

— Иерия Элпис, скажите, зачем альмам разбирать такие случаи?

— Каждая альма в будущем может стать жрицей, и ей придется заботиться о своих подопечных, а для хорошей заботы нужно понимать основные симптомы заболеваний. Порой серьезное кроется в простом. Чем раньше будет диагностировано отклонение, тем проще его исправить.

— А если альма покинет Храм?

— Тогда наблюдательных и понимающих женщин в нашем обществе станет больше, а значит, вероятность правильной диагностики в любом случае повысится. Храм дает знания и опыт всем желающим. Некоторые приходят сюда не для того, чтобы навсегда остаться, но затем, чтобы найти свое место. Программа подготовки альм многогранна. Она дает более углубленное изучение предметов, освещаемых в школе, но также сосредоточена на

взаимодействии в социуме. Многие альмы покидают Храм и идут получать образование как гиатросы или отправляются в науку, искусство. Я считаю любой результат успехом, потому что общество получает еще одного представителя, нашедшего себя.

— А жрицы Храма тоже имеют разное образование?

— Конечно. Иерия Филис, например, специализируется на истории и искусстве. Я имею степень по биоинженерии, в основу которой положена анатомия. У некоторых жриц интересы остаются в рамках увлечения для души, кто-то любит заниматься садом, кто-то составляет ароматические смеси, а кто-то, как Фрида, превращает увлечение в новое искусство.

После короткой беседы, Саша направилась к себе, уже не в состоянии воспринимать окружающий мир. И с тех пор сидела и наблюдала пейзаж за окном. Филис была права, все сложнее, чем кажется на первый взгляд, но в то же время проще. Если жить в такой культуре, проникнуться ей, пропитаться от самого рождения, многое видишь иначе. Ей самой до постижения сути еще долго, бесконечно долго. Киорийки впитывают саму суть, а Александра должна еще разобраться с багажом, привезенным с Земли...

Саша медленно встала и направилась в гардеробную. Развязала завязки, удерживавшие тунику, позволила ей соскользнуть на пол. Распустила волосы, удерживаемые на затылке заколкой. Посмотрела на себя.

Долгое время она избегала зеркал. Отводила взгляд. Отворачивалась. Ей все казалось, что с ней что-то не так. Разве иначе стал бы Влад так поступать? Стал бы. Проблема крылась не во внешности. В ее доверчивости и жажде любви, и в его жестокости, травме, которая к ней привела. Год уже прошел, как он ее не касался, стоит ли до сих пор уделять внимание его словам?

Она подняла руку и провела пальцами по щеке. Исчез провал между скулой и челюстью. Контур лица стал ровнее. Ладонь скользнула ниже. Шея. Ключицы. Да, косточки выпирают. И вся она далеко не лакомый кусочек, который мечтают ущипнуть. Но Филис тоже не блещет формами. Разве ей это мешает?

Грудь. Небольшая. Аккуратная. Не висит. Держит форму. Кожа светлая. Ровная. А от солнца и прогулок даже появился легкий золотистый загар на лице и руках. Верхней части груди. Красиво? Наверное. Ей идет. Живот плоский. Уже не впалый, и ребра не так просвечивают сквозь кожу, как раньше. Угловатость сгладилась. Даже бедра немного округлились.

В целом она выглядит как подросток. Тонкая, легкая фигурка. Чем-то похожа на других альм. Вот только энергии в них не в пример больше. И они не боятся. Они смеются, щебечут, обсуждая все и сразу, их глаза горят огнем и интересом, а ее словно потухли. Можно сказать, что дело в возрасте, вот только у ровесниц Саша видела совершенно иные взгляды. Более сдержанные, заинтересованные, наполненные знанием. Если юность стремится исследовать, то зрелость приходит с осознанием своих сил и возможностей. С определением того, что нужно. Что хочется. К чему стремишься. О чем мечтаешь. И яркое пламя превращается в ровный очаг. Вовсе не всегда семейный, но подконтрольный.

А Саша не относилась ни к первым, ни ко вторым. Интерес уже однажды обожжённый не раскрывался столь ярко и полно. Как бы ни хотела, она не могла без оглядки окунуться в исследование нового мира. Задумывалась, сравнивала, пыталась понять и поверить. Но без сомнений не обходилось. Поэтому до знания и понимания ей еще далеко. Хотя возраст куда ближе ко второй категории. И что же делать?

Раньше она, не задумываясь, сбежала бы. Отказалась от занятий, попросила бы оставить ее в покое и заперлась бы в комнате. Клео уехала, а кроме Филис у нее не осталось знакомых в Храме. Что-то подсказывало, что жрица поймет. Не станет настаивать. Отступит. Без упреков и уговоров. Вот только сама Александра разочаруется. В себе. Она ведь не слабая?

Саша посмотрела на свои руки. Попыталась вспомнить, чего ей хотелось раньше. Путешествий. Перемен. Когда-то она хотела изучать искусство. Леонардо да Винчи, Сальвадор Дали, ей хотелось взглянуть на оригиналы картин, посетить музеи. Да, когда-то, очень давно, она мечтала стать художником.

Горькая усмешка тронула губы. Не вышло. Вместо рисования, она создавала сайты. И получалось неплохо. Даже хорошо, учитывая, сколько ей платили. Начальник говорил, что у нее наметанный взгляд, а еще умение понимать пожелания клиента. Слушать, она просто умела слушать. Понимать. И да, наверное, обладала долей художественного таланта, раз могла собрать все воедино и соединить красоту и функциональность.

А, возможно, вышло не так уж и плохо? Она же зарабатывала. И хорошо. Да и работа ей нравилась. Нестандартностью. Необходимостью все время создавать нечто новое. У нее есть квартира. И живет она самостоятельно, не надоедая родителям. Вот только радости в жизни не осталось... Вернуть ее?

Саша еще раз осмотрела себя. Встала боком. Выпрямилась. Повернулась спиной, заглядывая через плечо. Красива? Миниатюрна, определено. К тому же ноги у нее ровные. И талия выражена. А все остальное... будет.

Она сделала несколько движений из тех, что показывали сегодня на занятии. Прикрыла глаза и постаралась расслабиться. Поймать свой ритм. Сложно. Она никогда не занималась ни танцами, ни гимнастикой, ни вообще каким-либо спортом кроме физкультуры. А теперь вот пыталась...

Шаг. Поворот. Еще шаг. Руки поднять выше. Равновесие. Подняться на носки. Покружиться. На мгновение она почувствовала себя глупо, но потом отогнала мысли, вспомнив, что ее никто не увидит. А ей самой... кажется, нравилось. Так почему не продолжить? Добавить движений из зарядки Доркас. Ускориться. Да. Так лучше. Чуть быстрее. Не так плавно. Ритмичнее. Жестче. Резче. Поворот, наклон, прыжок и взмах руками. Дыхание сбилось. Она открыла глаза и увидела себя в зеркале.

Рот приоткрыт. На щеках румянец. Волосы растрепались. Грудь вздымается. На коже выступила испарина. Мышцы подрагивают от напряжения. А в глазах появился огонек. Неяркий, но он есть.

Саша улыбнулась. Себе. И закружилась снова. А потом засмеялась. И так, кружась, выпорхнула в спальню, где упала на кровать, раскинув руки. Высоко над ней находился каменный потолок с лепниной и узорами по периметру. В окно тянуло вечерней прохладой, и воздух охлаждал кожу, от чего она покрылась мурашками. Она вдохнула ароматы сада и вспомнила утро. Командера. Беседку. Пруд. Взгляд мужчины.

Внизу живота снова приятно заныло. Потянуло. Александра закрыла глаза. Пальцы скользнули по плечам. Она обнимала сама себя, но представляла все иначе. Пальцы скользнули по коже. Гладкой. Чувствительной. Сжали грудь. Осторожно. И чуть сильнее, чтобы полнее ощутить это прикосновение. Свободная ладонь двинулась ниже. По животу. К бедру. Внутренней стороне, где кожа оказалась еще нежнее. Она коснулась едва ощутимо. Скорее угадывая, чем ощущая само прикосновение.

В горле пересохло. А тело само выгнулось в спине. Мысли исчезли. Остались только

ощущения. Руки, скользящие по телу. Изучающие его. На мгновение проснулся вбитый с детства страх, но тут же пропал, отброшенный усилием воли. И вот уже пальцы танцуют там, где не должны бы быть. Но их едва ощутимые касания приятны. Они только распалют сильнее, заставляя узел внутри сжиматься. А с губ срывается стон. Он становится первой нотой мелодии этой ночи.

Пальцы устремляются дальше. Глубже. Один. И второй. Новый стон. Жар. Легкое дуновение ветерка. Мурашки на коже. Еще один стон. Громче. Длиннее. Сжатые бедра. Выгнутое дугой тело от напряжения. Короткое движение и вскрик. А затем горячая волна. Жар. Пот. Смятая простынь. И острая вспышка озарения: там, у пруда, командер тоже хотел ее. Сознание отключилось раньше, чем Саша успела осмыслить сделанный вывод...

Глава 40

...Он знал, что спит. Понимал, что происходящее нереально, какой-то частью разума, но не мог скинуть наваждение. Он видел Сашу в той же беседке у пруда. Вот только пейзаж казался подернутым дымкой, неясным. А девушка наоборот, она улыбалась, смеялась над чем-то, выглядела совершенно счастливой. Здоровой. Полной сил. Он еще не видел ее такой, и от того, ощущение неправильности происходящего только усиливалось. Но изменить ничего не получалось.

Вот она встала и отошла к воде. Не так, как в его воспоминании. Плавно. Спокойно. Ветер колыхнул ткань туники, и та облепила ноги. А волосы растрепались. Но девушка не пыталась их поправить. Она запрокинула голову к небу и закружилась. Затем остановилась лицом к нему. Ветер все еще трепал ее волосы, но вот она откинула их назад таким знакомым жестом. И взглянула на него глазами Талии.

— Этра не остановится, Икар. Нужно готовиться. Они придут...

...Он проснулся рывком. Сел на кровати, пытаясь осознать увиденное. Оглядел знакомую комнату, цепляясь взглядом за привычные предметы. Сердце стучало часто и громко. Дыхание сбилось. Грудь вздымалась, будто после долгого забега. На коже выступил пот. Ему еще ни разу не снились сны. Никогда. Непробужденным они вообще не снятся. И командер предпочел бы, чтобы так и оставалось. Слишком уж странным все казалось...

— Командер, мне стоит отправить вызов гиатросу? — осведомился Сирил, а в спальню въехал робот-уборщик.

— Нет, все нормально, — с трудом выдохнул Икар. — Я схожу в душ. Отправь запрос главнокомандующему. Напиши, что я хочу встретиться. Лучше в неформальной обстановке.

— Будет исполнено, командер.

Робот-уборщик прокатился по комнате, сканируя помещение на предмет ущерба, ничего не обнаружил и отправился к зарядной базе. Мужчина проводил его взглядом и откинул одеяло. На самом деле, он чувствовал себя неважно. Впервые сон не принес облегчения. Это пугало. Вызывало тревогу. И непривычное раздражение. К тому же в голове засели образы из сна. Голос Талии. Что с ним происходит?

Контрастный душ не принес облегчения. Разве что физическую бодрость. Но разум все еще пребывал в беспорядке.

— Главнокомандующий приглашает вас к себе на обед, командер. Он будет рад вас видеть. Желаете завтракать?

При мысли о еде, желудок скрутило неприятным спазмом. Да, что с ним такое?

Заболел? Подцепил вирус? Или инфекцию?

— Сирил, выведи мои параметры на монитор.

Базовые основы медицины им давали в Военной Академии, чтобы каждый мог оценить собственное состояние и состояние других членов группы. В бою это могло спасти жизнь, а сейчас хотя бы внести ясность.

Биохимический состав крови оказался в пределах нормы. А вот гормональный...

— Я бы рекомендовал вам поход к гиатросу и успокоительное, командер. Или хороший отдых.

Да, уровень стресса у него оказался выше нормы. При чем, судя по выработке гормонов, общий фон напряжения рос на протяжении последней декады, а вот ночью произошел резкий скачок. Неужели, все из-за сна?

— Спасибо, Сирил. Я прогуляюсь до дяди пешком. Нагрузка пойдет на пользу.

— Как вам будет угодно, командер.

Дом главнокомандующего располагался ближе к окраине. В исторической части города. Где современные дороги сменялись старыми, выложенными из плит, а здания становились ниже и просторнее. Здесь отсутствовали силовые ограждения и быстрое движение. Зато массово использовался легкий и юркий двухколесный транспорт. А порой и просто малые гравитационные платформы, скользящие над самой землей. Из-за низкой маневренности их давно не использовали массово, но в старых районах любили.

Здесь у каждого дома имелся свой сад, и осенью, после сбора урожая устраивалась ярмарка. Не столько ради дохода, сколько ради того, чтобы похвастаться достижениями, обменяться опытом и просто порадоваться жизни. В детстве они часто посещали ее, только тогда Икар не мог понять и половины происходящего. А сейчас вдруг нахлынуло...

Захотелось снять обувь и босиком пройти по теплым, нагретым солнцем плитам. По траве. Сорвать пару плодов с деревьев, свесивших ветви через невысокий, декоративный забор, заботливо сохраняемый ради узоров, некогда вырезанных в камне вручную. Странно. Раньше подобных порывов не было, а теперь...

Икар остановился, разглядывая спелый персик, висящий прямо на уровне головы. Протянул руку. Коснулся плода, ощущая его тепло и шершавость кожуры. Он уже переспел, стоит сжать сильнее, и во все стороны брызнет сок. Сладкий. А мякоть превратится в кисель. И останется только спешно затягивать ее в рот, а потом думать, как отмыть пальцы. Облизать? Кажется, Талия так и делала. Еще и жмурилась при этом от восторга, вся перепачканная в соке. А родители посмеивались над ней.

И снова кольнуло в груди. «Этра не остановится, Икар». Он опустил руку и продолжил идти. До обеда оставалось не так уж много, прогулка заняла почти два часа, за которые он успел прийти в себя и проголодаться. Дядя не будет против, если гость появится раньше. Возможно, они даже успеют поговорить...

Старинная усадьба, некогда принадлежавшая самому Птолемею, разделялась на две части: правая была отдана под музей, отражающий быт того времени и открытый для всех желающих, а в левой обитала семья главнокомандующего. Искусственный интеллект в таких домах не устанавливали, роботов использовали для домашней работы в ручном режиме. А для оповещения использовался металлический молоток.

Звук разнесся далеко, эхом отдаваясь от стен и распространяясь куда-то вглубь дома. Внутри раздался короткий рык ликоса, предупреждающего, что входить без разрешения не

стоит. Дверь открылась только через несколько минут.

— Здравствуй, Икар.

Иазон-младший посторонился, пропуская его внутрь и оттесняя бедром Гадеса. Старый зверь с темно-серой с белыми подпалинами шерстью и выцветшей гривой принялся к гостю, коротко махнул хвостом в знак приветствия и медленно направился прочь, прихрамывая на правую переднюю лапу.

— Здравствуй. Гадес совсем плох...

— Он продолжает нести свою службу. Отец не хочет выбирать ему приемника, пока он еще в силах. Но, думаю, скоро он нас покинет.

Ликос главнокомандующего перешагнул уже через третий десяток. Почтенный возраст для зверя. Когда-то они все познакомились с ним, будучи детьми, а теперь уже пора провожать его в последний путь.

— Где дядя?

— Во внутреннем дворике, обед еще не готов, мы не ждали тебя так рано. Гадес проводит.

Иазон невозмутимо кивнул и направился в другую часть дома, а Икар направился вслед за ликосом. Догнать его не составило труда, а затем пришлось подстроиться под неспешный шаг. Зверь скосил на него темный глаз, словно оценивая его труды, и выше поднял голову. Старый, но сильный. Говорили, что главнокомандующий брал Гадеса с собой в космос. И тот даже участвовал в нескольких боях, когда те велись на планетах.

Во внутреннем дворике располагался прямоугольный бассейн, глубиной едва ли по колено, окруженный плодовыми деревьями. Дядя лежал в тени на одной из кушеток, расставленных с трех сторон от низкого стола. При виде хозяина Гадес ускорился и перешел на легкий бег. Хромота ему совершенно не мешала. Он остановился возле кушетки, ткнувшись носом в ладонь мужчины, и заглянул ему в глаза.

— И кого же ты ко мне привел? — тонкие пальцы запутались в гриве, даря зверю привычную ласку. Иазон поднял взгляд, вымученно улыбаясь племяннику. — Здравствуй, Икар. Располагайся. Твой вызов оказался для меня неожидан. Что-то случилось?

Коммандер занял место ближе к родственнику, пытаясь уловить то, что встревожило его при последней встрече.

— Есть кое-что... Но сначала я хотел бы узнать, как ты себя чувствуешь? Все ли в порядке со здоровьем?

Сегодня, у себя дома, в тени любимого сада, дядя выглядел одновременно лучше, спокойнее, и в то же время, хуже. Заметен стал землистый цвет лица. Набрякшие, покрасневшие веки, тени под глазами. Синеватая канва вокруг губ. И тихий хрип во вздохе.

— Хотел бы я сказать, что все в порядке... Но не выйдет, — лицо главнокомандующего стало строгим, привычно жестким. — Я даже рад, что ты решил заглянуть. Кое-что ведь изменилось, да?

Пронзительный взгляд зеленых глаз. Таких же как у императрицы, но светлее. Словно выцветших от времени.

— Маеджа Софрония вам сказала? — официальный тон вырвался против воли.

— Ей не потребовалось. Дарей поняла все раньше.

Неудивительно, учитывая, что она, видимо, подслушала часть их разговора во дворце.

— Ты пробуждаешься. И пришел ко мне за советом. Так ведь? Что-то случилось, что тебя напугало. И разговор с другом стало недостаточно.

— Вы знаете о посещении Храма...

— Мне докладывают о состоянии Байона, и о том, что ты к нему зачастил. Сложить одно и другое несложно. Расскажи, что привело тебя ко мне, а затем я расскажу тебе то, что знала твоя сестра.

Сердце замерло на мгновение. Затем стало жарко. Но Икар сумел взять себя в руки и заставил голос звучать ровно. Он рассказал о сне и коротко об остальном. Иазон слушал спокойно, ничем не выдавая свою реакцию. И, кажется, даже не удивился, услышав о словах Талии.

— Говорят, что сны отражают наши потаенные желания и мысли, — отметил он, когда командер закончил. — Или наоборот показывают то, до чего мы еще не смогли дойти разумом. Твой сон похож на второе. Этра, действительно, не успокоится. В прошлый раз мы остановились не просто так. Достигнув планеты и высадившись на ее поверхности, мы обнаружили повышенный уровень радиационного излучения, опасного для киорийцев, но привычного для жителей планеты. Нас спасли защитные костюмы, однако было еще кое-что. Когда правитель Этры понял, что победы ему не видать. Он использовал оружие, припасенное специально на такой случай. Биологическое. Не знаю, из чего его создали, но наши фильтры не стали для него помехой. Белесый газ, похожий на туман. Он стелился по земле, огибал корабли, забирался внутрь. Он воздействовал не только на нас, но и на жителей Этры. Тех, кому не повезло оказаться рядом. Они начали умирать. Наши гиатросы пытались исследовать течение болезни и понять, чем она может быть опасна для киорийцев. Сначала наш иммунитет с ней справлялся. Но затем начали происходить сбои... На непробужденных газ действовал сильнее. Почти половина моего экипажа слегла. Остальные, как ты можешь понять, не обрадовались. Я связался с правителем и потребовал от него полной капитуляции, угрожая уничтожить его дворец, столицу и близлежащие города, раз он так не ценит жизни своих поданных. Думаю, он надеялся избавиться от нас и обойтись малой жертвой, но... Увидев, что мы живы, испугался. Я впервые видел страх так близко. Нас разделял лишь экран. Я наблюдал, как сужаются его зрачки, а лицо искажается в гримасе сначала гнева, а затем ужаса. Он сдался... А мы отступили. Я мог бы расстрелять города и столицу. Уничтожить дворец, но... В той войне погибло столько людей, что я не мог ее продолжать. К тому же... не все они были виновны. Продолжать же бой на поверхности стало слишком опасно. Мы не знали, что еще может использовать Этра против нас. Не знали, чем обернется болезнь заразившихся. И мы отступили. Но гнев... Та бессильная ярость, что терзала правителя Этры. Я знал, что рано или поздно, он захочет отомстить. И мы готовились к этому дню. Но все равно пропустили первый удар...

Глава 41

Во внутреннем дворике светило солнце. Ветер шевелил листву и приносил аромат персиков и шиповника, высаженного у дальней стены. Робот-разносчик привез поднос с прохладной лимонной водой, блюдо с сыром, орехами и медом. Гадес улегся на лежанке рядом с бассейном и задремал.

— Что произошло с зараженными? — тихо спросил Икар.

— Непробужденные погибли и пополнили списки жертв. Пробужденные вернулись домой. За ними, как и за мной наблюдали все прошедшие годы. Мы не дали тому эпизоду широкой огласки. Но гиатросы пытались выяснить, что именно произошло, и как нам изготовить лекарство или компонент, нейтрализующий воздействие газа. Не вышло. Наши

препараты ослабляют действие яда, но он воздействует на гормональную и нервную систему. У больных он вызывал галлюцинации. Бред. Скачки гормонов, вызывающих страх, агрессию... Они убивали сами себя или друг друга. Иногда, организм просто не выдерживал нагрузок. Сердце отказывало. Или другие органы. А дальше начиналась цепная реакция. У пробужденных подобной реакции не замечено. Но с годами наблюдение выявило иную тенденцию. Вступившие в контакт с газом быстрее утомляются, их показатели падают, многим пришлось раньше времени уйти в отставку или перейти на более спокойную службу. К тому же они быстрее стареют, больше подвержены заболеваниям, а также у них повышен уровень стресса. Я знаю двоих командеров, с которыми мы вместе учились, затем служили, прошли многое. Сейчас они находятся под наблюдением Храма и уже несколько лет безуспешно лечатся от тяжелейшего угнетения нервной системы.

— А вы?

В горле пересохло, и вопрос прозвучал глухо и хрипло.

— Я... Я тоже болен, Икар. Но я не волен уйти в отставку. Если бы Этра узнала о том что я снял с себя полномочия раньше времени... Они бы поняли, что их оружие подействовало на всех. И тогда перешли бы в наступление раньше. А так мы смогли выиграть время. Страх держал их в узде двадцать лет, но теперь его больше нет...

Ладони похолодели. Знала ли Талия все подробности капитуляции Этры? Конечно. Ее готовили править. Она знала все. Возможно, даже больше, чем императрица, так как имела доступ к военным архивам и не стеснялась им пользоваться. Почему молчала? А что бы изменил ее рассказ? Ничего.

— Икар, — дядя заговорил мягче и даже наклонился к нему, заглядывая в глаза. — Я и Софрония двадцать лет ждали, позволяя вам вырасти и окрепнуть, чтобы вы смогли заменить нас. На Играх должно было быть объявлено не только о том, что Талия сменит мать, но и о моей отставке. Мой преемник уже готов. Ты получил бы следующее звание, а через пару лет в свою очередь стал бы главнокомандующим. Ты и Талия разделили бы эту ношу. Но теперь... Она погибла, а ты пробуждаешься. Киорису нужен правитель. Сильный, чтобы справиться с Этрой. И мудрый, чтобы не разрушить все то, что строилось столетиями.

Талия была именно такой. Но теперь ее нет. А он... наследник? Желудок скрутило, а сердце рухнуло куда-то вниз.

— Я не готов править. Не смогу. Мне не хватит опыта и... Я же никогда ничему подобному не учился.

— Да... — Иазон откинулся обратно на спинку кушетки. — Ты не готов. Поэтому ты примешь новое звание и возьмешь под свое командование Иазона-младшего. Будете учиться взаимодействию. После тебя, он — следующий, кто может стать моим преемником в будущем, но ему нужен опыт. Больше опыта, чем сейчас. Ты будешь учить его и учиться сам. Байон многое может рассказать тебе о дипломатии. И надеюсь, поможет. А мы с Софронией постараемся продержаться еще пару лет...

За спиной раздался отчетливый вздох, заставивший Икара обернуться. Дарей стояла под каменным навесом, поддерживаемом колоннами, закрыв рот ладонью. Сколько она уже находилась здесь? Знала ли о том, что планируется? О болезни мужа? И по глазам, по собственным воспоминаниям командер понял, что знала. Женщина взглянула на него, развернулась и убежала.

— Она переживает... — со вздохом произнес главнокомандующий. — Надеюсь, что уже скоро я буду дома. Не вышло.

— Я думал, она... не всегда искренна. И... Кажется, я ошибался.

Теперь поведение Дареи становилось понятным. Ее инициатива в разговорах, желание всегда оставаться подле мужа. Опека. Она боялась. И страх толкал ее на странные поступки.

— Все мы ошибаемся. Ошибки — это хорошо. Мы учимся, благодаря им. А Дарейя... Она никогда не сделает того, что навредит мне, Иазону или Киорису. Позже я поговорю с ней. Возможно, удастся ее успокоить.

Не удастся. Он понял это также четко, как и то, что времени не осталось. Этра не станет ждать и скоро перейдет в наступление. А значит... Они должны продумать линию обороны и первый удар. Пора ознакомиться с тем, как именно шла подготовка к новой войне последние двадцать лет.

— В столовой накрыт обед, — Иазон-младший появился на террасе и пригласил их внутрь.

Трапеза прошла тихо. Дарейя к столу так и не спустилась. А они втроем обсуждали последние новости, сводки и прочие малозначимые вещи. Икару казалось, что все они старательно делают вид, что ничего не случилось, и не случится. Что все проблемы остались где-то далеко, а здесь и сейчас все в порядке. Он сам не понимал, зачем. Но продолжал поддерживать разговор...

Его проводили до дверей, Гадес снова вильнул хвостом. Впереди ждала дорога обратно. И предстояло выбрать: снова идти пешком хотя бы до более широкой дороги, выйти к станции экспресса или взять напрокат один из двухколесников. Икар склонялся в сторону последнего, но услышал тихие всхлипы и решил проверить.

Звуки привели его на огороженную кустами полянку, расположенную между заборами двух домов. Дарейя сидела прямо на земле и даже не пыталась вытереть слезы. Лицо ее уже покраснело, нос распух, а губы дрожали. Мужчина хотел подойти ближе, но она подняла взгляд, и он остановился.

— Ты понимаешь, что он... умрет? — женщина говорила тихо, прерываясь, чтобы проглотить ком в горле. — Он столько лет... держался. Чтобы... спасти Киорис. Твоя мать... хотела отдать ему трон. Она не знала... что с ним там случилось. Я... Я умоляла ее передумать. Я... столько лет. Давала ему лекарства. Ждала... Боялась... Ты не знаешь, что это такое... Ты... — она закрыла лицо руками. — Я так радовалась, когда узнала, что ты пробудился! Боги... Я так надеялась. Ждала этих Игр. А потом... Талия погибла. А ты... ты пробудился. И теперь он не откажется... — Дарейя судорожно вздохнула и опустила руки. — Я надеялась, что ты сможешь взять все на себя. Он же умрет... Ему осталось... немного. Если сейчас дать ему отдых, времени будет больше... А если нет... Он не переживет эту войну! И не откажется, потому что все, кто рождается в роду Птолемея, должны оберегать эту планету. Он не откажется. Никогда. Потому что ты не готов, и мой сын... тоже. Я так боялась, что он пробудится раньше, и его назовут следующим наследником. Поверь, я знаю, что такое принадлежать вашему роду. Что такое нести ношу Птолемея. Я никогда не желала ему такого. Я хотела, чтобы он прожил спокойную жизнь, а теперь...

Ее губы снова задрожали, а по щекам покатались слезы.

— Талия не виновата в том, что погибла, — тихо ответил Икар. Он видел несчастную женщину, буквально сломленную предстоящими перспективами. Чем-то она напомнила ему Александру. Ее стало жаль. — Если бы все обернулось иначе, она все сделала бы именно так, как и планировалось. Но... мы не властны изменить то, что уже случилось.

— Она могла остаться на Киорисе! — воскликнула Даряя. — Она могла... Почему она раньше не приняла обязанности?!

— Потому что не была готова.

Она уронила голову на грудь и задрожала. Плечи ее вздрагивали в такт рыданиям. А он почувствовал себя беспомощным. Раньше Икар четко знал бы, что делать, а теперь... Эмоции мешали.

Он опустился на колени напротив, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Вам больно. Вы злитесь. Вы очень долго заботились о семье и несли свой груз одна. Вам нужна помощь. Жрицы...

— Помощь... — женщина покачала головой. — Мне нужно, чтобы мой муж жил. Чтобы он выздоровел. Чтобы у нас было время... Когда я выходила замуж, мать сказала мне, что в роду Птолемея все непросто. Что близость трона накладывает свой отпечаток. Что мне придется либо научиться терпеть, либо отказаться от этого... Я понимала, что легко не будет, и мне казалось, что я готова... Но... Я не думала, что будет вот так... Ты знаешь, что он больше не может иметь детей?

Взгляд. Тяжелый. Тоскливый. Полный скорби. Дыхание перехватило, командер качнул головой в ответ.

— Это все после той войны. Я хотела родить еще. Иазон уже подросток. Мы планировали... Я так хотела девочку. У твоей матери была Талия. А я... Я тоже хотела дочь. А потом эта война. И после... Мы пытались, но ничего не получалось, а потом гиагрос сказал, что все бесполезно. Иазон предлагал мне родить от любого донора, но я отказалась...

— Почему? Ваш второй ребенок, любого пола, уже не имел бы отношение к роду Птолемея. Вам не нужно было бы бояться за него.

— Ты не поймешь... Да, у меня был бы ребенок, но... Я хотела нашего ребенка. И побоялась, что не смогу любить еще одного, наполовину чужого, так же как Иазона.

Она вздохнула. Слезы высохли, но лицо ее оставалось опухшим. Некрасивым. И вся она словно постарела за прошедшие минуты.

— Мне очень жаль.

Даряя покачала головой. Никакое сострадание ей не поможет, а вот жрицы, возможно, найдут подходящие слова. Он помог женщине встать и повел ее обратно к дому. Передал в руки Иазона-младшего, который выглядел растерянным. А затем связался с Храмом.

— Добрый день, командер, — ответила иерия Элпис. — Что-то случилось?

— Добрый день. Я... Думаю, кому-то из жриц будет полезно заглянуть в дом главнокомандующего.

— Насколько срочно? — после короткой паузы уточнила жрица.

— В ближайшие дни, — он помедлил, но все же задал вопрос: — Вам известны подробности капитуляции Этры?

Снова пауза. Теперь уже настороженная. Задумчивая.

— Да, я знакома с отчетами, командер. В том числе с отчетами гиагросов. Полагаю, главнокомандующий счел нужным поставить вас в известность...

— Да. Если вам все известно, почему дядя не находится под присмотром?

— Потому что его состояние оценивается нами как стабильное. Поверьте, главнокомандующему уделено достаточно нашего внимания и заботы, чтобы сделать верные выводы.

— А как же его супруга?

Долгий вздох стал ответом.

— С ней все сложнее. Но поверьте, Храм не оставляет ее без внимания. И не оставит. Никогда.

Он поверил. И дышать стало чуть легче. Но тревога никуда не делась...

Глава 42

...— Она ожила. Расцветает. Ты смогла найти к ней подход, Филис.

Дорожка сада петляла между колоннами старой галереи, крышу которой так и не стали восстанавливать. В эту часть сада редко заглядывали альмы, считая ее негласной территорией жриц. Здесь сестры отдыхали после проведенных занятий, обменивались мнениями, вкушали последнюю трапезу и наслаждались ароматом гистелий — длинные лианы поднимались по колоннам, скрепляя их не хуже цемента. Они же создавали неплохую защиту от солнца, но в полдень аромат цветов делался невыносим и чересчур насыщен, а вот к вечеру в воздухе оставались лишь нежные и свежие ноты, дарящие успокоение и умиротворение.

— Она и сама старается. Наша встреча случилась в нужное время, когда девушка внутренне уже была готова к переменам, но сама вряд ли смогла бы их осуществить. Семя попало в благодатную почву и проросло...

В последние дни ее подопечная снова изменилась. И Филис догадывалась, что стало причиной перемен, но не спешила ее тревожить, давая возможность осознать и понять себя и свои желания.

— Я рада, что ей лучше. И что она взаимодействует с другими девушками, контакт один на один и с социумом отличается. Сейчас она уже может считаться частью группы.

Да, если в первые дни Александра держалась в стороне, то теперь принимала куда большее участие в диалогах и даже не стеснялась высказывать свое мнение. Определенно, она расцветала.

— Думаешь, пришло время?

Элпис коротко взглянула на нее и вновь уделила внимание переплетению лиан. Гистелии отлично поглощали звуки. И вообще, любые виды энергии, демонстрируя высочайшую приспособляемость.

— Насилие живет в ней. И мы должны знать, как оно проявит себя. Я знаю, этот этап самый сложный в реабилитации, но затягивать с ним нельзя.

Голос верховной прозвучал ровно, но твердо. Что ж... Сама Филис склонялась к тому же, но... Пожалуй, она слишком привязалась к девушке и начала испытывать избыточное и даже вредное для лечения сочувствие, граничащее с жалостью. Что совершенно недопустимо. Порой для лечения необходимо причинить боль.

— А что командер? После визита он больше не изъявлял желание увидеть девушку?

— Сейчас у него появляются другие интересы, — легко сменила тему Элпис, зная, что ее намек услышан и понят. — Командер узнает то, что положено ему по статусу. Теперь ему нужно будет понять, как действовать дальше.

Филис кивнула, не задавая вопросов. Если ей нужно будет что-то узнать, верховная расскажет, остальное же касается лишь ее и правящей семьи.

— Что с капитаном? — теперь уже сама Элпис решила сменить тему.

— Он не был готов к встрече с императрицей, как я и говорила. С ним все сложнее и проще одновременно. Байон понимает, чего от него хотят, и в меру своих сил старается,

но... он сломлен. Боюсь, что такое уже не вылечить.

— Полагаешь, он не восстановится?

— На службу ему возвращаться нельзя. Капитан давно потратил свой ресурс, ему нужна отставка. И мирное, спокойное занятие, которое будет занимать все его свободное время. Возможно, через несколько лет, он сам пожелает двигаться дальше, но не сейчас и не в ближайшее время.

Верховная не удивилась, наверняка предполагая нечто подобное, но заметно опечалилась.

— Очень жаль... Сейчас мы не можем позволить себе потерю такого человека.

Филис нахмурилась и ответила резче, чем следовало.

— Ты хорошо знаешь, что незаменимых нет. Капитану нужен отдых. Я готова отпустить его домой с обязательством посещать периодические встречи как минимум дважды в декаду, но использовать его и дальше... Негуманно.

— У входящих в род Птолемея нет выбора.

— И он не является носителем имени ни по рождению, ни по статусу. Их брак с Талией не был заключен официально.

Пристальный взгляд стал ответом, и лет десять назад Филис бы смутилась, а лет двадцать тому вообще опустила глаза, но сейчас выдержала и даже ответила столь же тяжелым и пристальным.

— Я понимаю твою позицию, сестра моя, но текущее положение требует отчаянных мер. Ты думаешь о своих подопечных, мне приходится думать о всей планете. Мы в опасности, и в такой ситуации личные нужды отдельных людей стоят ниже общественных.

— Тогда почему ты обратилась именно ко мне? Ты знаешь мою позицию на счет подопечных.

— Ты знаешь, почему. Я высоко ценю тебя, твой опыт и знания, а также знаю, что в ситуации с капитаном только ты можешь что-то изменить...

...— Филис! Я так рада тебя видеть!

Саша широко улыбнулась и встала навстречу жрице, заглянувшей в ее комнату после окончания занятий. После их последнего разговора киорийка не появлялась, и девушка уже начала немного беспокоиться, поэтому искренне обрадовалась гостье.

— Вижу, уроки идут на пользу...

Филис опустила взгляд на пол, где Александра разложила черновики с набросками сайта. Буквально вчера к ней пришла идея сделать для киорийцев информационный портал о Земле. Информации, сохраненной в памяти линкора, вполне хватало, чтобы осветить основные направления: географию, растительный и животный мир, искусство. Для каждого раздела она старалась подобрать подходящее описание, достаточно красочное и меткое, чтобы привлечь внимание жителей Киориса. Благодаря занятиям она уже понимала, что в первую очередь они ценят немногословность и точность описания. Правильно подобранные слова и интонации. Ей хотелось показать, что Земля не так ужасна, как могло показаться по ее рассказам. Что на ее планете тоже есть красивые места и культурные ценности. На энтузиазме она работала весь прошлый вечер и собиралась продолжить сегодня.

— Да, я пока не разобралась в языке программирования, который вы используете, но решила, что можно передать задумки кому-нибудь из киорийцев, главное правильно сформулировать идею и наполнение. А еще я совершенствуюсь в письменности! Пока плохо

получается...

Наброски состояли из записей вперемешку на русском и киорийском и представляли собой такой микс, что вряд ли в нем кто-то разберется. К некоторым пометкам вели сноски с вариантами перевода, а на мониторе светилось окно со словарем на киорийском.

— Я очень рада, что ты направила свои силы в творчество. Ты полна энергии...

Многозначительная пауза заставила Сашу покраснеть. Волна жара прокатилась по телу от макушки до пят, а в животе скрутилась приятным спазмом. Ей стыдно было даже вспоминать, что ей снилось прошлой ночью, а уж что она делала перед сном...

По крайней мере, один плюс от эксперимента и практики был однозначным — она поняла, что не причинит себе вреда. Никогда. И после, перед самым сном всегда чувствовала себя в безопасности. Спокойной. Цельной, будто, наконец, нашла то, что искала. И кто бы мог подумать, что сексуальное удовлетворение приносит такой подъем сил и энергии? Теперь она лучше понимала других альм, а еще перестала смущаться при их разговорах и чувствовать себя лишней. Ведь теперь... Теперь она их понимала. И...

— Что-то не так? — мягкий голос Филис отвлек от мыслей.

Саша тряхнула головой, отгоняя неприятный внутренний голосок.

— Нет, все в порядке.

— Ты уверена?

Этот пронизывающий взгляд, проникающий в самую душу. Разве можно от него хоть что-то скрыть?

Александра вздохнула и попыталась сформулировать то, что не давало покоя:

— Я... Ты знаешь, я так долго терпела... Мужа, его отношение, боль... Я забыла об удовольствии. О том, что близость может быть желанной и приятной. Я считала, что проблема во мне. Что я испорчена или больна, что... Виновата. Хоть и не знаю, в чем именно... Теперь, когда я... чувствую все иначе... Я... Мне... — грудь сдавило от невозможности высказать словами то, что творилось внутри. Жгло, будто каленым железом. Распирало. Разъедало. — Я потеряла столько времени... И потратила его впустую! На человека, который никогда меня не любил. А я... — она покачала головой и обхватила себя руками за плечи. — Я очень благодарна тебе и другим. И очень стараюсь радоваться переменам, всему, что со мной происходит, но...

Горло перехватило.

— Ты злишься, — спокойно констатировала жрица.

— Да!

Одно слово будто выпустило пар из котла, который кипел внутри. Дышать стало легче, но жжение никуда не делось. Как и гнев...

— Расскажи, что ты чувствуешь.

— Я не уверена...

— Не подбирай слова. Говори. Не старайся объяснить, просто чувствуй. Не бывает правильных и неправильных эмоций. Значение имеет лишь их выражение.

Выражение... Саша закрыла глаза, вдохнула поглубже. Выдохнула. Снова вдохнула и заговорила:

— Влад... Он... Я его ненавижу. Раньше я думала, что просто боюсь. Его или других мужчин. Но сейчас... Я так зла. Он... Он сознательно делал мне больно. И... Ему нравилось. Сейчас я понимаю, что ему нравилось! Понимаешь? Он получал удовольствие, когда я страдала! А я... Я позволяла ему. Растоптать себя. Унизить. Насиловать. Но он... Он почти

убил меня морально. Постоянно подрывал самооценку. И даже лишил меня возможности получать удовольствие! Я... так зла.

Она закрыла лицо руками, пытаясь справиться с дрожью, охватившей все тело.

— Пойдем со мной, — вдруг сказала Филис.

Саша обернулась, жрица протянула ей руку ладонью вверх, и девушка молча вложила в нее свою. А потом пошла за ней по коридорам Храма. Они остановились лишь в странном зале. Простором, с полом и стенами, укрытыми странным пружинящим покрытием, с манекенами, выстроенными в ряд. И ярким освещением, ударившим по глазам. Первое помещение в Храме, где окна заменили искусственным светом.

Жрица подвела ее к одному из манекенов и что-то нажала у него на спине. Он ожил. Шевельнул руками и ногами, чуть повернул голову, становясь настолько похожим на человека, что можно и перепутать, если смотреть издалека. Черты лица поплыли, неуловимо меняясь и складываясь в нечто знакомое. Волосы стали черными.

Саша отшатнулась, испытав мгновенный шок узнавания.

— Как ты? Откуда?

— У него средне-типированное лицо, а твой разум достраивает все остальное, — невозмутимо пояснила киорийка. — Но ты можешь использовать его, чтобы выместить все, что хотела бы адресовать бывшему мужу.

— Я... не могу...

Александра покачала головой и отступила еще на шаг. Гнев куда-то улетучился. Взять и просто так ударить, пусть даже манекен, представлялось чем-то нереальным.

— Можешь, — неожиданно жестко произнесла Филис, отступая в сторону и продолжая смотреть на нее. В глазах ее появилось презрение. — Должна. Вспомни, как он называл тебя. Бездарность? Глупая курица? Ты ни на что не годна!

— Прекрати! — Саша зажала уши руками. Ее бросило в пот. А по телу пробежали мурашки. — Не надо!

— А что ты мне сделаешь? Ты же сама даже на развод подать не смогла. Где бы ты была, если бы не твоя подруга?

— Хватит!

— Ты ничего не сделала сама! — слова, сказанные ровным, жестким тоном били как удары хлыста. — Сидела и ждала, когда тебя спасут! Глупая, бесполезная дура! Даже рот открыть не в состоянии! Что ты вообще можешь?!

Реальность начала расплываться. В голове вместо знакомого голоса Филис, звучал Влад. Его обвинения в суде. Его издевательская ухмылка. Его запах одеколona ударил в ноздри. Девушку затрясло.

— Замолчи!!!

Она оторвала руки от головы и бросилась на манекен...

Глава 43

...— Ненавижу! Ненавижу тебя!

Руки заболели после первого же удара. Манекен вздрогнул. Чуть повернулся, будто пытаясь увернуться. Но Саша не остановилась. Отскочила назад и пнула в бедро.

— Как ты мог?!

Толкнула в грудь. Показалось, что на лице мелькнула знакомая усмешка.

— Ты изуродовал мою жизнь! Меня!

Она схватила его за плечи и ударила коленом в пах. Затем в живот. Кулаком в грудь. В голову. Куда могла попасть. Манекен не отвечал. Только молча принимал ее ярость и вздрагивал. А еще постепенно откатывался назад, пока не уперся в стену.

Саша откинула со лба прилипшие волосы. Замерла, тяжело дыша и пытаюсь прийти в себя. Внутри все горело огнем. Грудь буквально разрывало.

— Ты никогда меня не любил! Никого не любил кроме себя!

Она снова ударила в грудь. И еще. И снова. Била до тех пор, пока силы не кончились, а руки не онемели. Тогда она рухнула на колени, запрокинула голову к потолку и закричала. Завыла. От боли. От бессилия. От злости. Звук ушел в стены и пол. А потом родился снова. Он шел откуда-то из глубины. Из самого нутра, о котором сама Александра не имела представления. Она обхватила себя руками, боясь, что рассыплется на кусочки. И закричала снова. Задрожала. Закрыла глаза и замерла, сотрясаясь от рыданий. Опрокинулась на бок, легла, подтянув колени к груди. Лицо стало мокрым. На губах появился привкус соли. Картинка перед глазами расплывалась. Внутренности скрутило узлом, а легкие горели. Сил совсем не осталось.

Она не услышала шагов, но почувствовала, как на плечи легли теплые, сильные руки. Ее голову приподняли и уложили на мягкую ткань. Влажные от пота волосы убрали от лица. Тонкие пальцы запутались в прядях, разбирая их одна к одной.

— Ты специально, да? — голос походил на хриплое карканье. Горло болело. Не стоило кричать. Но она же дура, куда ей думать о последствиях?

— Прости, мне пришлось, — Филис гладила ее по голове как ребенка, и тепло ее рук успокаивало. А еще голос. Снова спокойный и ровный. — Гной нужно убирать из раны. Насилие разъедает и рождает еще большее насилие. Всегда.

— Спасибо... — прошептала Саша непослушными губами, чувствуя странное опустошение и оцепенение. — Я... на тебя тоже злюсь. Но не так. Я понимаю...

— Боль и злость — обычные последствия насилия. Если их сдерживать, будут только накапливаться. Ты можешь кричать. Бить стены или манекен. Заниматься физическими нагрузками. Подойдет любой способ, кроме тех, что вредят другим. И тебе...

— Мне кажется, я бы его убила...

Слезы катились по щекам бесконечным потоком. Рыдания стихли, она больше не дрожала, но вот слезы... Они не прекращались.

— Это не так. Уровень повреждений, сохраненный манекеном, составляет всего пятнадцать процентов. Не смертельно. Даже с вашим уровнем медицины. К тому же в реальности он вряд ли бы не сопротивлялся.

Саша выдохнула ртом. Нос заложило. Лицо наверняка опухло и покраснело. Но ей стало чуть лучше от осознания, что она даже теоретически никого не убила. Все-таки она слабая, раз не может на такое решиться...

— Теперь я должна его простить?

— Ты никому ничего не должна, — уверенно ответила жрица. — Особенно ему. Прощать или нет — личный выбор каждого пережившего насилие. Когда придет время, ты решишь, нужно ли тебе это прощение или нет.

Ей. Прощение на самом деле нужно ей, а не Владу. Он ведь живет дальше. Той же жизнью. Рассказывает друзьям и коллегам по работе, как сильно ему не повезло с женой. Смеется. Радует. Наверняка нашел себе новую дурочку и пудрит ей мозги. Это она осталась на руинах. Собирать себя. Свою жизнь. А он... Ничем заплатил. Разве этс

справедливо?

— Кажется, это еще не все... — пробормотала девушка, чувствуя, как в груди вяло вспыхнуло угасшее пламя.

— Конечно, не все. Ты выпустила лишь часть. Когда ты успокоишься и придешь в себя, я попрошу тебя написать письмо твоему бывшему мужу. Высказать все, что наболело. Его не нужно отправлять. Но в нем ты можешь быть предельно откровенна. Если захочешь, мы обсудим отдельные нюансы. И только потом, много позже, тебе станет легче.

— Правда? Станет?

— Станет. Гнев не длится вечно. Особенно если с ним работать. Ты сможешь пережить свое прошлое, и однажды оно оставит тебя. Ты будешь жить дальше. Свободная и счастливая.

В голосе Филис звучала уверенность и сила. Вера в исполнение собственных слов. И Саша тоже поверила. Сейчас, лежа на коленях жрицы, чувствуя ее тепло, поддержку и помощь, она знала, что справится. Сможет. Преодолеет. У нее получится.

Девушка аккуратно накрыла руку киорийки своей, переплетая их пальцы.

— Мы можем здесь еще немного побыть?

— Столько, сколько захочешь.

— Спасибо. Я не знаю, что бы я без тебя делала...

Саша не знала, сколько прошло времени, прежде чем они поднялись с пола. Точнее Филис поднялась и помогла встать ей. А потом, поддерживая за талию, довела до комнаты. Помогла раздеться. Настроила воду в душе. И пока Александра сидела под струями воды, расстелила постель.

Саша чувствовала себя куклой в умелых руках. И полностью доверилась, понимая, что сама мало, на что способна. Она едва заметила, как оказалась под одеялом. И только теперь опомнилась. Поняла, что боится остаться одна.

— Филис! — она приподнялась на локте и окликнула жрицу, приглушившую освещение в комнате.

Та обернулась.

— Что такое?

— Не уходи... Пожалуйста. Ты можешь еще немного побыть со мной?

— Хорошо.

Киорийка пододвинула кресло к кровати и села рядом. В теплом, приглушенном свете она казалась окутанной золотистым ореолом. Невероятной. Нереальной. Прекрасной.

— Расскажи что-нибудь... О Киорисе, или о себе... Мы столько общаемся, а я ничего о тебе не знаю. Сколько тебе лет?

— Моя работа заключается в том, чтобы знать многое о тебе, а не рассказывать о себе. Но возраст не тайна... Мне тридцать семь.

— И ты всю жизнь посвятила Храму?

— Почти... — жрица вздохнула и откинулась на спинку кресла. Саша уже подумала, что она не продолжит, но неожиданно Филис заговорила: — Много лет назад я жила в столице. Была юна. Неопытна. И влюбилась в одного... человека. Мои чувства не оказались взаимными, но тогда я была слепа и плохо понимала происходящее. Мне объяснили все прежде, чем я совершила глупость, которая повлекла бы за собой определённые последствия. Конечно, тогда я не захотела слушать чужую мудрость. Мне казалось, что все иначе. И, в

итоге, мне пришлось покинуть столицу и отправиться на побережье. Там много чудесных небольших городков. Люди в основном занимаются рыболовством, сельским хозяйством и садоводством. Они живут почти так, как жили наши предки сто и двести лет тому назад. Их жизнь более размеренна и спокойна. Там, при Храме, я постепенно успокоилась, а по прошествии лет смогла взглянуть на ситуацию иначе. Понять свои ошибки. И правильность выбранного пути. Я отправилась в Нимфею. Изучала искусство, историю, путешествовала, искала себя. А затем поняла, что мое место именно в Храме. Слушать, помогать, сочувствовать. Каждый приходит к осознанию себя по-своему, я нашла себя на закате. На руинах Александрии... С тех пор, как Птолемей ее разрушил, там так и не построили новый город. Природа забрала его территорию себе, но в некоторых местах все еще видны остовы старых зданий... Там я поняла, что не хочу повторения подобного. Никогда. И что сделаю все, чтобы сохранить Киорис. Помочь ему развиваться дальше. Идти по выбранному пути...

— И ты никогда не была замужем?

Жрица улыбнулась, а глаза ее лукаво сверкнули.

— У нас не принято спрашивать о таком. Но я отвечу. Нет. Я не выходила замуж. И никого не пробудила. Когда-то давно я мечтала о любви. Все девушки мечтают в юности. Но потом мечта ушла. И я довольна тем, что имею сейчас. Если я захочу завести детей, я могу обратиться в донорский центр и выбрать подходящего отца своим детям. Но пока... я не чувствую в себе желания подарить кому-то жизнь. Мне хватает моих подопечных.

— Ты выглядишь счастливой, — отметила Саша, испытывая легкую зависть к чужой гармонии.

— И я счастлива. Пройдя обучение, я вернулась на побережье. В один из тех городков, где жила раньше. Там тоже есть Храм. Не такой величественный и огромный как этот. Он мал, аккуратен и наполнен теплом и светом. Вместе со мной там служит всего десять жриц, и все вместе мы заботимся об округе. Поддерживаем связь с другими Храмами, принимаем альм, приезжающих для прохождения практики. Когда мое служение здесь закончится, я вернусь туда.

На ее лице отразилась задумчивость и радость. Светлая грусть по месту, где она нужна и ее ждут. Наверняка будут рады, когда она вернется. И Саша снова ощутила короткий укол зависти. И поняла, что ей некуда возвращаться. Есть квартира, родители, брат и подруга, но нет места, где она могла бы пережить схожие чувства. Которое смогла бы назвать домом. Там, где она будет в безопасности. Счастлива. Свободна. Будет ли такое в ее жизни?

Веки отяжелили и закрылись сами собой. Сон подкрался незаметно, укутал мягкими крыльями и унес туда, где все это возможно...

Часть третья. Похищение. Глава 44

...Его отпустили домой перед самыми Играми. Без каких-либо намеков и предупреждений. Без лишних бесед и долгих нотаций. После пробежки и завтрака иерия Филис вошла в его комнату и сообщила, что «Храм более не задерживает уважаемого капитана, но рекомендует посещать встречи не реже двух раз в декаду». И, прежде чем Байон успел сформулировать и задать хоть один вопрос, жрица ушла. Кричать в пустоту он не стал. Какой смысл сотрясать воздух, если ничего не изменится? Время пришло, и ему прямым текстом указали на дверь. Просить? Глупо. Признаться в том, что ему элементарно страшно покидать ставшие привычными стены и уходить в пустоту? Можно, но... Разве не этого он хотел с самого первого дня? Получается, что Храм снова победил, а он остался в

дураках. Нет уж... Надо сохранить хотя бы остатки самоуважения.

Байон позволил себе слабость растянуть сборы почти до вечера. Неторопливо пообедать, потренировать Арея на площадке. Собрать сумку и трижды обойти комнату, проверяя, ничего ли не забыл. Нога за ногу идти за роботом, показавшим дорогу к одному из боковых выходов. Забрать у него коммуникатор. И замереть в двух шагах от выхода, испытывая огромное желание вернуться обратно. Наверное, будь он один, капитан вернулся бы. Наплевал на гордость, уважение и прочее, но ликос поднял на него вопросительный взгляд, в котором сквозило явное сомнение, и стало стыдно. В конце концов, ему еще о звере заботиться, а тому и так досталось...

— Пойдем, дружок. Тут недалеко, ты же помнишь...

Он сознательно оттягивал момент возвращения. Шел самым длинным путем. По дороге остановился у кафе, в котором они с Талией часто ужинали. Хотел зайти, но представил вежливые вопросы хозяина, считавшегося уже едва ли не другом, передернул плечами и пошел дальше. У дома — современного здания в восемь этажей с панорамным остеклением и балконами, заставленными растениями в кадках — Байон замер. Вдохнул и выдохнул, пытаясь усмирить забившееся слишком часто сердце. Ладони покрылись противным, липким потом. Захотелось сбежать.

Арей боднул его в бедро, выводя из задумчивости, и резким кивком указал на дверь.

— Да-да, сейчас.

Мужчина провел ладонью по лицу, с удивлением стирая пот со лба. Оказывается, он стал нервным, как пробужденный в первую неделю. Неудивительно, что его так долго не выпускали. Странно, конечно, что решились вообще отпустить. Может быть, это только проверка? Сейчас его вежливо окликнут и предложат вернуться в Храм обратно. Еще и транспорт пригонят, чтобы несчастный больной не перетрутился. Нет уж... Он справится.

Байон коснулся внешнего замка большим пальцем. Сканер издал мелодичный звук и загорелся голубым, позволяя открыть дверь. Для гостей рядом располагалась панель домашней связи с камерой и микрофоном, позволяющая хозяевам выбирать, кого впускать, а кого нет.

В подъезде царил приятная прохлада. Прозрачная труба лифта уходила вверх до самой крыши, вокруг нее вилась гранитная лестница, укрытая бежевой дорожкой. Первые ступени встретили его легким чавканьем — дорожка радостно очищала ботинки от уличной пыли и грязи. Ликос коротко рыкнул, выше, чем обычно, поднимая лапы, немного увязающие в покрытии. Чавканье ему не нравилось, но выбора не было. В лифте пришлось бы стоять на точно таком же коврик.

На шестой этаж они поднялись в тишине, не встретив никого из соседей. Только пару раз вверх-вниз скользнула кабина лифта, да где-то внизу открылась и закрылась дверь. Перед квартирой капитан остановился, испытывая уже не приступ паники, но скорее усталость. В первую очередь от себя самого. Он посмотрел на огонек сканера, позволяя считать биометрические данные. Взялся за ручку. Потянул на себя. И шагнул в прошлое...

...В ноздри ударил привычный аромат лаванды и яблок. Сладкая нотка ванили. Кислинка цитрона. «Дома должно пахнуть приятно», — повторяла Талия, наполняя вазы сухими ароматическими смесями и расставляя их в разных уголках квартиры.

— Добро пожаловать домой, капитан, — тепло поздоровался Вирий — у их домашней системы был голос добродушного старца. — Если желаете ужинать, придется подождать. Я не знал, когда вы вернетесь, и не заказал продукты. Мне следует это сделать?

— Да... нет... не знаю, — Байон позволил сумке упасть на пол и опустился рядом, прислонился спиной к стене. — Я не голоден, лучше позаботься о еде для Арея.

— Как скажете, капитан. Когда стоит ожидать прибытия гран-командера Талии? Сердце болезненно сжалось.

— Нескоро, Вирий. Гран-командер не почтит нас своим вниманием в ближайшее время.

Программа приняла новые данные к сведению, и, слава всем Богам, отстала. Ликос привычно протопал через всю гостиную, мимо кухонного блока на балкон, на свою любимую подстилку. Все же в квартире зверь чувствовал себя скованно, предпочитая обитать в дворцовом саду. Зеленый уголок несколько примирял его с замкнутым пространством. Но долго здесь жить не выйдет, нужно будет что-то решать...

Виски сразу же заломило, а там и затылок заныл. Байон поднялся и, преодолевая себя на каждом шагу, направился к спальне.

«Может быть, приготовим ужин дома? Хочешь, я нарежу салат?»

Вздрыгнул и обернулся к кухонному уголку. Они готовили редко, позволяя программе делать свою работу, но иногда находило какое-то вдохновение. Готовка — то, что у Талии совершенно не получалось. Она старалась. Очень. Но у него выходило куда лучше. И каждое ее предложение что-то приготовить являлось вызовом себе. Обычно, он заканчивал все сам, а ей оставалось только снимать пробу и восторгаться.

Еще пара шагов, и взгляд упал на столик. Домашний планшет приветливо засветился, демонстрируя последнюю открытую страницу. «Новинки Космоса».

«Завтра на космодроме будет выставка новых моделей кораблей. Хочешь сходить?»

Их общая любовь к полетам не позволяла пропустить ни одно подобное мероприятие. Пусть на выставке демонстрировались гражданские суда, на которые технологии доходили с запозданием, но взглянуть было все равно интересно. После того мероприятия они как раз стали готовиться к экспедиции. Дома появлялись редко и больше для того, чтобы поспать и поесть. Вот закладка и сохранилась. А ведь прогулка была хороша...

Еще пара шагов, и дверь спальни открывается бесшумно. Приглушенный свет загорается сам. Мягкие золотистые отсветы ложатся на пол, укрытый пушистым ковром. С его стороны на прикроватной тумбочке лежат справочники, с ее — ваза с ароматической смесью и электронная рамка с их общими снимками. Икар забрал ту, что стояла в гостиной. Приличную. Та, что находилась в спальне, хранила более личные кадры.

«— Удали этот ужас немедленно! — он пытается вырвать у нее камеру, но Талия убегает и смеется.

— Ну, уж нет, я это сохраню. Буду перед сном любоваться!»

На снимке он в костюме амура с боевой раскраской в исполнении детской театральной труппы, выступавшей на фестивале Весны в Нимфее. Участвовать Байон согласился только ради матери, которая руководила этим безумием. Даже сейчас он не смог сдержать улыбки. Кадр оказался удачным. И неизменно поднимал Талии настроение. Что бы ни происходило днем, вечером она улыбалась.

А ведь родителям он так и не сообщил... Точнее, они наверняка в курсе и подписали документы о неразглашении, но... Нужно позвонить. Поговорить. Вот только слов нет. И тянет, тянет уйти. Потому что остаться невозможно. Все вокруг пропитано Талией. Ее голосом, запахом, вещами, воспоминаниями... Как остаться и не сойти с ума?

— Возможно, стоит отпустить?

Он вздрогнул, услышав голос. А потом сразу понял две вещи: что говорил вслух, и что никто не отпустил бы его просто так.

— Императрицам не отказывают, так ведь?

Байон обернулся. Маеджа Софрония в черной, короткой тунике и темно-зеленых брюках выглядела моложе своего возраста. Темные волосы были собраны в простой низкий узел. Украшения отсутствовали. Только кольцо с массивным изумрудом на указательном пальце — символ императорской семьи.

— Мне жаль, что пришлось тебя потревожить, Байон, — она потрепала по загривку ликоса, выглянувшего с балкона. Окинула гостиную взглядом и осталась стоять. — Жрицы передали твой ответ на мою просьбу. Я не стану заставлять. И здесь я не как императрица.

Да, сейчас она выглядела обычной, немолодой уже киорийкой. Опечаленной и уставшей. Стало немного стыдно за свой выпад. Все же маеджа Софрония всегда оказывала ему поддержку, а он...

— Прошу прощения за свои слова. Мне не стоило так реагировать.

— А мне приходится без приглашения, — ее губы растянулись в улыбке, но глаза остались печальными. — Я лишь хотела сказать, что понимаю тебя. Когда Маттиас погиб, я... Потеряла часть себя. Все тогда встало с ног на голову. Война с Этрой многое уничтожила. Но помимо политики, помимо жертв, что мы заплатили за ту победу, была еще и моя личная боль. Когда утром просыпаешься и пытаешься найти силы, чтобы встать с постели. Причины, чтобы заставить себя поесть. Когда каждый день превращается в борьбу с самим собой... За жизнь. За то, что мы ценим выше всего. Я могла бы сказать, что со временем станет легче... Но знаешь, так происходит не всегда. Порой, несмотря на все усилия Храма и жриц, пустота внутри оказывается сильнее. Ты кормишь ее каждый день, надеясь заполнить хоть чем-то, но в итоге смиряешься с тем, что теперь будешь так жить всегда. Неполноценным и опустошенным.

Странно, но от ее слов стало легче. А еще понятно, что императрице не нужно сочувствие или соболезнования. Только понимание. Знание, что рядом есть кто-то, кто точно знает, каково ей. Как и ему.

— Я не помню церемонию прощания с Маттиасом, — продолжила она. — Все прошло как в тумане. Я выполняла действия, необходимые по протоколу, а сама никак не могла поверить в то, что его больше нет. Мне не стало легче от прощания. Потом я долго не могла зайти в наши покои. Велела запереть их и перенести мои вещи в другие. Во дворце много комнат... Ты знаешь. А потом, спустя пару лет, я случайно сама пришла к знакомым дверям. И оказалось, что комнаты изменились. Они словно умерли... Без нас. Без него. Тогда я, наверное, заново осознала, чего лишилась. Я перебирала его вещи. Те, что остались. Они еще хранили его запах. Выбрасывать их было тяжело. Я разожгла огонь во внутреннем дворе и сжигала их. Тогда я прощалась. Пустота никуда не ушла, но мне показалось, что мой муж обрел покой.

Он помнил старые сказки о духах, что неприкаянными тенями обречены бродить по свету, потому что привязаны к земле теми, кто не может отпустить их. Понимал, о чем ему говорят. И все внутри восставало против. Захотелось кричать. Вот только неясно что. Угрожать или требовать? Проклинать или просить?

— Я ни на чем не стану настаивать, но если ты захочешь ненадолго переселиться во дворец, знай, что там тебя всегда ждут. Для меня ты — член семьи. Пусть не по крови. И не праву. Но по духу. И так будет всегда, Байон.

Она кивнула и ушла так же тихо, как и пришла. А он остался, сжимая кулаки и пытаясь проглотить комок в горле.

Глава 45

...День начала Игр выдался солнечным и ясным, как и большинство дней на Киорисе. Да, порой небо хмурилось и даже проливалось дождем, но ненастье еще ни разу не длилось дольше пары дней.

Саша закужилась перед зеркалом, пытаясь оценить, как на ней сидит новый наряд, который помогла подобрать Филис. Бледно-лиловая туника с крученым поясом-шнурком, подчеркивающим талию, и небольшими разрезами, прячущимися в складках подола. Легкая ткань струилась по коже, очерчивая силуэт и в то же время сохраняя загадку. Волосы лишь немного придерживали заколки-бабочки с подрагивающими крылышками, мерцающими в солнечных лучах.

Девушка улыбнулась себе и добавила к наряду личный коммуникатор, который ей выделили буквально пару дней назад. Клео предлагала прогуляться по городу, когда официальное открытие завершится, а Храм беспокоился о ее безопасности, поэтому коммуникатор стал необходимым компромиссом.

Саша украдкой еще раз взглянула на себя в зеркало. Последнее время ей сложно было отвести от него взгляд. Отражение вызывало одновременно удивление: «Неужели, это я?», и желание убедиться, что произошедшие перемены никуда не исчезли. Она чувствовала себя лучше. Спокойнее. Здоровее. Энергичнее. Словно открылись все дремавшие до сего момента скрытые резервы. Усталость отступила, как и подавленное состояние, и безотчетный страх. Осталось лишь радостное предвкушение сегодняшнего дня и нетерпеливое ожидание. Ей впервые за долгое время хотелось окунуться в жизнь. Прочувствовать ее каждой клеточкой, вдохнуть полной грудью, смотреть во все глаза. Слушать. Пробовать. Смеяться.

После того, как она смогла написать письмо Владу и еще несколько раз посетить тренировочный зал, спуская злость, образ бывшего мужа стал расплываться в сознании. Он, действительно, остался позади. В прошлом. Уже далеком прошлом. И она победила. Смогла. Выжила. У нее получилось. И теперь хотелось отпраздновать эту личную победу. И жить дальше. Уже совсем иначе...

— Ты готова? — Филис заглянула в комнату.

Жрицы и альмы отправлялись на открытие централизованно, на транспорте, предоставляемом Храмом. Опаздывать считалось неуважительным, поэтому Саша постарался собраться заранее.

— Да. Как тебе?

Она еще раз покружилась, чувствуя себя как минимум нимфой, а как максимум — принцессой из детского мультика.

— Чудесно, — жрица сдержанно улыбнулась. — Тебе очень идет.

Сама она выглядела как обычно, разве что сегодняшняя туника крепилась на одном плече золотой брошью с подвеской в виде алого кристалла-капли. Рубин или гранат? Или вообще подкрашенный хрусталь? Саша не успела спросить, как Филис жестом позвала ее за собой и скрылась за дверью.

Ехать предстояло в автобусе, если рассуждать земными мерками. Большое, обтекаемой формы средство передвижения с прозрачной, тонированной крышей, острым носом с кабиной для водителя и комфортными креслами с личными откидными столиками.

«Автобусов» оказалось несколько. Места в них занимались как-то неспешно и без лишней суеты. Беседы велись негромко, лишь изредка прерываясь взрывами смеха со стороны альм, напоминающих стайку ярких разноцветных птичек. Жрицы на их веселье смотрели снисходительно и понимающе. Одеты в привычные бордовые туники и отличающиеся друг от друга лишь прическами, фасонами и украшениями, они производили странное впечатление. Одновременно притягивали взгляд и заставляли отводить его. Все же в бордовом крылась некая угроза, которая теперь стала заметнее.

— Жрицы носят свои одежды в память о крови, пролитой ради достижения равновесия, — как всегда невозмутимо пояснила Филис. — В такие праздники мы особенно остро ощущаем связь с прошлым. Традициями и культурой. И, помня о том, как все начиналось, остальные испытывают определенный дискомфорт, оказываясь рядом.

Саша заметила, что среди цветов, выбранных альмами, отсутствуют красный и зеленый. Розовый, фуксия, кирпичный — прекрасно, салатный и болотный — тоже, но вот цвет крови и изумруда — нет.

— Изумрудный использует лишь императорская семья, как правило, на торжественных мероприятиях. Непринято, чтобы кто-то еще позволял себе подобную вольность.

Девушка кивнула. Она уже понимала, что к традициям на Киорисе относились с глубоким уважением. Непринято — не значит «запрещено», но, как минимум, вызовет недоумение у окружающих и вопросы, пусть вежливые и тактичные, но неуклонно намекающие на неуместность подобного шага.

Их «автобус» заполнился довольно быстро — все же жрицы и их ученицы не позволяли себе опаздывать — и вскоре вся процессия двинулась в сторону центрального стадиона — Колизея. Здесь он не только сохранился в целости, но и функционировал, а также примерно в два-три раза превосходил размерами своего земного собрата.

Саша рассматривала приближающееся строение с восторгом, снова испытывая острое ощущение нереальности происходящего. Будто она попала в сказку. Пришлось даже украдкой ущипнуть себя, чтобы поверить.

Высокие стены здания без единого угла, устремлялись куда-то к небу. Их украшали арки и переходы, галереи с ажурными перилами, а еще потрясающие барельефы, прославляющие основные виды соревнований: бег, прыжки, метание копья и диска, борьба. Девушка уже знала, что современные игры включают в себя больше видов соревнований, но начинали традиционно с классического пятиборья.

Филис легонько тронула ее за руку, возвращая в реальность, и кивнула в сторону выхода. Оказалось, они уже прибыли...

...Внутри Колизей также поражал, как и снаружи. От стен веяло стариной, живой историей и прохладой. В переходах и коридорах можно было и заблудиться, если бы не сопровождение Филис и других жриц, уверенно направляющихся в одну сторону. Часть альм все же куда-то пропала, и к выделенным для Храма местам вышла в лучшем случае половина прибывших.

— А где остальные? — Саша закрутила головой и запрокинула голову, пытаясь понять, что не так с освещением.

Оказалось, что у Колизея имеется внутренний козырек, расположенный по периметру трибун, прикрывающий зрителей от солнца, а также позволяющий не щуриться от лучиков, попадающих в глаза.

— Семьи многих девушек прибыли на Игры в столицу, и они предпочли наблюдать за открытием с ними.

Филис разместилась на сидении, также улучшенном современной обивкой и анатомической подстройкой.

— А жрицы навещают свои семьи?

— Конечно, но не в такие дни, — лицо киорийки непривычно застыло. — Сегодня открытие. Церемония будет торжественной... Уже завтра многие будут наблюдать за соревнованиями с других мест или же вернуться к своим обязанностям, но сегодня мы должны быть тем, чем поклялись. Опорой и единством.

Саша оглядела выделенный им сектор и почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Вокруг нее словно разливалось кровавое море, колышущееся от легкого дуновения ветерка. Редкие вкрапления других цветов отнюдь не разбавляли картину, а делали ее еще более настораживающей, ведь скоро и они примкнут к общему... цвету.

Ощущение сказки и эйфория рассеялись как дым. Другие сектора оказались уже почти заполненными, над полем порхали дроны, ведущие съемку, в воздухе над центром стадиона сформировалась трехмерная голограмма, крупным планом транслирующая происходящее в секторе напротив.

Часть мест уже оказалась заполнена. Вот показался седой мужчина с добродушным лицом в фиолетовых, явно старинных одеждах и фигуркой совы, прикрепленной к правому плечу.

— Главный эпистим, он контролирует основные направления исследований на Киорисе, — пояснила Филис, пока находящийся в центре внимания приветливо махал толпе и улыбался.

Следующим в кадр попал худощавый, высокий мужчина с черными, тронутыми сединой волосами, в короткой черной тунике с алым плащом. К его плечу крепился терновник. А под руку его держала милая, округлая женщина с мягкими чертами лица и немного усталой улыбкой. Саше показалось, что у нее печальные глаза.

— Главнокомандующий армией, брат императрицы. С супругой.

Затем камера выхватила еще одну пару, уже пожилую. Оба носили голубые одежды с веточками оливы у правого плеча, только у женщины она оказалась золотой, а у мужчины живой.

— Глава гиатросов с мужем. Гиатрос Лезариус находился на линкоре «Фотис».

— О... — смогла выдавить Саша, не сводя глаз с трансляции.

Они с гиатросом так и не встретились лично, но Клео отзывалась о нем очень тепло. А вот следующее лицо оказалось ей знакомо.

Иерия Элпис с золотыми волосами, уложенными в сложную прическу, в бордовой тунике с брошью как у Филис, но уже с пятью подвесками разных размеров. Словно капли крови, застывшие на плече.

— Она... верховная жрица?

Догадаться оказалось несложно, но поверить... Девушка привыкла видеть киорийку как наставницу, терпеливую, мудрую и немного отстраненную, но никак не ожидала, что та является кем-то большим. Альмы относились к ней так же, как к другим наставницам, никак не выделяя. И это больше всего сбивало с толку...

Одно женское лицо сменилось другим, и трибуны, сдержанно приветствовавшие появление каждого лица, неожиданно взорвались громкими и бурными аплодисментами.

Жрицы в едином порыве поднялись с мест. Александра поднялась с ними, не спуская глаз с женщины в изумрудных одеждах. Черные волосы, разделенные на прямой пробор и уложенные на затылке. Точеные черты лица. Белая кожа. Темные, густые брови. Зеленые глаза. Золотой венец с изумрудами.

— Маеджа Софрония с сыновьями.

Саша еще не успела отойти от впечатления, произведенного императрицей, как следующее лицо заставило ее застыть на месте.

— Икар... — выдохнула она, подозревая, что все-таки уснула и проспала открытие Игр. Потому что уж лучше лежать в кровати, чем вдруг осознать, что мужчина, с которым связаны ее фантазии — принц. Самый, мать его, настоящий принц.

— Коммандер Искарис из рода Птолемея, — тихо произнесла Филис.

Сегодня он был не в мундире, а в тех же изумрудных, старинных одеждах, не оставляющих сомнений в том, к какому роду принадлежит. Следом за ним показался еще один мужчина, чуть моложе, но такой же черноволосый и зеленоглазый.

Овации стихли, сменившись явным замешательством толпы. Вокруг раздались шепотки, постепенно слившиеся в один и тот же вопрос: где принцесса Талия? И вот тут Саше стало совсем плохо, потому что в ее голове, наконец, сложилась полная картина происходящего.

Сильная рука обхватила ее запястье и потянула вниз, заставив сесть. В глазах жрицы мелькнуло сочувствие и понимание:

— Я не могла рассказать все. Прости.

На стадионе стало совсем тихо, даже шепот замолк, а в центре голограммы вновь оказалась императрица...

Глава 46

— Граждане Киориса! В этот праздничный день, я обращаюсь к вам с печальной новостью, — голос императрицы разносился над стадионом, заставляя смолкнуть даже самый тихий шепот. Напряжение разливалось в воздухе, заставляя киорийцев проникнуться моментом. — Моя дочь, принцесса Талия, трагически погибла в схватке с разведывательным отрядом Этры. Ее корабль разбился на планете из неисследованного сектора Вселенной. Останки так и не были найдены. Совет Безопасности обратился к Этре за разъяснениями на счет проявленной в адрес киорийского флота агрессии, но за истекший месяц они так и не были представлены. Этра исключила своего представителя из состава Совета и разорвала торговые отношения с другими советниками. Таким образом, в самое ближайшее время Киорис, с большой долей вероятности, снова окажется втянут в военный конфликт, — минутная пауза довела напряжение до пика. И, когда оно уже готово было прорваться, маеджа Софрония заговорила вновь: — Во имя памяти гран-коммандера Талии и воинов, павших вместе с ней в бою, я предлагаю посвятить четыреста четвертые Игры прославлению их отваге и преданности.

Стадион взорвался одобрителем гомоном. Байона оглушило эхом чужих эмоций, объединенных единым порывом. Люди вставали с мест. Простирали руки к небу в древнем жесте молитвы. Кто-то кричал. Кто-то плакал. Но постепенно общий гул сменился скандированием:

— Та-ли-я! Та-ли-я!

Комок подкатил к горлу. Стало сложно дышать. Глаза начало жечь. Он и забыл, как сильно ее любил народ. И как ждал ее правления. А теперь... Если война начнется, Этре не

поздоровится. Пусть киорийцы миролюбивы и ценят жизнь, но общая потеря и боль порой объединяют сильнее, чем желание защитить дом.

И только сейчас Байон неожиданно понял, что не одинок в своем горе. Пусть для других принцесса была не столь близка, но являлась символом, олицетворяющим главные ценности Киориса. Свободу. Силу. Сострадание. И утрата этого непростительна.

Он судорожно вздохнул. И выдохнул, с трудом проталкивая воздух сквозь зубы. Стало чуточку легче. А еще появилась надежда, что когда-нибудь он сможет пережить произошедшее. Возможно. И, если получится, увидит победу над Этрой. Да, пожалуй, стоит жить ради этого. И даже поучаствовать, если допустят. Теперь у него появилась новая цель...

...Саша почти не вникала в то, что говорила императрица. Едва осознавала происходящее. И очнулась только тогда, когда стадион в едином порыве начал скандировать имя принцессы. Она смотрела вокруг и не могла поверить.

— Они... Они все... любили ее?

— Принцесса Талия была наследницей. К тому же обладала необыкновенным обаянием и силой духа. Ее не просто любили. Ей восхищались. Возможно даже боготворили...

Девушка покачала головой, с трудом веря в происходящее.

— И вы мне ничего не сказали...

— Я не могла. Секреты императорской семьи могут разглашаться только представителями рода Птолемея.

— Но Икар... Почему он промолчал? Он же... принц... А я... — она прижала руки к заалевшим щекам. — Боже мой... Я же такого себе вообразила...

— Ты судишь о нем, исходя из своих представлений, — мягко отметила Филис. — Но принц никогда не выделял себя среди других, как и принцесса, и принц Креон. На Киорисе ценно то, чем ты занимаешься, и насколько хорош ты в своем деле. Талия была лишена выбора с рождения, но, к счастью, оказалась прекрасным лидером. Ее братья выбрали свои пути. Старший военный, младший — науку. Титулы не играют для них большой роли. Не играли, ведь только судьба их сестры была предрешена изначально. Теперь все изменится, но им нужно время, чтобы смириться с переменами. Поэтому командер и промолчал. Он не лгал и не утаивал от тебя факты. Просто для него положение не имеет такого большого значения...

Теперь Саша смогла выдохнуть. Она все еще чувствовала себя странно, но, наконец, обратила внимание на происходящее на поле. Представление команд шло полным ходом. Каждая из двенадцати представляла одну из провинций Пафоса или Нимфеи. Девушка уже знала, что место проведения Игр меняется каждые пять лет, и ей повезло, что в этом году они проходят в столице. А ведь их могли организовать и на другом материке. И о поездке даже речи бы не шло. Впрочем, последние новости как-то притупили восприятие праздника. И кажется, не ей одной...

Команды проходили круг по стадиону, останавливались напротив трибуны императорской семьи и вместо привычного знака уважения — ладонь правой руки касается левого плеча — опускались на колени и низко склоняли головы, а капитан снимал плащ и, разрывая его пополам, бросал на землю.

— Что они делают?

— Дань уважения и памяти. Жертва. По древнему обычаю. Так они показывают свою скорбь.

Ощущение праздника и волшебства исчезло совсем. Его сменила горечь и печаль. А еще чувство вины, будто Саша лично виновата в том, что принцесса не вернулась. Или в том, что вместо ее останков привезли жительницу другой планеты.

— Мне очень жаль... — прошептала она, не зная, как еще выразить свои мысли и чувства.

— Всем жаль... И ты не виновата. Никто не виноват в том, что Этра проявила агрессию, а принцесса сама повела свое звено в бой. Никто.

На лице Филис отразилась глубокая скорбь. Словно она говорила не просто о принцессе, а ком-то близком. Саша хотела спросить, но не смогла. Выученные на Киорисе правила приличия не позволили задать столь личный вопрос. Если жрица захочет, сама расскажет. А многие знания — многие печали. Кто знает, что еще ей неожиданно откроется? От чего уже не получится отвернуться? Закрыть глаза и представить, что ничего не изменилось?

Да, Икар не врал и, наверное, на самом деле не придавал большого значения своему статусу. Но она-то... дурочка. Что ж... Помечтала об инопланетном принце и будет. У него тут война на носу, а ей пора собираться домой. Нужно еще раз поговорить об экспедиции. Отправят ли ее вообще в такой ситуации? Саша надеялась, что все же отправят. И что она сможет улыбнуться на прощание и, сохранив лицо, сесть на корабль и улететь. Да, так будет правильно. Только грустно, почему-то...

...Представление команд Байон едва ли заметил. Смотрел. Слушал. Но не понимал. Просто просиживал время. И все думал, как поскорее вернуться на флот. Выпросить у Храма разрешение? Иерия Филис не одобрит, тут даже просить нечего. Он уже понял, что жрица ему досталась каменная. Твердо верящая в то, что делает. А еще знающая, где именно пролегает черта дозволенного. И он ее пересек. Показал себя слабым. Разбитым. Да, таким он себя и чувствовал, но...

Теперь у него есть цель. Нужно вернуться. Доказать, что он готов снова воевать. И что не собирается помирать на этой войне. Конечно, ситуации бывают разные, но самоубиваться капитан не станет. Не теперь. Победа важнее. Точнее не сама победа, но поражение Этры. Да, это важно. Нужно лишь объяснить свои причины жрице. Так, чтобы она не продлила ему лечение, решив лечить от лишней агрессии...

Праздничный концерт в честь открытия Игр оказался чуть более оживленным, чем представление, но и он носил траурный оттенок. Оркестр, собранный из представителей всех двенадцати провинций и два месяца репетировавший слаженную игру, вместо гимна Киориса заиграл старый военный марш, заставивший подняться бывших военных. Лицо главнокомандующего, показанное в этот момент крупным планом, осталось бесстрастным, но Байон заметил складку меж бровей и болезненно натянувшуюся кожу на скулах.

Короткое выступление детского ансамбля, очень зрелищное и выверенное до вздоха, вместо радости вызвало приступ тоски. Невольно вспомнились дети, чьи родители погибли на предыдущей войне. И те, кто еще погибнут на грядущей. Не бывает воин без жертв. Голограмма показала обоих принцев, сидящих рядом. Икар хорошо играл непробужденного, но вот губы сжал чересчур уж плотно. Хотя, вряд ли кто-то еще обратил внимание...

Остальные номера также вызвали вовсе не ту реакцию, на которую рассчитывали организаторы. Но никто не назвал бы праздник испорченным. Нет, он лишь стал иным. Но все таким же объединяющим, как и раньше.

В самом конце императрица вновь взяла слово:

— Я поздравляю народ Киориса с открытием четыреста четвертых Игр. Я благодарна каждому за проявленное сострадание и великодушие. И я надеюсь, что ни одно испытание не сломит дух граждан Киориса. Сегодня на закате состоится официальная церемония прощания с принцессой Талией. И я приглашаю всех желающих разделить ее с нами. На центральной площади. Мы будем рады каждому.

Легкий гул снова прокатился по трибунам, и все присутствующие потянулись к выходам. В спину им снова раздался старинный марш, оркестр вовсе не торопился расходиться...

...Саша вытерла мокрое лицо подолом платья. Хорошо, что разрезы позволяли использовать кусочек не по прямому назначению. Да и ее ноги тут никому не интересны. Слезы, в общем-то, тоже. Нет, на нее поглядывали. С сочувствием. И пониманием. Но не лезли ни с вопросами, ни с советами. И хорошо.

Поплакала она вволю. Как-то вот очень уж пронзительными оказались, что песни, что музыка, что театральная постановка. Она и дома-то часто плакала над фильмами и сериалами. Пока Влад не начал ее высмеивать. При нем плакать стало как-то стыдно и неудобно. А теперь вот...

Саша глубоко вздохнула и испытала огромное облегчение. Будто все напряжение, скопившееся за сегодняшний день, или за целый месяц, ушло.

— Ты в порядке? — спросила Филис, коснувшись ее плеча.

— Да, — искренне ответила девушка, — я в порядке. Пойдем?

Ей еще нужно было встретиться с Клео. И... прийти на закате на площадь. Секундный порыв мгновенно превратился в уверенность. Да, она придет. Попрощается с принцессой. Так надо.

Жрицы двигались к выходу слаженно и неторопливо. А на улице потянулись к уже знакомым «автобусам», когда в толпу, как кошки в стаю голубей, вдруг ворвались несколько скутеров — электрических, но неувовимо похожих на земные мотоциклы. Кто-то закричал, кого-то толкнули, кто-то споткнулся и упал...

Филис схватила ее за руку и потянула за собой, обратно под защиту стадиона, но тут Сашу обхватили поперек талии и дернули. Ноги оторвались от земли. Она закричала, пытаясь вырваться, но железная рука не отпускала, утаскивая ее прочь. Жрица, не ослабляя хватку, невольно побежала следом, пока еще один водитель скутера не подхватил и ее тоже...

Глава 47

...Байон покинул стадион и невольно развернулся к выходу, прикрепленному к сектору жриц. Стоит ли поговорить с иерией Филис сейчас или подождать более удобного момента? Ноги уже несли его в нужном направлении, а в голове крутились подходящие фразы. Наверняка жрица спросит, будет ли он участвовать в церемонии. И ответа у него нет. Возможно, разговор лучше отложить до конца Игр.

Мужчина замедлил шаг и вовсе остановился. Обернулся, легко отыскав шпили дворца, где его возвращения ждал Арей. Приглашение императрицы они приняли и не пожалели. Кажется, всем стало только легче. А места там хватит еще для всего корпуса Охотников...

Раздавшиеся крики и шум заставили вздрогнуть и профессионально пригнуться,

одновременно сгибая ноги в коленях, чтобы сбить противнику прицел. Однако оказалось, что стрелять никто не собирается. Всего лишь похищает жриц...

Тело сработало раньше, чем разум. Уже спустя секунду Байон мчался к хищно кружащим скутерам, уносящим прочь пытающихся сопротивляться женщин. Вот одному преградил дорогу пассажирский катер. Второго сшиб в прыжке матерый ликос, следом за которым на преступника налетел охотник. Другим повезло больше. Один схватил завизжавшую альму в лиловом платье. В глаза бросилось знакомое лицо, а потом еще одно, когда следующий похититель подхватил жрицу. И оба, обогнув катера, пытающиеся создать заслон, устремились к космопорту.

Капитан понял, что не успеваает. Бросил взгляд в сторону стоянки, пытаясь отыскать подходящий транспорт. Происходящее перед стадионом его больше не интересовало. Охотники разберутся. А вот догнать похитителей необходимо. Нельзя, чтобы землянку, пробудившую Икара, увезли с планеты.

К счастью, подходящий вариант нашелся сразу. Мужчина сменил курс, перемахнул через невысокое ограждение, отделяющее парковку от пешеходной зоны, и напрямик побежал к спортивному скутеру, размахивая руками владельцу.

— В сторону! В сторону!

Хотел достать удостоверение космического флота, но вовремя понял, что отстранен. Впрочем, владелец скутера оказался понятливым. Отскочил от транспорта и без вопросов бросил ему ключ-карту.

— Удачи!

Байон поймал ключ, не сбавляя скорости. Запрыгнул на сидение, сунул карту в гнездо, дождался активации системы, на ходу одевая защитный шлем, и с места рванул следом за похитителями.

Когда-то он тренировался на более ранней модели, а потом они с Талией порой выбирались погонять по треку за городом. Поэтому управление было знакомо и понятно. Скутер ощущался продолжением тела и сразу же влился в поток мобилей на дороге. Система выдала предупреждение о превышении скорости, которое капитан проигнорировал, прокладывая самый короткий курс к космодрому.

У похитителей системы управления наверняка взломанные, без ненужных ограничений и оповещений, а вот железо, скорее всего, старое, судя по моделям. Значит, силы примерно равны. Осталось лишь подыскать место, где перехватить наглецов. Или догнать.

Общий поток мобилей, движущийся от стадиона, существенно замедлял движение. Скутеры, хоть и оснащенные антигравитационной подушкой, не могли подниматься над землей больше, чем на полтора метра, а с грузом и того меньше. То есть сверху обогнуть все препятствия не выйдет. Сам Байон маневрировал между мобилей под непрекращающийся гул сигналов и сдержанные ругательства. Большая часть водителей, видевшая похищенных женщин, старалась прижаться к обочине и не мешать. Многие наверняка сообщат Охотникам, а те должны предупредить космопорт, но, как показывал опыт, это не поможет.

Вот впереди мелькнуло сначала алое, а затем лиловое платье. Оба скрылись за поворотом. Капитан порадовался, что жрицы предпочитают яркую одежду. И что иерия Филис не бросила подопечную. Иначе ему пришлось бы куда сложнее. В нужный поворот он вписался с трудом, чиркнув дном скутера по защитному полю, откинувшему его на середину дороги. Ничего, так даже лучше. Мобили расступались, стараясь не мешать погоне, расстояние между ним и похитителями стало сокращаться. И им это явно не понравилось.

Последний обернулся, защитный шлем скрывал лицо, но Байон готов был поклясться, что заметил длинный, тонкий язык. Похититель отвернулся. И сделал то, что разрушило последние сомнения — выпустил из боков дополнительную пару конечностей, пробившую защитную куртку. Правое щупальце немедленно схватило бластер и, выгнувшись под невозможным для человека углом, начало стрелять.

Привыкший к военным столкновениям капитан легко увернулся. Все же глаз на затылке у шиитранца нет, что существенно мешает прицельной стрельбе. Вот только у других водителей его опыта не было. За спиной раздался грохот, но оборачиваться и проверять, что случилось нельзя. Оставалось только надеяться, что люди не покинули мобили, а система безопасности транспортных средств сможет справиться с угрозой.

Байон пригнулся еще ниже, стараясь максимально слиться с транспортом, и увел скутер вверх и вправо. Как обычно бывало в бою, разум полностью очистился. Осталась скорость. Помехи. Маневры. И цель. Вывернуть руль так, что бы оказаться под невероятным углом к земле и к защитному полю. Так выстрелы будут чаще поглощаться, чем попадать по мобилиям. Пострадавших будет меньше.

Шиитранец снова обернулся. Понял, что от назойливого преследователя так просто не избавиться и выбросил бластер с разряженной батареей. Тоже пригнулся, стараясь ускориться. Байон вернулся в нормальное положение, продолжая преследование. До космопорта оставалось меньше двух минут. Успеют ли передать запрет на взлеты всем кораблям? Главное не упустить этих двоих.

Он уже видел растрепанные волосы жрицы, перекинутой через колени похитителя, и ее бледное лицо. Хотел поднажать, но тут шиитранцы проскочили перекресток, а вот его там ждали... Еще один скутер вылетел прямо на киорийца. Тот с трудом успел вывернуть руль, уводя транспорт не в сторону, а вверх по привычке пилота. Дальше тело работало само. Выдернуть ключ-карту. Отпустить руль. Оттолкнуться ногами от скутера и спиной вперед влететь в защитное поле...

Ему повезло. Поле спружинило, гася инерцию падения, затем пропустило его сквозь себя, замедляя окончательно, и выплюнуло на мостовую под ноги к пешеходам. С нескольких сторон сразу же протянулись руки, которые помогли встать на ноги.

— Вы в порядке? Стоит вызвать гиатросов? — вежливо спросил непробужденный, не спеша уходить по своим делам.

— В порядке... — Байон пошатнулся и потряс головой, приходя в себя. Мышцы ныли от напряжения. Спина болела. Все же поле не могло полностью компенсировать воздействие. Но ему в любом случае повезло больше, чем шиитранцу, вылетевшему на перекресток. Инопланетянин не знал о свойствах защитного поля, влетел в него скутером, был возвращен обратно, и тут на него приземлился транспорт Байона. То, что осталось на дороге, больше походило на кашу, чем на живое существо. — Куда они?..

— Те двое с пленницами направились к космопорту. Судя по скорости, уже должны быть там, — ровно ответил мужчина.

Капитан кивнул ему и благодарно улыбнулся, хотя внутри все сжалось от бессилия и злости. Не успел. Если бы не проклятый шиитранец! На останки он посмотрел без капли сочувствия. А спустя пару мгновений со стороны космопорта в воздух на огромной скорости поднялся узкий, хищный корвет Эль-Сабы. Шиитранские корабли на Киорис не пускали, и тем приходилось искать лазейки. И заключать союзы. Теперь с Эль-Сабой. Замечательно...

Байон скрипнул зубами и отправил вызов Икару. Друг ответил сразу же:

— Что случилось? — о нападении на жрицу он наверняка слышал, но вот подробности не знал, что не помешало сделать верные выводы.

— Шиитранцы. Опять. Похитили иерюю Филис и... землянку. Я пытался их догнать, но меня перехватили в паре минут от космопорта. Их было много. Не знаю, сколько еще женщин они успели захватить. Корвет Эль-Сабы только что покинул порт.

Капитан докладывал максимально четко и коротко. В ответ некоторое время не доносилось ни звука. По спине капитана пробежали мурашки, а от раздавшегося голоса, волосы на голове зашевелились:

— Встретимся в космопорте. Через десять минут.

Икар отключился, а Байон еще некоторое время смотрел на коммуникатор. Затем выдохнул и направился в нужную сторону пешком. Кажется, его возвращение состоится даже раньше, чем он планировал...

...Все, что Саша запомнила из гонки — это мелькающее в полуметре от лица дорожное покрытие и ноги мужчины, упирающиеся в живот. Поэтому, когда ее внезапно швырнули на пол, девушка рефлекторно закрыла голову руками, перекатилась по земле и наконец-то вдохнула полной грудью. Аккуратно подняла голову, опасаясь увидеть оружие или похитителей, но оказалось, что их закинули в какой-то шлюз, который уже закрывался.

Рядом на полу села Филис, а кроме них здесь оказались еще две девушки, которые тут же бросились к жрице.

— Иерия Филис, что происходит? — испуганно спросила миловидная блондинка в персиковом платье, порванном на плече.

Пол неожиданно задрожал, как и стены, а потом их всех прижало к полу на несколько секунд. Давление быстро исчезло, зато появился легкий гул и вибрация.

— Нас похитили, — как-то слишком спокойно ответила жрица и оторвала от своей броши подвеску, сжала ее в кулаке, после чего отбросила куда-то в сторону. Тусклое освещение от подсветки вдоль стен не позволило рассмотреть, куда именно. — Никто не ранен?

Саша осторожно села и осмотрела себя. Кроме легкой тошноты и головной боли, все остальное ощущалось нормально. Девушки тоже осмотрели себя и синхронно покачали головами. Вторая альма — с черными короткими волосами и более смуглой кожей — оказалась из группы, в которой занималась Александра. Имя из головы вылетело, но лицо было знакомо.

— Снимайте коммуникаторы, — Филис подала пример, расстегивая свой. — В космосе они бесполезны.

— Космосе? — тупо переспросила Саша, следом за остальными нащупывая застёжку.

— Нас отвезут на шиитранский Базар — самый большой Базар во Вселенной, — с странной интонацией ответила жрица, забирая коммуникаторы и отбрасывая их в сторону выхода. — Я понимаю, что вам страшно. Вас к такому еще не готовили, но вы должны выучить и запомнить несколько правил поведения во время похищения...

Она говорила ровно и серьезно, а Саша снова ощутила себя так, будто проваливается в сон. Это же не может быть реальностью? Похищение. На Киорисе. Где безопасно и спокойно. Такого просто не может быть. Она уже хотел озвучить это, но тут Филис сжала ее запястье с неожиданной силой и заставила посмотреть ей в глаза.

— Нам нельзя впадать в панику. Нужно дышать. Медленно и ровно. С похитителями

буду разговаривать я. Вам нужно только молчать и ничему не удивляться. Нас не тронут, если мы будем правильно себя вести. Пожалуйста, не нужно ничего усложнять.

Вот теперь стало страшно. Внутренности словно завязались узлом. Ладони мгновенно заледенели и стали влажными. Зубы поневоле начали клацать. И отнюдь не от холода.

— А вас уже похищали, иерия? — тихо спросила брюнетка, побледневшая почти до синевы.

— Да. Это третий раз, когда я попаду на шиитранский Базар... — мрачно ответила Филлис.

И тут шлюз открылся, только теперь уже с другой стороны...

Глава 48

...По дороге до космопорта Байон пришел в себя и даже почти уложился в отведенное время. На месте уже работали охотники, с помощью ликосов разгоняя пассажиров, снятых с рейсов, на отдельные группы. Киорийцев почти сразу отпускали с неизменной просьбой вернуться домой и отложить поездку на несколько дней. Остальных задерживали до выяснения более полных данных.

Капитан передал карту-ключ от скутера свободному охотнику, предварительно переписав себе номер владельца. Стоимость транспорта придется возместить, а пока хозяину вернут хотя бы часть и объяснят, что случилось.

— Капитан Байон, — к нему подошел непробужденный в красной военной форме, — вас уже ждут. Пройдемте со мной.

— Конечно.

Мужчина мельком удивился такой быстрой организации Икара, но уже через несколько минут понял, что друг не имеет к происходящему никакого отношения. Его привели в главную диспетчерскую космопорта, где за пультами трудились рядовые сотрудники, а по центру молчаливым укором возвышался гран-коммандер Валирис.

В противовес сухощавому Иазону, он был высок и широкоплеч. С посеребренными временем висками и заметно поредевшими волосами на макушке. С руками, сцепленными за спиной в замок, и широко расставленными ногами. Он был старше главнокомандующего, но куда более энергичен и полон сил.

Байон уже хотел приветствовать старшего по званию как положено, но тот обернулся и вперил в него тяжелый взгляд темно-карих глаз. И на мгновение показалось, что он снова всего лишь курсант в Военной академии, а Валирис уже увешанный наградами ветеран, приехавший оценить новобранцев.

— Позвольте узнать, капитан, какого божественного демона вы вытворяли на дороге? — обманчиво-ласковым тоном поинтересовался гран-коммандер.

— Пытался предотвратить похищение жриц и альм, — осторожно ответил капитан, невольно вытягиваясь в полный рост и расправляя плечи.

— А вам не приходило в голову, что такой сценарий изначально являлся очень вероятным, и нами уже были разработаны меры по предотвращению, а также устранению возможных последствий?

— Никак нет, гран-коммандер. Насколько мне известно, шиитранцы уже давно не появлялись на территории Киориса, и их сегодняшнее...

— Вам известно то, что вам положено знать в соответствии с вашим званием! — громыхнул Валирис, позволив себе повысить голос лишь на полтона. Затем кашлянул и

выдохнул. — Ваши необдуманные действия, капитан, поставили под удар тщательно продуманный план, а также не позволили нам заблокировать корвет Эль-Сабы.

— Но...

— Полагаю, капитан, хочет узнать подробности инцидента не меньше моего, гран-коммандер. Не могли бы вы объяснить? — Икар вошел через противоположные двери и остановился между киорийцами, окинул обоих взглядом и кивнул в сторону мониторов. — Если вам требуется мой допуск, то соответствующее разрешение уже выдано главнокомандующим.

Друг выглядел, как и раньше. До пробуждения. Невозмутимым. Сдержанным. Холодным. Но напряжение угадывалось в линии плеч и слишком плотно сжатых губах.

Валирис смерил его столь же грозным взглядом, но все же развернулся к мониторам, выделенным для трансляции, и сделал знак подчиненному запустить запись.

— Мы заметили повышенную активность шиитранцев еще четыре месяца назад. Их кораблям запрещено посещать атмосферу Киориса, но, как вы знаете, отдельных пассажиров мы не трогаем.

Да, конфликт конфликтом, но какой смысл ссориться с целой расой торговцев, которые не гнушаются зарабатывать на любом товаре? К`Шиитра бедна ресурсами, и ее населению пришлось приспособиться, а затем отточить полученный навык до мастерства. Шиитранцы воровали, переделывали чужие технологии, дорабатывали, взламывали, продавали и перепродавали. Считалось, что на шиитранском Базаре можно купить что угодно. А если нельзя, то... этого не существует во Вселенной.

— Они начали прибывать разными рейсами и с разной периодичностью. Часть улетала, но некоторые оставались. Устраивались работать на фермы — там всегда нужны лишние руки, но не уезжали далеко от столицы. Сначала мы не придавали этому значения, пока один из аналитиков не вывел определенную закономерность. Шиитранцев всегда оставалась ровно треть от приезжающих, и некоторые из тех, что улетали, встречались по три, а то и четыре раза. И посещали примерно одни и те же места.

— Как вы определили маршрут их перемещений? — спросил принц.

Камеры на улицах позволяли охотникам быстро отслеживать происшествия, но шиитранцы все на одно лицо. Чтобы научиться различать их, требуется время. И особые приметы, которые те, как правило, прячут.

— По излучению. К`Шиитра более радиоактивна, чем Киорис, и все шиитранцы несут на себе ее отпечаток. Аналитик наложил след, который оставляют шиитранцы в каждый приезд, на карту, и сравнил. При удалении всех «постоянных» посетителей, выявилось то, о чем я уже сказал.

На мониторах отразились описанные данные. Бледный след, который не может навредить общей атмосфере и даже среднему здоровому киорийцу при тесном контакте, но, тем не менее, заметен в определенном спектре.

— Предположить, что именно затевают наши гости, а также то, когда они хотят устроить свое «мероприятие» оказалось несложно, — Валирис нахмурился и сжал губы, но тут же вернул себе невозмутимый вид. — Отменять Игры или переносить было нельзя, поэтому мы стали разрабатывать план-перехват. Благодаря излучению мы могли наблюдать за перемещениями шиитранцев, несколько раз запускали дронов-разветчиков. Двух они сняли. Рисковать дальше было опасно, и мы оставили их в покое, но усилили посты и стянули в город дополнительные силы. К вчерашнему дню в столице насчитывалось около

шестидесяти шиитранцев, а у нас имелись координаты места, которое они посещают чаще всего. Мы знали, что они нападут после открытия. Это логично. Оставалось только узнать, как именно они хотят вывести похищенных. На примете находилось несколько кораблей. В том числе корвет Эль-Сабы, но он прилетел только вчера и казался наименее вероятным вариантом. Есть еще транспортный корабль, ждущий груза фруктов на Нерою. Стоит уже пядь дней. Шиитранцы там появлялись. Беседовали с капитаном.

— Дополнительный путь отхода? — предположил Байон.

— Возможно, — сдержанно кивнул Валирис. — Скоро узнаем. Команду уже арестовали, сейчас начнут допрашивать. Еще экскурсионный маршрут до Пескара, что-то там с новыми экзотическими местами и «брось себе вызов — познай грани Вселенной». Задержался у нас по причине пустяковой поломки, но команда корабль не покидала, а пассажиров у них что-то не видно.

— Шестидесят шиитранцев и предположительно три корабля, — медленно проговорил Икар. — Не слишком масштабно для обычного похищения? Кажется, раньше они вели себя скромнее.

— Именно, — гран-командер подавил довольную усмешку. — Поэтому мы связались с нашим осведомителем на К`Шиитре, который поведал, что в ближайшее время ожидается некий грандиозный аукцион, который организует сам Великий Папа Базара.

Байон смог только сглотнуть. Как такового, правителя на К`Шиитре не было. Титул Великого Папы Базара переходил от одного успешного дельца к другому, порой в результате кровавых разборок, порой добровольно, порой по причине естественной смерти предыдущего носителя. Мелкие торговцы подчинялись ему беспрекословно. И только он обладал достаточными ресурсами, чтобы организовать столь масштабное похищение на Киорисе.

— Если бы капитан Байон не проявил столь вопиющую инициативу, мы бы дождались, пока похитители покажут нам все корабли-сообщники и накрыли бы их на взлете. Но вам удалось достаточно напугать шиитранцев, чтобы их пособники запаниковали и поспешили сбежать, не дожидаясь других. Корвет взлетел практически мгновенно и, признаюсь, неожиданно для нас. К тому же, в отличие от транспортника и экскурсионного судна, он вооружен и вряд ли бы подчинился приказу сдаться.

Да, наемники Эль-Сабы славились своим хладнокровием и пренебрежением к смерти. С них стало бы пойти на таран и угробить не только себя, но и пассажиров.

— Судя по вашим словам, гран-командер, корвету в любом случае удалось бы уйти, — отметил Икар. — Да, капитан Байон помешал вашему плану, и я понимаю вашу злость и раздражение, но не лучше ли, что в руках торговцев оказались лишь четыре женщины, а не, к примеру, десять?

Лицо Валириса неуловимо исказилось, он снова смерил Байона многообещающим взглядом, но все же кивнул.

— Вы правы, командер. Но сейчас мы ведем расследование вслепую. Пойманные шиитранцы, конечно же, будут допрошены, но не мне вам рассказывать, насколько они не любят разговаривать. Мы не видим всей картины, и это злит меня куда больше. Признаюсь честно, мы хотели позволить уйти одному из кораблей, чтобы затем узнать, ради кого Великий Папа затеял свой аукцион. Все же он — всего лишь посредник. Организатор. Торговец. Но нам нужно знать, от кого исходит реальная угроза. И кто в следующий раз может покуситься на мир и покой Киориса.

— Я понимаю вашу мотивацию, гран-командер, — тихо и аккуратно продолжил разговор принц. — Полагаю сейчас мы можем именно так и поступить. Корвет отправится на К`Шиитру, мы проследим за ним. Дождемся аукциона, а там выкупим женщин обратно, как и раньше.

— Боюсь, все несколько осложнится, — снова нахмурился Валирис. — Когда речь идет о десяти жрицах — это один разговор, когда же лишь о четырех, и три из них всего лишь ученицы... Я опасаясь, что перекупить их будет непросто. Скорее всего, они попадут на закрытую часть аукциона, а туда у нашего посредника нет допуска.

Чем больше Байон слушал, тем больше понимал, что своим вмешательством скорее навредил, чем помог. А ведь им столько раз твердили на занятиях, что гражданским не следует вмешиваться в проведение военных операций. Даже в задержание, организуемое охотниками. И он все равно полез. Решил, что достаточно восстановился. Сглупил...

Мужчина закрыл лицо рукой и сдвинул переносицу, пытаясь снять напряжение.

— Мы попробуем, — тихо и твердо сказал Икар, заставляя его вернуться в реальность. — Свяжитесь с вашим посредником, передайте, что линкор «Фотис» прибывает на К`Шиитру через пару дней.

— Простите, командер, но я не могу...

— Можете, — глухо перебил принц и заглянул в глаза Валирису. — Я знаю, что главнокомандующий готовил вас как приемника. И уважаю ваш опыт, а также талант и награды. Но сейчас вы передадите мне ответственность за спасение похищенных женщин.

— При всем моем уважении, командер Искарис, но вы уверены, что вашим поведением сейчас руководит не личный интерес, но лишь разум и желание блага? — вернулся к опасно-ласковому тону гран-командер.

— Мной руководит долг. И ноша Птолемея, которая теперь ложится в первую очередь на мои плечи.

Еще несколько мгновений мужчины смотрели друг другу в глаза, но затем Валирис кивнул.

— Я передам вам все материалы. Удачи, командер.

Глава 49

...Дверь шлюза плавно отъехала в сторону, пропуская несколько вооруженных мужчин. Двое из них точно были похитителями, судя по одежде. У одного Саша заметила дыры на куртке, в которые просвечивала серовато-коричневая кожа. Лица обоих скрывали шлемы. А вот между ними и чуть впереди располагался незнакомец. С желтоватой кожей, плотно обтягивающей череп, безгубым ртом, глазами-щелками с вертикальными зрачками непонятого оттенка. Он был одет в подобие комбинезона с какими-то нашивками на груди.

При виде гостей, а точнее хозяев корабля, Филис грациозно поднялась с пола и чуть склонила голову в знак приветствия. Обе альмы и Саша постарались повторить ее жест.

— Да будут дни твои наполнены Светом и Теплом, достопочтенный владелец сего прекрасного судна, — произнесла жрица, глядя на центрального мужчину из-под ресниц.

Тот издал странный звук, напоминающий пощелкивание, между губ мелькнул тонкий, раздвоенный язык, а затем раздался шелестящий голос:

— Хорошшо говоришшь, жрица. Я много ссслышшшал о жрицах ссс Киорисса, но вижу первый разсс... У нассс заказсс... Досставим вассс на К`Шиитру. Быссстро. Будем кормить. Оберегать. Есссли не будет проблем. Иначе...

Он выразительно провел когтем четырехпалой руки по горлу. Саша замерла, рядом громко всхлипнула блондинка, но другая альма тут же взяла ее за руку.

— Мы понимаем свое положение, достопочтенный, и не станем создавать проблемы. Но могу ли я попросить разместить нас всех вместе? Девушки совсем юны и могут испугаться, если нас разделят. А страх порой затмевает разум...

В ответ снова раздался щелкающий звук, а затем мужчина кивнул.

— Хорошшо проссишшь, жрица. Вассс размесстят вмессте... Но ты отвечаешшь за ссвоих учениц.

— Благодарю, достопочтенный.

Филис неспешно поклонилась, сгибаясь в поясе, и девушки механически постарались повторить за ней. Затем их слабо освещенными коридорами проводили куда-то вглубь корабля и оставили в небольшой каюте с четырьмя узкими койками и без единого иллюминатора. Еще одна дверка вела в крохотный санузел, что позволило немного выдохнуть от облегчения. Саша даже представить боялась, что им придется обратиться к охране с просьбой проводить в туалет.

Она почти упала на ближайшую койку, на противоположную опустились альмы, блондинка уже тихонько всхлипывала и тяжело дышала. Филис села рядом с ней и обняла, положив ее голову себе на плечо.

— Что с нами будет? — тихо спросила брюнетка. — На Базаре? Что там делают?

— Продают, — коротко и глухо ответила жрица. — Жрицы с Киориса считаются экзотикой. Всегда найдутся желающие приобрести себе одну в гарем. Даже среди Эль-Сабцев.

— Змеелюды? — придушенно пискнула брюнетка, приобретая уже зеленоватый оттенок.

А Саша вдруг поняла, что совершенно не испытывает паники. Точнее ей страшно. Конечно, страшно. Но сама ситуация... Незнакомый корабль, полет в космосе. Инопланетяне. Видимо ее мозг воспринимал происходящее как нечто само собой разумеющееся и уже привычное. По крайней мере, их не били, не кричали и даже выделили приемлемые условия. Главное, чтобы еще кормили, а там... Их же спасут, да?

— Многие расы заводят себе гаремы. И аукционы на Базаре проходят часто, но в последние годы Киорис не трогали. Совет Безопасности и входящие в него миры провели жесткую экономическую политику против К`Шиитры, что заставило их пересмотреть свои предпочтения. Уже десять лет я ничего не слышала о похищениях...

— Ты говорила, что это уже третий раз... — осторожно отметила Александра, стараясь дышать медленно и ровно. Воздух на корабле был влажный и теплый. Если не сказать больше. В каюте становилось душно.

— Первый раз меня похитили еще альмой. Меня и других девушек. С нами попала наставница Кинтия. К счастью... Без нее, боюсь, мы бы натворили много глупостей. Тогда нас перевозили на шиитранском корабле. В грузовом отсеке. Как товар. Кормили два раза в день. Помыться разрешили только перед прилетом. Для сна выделили тонкие матрасы. Сам аукцион я помню плохо. Вот подготовка к нему была куда интереснее, — мрачно сверкнувшие глаза Филис сказали больше, чем слова. А Саше вспомнились давно прочитанные приключения Анжелики... Желудок свернулся в тяжелый ком, а по спине прошел озноб.

— Как же вы вернулись на Киорис? — тихо спросила брюнетка.

— Мне повезло. Торговец, купивший меня и еще одну девушку, затем перепродал нас на Киорис, — заметив удивленно вытянувшееся лицо землянки, она пояснила: — На К`Шиитре каждый может купить то, что хочет. Похищение наделало много шума. Многих девушек тогда почти сразу выкупили обратно и вернули домой.

— А остальных?..

— Кого-то удалось выкрасть, но повезло не всем. Одна альма из моей группы погибла при попытке побега. А наставницу Кинтию забрали на закрытый аукцион для богачей. Больше я ее не видела.

Сердце ухнуло куда-то вниз, а в горле пересохло. Вот теперь страшно стало по-настоящему.

— Второй раз я попала к похитителям случайно. Защищала девочек. Не хотела, чтобы кто-то из них оказался в их лапах. В итоге забрали меня, Доркас и еще всего пару молодых жриц. Тогда нам повезло больше. Союзный корабль попал в поток метеоров и вынужденно совершил посадку на К`Шиитре, чтобы провести ремонт. Его капитан услышал о проведении аукциона с участием киориек и выкупил всех нас еще до его начала. Не знаю, каких сил и связей ему это стоило, но уже через пару дней нас передали военному флоту Киориса и вернули домой. Можно сказать, отделались легким испугом.

Такое везение им вряд ли светит. Оно и случается-то всего раз в жизни. А свое Саша уже точно израсходовала. Значит... Их продадут?

Блондинка постепенно успокоилась и ушла в санузел привести себя в порядок. Филис успокаивающе погладила по плечу брюнетку и пересела к Александре. Сжала ее запястье, склонилась к самому уху и зашептала.

— Ничему не удивляйся. Пока они считают тебя альмой, все хорошо. Но если узнают, что ты с Земли. Редкий товар. Штучный. Понимаешь?

Саша заглянула в глаза жрицы и медленно кивнула. Она понимала. Очень хорошо понимала. А еще категорически не хотела быть редким товаром. Уж лучше обычной альмой. Главное не выдать себя какой-нибудь мелочью.

— Молчи и повторяй за остальными, — продолжила Филис. — У тебя хорошо получается. Эль-Сабцы плохо понимают акценты киорийского. Если возникнут вопросы, я скажу, что ты из дальней провинции. Девушки не знают подробности твоей истории, они не выдадут.

— А Эль-Сабцы — кто они? — решила спросить землянка.

— Наемники, — ответила брюнетка. — Отец рассказывал, что они берутся за любой заказ. Убить, перевезти, сопроводить. Они не знают жалости или пощады. Хладнокровны. А еще очень живучи. У них на планете самки выбирают себе самого сильного самца, чтобы завести потомство. И чтобы доказать им свою состоятельность Эль-Сабцы уходят в космос и воюют, а потом привозят с собой доказательства своей состоятельности. Драгоценности. Редкие металлы. Ткани. Все, что угодно. Видела у капитана нашивки на груди? Это опознавательные знаки кораблей, которые он уничтожил.

— А после заведения потомства они остаются на планете?

— Нет. Самки воспитывают детенышей с другим видом самцов. Нянями. Они заботливые, крупные и неагрессивные. Выполняют роль прислуги. Заботятся о самках и потомстве. Воспитывают детенышей, пока те не подрастают. Потом мальчики уходят к отцам, а девочки — к матерям. Самки у них тоже довольно агрессивные. Но еще мудрые. Они правят планетой. Эль-Сабцы не уважают женщин других рас. Только тех, кто может

дать им отпор.

А если не уважают, значит, могут убить. Или... все, что угодно. Их ведь ничего не сдерживает. А в гарем они женщин покупают ради той же экзотики. Беречь не обязательно. Поигрался и сломал. Случайно...

Саша обхватила себя руками за плечи и закрыла глаза. С тихим шипением открылась дверь в санузел. Альмы пересели на дальнюю койку и о чем-то зашептались. Филис застыла рядом, погрузившись в собственные мысли. А девушка отчаянно пыталась проснуться. Хватит с нее приключений. Она уже насмотрелась и на другие миры, и на звездно небо, и на инопланетян. Верните ее уже кто-нибудь на Землю. В тишину и безопасность.

Однако проснуться не получилось. Примерно через час им принесли поесть. Какую-то странного вида и вкуса смесь, от которой желудок попытался свернуться в комок, и воду. Филис заставила всех съесть хотя бы по несколько ложек, убеждая, что лучше иметь силы, чем ослабнуть от голода.

Затем девушки разошлись по кроватям. Саше досталась у стены справа от входа. Матрас был жестким, подушка немногим лучше, а укрываться полагалось тонкой серооливковой простыней. Освещение убавилось почти до минимума. В темноте светился лишь контур входной двери и санузла.

Мышцы ныли от усталости и неудобства транспортировки в космопорт. Наверняка завтра на коже проступят синяки. Спать не хотелось. Мозг оставался предельно ясным, и в нем начали мелькать смутные воспоминания о похищении.

— Филис! — тихо позвала Саша, повернувшись к жрице, занявшей место у самой двери. Та спокойно повернулась к ней, и в темноте удалось разглядеть блеснувшие глаза.

— За нами кто-то гнался. На Киорисе. Как ты думаешь, нас спасут?

Она понимала как жалко и глупо звучит ее вопрос, но лежать в тишине и темноте было страшнее.

— Я надеюсь. Мы ничего не можем сделать, кроме как не создавать проблем похитителям. Если будем вести себя спокойно, доберемся до К`Шиитры. А там будет видно...

Саша вздохнула и легла на спину. Еще никогда в жизни ей так не хотелось оказаться героиней какого-нибудь глупого романа, которую всегда спасает прекрасный принц...

...Через час после отбоя, когда свечение стало едва заметным, а дыхание всех девушек выровнялось, Филис все еще продолжала лежать и смотреть в темноту. Она не знала, что ждет их на К`Шиитре в этот раз. Не знала, кто из торговцев заказал похищение, но прекрасно понимала, что десятилетний перерыв, гибель принцессы и неожиданный выпад шиитранцев — вовсе не совпадение. Тот, кто осмелился организовать похищение, понимал все риски. И значит, плата их покрывала. Или же предполагалось, что возмездие не последует. Ей оставалось только надеяться, что маячок, оставленный в шлюзе, успел сработать и теперь посылает их координаты на частоте, известной только Киорису. Главное, чтобы их было, кому искать. И чтобы капитан Байон не сильно пострадал в той гонке...

Глава 50

...Икар продержался до линкора. И, только оказавшись на своей территории, за дверями каюты, позволил эмоциям взять верх. Кулак впечатался в стену с такой силой, что осталась вмятина. А сам принц согнулся, тяжело дыша, словно после долгого бега.

Байон едва слышно вздохнул и сжал плечо друга.

— Прости, что не смог их остановить.

Икар покачал головой, медленно выпрямляясь. Уперся лбом в стену.

— Я не понимаю... Внутри как будто все дрожит. Скручивает. Голова кажется слишком легкой. Все будто в тумане, а виски пульсируют... Мне хочется бежать. Быстрее линкора. А еще... убивать.

— Я понимаю. Ты напуган. И злишься. А еще чувствуешь полное бессилие, потому что сейчас от тебя ничего не зависит.

— Я не думал, что страх может быть таким...

— Изнуряющим? Всеобъемлющим? Пожирающим изнутри?

— Да, — плечо под пальцами обмякло, будто из него выдернули все кости. — Как ты...?

— Я знаю. Просто поверь, я знаю. И переживал это не раз. Со временем привыкаешь. Учишься контролировать. Понимать, что собственное бессилие не значит, что ситуация повернется плохо. Есть другие участники, обстоятельства, неучтенные факторы. На самом деле, даже если ты думаешь, что все под контролем и идет правильно, ты ошибаешься. Раньше ты бы оставался спокоен, потому что у тебя уже есть примерный план действий. И ситуация случилась не впервые. Но теперь ты пробудился. И эмоции тебя оглушают...

Икар медленно обернулся и прислонился к стене уже спиной. Сейчас ему нужна опора. Любая. И Байон без колебаний отбросил все личные тревоги в сторону.

— Я не представляю, как ты с этим жил столько времени. Талия... она ведь никогда не оставалась в стороне. Даже я волновался за нее. Думал, что волновался. И Креон... Мама... Но ты. Ты же видел и даже участвовал. Как ты не сошел с ума?

Капитан криво улыбнулся, испытывая уже привычную ноющую боль в груди.

— Я в нее верил... В то, что она справится. Сможет. И у нее получалось. Она всегда оценивала риски. Понимала, с чем сможет справиться, а с чем нет. Доверие — не слепая вера. Доверие — это уверенность в том, что ты знаешь другого человека так же хорошо, как и он себя. Когда доверия нет, остается лишь слепой страх. И даже ужас. Желание защищать вопреки всему. Но такой страх ограничивает чужую свободу.

Принц успокаивался. Медленно. К побелевшей коже возвращались краски, дыхание становилось ровнее. Но в глазах плескался страх и напряжение.

— Она ничего не знает о других расах. Говорит на киорийском с акцентом. Мало знает о нашей культуре. Если они поймут, что Александра — землянка...

— С ней иерия Филис, — с нажимом проговорил Байон. — И еще две альмы. Жрица справится. Уверен, она найдет способ сделать так, чтобы похитители ничего не поняли. Если не веришь землянке, поверь хотя бы ей. В ее разумности сомнений нет?

Икар сделал глубокий вдох. Затем еще один и очень медленно выдохнул, закрыв глаза.

— Я верю тебе. И жрице. И... Александре, — с каждым словом его голос звучал увереннее. — Она показала себя достаточно разумной. Напуганной, но страх будет выглядеть нормальным в таких условиях. В остальном она достаточно быстро адаптировалась к новым условиям. Она... справится.

— Хорошо. А теперь просто совет — когда линкор взлетит, и у тебя появится время, загляни в тренировочный зал. Гнев плохо сочетается со страхом. От него лучше избавиться, и как можно скорее. Когда корабль прибудет на К`Шиитру, тебе понадобится холодный разум и минимум эмоций. Понимаешь?

Они встретились взглядами. В зеленых глазах принца медленно таял страх, уходя в глубину. Но вот гнев — огонь Птолемея, как его называли в сказках — остался. И потушить его будет куда сложнее.

— Я понимаю. Пойдем в рубку. Нужно собираться в полет.

В рубке все было как раньше. Свободное пространство по центру. Пульты управления по бокам и место пилотов у главного иллюминатора. Байон с грустью бросил взгляд на пустующее среднее кресло и сделал шаг к левому, но тут же остановился. Он все еще был отстранен.

— Доложить о готовности линкора, — коротко бросил командер, привычно прячась за маской бесчувствия.

— Все системы готовы. За время простоя завершен ремонт обшивки и щитов, проведена проверка и настройка ядра, — коротко доложила главный инженер.

— Орудия обновлены. Экипаж укомплектован новой группой быстрого реагирования. Боевые катера в ячейках, — присоединился к ней Окинос — новый капитан группы. В Военной академии он учился на пару курсов младше, и они редко пересекались, но характеристику ему дали отличную. Байон помнил его документы, когда Талия подбирала себе замену.

— Командер, у нас не хватает медиков, — вступил связист. — Гиатрос Лезариус сейчас находится в отпуске, а никого на замену нам пока не прислали. Никто не ожидал, что вылет будет сегодня.

— Так свяжитесь с центром гиатросов, запросите любого с подходящей квалификацией для работы в космосе.

— Уже связались, но в столице сейчас чрезвычайное происшествие, почти все находятся на вызовах.

— Возьмите меня, — глубокий, четкий голос заставил всех обернуться.

Доркас в обществе кого-то из рядовых инженеров, показавших ей дорогу, стояла в дверях. Волосы у нее растрепались, платье висело тряпкой, а сандалии потерялись, но глаза горели едва ли не потусторонним огнем.

— Гиатрос Доркас. Специализация — травматолог. Состою на службе при Храме, но моя квалификация позволяет работать в космосе. Можете сделать запрос личного дела, — она протянула карточку-удостоверение, которую принял связист после отрывистого кивка Икара.

— Гиатрос, вы понимаете, куда мы летим? — прямо спросил принц.

В ответ женщина скрестила руки на груди и усмехнулась.

— Поверьте, командер, я знаю это куда лучше вас, как и то, что нас там ожидает. Я видела жертв похищений. И я смогу оказать им помощь.

— Командер, — тихо позвал связист, и Икар заглянул в монитор ему через плечо.

Байон невольно шагнул следом. Ему хватило короткого беглого взгляда, чтобы понять, что насторожило молодого инженера. После чего он посмотрел на женщину уже иначе. А вот принц кивнул.

— Вы приняты, и надеюсь, вы сможете справиться с эмоциями, когда придет время.

— Благодарю, командер. Я вас не подведу.

Она тряхнула головой, еще больше растрепав черную косу, и ушла. Капитан кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мне тоже остаться или...?

Заменить гиатроса просто, они не являются военнообязанными и, при наличии квалификации, допускаются на борт корабля по слову старшего по званию, а вот находящиеся в отставке...

— Свяжите меня с главнокомандующим, — приказал Икар.

...Разговор с дядей вышел коротким. Сегодня Икар не был настроен на длинные пространные беседы и прямо затребовал допуск для Байона. Сначала Иазон-старший отказал. Но затем, под напором аргументов, сдался. Выглядел он еще хуже, чем при их последней встрече. Принц уже не сомневался, что, несмотря на все решения, к концу Игр именно Валирис займет место главнокомандующего. Его убедить в чем-то будет не так просто, но у тети и кузена хотя бы появится время попрощаться.

Разрешение на взлет они получили быстро. Он провел корабль через слои атмосферы, заложил нужный курс и передал управление, точнее наблюдение за автопилотом, Байону. Тот едва успел переодеться в форму. И выглядел в ней до того привычно, что показалось, будто сейчас в рубку быстрой походкой ворвется Талия и спросит, что она пропустила.

Неожиданная боль опалила кипятком по внутренностям. Заставила сжать зубы. Почему сейчас? Он постарался отогнать ненужные мысли, но их уже прервал связист.

— Коммандер, мы засекли сигнал маячка. Наш. Киорийский. Слабый.

— Храмовый? — уточнил Икар, испытывая странную слабость в коленях.

Пришлось опереться о кресло, чтобы устоять на ногах.

— Скорее всего. Судя по траектории, движется почти нашим курсом. Ушел уже далеко, но мы можем сократить дистанцию.

— Ускоримся? — спросил Байон, развернувшись в кресле.

Соблазн был велик. Ускориться. Догнать корвет. Забрать пленниц... Вот только таран никто не отменял. Как и упрямство Эль-Сабцев. Шиитранцы выбрали идеального перевозчика и наверняка учли то, что киорийцы не станут рисковать пленницами.

— Скорректируй курс относительно сигнала. Нужно приблизиться, но затем сохранять приемлемое расстояние, чтобы они нас не засекли. Проводим их до К`Шиитры, а там ориентируемся по ситуации.

— Есть, коммандер.

Работа закипела, а он покинул рубку и, почти ничего не видя, направился по коридору. В общем зале его перехватила Доркас, также успевшая переодеться и переплести косу.

— Коммандер, позвольте пригласить вас в медотсек, — она настойчиво заступила ему дорогу.

— Зачем?

— Обработать ваш ушиб, — женщина взглядом указала на его ладонь, которая, как оказалось, немного распухла и начала болеть. Странно. Он даже не заметил. — Полагаю, вы получили его из-за спешки во время подготовки к полету.

По глазам принц понял, что она знает. Все знает. Отпираться бесполезно. Как и делать вид, что он ничего не понимает. Поэтому Икар кивнул и позволил сопроводить себя в медицинский блок. А уже там, сидя на кушетке, решил задать вопрос:

— Вас направила иерия Элпис?

— Верховная жрица не может мне приказывать. Но ее пожелание совпало с моим стремлением. Вы видели мое личное дело. Мы с Филис уже попадали к шиитранцам. Тогда

нам повезло. И я очень хочу, чтобы повезло еще раз. Но, помимо моих личных эмоций, я знаю о вашем состоянии. И капитана Байона. Поэтому из всех возможных гиатросов смогу быть наиболее эффективной. А на случай ваших сомнений я также заручилась одобрением гиатроса Лезариуса моей кандидатуры.

— Почему же сразу не сказали?

— Не пришлось, — она лишь на мгновение отвлеклась от работы, бросив на него короткий взгляд. — Вы быстро согласились. С одной стороны я рада, но с другой... Сейчас вам нужно лучше себя контролировать, командер. Иначе вы можете навредить не только себе, но и пленницам.

— Я вас услышал, гиатрос...

Глава 51

...Время на корабле ощущалось странно. Искусственное освещение, отсутствие иллюминаторов, возможности читать, слушать музыку или смотреть фильмы. Это путешествие серьезно отличалось от полета на Киорис. И теперь Саша понимала, что такое настоящее похищение и ограничения. Если бы не Филис, они все точно сошли бы с ума.

Жрица заставляли их вставать каждое утро,правлять постели, приводить себя в порядок, делать зарядку из комплекса упражнений, возможных в тесном пространстве. Завтракать. Заплетать друг другу косы. Говорить. Медитировать после обеда. Делать дыхательную гимнастику. Она рассказывала по памяти некоторые разделы истории и искусства Киориса, задавала вопросы, интересовалась жизнью девушек до прихода в Храм, и делала это столь умело, что даже Саша могла что-то рассказать о себе, не вызвав подозрений.

Светловолосую альму звали Хлоя, ее родители занимались фермерством, она посещала школу вместе с другими детьми фермеров, но с детства хотела увидеть столицу. После окончания школы они с подругами вместе отправились в большой город. Тогда Хлоя впервые пришла в Храм, а уйти уже не смогла.

— В холле играла музыка. Вы ее слышали? Музыка неба. Я стояла там и слушала, а ноги словно приросли к полу. Тогда я поняла, что хочу остаться. Хочу понять, откуда и как берется эта музыка. Самая прекрасная на свете... Я так хотела бы услышать ее снова.

Вторая, Танис, провела детство на Эль-Сабе, поэтому так много знала о змеелюдах. Ее мать была посланцем Киориса и только пять лет назад вернулась домой вместе со всей семьей. Танис получала образование дома и мало с кем общалась кроме своей семьи. Ей сложно было привыкнуть к Киорису, и жрица, к которой обратились родители за советом, порекомендовала пройти обучение в Храме. Для лучшей адаптации и развития.

— Мой младший брат — непробужденный. Он быстрее привык, адаптировался к расписанию и, наверное, даже не заметил переезд. А мне все казалось каким-то чужим. Знакомым, но чужим... Мама переживала. А я решила, что Храм — не такая уж плохая альтернатива. На Эль-Сабе мы мало с кем общались, а здесь... целый мир. Такой огромный. Храм казался маленьким уютным островком, где можно спрятаться и побыть в безопасности. Я хочу вернуться туда...

В день прилета — Филис точно знала, сколько времени занимает полет до К`Шиитры, и никакие приборы ей не были нужны — жрица рассказала, к чему стоит готовиться и как проходит торг.

— Постарайтесь оставаться спокойными. И не поддавайтесь на провокации. К`Шиитра

не Киорис. Вы не сможете здесь выжить в одиночку или найти сердобольного прохожего. Не говоря уже о том, что охрана не станет с вами церемониться. Медицинское оборудование здесь хорошее...

Когда она говорила, лицо у нее становилось таким, что вопросы застыли у Александры на языке. Хлоя и Танис тоже молчали. К концу путешествия они все поняли одно — сопротивление доставит им только больше проблем, чем пользы. Чем тише и спокойнее себя ведешь, тем меньше на тебя обращают внимание. Им нужно ждать. Киорис не оставит происшествие без внимания, их обязательно найдут и вернут домой. В лучшем случае — до торга.

Спокойный и решительный настрой сохранялся только до посадки...

...Их снова проводили в шлюз, что использовался при похищении. Оттуда пересадили в катер, подогнанный почти вплотную. Женщины едва успели глотнуть воздуха и сразу же пожалеть об этом — атмосфера К`Шиитры была загрязнена настолько, что горло будто полоснуло наждачкой. На катер они зашли кашляющие, со слезящимися глазами и ничего не успев увидеть и осознать. Дальше события понеслись еще быстрее...

Катер с тонированными стеклами промчался по пыльным улицам куда-то на другой конец города, где их высадили, или скорее выгрузили и сразу же впихнули в помещение, узнаваемо пахнущее антисептиком и напичканное оборудованием.

— Раздевайтесь, — под ноги швырнули пустую коробку, — одежду кладите туда. Одевайте это, — сверху на коробку упали четыре свободные медицинские рубашки. — Затем по одной в камеру диагностики.

Механический голос и странное существо с серовато-коричневой кожей в белом комбинезоне. Лица в общем понимании у него не было. Только глаза, словно затянутые пленкой, прорези вместо носа и щель рта. Совершенно лысый череп. И треугольные, торчащие уши.

Пока Саша и другие девушки пытались прийти в себя от первого впечатления, Филис спокойно сбросила с себя алое одеяние, подхватила рубашку и шагнула к местному врачу.

— Я готова, — тот окинул ее равнодушным взглядом и указал на ближайший к нему агрегат, похожий на холодильник с прозрачной крышкой.

Жрица невозмутимо шагнула внутрь, а альмы отмерли и, наконец, начали раздеваться. Саша последовала их примеру.

Процедура не заняла много времени и оказалась совершенно безболезненной. Пара минут в камере, попискивание мониторов и свобода. Что изучал врач, осталось загадкой, он лишь посмотрел на мониторы, что-то зафиксировал и махнул рукой в сторону противоположной двери.

— Вам туда.

Прежде, чем покинуть смотровую, Саша обернулась. В голове мелькнула слабая мысль, что противник у них всего один, а их четверо и если...

Филис молча взяла ее за руку и развернула лицом в угол комнаты, где под потолком мерцал красный огонек камеры. Глупости из головы сразу же вылетели.

В следующей комнате их обступили уже женские особи. Не более симпатичные на лица, но с округлыми фигурами и почти без одежды. Их тела прикрывали лишь по две повязки вокруг груди и бедер, ноги и руки украшали браслеты. Одна осталась стоять в центре комнаты, отдавая указания, а остальные, подчиняясь ей, потащили девушек в стороны.

— Светлой промыть волосы и сделать прическу. Рыжую на массажный стол. Темных мыть. И быстрее, у нас мало времени.

— Почему мало времени? — успела пискнуть Саша, пока с нее стаскивали рубашку и закидывали в просторную ванну-джакузи.

Девушки не ответили, лишь покосились на нее и быстро принялись за работу, которую делали уже явно не первый раз.

Наверное, в любом другом случае, это напоминало бы поход в спа-салон. Скрабы. Натирания. Обертывания. Масла для кожи. Волос. Лица. Маникюр и педикюр инопланетными средствами. Массаж. Эпиляция во всех возможных местах кроме головы. Все делалось быстро и совершенно безболезненно, но в какой-то момент Саша перестала чувствовать себя человеком. Живым существом. Она превратилась в предмет, который этим женщинам нужно довести до какого-то одним им известного идеала. Превратить алмаз в бриллиант, при этом напрочь игнорируя мнение самого алмаза.

Ей захотелось закричать. Привлечь к себе внимание. Начать сопротивляться, но тут на глаза попала Филис. Жрица принимала все происходящее с каменным выражением лица. Ее глаза ничего не выражали. Она полностью погрузилась в себя и думала о чем-то другом. Сразу же вспомнилось то, что она говорила на корабле:

— Представьте себе место, где вы в безопасности. Где вам никто не мешает. Где царит любимая вами атмосфера. Где все вещи вам знакомы. Задержитесь сознанием в этом месте. Осмотрите предметы. Запомните их. Постарайтесь представить, какие они на ощупь. Вспомните запахи. Звуки. Заставьте это место ожить. И запомните его именно таким, чтобы снова вернуться.

Ежедневная медитация. Еще одна подготовка. Саша закрыла глаза, расслабляясь и позволяя разуму сбежать туда, где ее никто не тронет. В сад вокруг Храма. К пруду. В беседку, увитую лозами какого-то растения. На скамейку. Под лучи солнца. Прикосновение... Она бы хотела коснуться Икара. И сейчас остро пожалела, что сбежала тогда. Ведь иначе, ей было бы, что вспомнить сейчас. Чтобы забыться. Ни одна фантазия не сравнится с реальностью. Жаль, что ей приходится лишь представлять...

...Она вынырнула из мечтаний, стоя перед зеркалом, занимающим добрую половину стены. Из одежды на ней остался белый топ с широкими бретелями и золотыми вставками на груди, а еще нечто отдаленно напоминающее юбку — повязка вокруг талии, от которой спереди и сзади спускалось по куску ткани, оставляя ноги полностью обнаженными. А уж то, что находилось под «юбкой», можно было назвать бельем лишь с очень большим натягом. Тонкие золотые цепочки, соединенные между собой, почти невесомые, но при этом задевающие такие места, что становилось неудобно. Хотелось сжать ноги и вообще снять все это непотребство. Кажется, голой она выглядела бы приличнее.

Похожие костюмы одели и на других альм. У всех белого цвета. Лишь Филис нарядили в полупрозрачную бесформенную алую ткань, несколькими слоями закрывающую тело. Прически всем сделали одинаковые — собранные на затылке пучки. Только Хлое оставили несколько прядей вдоль лица, а Танис украсили цветами, стараясь скрыть длину волос. Ноги оставили босыми. Пока это не доставляло неудобств — пол оказался теплым и шершавым — не поскользнёшься, но что будет потом?

— Они хотят, чтобы мы не смогли убежать, — шепнула Танис, подкрашенными губами. Видеть ее с профессионально нанесенным макияжем оказалось настолько непривычно,

что Саша лишь теперь осознала — на Киорисе она не видела ни одну ярко покрашенную женщину. Каждая подчеркивала свою индивидуальность, но не так. Внутри что-то сжалось. Она перевела взгляд на себя. Да, ее сделали красивой. Картинкой. Идеалом. Сексуальным манящим образом, призванным выманивать деньги.

— Боже, какая мерзость...

Она отвернулась от зеркала, ощущая тошноту. Ноги стали ватными, а в голове зашумело. Она приложила руки к голому животу, пытаясь успокоить желудок. Вокруг сразу же засуетились прислужницы, что-то загомонили между собой. Она не слышала. Ей хотелось сбежать отсюда. Спрятаться. Забиться в угол. Как раньше. От Влада. От... всего.

Воздух с всхлипами срывался с губ. Шум в ушах нарастал. Она хотела закрыть их, но кто-то перехватил ее руки, не давая испортить прическу. А потом прямо перед глазами оказалось лицо Филис. Прохладные пальцы легли на виски. Сдавили.

— Дыши. Слышишь? Дыши. Просто дыши. Вместе со мной. Дыши, — первый вдох дался тяжело. В груди все клокотало. — Я понимаю, тебе страшно. Это нормально. И злиться тоже нормально. Я знаю, чего ты хочешь. Я все понимаю. Но сейчас нам нельзя. Нельзя срываться. Если ты начнешь сопротивляться, тебя закроют в карцере. И тогда мы не будем знать, где ты. Понимаешь?

— Да...

Саша закрыла глаза и вспомнила сад. Дуновение ветерка на коже. Пальцы Икара, убирающие прядь волос от лица. Его глаза.

— Все нормально, — она восстановила дыхание и осторожно убрала руки Филис. — Я справлюсь.

Та кивнула и отошла. А со стороны еще одних дверей послышались редкие громкие хлопки, а затем громкий механический голос:

— Мне говорили, что жрицы Киориса — редкий товар. И ради них стоит рискнуть. Кажется, сегодня я не пожалею о своих тратах.

Сердце замерло и пропустило удар. Сегодня. Их продадут сегодня.

Глава 52

...В иллюминаторе К`Шиитра казалась пыльным серо-желтым шариком. Маячок жрицы привел линкор на орбиту в тот момент, когда корвет совершал посадку. Показываться в атмосфере планеты киорийцам нельзя. Это сразу привлечет ненужное внимание, но на такой случай стратегию уже разработали.

— Выпускайте дронов, — коротко приказал Икар.

Небольшие, шарообразные дроны-разведчики устремились к поверхности планеты, разбегаясь по широкому радиусу. Координаты посадки на корабле имелись, но вот дальше маячок оставался на месте, а пленниц наверняка перевезут. Куда именно — постараются выяснить дроны.

— Получен сигнал на нашей частоте, — сообщил связист.

— Выводи на главный экран.

На мониторе перед командером возник гуманоид в защитном комбинезоне. Со снятым на бок платком, открывающим лицо — знак доверия на Пескаре. Зеленая кожа, маленькие глаза, выдающийся вперед нос и челюсть — наследие предков, обитавших в реках и озерах, которых теперь на Пескаре не осталось. Клан Рии-Таш. Торговцы.

— Приветствую моего соратника, — вежливо склонил голову принц, вспомнив, что

...Через четверть часа они изучали трехмерное изображение здания, официально считающегося резиденцией Великого Папы, и примыкающих к нему павильонов.

— Не слышала, чтобы аукцион хоть раз проводился здесь, — гиятрос выглядела взволнованной. И принц хорошо ее понимал. Резиденцию охраняли лучшие бойцы. И, судя по тому, что корвет Эль-Сабы так и не покинул планету, контракт наемников еще не окончен. — Рабыни — ценный товар, но обычно для них используют другие площадки. Когда нас похитили, мы оказались на западной окраине. В довольно... чистом месте, как потом оказалось.

— Дроны не смогут проникнуть внутрь — силовое поле, — Окинос указал на генераторы, расставленные порой в таких местах, о которых совершенно не подумаешь. Великий Папа явно опасался за свою жизнь.

— И мы не узнаем, кто покупатель, пока девушек не выведут и не проведут к катерам, — Байон крутанул проекцию, подбираясь к нужному месту.

Стоянка располагалась под открытым небом, что немного упрощало задачу.

— Их же не поведут с открытыми лицами. Наденут респираторы, или хотя бы тканью закроют. Все-таки ценная покупка, обращаться нужно бережно. Что? — глава группы заметно смутился под направленными на него взглядами. — Я просто предполагаю.

— Сначала они выставят на продажу альм, потом Филис, — тихо заговорила Доркас. — Иерия Кинтия говорила, что жрицы более ценный товар, а самое ценное выставляют в конце. Покупатели вряд ли покинут аукцион до его окончания, но товар могут отослать на корабль. Нам нужно перехватить катер хотя бы с одной из девушек, если повезет, она будет знать, кто купил остальных.

— Но, как только мы перехватим катер, поднимется переполох... — возразил Байон.

— Это если перехватить его на стоянке, а если дать отлететь в сторону, то никто не заметит, — отметил Окинос. — Это же К`Шиитра.

— Значит, будем наблюдать и ждать, пока появится одна из альм, — подвел итог Икар. — Затем перехватываем катер, если повезет — выясним покупателей остальных. Нет, продолжим наблюдение и перехват. Нужны несколько групп и боевые катера. Каждую спасенную пленницу необходимо немедленно доставить на линкор.

— Четыре группы, четыре катера? — уточнил Окинос.

— И прикрытие, — Байон нахмурился. — Кажется, я догадываюсь, кто захочет купить нашу жрицу. А с этросов станет вступить в бой. Для них — это принцип.

— Шесть катеров, — решил Икар. — Четыре наземные группы бойцов. Теперь нужно решить, как незаметно доставить всех на планету, учитывая, что появление киорийцев точно вызовет переполох.

На пару минут собеседники замолчали, затем руководитель группы мрачно взглянул на принца:

— Может быть, войдем в атмосферу и пальнем по их резиденции пару раз? Силовые поля выдержат. А пара «шершней» против линкора ничего не сделают. Будь они хоть трижды из правящей семьи. Выставим свои условия, заберем пленниц и улетим?

Байон невольно усмехнулся, на лице гиятрос отразилось удивление, а принц только вздохнул. Окинос и сам понимал безрассудность своего плана и предложил его только чтобы немного разрядить обстановку.

— «Шершни», может быть, ничего не сделают. Но не забывай про других гостей. В портах стоят корабли, на которых те прилетели, и очень многие владельцы постараются

связаться с командой и прикажут атаковать нас. А в пылу боя, если мы начнем его в атмосфере, произойти может всякое. В частности полное уничтожение резиденции и гибель пленниц. Я понимаю, что мы оказались в сложном положении, но это спасательная операция, а не боевая миссия. Нам нужно вернуться домой. Время для войны еще подойдет. Что у нас с маскировкой на катерах?..

...Спустя еще час Икар наблюдал за посадкой людей в катера. Байон, уже переодетый в защитный костюм, остановился рядом.

— Я знаю, что ты сейчас хочешь сделать.

— Неужели?

— Будь там Талия, я бы тоже рвался в бой в первых рядах, но ты поступил правильно, отстранив меня и приказав остаться на корабле. Ты знаешь это. И я знаю. Сейчас ты тоже поступаешь правильно.

— Тогда почему мне так плохо?

Внутренности будто закрутило узлами. И где-то в груди поселилось странное ощущение — будто что-то скреблось изнутри. Совершенно необъяснимое с точки зрения анатомии явление.

— Это нормально. Если бы ты оставался спокоен, я бы заволновался. Мы с Окиносом справимся. Он — с бойцами на земле, я — с катерами. К тому же... Если что-то пойдет не так, кто-то же должен ввести линкор в атмосферу, — Байон ободряюще улыбнулся. — Так что ты нужен нам здесь на случай самого грозного прикрытия.

— Капитан Байон, вы не желаете к нам присоединиться? — официально обратился руководитель группы в полной боевой экипировке.

— Уже иду, — ответил друг и направился к своему катеру.

Отобранные бойцы группы уже заняли свои места в катерах. Их сбросят в разных точках на примерно равном удалении от резиденции. Дроны продолжают наблюдение. Катера останутся за облаками, наступающие сумерки и идущая с юга пылевая буря помогут им спрятаться. Атмосферное явление создаст помехи в работе приборов, но канал для киорийцев не пострадает. Связь будет осуществляться через корабль. Дальше — по ситуации. Главное — узнать покупателей. Если кто-то из пленниц окажется на корабле в космосе, линкор продолжит преследование. Договорится с одним противником проще, кем бы он ни был.

— Мне беспокойно, — гиатрос подошла бесшумно, что сразу заставило задуматься о дополнительных занятиях, которыми она увлеклась после похищения. — Боюсь, что все будет сложнее, чем мы думаем.

— Мы заберем девушек, — негромко ответил Икар. — Всех. Я не намерен оставлять кого-то на К`Шиитре или в плену у других рас. Они вернутся домой.

— Надеюсь. Медицинский блок полностью готов к работе и приему пациентов, командер.

Женщина ушла также тихо, как и появилась. Катера один за другим покинули отведенные им ячейки и отправились вниз. Миссия началась...

Глава 53

...Оказалось, что аукцион уже в самом разгаре. И очередь как раз подходит к товарам высокой ценности. Купец — правая рука Великого Папы — как он назвал себя, провел

девушек по длинному коридору. Следом за ними шла главная служанка и пара охранников с бластерами. Бежать уже не хотелось. Саша сама видела камеры, установленные буквально через каждый метр. Да и оружие у охраны... Она хорошо понимала, что они скорее погибнут, чем сбегут. И бессилие ложилось на плечи неподъемным грузом.

Коридор закончился дверью, ведущей в небольшую проходную комнатку с монитором у противоположного выхода. На нем отражалась круглая арена и отдельные ложи зрителей вокруг. Сейчас по арене расхаживал шиитранец в богатых одеждах и что-то говорил зрителям, размахивая руками.

— Ваш выход, дорогие мои, — их проводник улыбнулся, обнажая мелкие острые зубы. — И не подведите меня. Уверен, что всех вас кто-нибудь да купит, но если кто-то из вас останется сегодня здесь... Очень сильно пожалеет, поэтому не советую срывать аукцион.

Он взмахом руки указал на дверь, служанка недвусмысленно подтолкнула девушек в спины. Саша обернулась к Филис, которую один из охранников отвел в сторону.

— Нет-нет, ваша подруга пока побудет со мной. Ее выход будет завершающим номером сегодняшней программы.

Жрица никак не отреагировала на слова купца, только кивнула им и одними губами прошептала:

— Удачи.

А в следующую секунду дверь распахнулась, и их вытолкнули под слепящие лучи света. По инерции девушки прошли несколько шагов и замерли, оглушенные светом и раздающимся со всех сторон голосом распорядителя.

— Встречайте, уважаемые гости, тот сюрприз, что мы вам обещали! Прекрасные, нежные, страстные дочери неприступного Киориса! Взгляните на них! Все они проходили обучение в Храме! Еще не завершили его, и каждый из вас может сам придумать программу для продолжения!

Он мерзко захихикал, довольный своей шуткой. А Саша почувствовала, что задыхается. Ее будто облили грязью и ударили под дых. Воздух с трудом проникал в легкие. На лбу выступила испарина. Глаза заслезились. Она часто моргала, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, но картинка расплывалась.

— С кого же мы начнем? Вы можете выбрать, дорогие гости! Кто вам больше нравится?! Или, возможно, у нас есть та, что желает начать?!

Последнее было произнесено с нескрываемой иронией и издевкой. Но неожиданно Танис, стоявшая справа, шагнула вперед и громко ответила:

— Я хочу быть первой! Купите меня!

— Что она делает? — раздался слева шепот Хлои, а Саша, наконец, смогла проморгаться.

С арены разглядеть хозяев лож не представлялось возможным, прожекторы не позволяли. К тому же вокруг кружили дроны, изображения с которых транслировались на стену за спинами девушек. Александра мельком увидела свое бледное лицо, сразу сменившееся изображением Танис. Бледной, но решительной. Она обводила взглядом зал, явно пытаясь кого-то найти. А потом заговорила. Вот только разобрать кроме шипяще-шелестящих звуков ничего не удалось.

— Эль-Саба, — снова пискнула Хлоя и закрыла рот рукой, а Саша поняла.

Танис пыталась привлечь внимание змеелюдов. Конечно, она знала язык Эль-Сабы, раз несколько лет жила на их планете. И ее мать была посланцем Киориса. Наверняка имела

высокопоставленных знакомых. А здесь и сейчас собрались точно не последние лица. Если ей удастся вернуться на планету, которую она знает, шансы на выживание существенно повысятся. Если, конечно, ей повезет. Очень повезет. Но даже столь малый шанс — лучше, чем ничего.

Саша схватила Хлою за руку и заставила отступить на пару шагов назад, чтобы не привлечь внимание. Распорядитель как раз начал говорить что-то о талантах альм, но она не стала слушать.

— Танис правильно все делает. Помнишь? Нам нужно точно знать, кто покупатель. Кто купит других, так больше шансов, что нас спасут.

Хлоя подняла на нее испуганные глаза, полные слез.

— Я не знаю редкие языки. Я просто хотела остаться в Храме, — до арены девушка еще держалась, но теперь ее самообладание стремительно рушилось, а вот у Саше неожиданно появилось. Поступок Танис стал толчком, заставившим злость на происходящее и бессилие превратиться в нечто совсем иное.

— Нам нельзя сдаваться сейчас, — она сжала руку альмы. — Ты же любишь музыку? А петь? Петь умеешь?

Та заторможено кивнула, а распорядитель уже выкрикивал ставки, которые стремительно поднимались. Как он их замечал — оставалось загадкой.

— Вот и отлично. Представь, что здесь никого нет. Ты там, где тебе спокойно. Никто тебя не осудит. Просто спой. Для себя. Вдруг здесь найдется какой-нибудь любитель живого пения, который захочет забрать тебя.

Хлоя кивнула уже увереннее. Бросила испуганный взгляд через плечо на Танис, которая уже молчала и только внимательно вглядывалась куда-то вверх и влево.

— Пятнадцать тысяч, раз! Пятнадцать тысяч, два! Пятнадцать тысяч, три! Продано!!! — оглушительный голос заставил всех троих вздрогнуть. — Уважаемый гость может забрать свою покупку!

Саша взглянула туда же, куда и альма, и увидела, как сверху из крайней левой ложи выходят двое гуманоидов. Они быстро спустились по лестнице и подошли к арене. Воздух вокруг нее словно моргнул, гуманоиды, при близком рассмотрении оказавшиеся змеелюдами, подошли к Танис. Один набросил ей на плечи плащ, второй взял за руку и повел к выходу. На ходу девушка обернулась к ним. Ее лицо оставалось все таким же белым и застывшим, а глаза блестели. Александра постаралась улыбнуться, чтобы поддержать ее и показать, что они понимают.

Стоило Танис покинуть арену, как распорядитель вновь обернулся к ним с противной улыбкой от уха до уха.

— Итак! Наш следующий лот! Великолепная светловолосая ученица Храма! Вы только взгляните на нее! — в этот раз им не оставили выбор, Хлоя вздрогнула, печально взглянула на Сашу и сама сделала шаг вперед, отпуская ее руку. — Какая кожа! А какие волосы! А также приятный сюрприз, который ожидает ее будущего хозяина — девственница! Кто желает стать первым для этой красавицы?!

Саша сглотнула и замерла на месте, заметив, как напряженно застыла Хлоя. Ни о каком пении речь уже не шла. Распорядитель использовал свой козырь, который наверняка выяснился во время медицинского осмотра. Зал буквально взорвался разноцветными огнями. Ложи подмигивали разноцветными огоньками, и, вторя им, шиитранец выкрикивал суммы, которые стремительно росли.

— Десять тысяч! Одиннадцать! Двенадцать! Тринадцать! Уважаемый гость, я вынужден предупредить вас, что данный товар чересчур редок, и мы не станем продавать двух девушек в одни руки! Только по одной! Четырнадцать тысяч! Кто больше?!

Саша заметила, как огонек на крайней слева ложе потух и больше не загорался. Сердце ее билось оглушительно, но разум, как ни странно оставался холодным. Танис повезло. Она смогла уговорить своего покупателя приобрести еще одну альму. Если бы не чертовы правила!

На Хлою жалко было смотреть. Деморализованная таким напором девушка лишь бессмысленно оглядывалась, не успевая реагировать на ставки. Ее буквально трясло, а дроны вились вокруг как стая хищных птиц, фиксируя малейшую реакцию. Саша взглянула на картину, сформированную на стене, и только сжала кулаки от бессилия. Ей хотелось сделать хоть что-нибудь, но идей не было.

— Двадцать две тысячи, раз! Двадцать две тысячи, два! Двадцать две тысячи, три! Продано!!!

От ложи в середине зала также отделились двое гуманоидов и направились за товаром. Александра пыталась понять, кто они, но никак не могла разглядеть, Хлое удалось это раньше, после чего девушка коротко ахнула, а затем упала в обморок. Прямо под ноги подошедшим... кошкам?

Саша в шоке рассматривала покрытые шерстью лица и круглые уши на макушке. Длинные хвосты. Четырехпалые руки-лапы с черными когтями. Острые зубы, мелькнувшие в оскале. Один больше походил на гепарда со шкурой песчаного цвета и мелкими черными пятнами на видимых участках, тогда как второй напоминал льва без гривы с ровным рыжеватым окрасом. Гепард наклонился, легко подхватил бесчувственное тело и взвалил его на плечо, за что лев грозно на него рыкнул и двинул лапой по затылку. После чего его напарник перекинул девушку и уже куда осторожнее взял ее двумя лапами. Хотя такое для него явно было в диковинку.

Кошки ушли, а Саша все не могла прийти в себя. Она не слышала про эту расу, но Хлоя наверняка поняла, к кому попала. И испугалась настолько, что лишилась чувств. Ей не повезло. С учетом того, что стало с Танис, шансы на везение самой Александры стремительно падали.

— Дорогие гости, у нас остался последний сюрприз с Киориса! Юная девушка! Настоящая загадка! Кто хочет разгадать ее?! — Саша напряглась, но сделала осторожный шаг вперед, понимая, что бежать уже некуда. — Ее привезли из Храма, где она, как и ее подруги, проходила обучение, но кто она?! Наши анализы открыли, что в ее крови и ДНК есть примеси, которые нам неизвестны! Они еще не встречались в доступной нам части Вселенной в такой последовательности! Мы не стали гадать и отдаем эту загадку вам! Кто же осмелится докопаться до ее сути?!

Теперь девушка поняла, что испытала Хлоя всего несколько минут назад, когда ее секрет, не считавшийся чем-то выдающимся на Киорисе, вдруг раскрыли публике, которая в нем заинтересована. Ее будто ударили пыльным мешком по голове. Оглушили. Ослепили вспышками. Лишили опоры под ногами.

Коленки задрожали, а ладони стали влажными. Перед глазами замелькали картинки со сценами из фантастических фильмов, где инопланетяне захватывают людей для исследования. Что, если она попадет к какому-нибудь сумасшедшему ученому? Или еще кому-то похуже?

Она не слышала суммы. Только с трудом успевала следить за мельтешением огней, а затем вздрогнула, услышав:

— Продано! За тридцать пять тысяч! Наш уважаемый гость может забрать свой товар!

Саша с трудом повернула голову направо, где из первого ряда уже подходил к арене мужчина...

Глава 54

...Капитан Окинос замер на крыше, прислушиваясь к переключке по внутренней связи. Стандартная проверка перед началом операции.

— Группы Альфа, доложите о локации.

— Группа Альфа-1 на позиции, — коротко доложил капитан, вглядываясь в запыленное облако, уходящее к окраине города.

Остальные Альфы также отчитались, после чего настала очередь групп Бета. Наземные группы рассредоточились на равном расстоянии от резиденции Великого Папы по основным направлениям к космопортам. Куда бы ни отправились покупатели, у них будет достаточно времени для перехвата. Если, конечно, дроны смогут засечь девушек.

— Внимание всем группам, — загремел в шлеме голос командера Искариса. — Во дворце что-то происходит. Покупатели массово покидают здание. Там паника и давка.

Только этого не хватало. Неужели покупатели не смогли договориться и начали выяснять отношения прямо во время торга?

— Группы Альфа, начинаем сближение, — передал он подчиненным. — Медленно движемся в сторону Объекта. Ждем указаний.

Если в резиденции начнется давка, им, возможно, удастся перехватить девушек без прямого столкновения с покупателями. Главное — вовремя вмешаться.

— Альфа-один! В вашу сторону движется катер Эль-Сабы! У них пленница! Южная улица! Двигается быстро!

— Фотис, вас понял! Работаем!

Четыре тени синхронно рванули по крыше. Две перепрыгнули через улицу и начали двигаться параллельно. Из-за частых пылевых бурь здания на К`Шиитре строили невысокими, предпочитая максимально задействовать подземелья, что очень помогало при слежке и облаве.

Катер Эль-Сабы Окинос заметил даже в пылевом облаке. Сделал знак, понятный другим участникам группы, и по одной тени с каждой стороны дороги скользнули вниз. Короткий взмах рукой, и яркая вспышка света расцвела прямо перед носом катера, заставив пилота вильнуть в сторону. И зацепить носом стену здания. Тени рванули к двери. Капитан бросил магнитную гранату, которая при контакте с поверхностью выдала электрический импульс, на несколько минут выводящий из строя всю электронику. Замок на двери разблокировался автоматически, и навстречу киорийцам выпрыгнул разъяренный змеелюд с плазмометом наперевес.

— Вырубите его! Наша задача — пленница! Бета, нам нужна помощь!

— Бета-два, прикрой Альфа-один! — рявкнул Байон. — Остальные к резиденции!

— Есть, капитан!

Тени закрутили змеелюда в танец, увлекая в сторону от катера, что позволило Окиносу спрыгнуть на крышу и заглянуть внутрь. И сразу же отдернуть голову, уклоняясь от выстрела из бластера. Однако пленницу он заметить успел. И она его тоже.

— Стойте! Стойте! — истошный крик изнутри заставил действовать проворнее. Сорвать с пояса дымовую гранату, активировать, замахнуться и...

Из катера донесся протяжный свист и шелест. Плазмомет неожиданно упал на землю. А затем на улицу выпорхнула девушка с фильтрующей маской на лице, обеими руками удерживающая на плечах плащ. Она сразу же обернулась и запрокинула голову, отыскивая его взглядом. Капитан рефлекторно сжал гранату и вернул фиксатор на место. Вскинул свободную руку, останавливая группу от неосторожных действий.

— Вы капитан группы?! Я знаю, кто купил других девушек! Пожалуйста, вы должны их спасти! Там такое творится!

Рядом с ней на землю ступил высокий, теряющийся в защитном плаще эль-сабец. Откинул капюшон, открывая подозрительно знакомое лицо. Пусть змеелюдов отличить сложно, но вот этот характерный цвет и форма глаз напоминали главу разведки Эль-Сабы.

— Хорошшо, что мы вас встретили, капитан. Я потерял двоих из своей охраны, пытаюсь вырваться из Дворца. Вашша жрица...

...— Бета-один, вторую пленницу забрали радхи. Дроны ее проглядели, их катер подходит к северному порту.

— Фотис, вас понял. Бета-три, Бета-четыре, к северному порту! Готовьтесь к перехвату и преследованию.

— Есть, — синхронно раздалось по внутренней связи.

— Бета-пять, забери группу Альфа-три, и тоже к северному порту. Бета-два, что у тебя?

— Забрал Альфа-один, направляюсь к Объекту.

— Альфа-один, прием.

— Бета-один, прием. Слушаю.

— Предложения по штурму будут?

— Альфа-один высаживается на крышу. Альфа-два и Альфа-четыре подходят с земли.

Бета прикрывает с воздуха.

— Если стоянка свободна, один катер имеет смысл посадить на случай экстренной эвакуации. Двух для прикрытия хватит.

— Бета-один, стоянка почти свободна. Все, кто смог выйти из резиденции, уже покинули сектор.

— Вижу, Фотис. Бета-два, Бета-шесть на вас прикрытие. Я сажусь.

— Капитан Байон, вы уверены?!

— При всем уважении, командер, вы уже допустили меня до операции, так будьте любезны, не мешайте!

Байон заложил резкий вираж и пошел на снижение. Всех пилотов из группы он отбирал сам и был уверен, как в их опыте, так и в здравом смысле. Получив конкретное задание, они справятся. А вот оставаться на земле тому, кто хорош в воздухе — опасно. С собой он как-нибудь разберется, а вот снова докладывать о гибели людей в штаб не хотелось...

...Лицо многоуважаемого Ишша-И-Та, Великого Полоза Эль-Сабы почти не выражал эмоций. Но взгляд, взгляд почти ощущался даже сквозь экраны и более чем внушительное расстояние между кораблями. Основной обмен информацией уже состоялся, нужные приказы отданы, и можно перейти к дипломатической части, которую военные не очень любят.

— Киорис благодарен вам за помощь в спасении наших граждан. Императрица получит мой подробный отчет и уверен, не забудет о случившемся.

Ноздри змелюда дрогнули, а меж губ мелькнула розовая лента языка.

— Считаю своим долгом подчеркнуть, что правительница Эль-Сабы не несет ответственность за действия наших младших братьев. — Младшими братьями на Эль-Сабе считались все мужчины, не нашедшие себе пару. Они наемничали, наживали богатство и искали себе спутницу, а правительство закрывало глаза на их «шалости». По законам змеелюдов неженатый мужчина не считался совершеннолетним, а значит, не мог быть судим. — Я случайно оказался на аукционе. И был крайне... расстроен, узнав о его участниках. К сожалению, мне удалось забрать лишь одну.

Он кивнул в сторону, изображение немного отодвинулось, и на экране возникла одна из похищенных альм. Бледная, но спокойная. Непохоже, что на корабле змеелюдов ее удерживали силой.

— Вы уверены, что не хотите вернуться домой? — уточнил Икар, краем глаза наблюдая за тем, что творится на других мониторах. Штурм продвигался медленно, группы искали слабые места в защите резиденции, а вот бой у северного порта набирал обороты.

— Уверена. Многоуважаемый Ишша-И-Та позаботится обо мне и доставит во дворец правительницы Эль-Сабы. Несколько лет назад она приглашала меня поиграть с ее дочерьми. Со мной все будет в порядке.

Допуск к потомству у змеелюдов считался признаком высочайшего доверия. Девушку не обидят. Возможно, не очень обрадуются, все же эль-сабцы не так уж дружелюбны, но не выгонят и не навредят.

— Хорошо. Я передам вашим родителям, что с вами все в порядке.

Икар кивнул главе разведки змеелюдов и завершил сеанс связи. В случайность на аукционе он не верил, скорее в то, что эль-сабцы хотели прощупать почву, посмотреть на реакцию Киориса, но появление знакомого лица заставило их вмешаться. Все же гостя самой правительницы... Та была бы крайне огорчена, если бы узнала, что девушка погибла из-за бездействия ее разведчика. А змеелюды боятся огорчать правительницу. Как бы ни сильны были мужчины, именно самки эль-сабцев являлись носительницами уникальных ядов. И выработка противоядия напрямую зависела от их настроения...

— Фотис! Пленница у нас. Направляемся на корабль.

— Бета-три, вас понял. Есть раненные?

— Трое раненных. Девушка без сознания. Бета-пять подбит. Катапультировался.

— Соедините Бета-три с медблоком, пусть оценят повреждения. Бета-пять, прием!

— Фотис, прием! Я цел. Уходить к Объекту?

— Бета-четыре, сможешь забрать Бета-пять?

— Никак нет, Фотис. Прикрываю отход Бета-три. Нужно уйти за облака, иначе не отстанут.

— Хорошо, Бета-четыре, сопроводи Бета-три до верхних слоев атмосферы и возвращайся к Объекту. Бета-пять, двигайся в сторону Объекта. Активируй маскировку.

— Есть, командер!

...Саша с трудом открыла глаза. Голова болела. Особенно правая сторона лица. Во рту стоял привкус крови. В ушах шумело. Перед глазами плыло. А еще запах. Мерзкий запах гари и чего-то металлического. Дышать тяжело, грудь сдавило. Она точно на чем-то лежала. На

чем-то твердом. Ровном. А вот почему никак не могла вспомнить. Кажется, их похитили. И привезли на другую планету. И продали... Да, точно, их должны были продать... Танис, Хлоя, Филис... Филис!

Память вернулась так резко, что заставила вздрогнуть. Девушка захлопала ресницами, старательно фокусируя зрение. И поняла, что смотрит в стенку ложи. А лежит на полу той самой ложи, куда ее притащил мужчина. Покупатель. Он же отвесил ей пощечину, когда она начала сопротивляться на арене. Вот почему болит лицо.

Саша аккуратно повернула голову и едва сдержала вопль ужаса. Ее покупатель лежал рядом. Точнее почти на ней, придавив ее тяжелой рукой. А остекленевший взгляд черных глаз смотрел прямо на нее. Девушка со всхлипом вдохнула и медленно выдохнула, опуская взгляд ниже. И вот зачем она это сделала? В теле мужчины зияли черные дыры. Кажется, перед тем как все начали кричать и сходить с ума, он толкнул ее на пол и достал оружие. А вот что происходило потом, Александра уже не запомнила.

Она осторожно сдвинула с себя руку, оказавшуюся ужасно тяжелой. Саша изо всех сил сжимала зубы, чтобы не закричать и не выдать себя. Сердце стучало так громко, что другие звуки в зале она не замечала, и поняла, что не одна, только когда освободилась от захвата покупателя и забилась в самый угол ложи, прижимая колени к груди.

Крики. Кто-то очень громко кричал. Ругался, судя по интонации. То тут, то там раздавались едва слышные стоны, мгновенно затихавшие после едва видимых вспышек. Саша порадовалась, что не закричала. И вспомнила, что в ложе помимо забравшего ее с арены находилось еще двое мужчин. Теперь их не было. Сбежали? И бросили дорогую покупку?

Как выяснилось, вовсе нет.

— Хватит причитать, Великий Папа, — произнес резкий голос, заставивший девушку сжаться. — Ты обещал мне развлечение, и я его получил. У меня уже есть одна редкость. Так отдай мне вторую, и я возьму все твои убытки.

— Мы так не договаривались! — визгливо и возмущенно ответил второй. — Одна девушка в одни руки!

— Одна девушка в одни руки, — согласился первый. — Но жрица совсем не девушка. Она не равна глупым альмам. Даже столь редким, как те, которых привез ты. Она бесценна. Посмотри, что она устроила! Такая женщина должна принадлежать Этре. В гареме Владыки ей не будет равных!

Этра. Сашу пробил холодный пот. Ее купила Этра... И настоящий покупатель еще жив.

Глава 55

Филис сидела в кресле, подобрав ноги на сидение, и наблюдала за метаниями распорядителя. Тот не мог найти себе места, бесконечно меряя шагами маленькую комнатку, в которой они ждали начала аукциона. Пять шагов. Стена. Поворот. Быстрый, обжигающий взгляд в ее сторону. Еще пять шагов. Стена. Поворот. Несколько раз он останавливался и явно хотел что-то ей сказать. Весьма эмоциональное и вряд ли благодарное, но натыкался на взгляд, давился собственными словами и продолжал метания...

Жрица краем глаза следила за монитором, отражавшим происходящее на арене, где сам Великий Папа пытался договориться с одним из шейхов Этры. Остальные гости уже покинули резиденцию. Оставалось только надеяться, что альмы не пострадали в перестрелке. Впрочем, змеелюд находился в самом углу, а раххи, у которых своих самок

катастрофически не хватало, скорее погибли бы, чем позволили кому-то приблизиться к их покупке. А вот Александра...

Филис видела, как ранили одного из сопровождающих шейха. Девушка, еще в самом начале бойни спрятанная в глубине ложи, не должна была пострадать, но до сих пор на мониторе не заметно ни малейшего движения. Хотя ложа этросов в первом ряду отлично просматривалась.

— Ты... ты... — распорядитель все же рискнул приблизиться и навис над ней, выставив палец в обвиняющем жесте.

Женщина ответила безмятежным взглядом и растянула губы в обворожительной улыбке.
— Разве вы не просили сделать этот аукцион запоминающимся?

Шиитранец прошипел какое-то ругательство и отступил. Филис перестала улыбаться. Она не жалела о том, что сделала, но и не радовалась. После того, как Александру купила Этра, выбора у нее не осталось. Нельзя допустить, чтобы девушка, пробудившая принца Киориса, попала в руки этросов. По крайней мере, она не должна попасть к ним одна...

Выходя на арену, жрица уже знала, что делать. Она понимала, что распорядитель хочет устроить для гостей представление. И изначально не собиралась ему подыгрывать, хватило бы и молчаливого присутствия, но ситуация изменилась... И ее наряд оказался весьма кстати для танца Ядовитой Чаши.

По легенде считалось, что Мелпамин станцевала для советника своего мужа танец, от которого у того пересохло во рту, и императрица преподнесла ему чашу, чтобы утолить жажду. Завороженный мужчина выпил все до капли, даже не почувствовав яда, а затем упал замертво. На самом деле никакого танца не было, Мелпамин, в юности игравшая в театре, с возрастом совершенно утратила к нему любовь. Не выносила танцоров и представления. Легенду и танец придумали жрицы уже намного позже, когда по воле своей покровительницы избавляли ее от врагов и соперников, а после ее смерти действовали на свое усмотрение ради сохранения государства.

Все старшие жрицы Храма знали танец Ядовитой Чаши. И за последние триста лет ни одна не танцевала его ради той цели, что в него заложили. Но теперь пришлось...

Филис не нужна была музыка. Лишь мгновение. Вдох, чтобы начать движение. Она прикрыла глаза, отрешаясь от звуков, от слов распорядителя, который заливался, спеша расхвалить ее перед гостями. Какое ей дело до жадных, раздевающих взглядов? До возбужденной толпы, мечтающей лишь о том, чтобы коснуться ее? Что ж, порой желания становятся проклятьем...

Она вскинула руку, позволяя ткани скользнуть от запястья до плеча. Замерла, выдерживая паузу и заставляя умолкнуть даже шепот. Шаг. Взмах второй рукой. Хлопок. Поворот. Волна по телу от кончиков пальцев рук до пят. Еще шаг, и расцепившиеся руки играют с верхним платком. О, распорядитель хотел обнажать ее понемногу, возбуждая в гостях интерес и заставляя желать ее все больше и больше. Она справится с этим сама.

Игра. Тонкая ткань, скользкая меж пальцев, то невесомо ласкающая кожу, то плотно обтягивающая, обрисовывая детали фигуры. Жрица танцевала, не открывая глаз. Кружилась по арене, оставляя за собой след из падающих на пол платков. И чем меньше их оставалось, тем тяжелее и весомее становились взгляды. Они уже не раздевали. В своих мечтах они обладали ей. Жаждали. Их нетерпение и голод можно было почувствовать кожей.

И Филис позволила накалу достигнуть предела, сделав колесо, на мгновение широко разведя ноги и позволив ткани скользнуть по телу вниз, оставляя ее полностью обнаженной.

Лишь на мгновение. Затем сила притяжения снова вернула тончайшую накидку на место. А женщина застыла, опустившись на колени и позволив себе открыть глаза. Прямо напротив ложи Этры.

В следующий момент зал взорвался криками. По рядам зрителей прошла волна огоньков, которые тут же стали перемигиваться, не позволяя распорядителю даже сообразить, какую озвучить цифру. Но жрица смотрела лишь в горящие глаза посланника Этры и видела его колебание. Она опустила взгляд, спрятав его за ресницами, села на пятки и сложила руки на коленях, демонстрируя покорность, и это заставило шейха выставить свою ставку. А дальше начался хаос...

...— Бета-один, к вам движутся «шершни». Двое. Расчетное время прибытия — десять минут.

Байон от души выругался. Только этого им и не хватало.

— Альфа-один, что у вас?

Икар понимал происходящее не хуже его и хотел получить как можно больше информации для принятия решения.

— Мы внутри. Сейчас взламываем их систему. Возможно, удастся отключить внешнее защитное поле. Судя по камерам наблюдения, жрица находится рядом с ареной. Туда направляются Альфа-два и Альфа-четыре.

— А еще одна пленница?

— Мы ее не видим.

Байон выругался еще раз уже себе под нос. Здание большое. Трех группам обыскать его будет непросто. А время поджигает. Для «шершней» боевые катера на один укус. Будь их больше, еще можно было бы загнать противника, но двое на двое... Никак. Даже если он поднимется в воздух и будет руководить боем, преимущество выйдет небольшое. Разве что из-за внезапности. А им еще нужно эвакуироваться и доставить пленниц на линкор. Но и Этре тоже...

— Альфа-один, много на арене народа?

— Мы видим пятерых. Трое этросов, Великий Папа и его охранник.

— Бета-пять, ты далеко?

— Чуть меньше четверти часа, Бета-один. Бегу.

— Беги быстрее. Возьмешь под управление мой катер. Бета-четыре, сколько тебе до возвращения?

— Минут пять, Бета-один.

— Хорошо, сразу же атакуй «шершней», — он перевел корабль в режим защиты и маскировки. Если заденет по касательной, щит выдержит, да и с воздуха его вряд ли замтят. — Бета-два, Бета-шесть, боевой порядок, зажимайте корабль сопровождения в клещи. Основной будет садиться, чтобы забрать пассажиров. На земле он более уязвим.

— Есть! — хором отозвались Беты, не задавая лишних вопросов.

— Бета-один, есть предложения? — поинтересовался Окинос.

Байон забрал бластер и пояс с гранатами из отсека с оружием, сделал глубокий вдох, прогоняя из головы навязчивые образы. Выпрыгнул из катера на землю.

— Пусть альфы выгоняют всех с арены наружу. Перекройте им другие выходы. Напугайте. Выведите защиту из строя. Главное, чтобы они побежали на улицу. Тогда «шершням» придется садиться. Хотя бы одному. А я организую ему встречу.

Он пригнулся и быстрым скользящим шагом направился прочь от корабля...

...Саша судорожно вздохнула, в очередной раз пытаясь успокоиться. Разговор на арене продолжался, рядом все еще лежал труп, сжимая в руке нечто, похожее на оружие. Бластер? Взгляд остановился на нем, а мозг начал хладнокровно просчитывать варианты. Неужели ее покупатели настолько глупы, чтобы оставить рядом с покупкой оружие? Или не считают, что женщина сможет с ним справиться? Да и как она, на самом деле, будет с ним справляться? Даже если рискнет взять в руки, как им пользоваться, чтобы не убить себя и не покалечить кого-нибудь еще? Она даже в тире в парке ни разу не стреляла, куда уж с инопланетным оружием возиться?

Мысли об оружии, как ни странно, успокоили. Девушка выбралась из своего уголка и решила выглянуть, чтобы понять, чего ждать. Она встала на колени рядом с головой мужчины, заставив себя не смотреть на него, и медленно высунулась из-за края ложи.

Троих мужчин она уже видела в ложе. Высокие, в темных, отделанных золотом одеждах, с кудрявыми, черными волосами. У того, кто разговаривал с шиитранцем в красном длинном одеянии, волосы были заплетены в длинную косу до пояса. У двух других — короткие, как и у того, кто уже погиб. Еще один шиитранец стоял в стороне, вооруженный чем-то похожим на бластер, лежащий рядом с Сашей.

По едва заметной ряби вокруг арены девушка поняла, что защитное поле включено. И оно не пропускало внутрь покупателей. Значит, ее от ее покупателей отделяет прозрачная стена. Которую наверняка легко отключить, но все же...

Она медленно опустила на пятки и оглянулась, пытаясь рассмотреть выходы из зала. Еще бы знать, куда они ведут. Все гости разбежались. Филис осталась внутри арены. Распорядитель затащил ее туда, когда началась стрельба. Поле закрывало арену, но находиться там под прицелами вряд ли было приятно. И что же ей делать? Бежать? Куда? Как? Взять бластер и ползти вверх к выходу, надеясь, что ее не заметят?

Размышления прервал непонятный скрежет, заставивший замолчать мужчин на арене. Саша невольно снова приподнялась, пытаясь понять, что происходит. Спустя почти минуту звук повторился. А затем едва заметная рябь вокруг арены пропала...

Еще спустя несколько мгновений буквально с потолка посыпались смазанные тени.

— Стреляйте! — скомандовал длинноволосый.

Шиитранец в красном бросился в сторону дверей, но те распахнулись, выпуская распорядителя и Филис в полупрозрачной накидке. Саша радостно пискнула, но тут же умолкла, увидев скользящую за ними тень. Зал снова наполнился выстрелами и криками. Девушка испуганно юркнула обратно в убежище.

— Убейте их!

Судя по звукам, на арене продолжалась паника. Затем раздался сдавленный крик боли, а после него отрывистая команда:

— Ловите ее!

Филис! Дальше Саша действовала скорее на инстинкте. Наклонилась над телом, схватила бластер, стараясь ни на что не нажать, и выглянула из ложи сбоку. Жрица должна знать, как пользоваться проклятым оружием! Вместе у них появится шанс! А тени пока отвлекут этих...

Киорийка как раз перемахнула границу арены и вытянула руку в ее сторону:

— Бежим! Скорее!

Девушка, не думая, вытянула руку в ответ, поднимаясь на ноги. Их пальцы переплелись, а затем рывок заставил ее бежать так, как никогда в жизни, потому что за спиной раздались тяжелые шаги погони, ругань и выстрелы...

Глава 56

...— Фотис, мы нашли последнюю пленницу!

— Альфа-один, она у вас?

— Нет, но находится в зоне видимости. Они с жрицей бегут к выходу. Бета-один, скоро будут у тебя.

— Притормозите их! У меня тут «шершни» на подлете.

— Дольше оставаться внутри здания опасно. На арену рвется охрана со всей резиденции! Мы их с трудом сдерживаем.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — Байон скрипнул зубами и запрокинул голову, наблюдая, как в небе схлестнулись крупные, усиленные броней «шмели» и юркие, небольшие орлы Киориса.

Если все пойдет по плану, у них будет небольшой шанс. В этот момент один из «орлов» вспыхнул ослепительным огнем и грудой обломков устремился к земле.

...Они как зайцы петляли между ложами, продвигаясь в направлении, известном только жрице. Саша сразу же потерялась в пространстве, стараясь только побыстрее переставлять ноги и не быть обузой. Во время очередного резкого поворота, она больно ударилась рукой о край ограждения и вспомнила о бластере. Говорить на бегу не представлялось возможным, поэтому она молча вытянула оружие перед собой и несколько раз махнула рукой, привлекая внимание Филис.

Та лишь на секунду перевела взгляд, а через пару шагов толкнула ее в ближайшую ложу и выхватила бластер. Перевернула, рассматривая что-то на рукояти.

— Почти разряжен. Но ты молодец, что взяла.

Жрица выглянула из укрытия и несколько раз выстрелила, после чего снова упала рядом.

— Это его немного притормозит.

Она наклонилась к Сашиной юбке и одним рывком сделала ее вполовину короче спереди. Девушка только успела открыть рот, чтобы спросить зачем, а киорийка уже разорвала полученную ткань пополам и протянула один обрывок ей.

— Закрой нос и рот.

Александра вспомнила свое первое впечатление от планеты и молча повязала ткань вокруг головы. А потом вздрогнула — совсем рядом с ними с потолка упала размытая тень, затем раздались звуки возни, ударов и, наконец, хрип.

— Это...

— Киорийцы, — жрица не стала ее дослушивать. Снова взяла за руку и заглянула в глаза. — Нужно бежать.

От мысли о том, что их пришли спасать и скоро они могут оказаться на свободе, у Саши открылось второе дыхание. Она кивнула, готовая стать Олимпийской чемпионкой по бегу с препятствиями, лишь бы оказаться подальше от проклятой арены и отвратительных шиитранцев.

Их пальцы снова переплелись. Сильный рывок. Бег...

...Двум оставшимся катерам удалось разделить «шмелей» и увлечь корабль сопровождения в долгий бой. Основной пошел на посадку. Байон старался не выпускать его из поля зрения, а сам спешно менял локацию. Теперь ему предстояло залечь между резиденцией и кораблем этросов, чтобы прикрыть женщин и позволить им добежать до катера.

— Бета-пять, ты где?

— Я... уже... почти... Сейчас.

Капитан рухнул на землю, спешно раскладывая вокруг небольшой арсенал и просматривая местность. Почти сразу визор в шлеме позволил зафиксировать движение у стены в инфракрасном спектре. Бета-пять на мгновение повис, удерживая себя руками, а затем бесшумно спрыгнул или свалился во двор. Замер, явно пытаясь отдышаться.

— Бета-пять, вижу тебя, двигайся в сторону катера. У нас сейчас будет жарко.

— Понял...

Пилот направился в сторону транспорта, заметно припадая на левую ногу, но стараясь идти как можно быстрее. Ничего, взлететь ему это не помешает.

Стоянку перед резиденцией накрыла тень, очерченная габаритными огнями. Байон сразу же забыл обо всем кроме цели. Время вышло. Нужно действовать немедленно или они потеряют все. Руки привычно активировали магнитную гранату, вызывающую электромагнитный импульс, на короткое время вырубаящий всю электронику. Затем присоединили к ней обе разрывных, и четвертым номером в связку добавился усилитель. Магнитная детонирует от удара по корпусу и запустит цепную реакцию остальных. Оставалось только надеяться, что он правильно соединил последовательность в цепочке, и курсы по взрывотехнике не прошли даром. А еще нужно доставить подарок на корабль...

Тень стремительно увеличивалась, моргая огнями и заставляя нервничать. По виску пробежала струйка пота. Руки продолжали работать в прежнем темпе. Вставить бластер в усиливающий корпус, защелкнуть фиксаторы, перевести оружие в боевой режим. Выставить мощность на максимум. Активировать преобразователь энергии. Световая и тепловая здесь не понадобятся. А вот кинетическая очень даже. Взвесить связку гранат. Вставить узкий усилитель в сопло. Вдох-выдох.

Рывок. Стойка на одном колене. Вскинуть оружие на плечо. Прицелиться. Замереть. Самая уязвимая точка во время посадки — брюхо. Броня там обычно крепче, чем вся остальная обшивка, но даже ее можно пробить. В момент, когда щиты перестраиваются с воздушной на земную программу работы, корабль на несколько мгновений остается голым. Сейчас его пилоту предстояло решить сложную задачку с посадкой в ограниченном пространстве, и он не торопился. К счастью. А вот программа работала исправно. Визор отразил изменения в энергетическом поле вокруг корабля. И палец плавно нажал на спусковой крючок...

Отдача ударила в плечо так, что капитан опрокинулся на спину и серьезно приложился головой о землю. Показалось даже, что шлем треснул. Воздух вышибло из груди, и несколько драгоценных мгновений ушли на то, чтобы научиться дышать заново. А еще избавиться от звона в ушах.

Байон приподнял голову и увидел, что «шершень» заметно накренился влево. Треть огней погасла. И корабль заметно просел, теперь скорее медленно падая, чем плавно опускаясь на землю. На изменение траектории у пилота оставалось совсем мало времени.

— Бета-один, мы выходим! — раздался четкий голос Окиноса, заставивший застонать и начать подниматься на ноги. Не вовремя, как же все не вовремя.

— Бета-пять?

— Я на месте! Жду пассажиров.

Хоть что-то хорошее. Капитан успел выпрямиться и развернуться к дверям, когда они с грохотом и в ворохе искр распахнулись. Первыми выскочили несколько теней-альф, проверяющих безопасность периметра, затем рука об руку выбежали женщины. И вот их Байон перехватил, распахнув объятия и сделав шаг вперед. Они не успели затормозить и едва не снесли его, но мужчина профессионально упал на бок, увлекая их за собой. Сверху на них рухнули тени, образуя максимально защищенный комок тел с женщинами в центре.

За спиной раздался грохот. Земля дрогнула. Их накрыло пылью и песком. Мелкими осколками и ударной волной. Выбравших в этот момент этросов опрокинуло на землю и приложило куда сильнее.

Когда последствия приземления успокоились, капитан поднял голову, вглядываясь в переплетенные тела.

— Все целы?

— Живы, — коротко ответил Окинос, первым поднимаясь на ноги. — Нам надо торопиться. Прошу прощения, иерия.

Он наклонился и одним рывком поднял на руки Филис. Байон заметил босые ноги и проделал тот же трюк с Сашей. Девушка только коротко пискнула, но тут же обхватила его за шею, даже не пытаясь вырваться. Вторая тень тут же растворилась. Мужчины побежали к катеру. Экстренная посадка корабля давала им фору, которой предстояло воспользоваться по максимуму.

И они даже почти успели. В кольце мелькающих тут и там теней преодолели половину пути, когда на стены, окружающие стоянку, в одинаковых серых защитных костюмах один за другим строем выбежали охранники. А громкий голос Великого Папы разнесся над головами, предлагая сдаться.

Группа остановилась. Альфы молча сомкнули ряды, встав локоть к локтю. Окинос осторожно поставил на землю жрицу, а Байон лишь рефлекторно сжал руки. От него в прямом бою мало толку. Разве что добежать до катера.

У развороченных дверей завозились и поднялись этросы. Покореженный «шершень» выпустил трап и боевую группу. Капитан запрокинул голову, пытаясь рассмотреть оставшиеся катера и «шершень», но вместо них увидел нечто совсем иное.

Сквозь пену низких и тяжелых облаков, пришедших после бури, прямо над резиденцией, купаясь в лучах закатного солнца, пробившегося лучами у самого горизонта, неспешно и плавно опускался киорийский линкор. Хищный «клюв» как раз вынырнул и снова скрылся среди серых клубов. Байон подумал, что ему показалось, но в следующий момент «Фотис» показался уже полностью, раскинув «крылья» над всей центральной частью Дворца, а «клюв» и основные орудия нацелив на стоянку.

Остальные участники тоже заметили изменения в общей картине и замерли, ожидая решения командиров. Капитан почти вживую видел, как на личный адрес Великого Папы поступил сигнал связи...

...— Вы хоть понимаете, что вы творите?! — разъяренно шипел шиитранец в алых, помятых и местами испачканных одеждах. — Ворвались в мой Дворец, сорвали аукцион! Да

мои гости просто...

— Ваши гости покинули ваш Дворец задолго до нашего появления и вряд ли держат на нас обиду, — холодно ответил Икар. — Вы взяли то, что трогать не стоило и получили закономерный результат. Полагаю, после сегодняшнего происшествия ваши гости больше не пожелают оставлять заказы на жриц Киориса.

Серая кожа шиитранца пошла розовыми пятнами.

— Ваша жрица!.. Она просто ужасна! Покалечила моего распорядителя!

Экран разделился пополам, демонстрируя еще одного шиитранца, баюкающего у груди поврежденную руку.

— Думаю, ему очень повезло, раз его не убили, — спокойно отметил принц. — Как вы могли заметить, агрессия моих людей была направлена в основном на покупателей, а не на вас, как на посредника. Если кто-то из ваших сотрудников и пострадал, то лишь в силу сложившихся обстоятельств, которые в любой момент могут усугубиться...

— Вы мне угрожаете?! Да вы знаете, что будет, если вы мне навредите?!

— Я лишь сообщая вам, что будет, если вы немедленно не отзовете своих людей. Этра и Киорис в скором времени официально вступят в войну, и я не думаю, что вы хотите оказаться в ее эпицентре. Мы можем начать здесь и сейчас, и тогда вам не поздоровится, как и другим шиитранцам. А можем удалиться и продолжить в другом месте и в другое время. Решать вам.

После слов о войне лицо Папы заметно потемнело. Глаза сузились, а уши затрепетали. Несколько томительных секунд он молчал, взвешивая «за» и «против», затем резко кивнул:

— К`Шиитра не желает быть в центре конфликта. Могу также обещать вам, что пока я являюсь Великим Папой, ни один шиитранец не возьмет заказ на жрицу Киориса.

— Мудрое решение.

...Замершая на стенах охрана неожиданно синхронно опустила оружие и стройными рядами двинулась обратно. Альфы слитным движением развернулись, готовясь к схватке с другим противником. Байон же продолжал смотреть в небо. Второй «шершень» так и не появился, но из облаков показались катера. Два, четыре, шесть... Икар вывел в бой всех, кто вернулся на линкор и оставался в запасе. «Орлы» распределились вокруг стоянки, недвусмысленно выставив орудия. Демонстрации хватило, чтобы этросы, зажатые на земле без прикрытия с воздуха, дрогнули. «Шершень» окружила пленка защиты, под которую очень быстро переместились выжившие покупатели.

— Двигаемся к катеру, — прошипел капитан по внутренней связи.

Окинос обхватил Филис за талию, помогая ей идти. И они, молча и медленно, все тем же порядком попятнулись к катеру. Грузились быстро. В любой момент ожидая подвоха или нападения. Основных мест для пассажиров было всего восемь, их отдали женщинам и раненым, остальные просто уселись на пол. Байон занял место рядом с бледным пилотом.

— Давай, Бета-пять, вывози нас отсюда. На линкоре тебя подлатают...

Тот молча кивнул и плавно поднял катер с земли...

Глава 57

...Только когда серо-желтый шарик планеты начал уменьшаться на мониторе, а никаких признаков преследования или иной активности рядом приборы так и не показали, Икар позволил себе расслабиться и перевести линкор в режим автопилота. Он сжал переносицу,

снимая напряжение с глаз, и отправил вызов в медблок.

— Слушаю вас, командер, — устало ответила гиатрос через пару минут.

— Что у нас с ранеными?

— Двое тяжелых еще из первой группы в лекарственной коме. Восстанавливаются. Еще шестеро с закрытыми переломами, растяжениями, вывихами и ушибами средней тяжести. Все получили помощь и отправлены по каютам. Судя по браслетам, спят.

— А пленницы?

— Хлоя физически не пострадала, но у нее шок и эмоциональное потрясение. Я дала ей успокоительное и снотворное. Завтра проснется, иерия Филис обещала провести с ней беседу. Она сама и Александра получили в основном синяки, серьезных травм нет. Я выдала им необходимые препараты для самостоятельной обработки. Чуть позже схожу на осмотр. Но мне кажется, здоровый сон и сытный ужин помогут им намного больше.

С плеч словно свалился тяжелый груз. Дышать стало чуть легче.

— Благодарю, гиатрос.

— Я выполняю свою работу, командер. Вам тоже нужен отдых.

— Как и вам. Прислать кого-то на замену?

— Не стоит, — Доркас покачала головой, — у меня есть несколько энергетиков и привычка не спать на дежурстве по сорок часов. Когда кризис у пациентов минует, я отдохну. А вам стоит выспаться уже сегодня. Считайте это медицинской рекомендацией.

— Я вас услышал, гиатрос.

Он отключился и откинулся на спинку кресла. За время операции погиб один пилот, потеряны два катера. Ему нужно будет написать подробный отчет Валирису и главнокомандующему. А еще объяснить с императрицей на счет Эль-Сабы, К`Шиитры и скорых сплетнях о войне с Этрой. То, что касалось двух планет, скоро станет известно всему космосу.

Но сейчас даже привычные и правильные в такой ситуации мысли отступали перед навязчивым желанием увидеть Сашу, убедиться, что с ней все в порядке. Разумом командер понимал, что девушка в безопасности и ей оказан необходимый уход, но... Почему-то доводы рассудка перестали звучать убедительно. А неотложные дела закончились. И он мог позволить себе маленькую слабость...

В коридоре ему попался Байон, выходящий из каюты. Уставший, с влажными после душа волосами.

— Все в порядке?

— Да, хотел проверить иерию Филис. Сегодня она многое сделала...

Икар кивнул и невольно посмотрел в сторону каюты Александры. Друг заметил его взгляд и понимающе улыбнулся:

— Иди к ней.

— Что я скажу?

— Неважно. Поверь, сейчас слова вообще мало имеют значение. Просто будь рядом. Иди.

Принц рассеянно кивнул и в пару шагов оказался перед нужной дверью...

...Саша обессиленно сидела на полу душевой, чувствуя, как по телу стекает горячая вода. Ей с трудом верилось, что все закончилось. Казалось, что стоит сейчас подольше закрыть глаза, и она снова окажется на корабле змеелюдов или на арене. О спасении

напоминали только наливающиеся цветом синяки на лодыжках и предплечьях, слабая головная боль и гудящие мышцы. Травмы еще нужно обработать мазью, которую выдала Доркас. Только это и заставило ее встать и выключить воду.

Гиатрос была первой, кого они увидели на линкоре. Она залезла внутрь катера с объемным чемоданчиком наперевес, сразу протолкалась к ним и с ходу начала осмотр и опрос. Уже через минуту у Саши ныло плечо, в которое ввели сыворотку, нейтрализующую избыток радиации К`Шиитры, на лице оказалась кислородная маска, а в руках — тубик с нейтрализатором вредных веществ, который нужно использовать в душе. Еще через пару секунд к спасательному набору добавилась мазь, а на запястье оказался медицинский браслет. Все то же самое выдали и Филис, а затем Доркас занялась другими ранеными, велев им идти в каюты и пригрозив последующей проверкой.

Если бы не четкие указания, что нужно делать, девушка вряд ли смогла бы заставить себя шевелиться. Силы закончились как-то резко. Внезапно показалось, что сейчас она просто рухнет на пол и больше не встанет. Но Саша справилась со слабостью, заставила себя посидеть, послушно дыша кислородом все пятнадцать минут, затем разделась, безжалостно срывая с себя ненавистные тряпки. А когда встала под душ, в голос застонала от наслаждения и жжения в мелких порезах. Она послушно нанесла нейтрализатор и долго смывала его, стараясь избавиться от ощущения чужих рук на своей коже, превращающих ее из свободного человека в товар.

Теперь она растерлась полотенцем и закуталась в просторный, мягкий халат. Обхватила себя руками и вдохнула такой уже знакомый и уютных запах ткани. Лаванда и мята. И едва не разрыдалась, неожиданно осознав, что вернулась домой. Что теперь она в безопасности. Здесь. На линкоре. В той же каюте и в той же ванной. И все будет хорошо. Нужно только вернуться на Киорис. Все будет хорошо.

Саша покинула ванную, собираясь заняться синяками, и в тот же момент двери каюты распахнулись, пропуская командера. Их взгляды встретились, и сердце вдруг сжалось, пропустив удар.

— Икар... — выдохнула она.

На нее разом нахлынуло облегчение и радость. И на лице мужчины она увидела отражение тех же эмоций. Он сделал пару шагов к ней и остановился, словно не решаясь приблизиться.

— Ты не отвечала, и я подумал, что может понадобится помощь. Иначе не стал бы так врываться...

— Все хорошо... я... просто была в душе.

Она невольно усмехнулась, вспоминая их первую встречу. И по выражению зеленых глаз поняла, что он думает о том же.

— Как вы себя чувствуете?

Он словно попытался поставить между ними границу, возвращаясь к привычному обращению.

— Я... рада, что я здесь. Вы прилетели за нами. Прилетели...

По щекам покатились слезы. Саша постаралась смахнуть их, но слез оказалось слишком много. А Икар взял со стола салфетки и подошел ближе, протягивая ей всю коробку.

— Спасибо, я... это так глупо... все ведь закончилось...и мы живы... вернулись, — салфетки исчезали с катастрофической скоростью, но поток слез не прекращался. — Доркас сказала, что Хлоя тоже здесь. А Танис отправилась на Эль-Сабу. Но ее ведь там не тронут?

Да? Значит, все хорошо... А я...

— Все в порядке, — он сделал еще шаг, и вдруг оказался так близко, что пришлось запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. — Вы устали. Вам было страшно. А теперь напряжение уходит. Пусть лучше так, чем кошмарами или бессонницей. Я могу вам чем-то помочь?

Наверное, если бы командер не спросил, Саша бы продолжила брать салфетки и утирать слезы. Но вопрос будто дал ей разрешение на нечто большее. И она качнулась вперед, прижавшись щекой к алому мундиру, закрыла глаза, чувствуя дрожь, сотрясающую тело. А потом ее обняли. Крепко, но так бережно, будто она была чем-то драгоценным и хрупким.

Дрожь только усилилась, а слезы потекли бесконечным потоком, но Александра больше не сопротивлялась себе, полностью доверившись Икару и его рукам...

...Когда девушка прижалась к нему, командер на мгновение перестал дышать. И даже запаниковал, не зная, что делать. Но затем невероятно естественно оказалось обнять ее и просто держать, позволяя измученному телу избавиться от напряжения. Внутри появилось совершенно незнакомое до сих пор чувство теплоты. Оно мгновенно вытеснило все остальное: страх, печаль от потери бойца, неприятный осадок после боя, груз ответственности и тревогу за Киорис, императрицу, дядю и его жену. Все ушло куда-то в сторону. Осталась только женщина в его руках. Которая нуждалась в нем и не могла сказать об этом. Но смогла показать.

В ответ ему хотелось дать ей намного больше. Защитить, уберечь. Быть рядом. Говорить. Прикасаться. Вдыхать ее запах, неиспорченный примесью нейтрализатора. Смотреть в глаза. Слушать. Смотреть фильмы. Показать Киорис таким, каким его знает только он. Увидеть ее реакцию. Рассказать о семье. О Талии. Креоне. Матери и отце. Узнать больше о ней.

Он потерялся в собственных желаниях, не понимая, откуда они взялись. И что с ними делать. Как быть дальше. Она — землянка, ей нужно вернуться домой, а он — наследник, и скоро начнется война...

Но пока... Пока он мог просто обнимать ее.

Постепенно дрожь утихла. Слезы иссякли. Стало тепло и спокойно. Саша осторожно отстранилась от мужчины, провела ладонью по влажной ткани.

— Кажется, я испортила мундир, — она подняла взгляд и замерла.

Лицо Икара оказалось так близко. Его глаза. Зеленые. Глубокие. Его губы...

Мгновение. Она не поняла, кто из них начал движение, но встретились они где-то посередине. И мир рухнул...

Раньше Саша целовалась. И не раз. Она, в конце концов, замужем была. Но никогда с Владом, и ни с кем до него не испытывала ничего подобного. Не думала, что один поцелуй может так много всего сказать.

...Ее будто бы пили. И не могли насытиться. И в то же время она сама пила и не могла оторваться. Она запустила руки в волосы Икара, почувствовала, как он сжал ее сильнее, но в то же время невероятно бережно. Словно боялся причинить боль. И это отношение — нежность и забота — вызывало такой отклик, что ноги становились ватными, а голова кружилась. Так не бывает. Так не может быть. Но все же... все же...

Она растворилась. И в поцелуе, и в мужчине, рядом с которым чувствовала себя дома.

От которого не хотела и не могла оторваться. Лишь бы это никогда не кончалось...

Но в реальности всему приходит конец. Икар оторвался от ее губ и заглянул в глаза. Саша тяжело дышала и пыталась осознать произошедшее. Мозг отказывался работать. А по телу расплзался так хорошо знакомый жар. Мужчина качнул головой и осторожно убрал волосы от ее лица. Взгляд у него был грустный и серьезный.

— Теперь ты знаешь, — прошептал принц. — Тебе нужно подумать. А потом мы поговорим.

Он как-то легко и осторожно отстранил ее и одним движением усадил на стул. Взял со стола мазь и сунул в руки.

— Отдыхай.

Икар направился к выходу прежде, чем девушка успела выдать хоть слово. Разум все еще отказывался понимать происходящее. И только когда за командером закрылась дверь, ее окатило холодной волной осознания: она пробудила принца Киориса.

Глава 58

Байона впустили сразу же, стоило лишь коротко постучать в дверь. Освещение в каюте оказалось приглушено. Иллюминаторы закрыты плотными шторами. Теплый полумрак окружал фигуру в просторном белом халате, сидящую за столом.

— Иерия, как вы себя чувствуете?

Он подошел ближе, отмечая, что ужин не тронут, а рыжие волосы кажутся тусклыми. Филис продолжала смотреть перед собой, позволяя ему разглядывать четкий профиль с напряженной челюстью и плотно сжатыми губами.

— Как будто убила пару десятков живых существ, — голос у нее оказался хриплым, будто больным. — А вы, капитан? Как вам первый бой после отставки?

Не поворачивая головы, она жестом пригласила его занять свободный стул.

— Намекаете на то, что вы меня так и не допустили? — Байон решил сыграть на профессионализме и добился прямого взгляда вишневых глаз. Усталого. Лишенного былого тепла и понимания.

— Сейчас я — не ваш куратор, а вы — не мой подопечный. В ближайшее время я никому не стану оказывать профессиональную помощь, разве что Хлое завтра, но затем — все.

— Почему?

— Я убила людей, — взгляд стал жестким. — Пусть не своими руками, но убила. Я знала, что так будет, но все равно спровоцировала их.

Байон нахмурился и подался вперед.

— И что теперь будет?

— Ничего, — она покачала головой, и жесткость исчезла, оставив нечто незнакомое. — Верховная жрица уже получила мой короткий отчет, завтра мы поговорим. А потом я удалюсь от мира, чтобы подумать и снова обрести гармонию с собой. Так или иначе, здесь и сейчас я лишь киорийка, а не служительница Храма. Я не стану давать советы или судить вас. Но могу выслушать...

— Это взаимно. К тому же вам нужно поесть.

Капитан отвел взгляд и снова осмотрел каюту. На прикроватной тумбочке остался полупустой тюбик с мазью. А около входа в очистительную зону валялось смятое алое одеяние. Он сам не мог бы объяснить, зачем пришел сюда. В поисках успокоения или в

тревоге за женщину, которая целый месяц заботилась о нем и пыталась помочь. Вернуть его к жизни. Странно сейчас видеть ее такой... опустошенной. И хочется помочь, но чем, если он сам далеко не в порядке?

— Я видела вас на Киорисе, когда вы пытались спасти нас, — жрица все же взяла ложку и придвинула к себе тарелку с творогом и фруктами.

— О, гран-командер Валирис пришел в восторг от моего поступка. Если бы я уже не был в отставке, он бы с удовольствием отстранил меня сам.

— Но вы как-то оказались на К`Шиитре...

— Благодаря командеру Искарису. И его прямому обращению к главнокомандующему, — Байон вздохнул, понимая, что стоит быть честным хотя бы ради себя. — Я не горжусь тем своим поступком. Решение было импульсивным. Если бы я подумал, то понял бы, что Охотники справятся лучше. Не говоря уже о военных. Но я увидел, что они схватили Александру и вас, и... Дальше вы видели.

— Как бы все не оказалось, в тот момент я была рада вас видеть. Я понимала, что нас ждет, если похищение удастся, но ваше появление позволило надеяться на благоприятный исход. Я знала, что вы сообщите принцу, а он не оставит ситуацию без внимания...

Капитан понимающе улыбнулся. Он испытал облегчение от того, что ему не сочувствовали. И не лезли в голову. Исчезли привычные рамки, и они остались обычными собеседниками, встретившимися после тяжелого и долгого дня, чтобы поделиться мыслями и чувствами.

— Вы спрашивали про первый бой после перерыва... — он взъерошил волосы пятерней и откинулся на стуле, пытаясь подобрать слова. — Я думал, что будет проще. Я ведь умею летать. И убивать. И... Я думал, что вернусь. Хотел вернуться. Воевать с Этрой. Увидеть победу. Но я не смогу... Вы знали?

Филис ела медленно, выбирая кусочки груши и смакуя каждую ложку. Она подняла на него взгляд и устало кивнула:

— Вы не были готовы с этим смириться. Поэтому я молчала.

И снова жрица оказалась права. Стало горько, будто он потерял часть себя. Но Байон медленно кивнул, соглашаясь:

— Да, теперь я понял. Там, во время боя я старался действовать как обычно. Координировать группу, наблюдать, страховать. Раньше это занимало все мое внимание, и давалось легко, естественно. Сегодня же... Я будто каждый раз прикладывал в два раза больше усилий. Чтобы сосредоточиться, чтобы собраться, придумать следующий шаг. Я словно стал тенью себя прежнего. Как только мы вернемся на Киорис, я подам в отставку по всем правилам.

Озвученное решение словно сняло груз с его плеч. И пришло понимание, что так действительно будет лучше. Ему и всем вокруг.

— Я благодарна вам за то, что вы сделали. И вам, и капитану Окиносу, и командеру Искарису. Вы появились очень вовремя, и я не знаю, что стала бы делать, если бы не вы. Александру нельзя было отдать Этре...

— А вас? Разве вы не должны помнить о себе?

Филис отодвинула почти пустую тарелку и взглянула на свои руки.

— Кажется, в тот момент я забыла обо всем остальном. Точнее еще раньше, когда мы только попали к шиитранцам. Я боялась за девочек, за Сашу, а на страх за себя места не хватило. Да и потом... Они так переживали... Я опасалась только того, что кого-то из них

запрут в карцере, и тогда любая надежда на спасение исчезнет.

— Они переживали за себя, а вы — за них, — почему-то жрицу стало жаль и захотелось хотя бы подбодрить. — Но действовали вы превосходно. Капитан Окинос искренне восхищен вашим самообладанием и смелостью на арене, когда вы сломали руку распорядителю и бросились бежать.

— Я увидела Сашу. Поняла, что она в порядке, а значит, нужно увести ее как можно дальше от этроссов. А потом просто бежала... Кажется, я никогда так быстро не бегала...

— Вы так заботитесь о девушке потому, что она... имеет политическую ценность?

Жрица одарила его выразительным взглядом, заставившим поднять руки в примирительном жесте и пояснить:

— Я не осуждаю. И не собираюсь судить. Всего лишь хочу вас понять. Почему вы столько для нее делаете?

Взгляд немного смягчился, а затем стал задумчивым.

— Вы задали правильный вопрос, капитан, но ответ мне еще только придется найти. Изоляция пойдет мне на пользу. Раз даже вы, не имея соответствующего опыта, заметили проблему, мне есть, о чем подумать, и что решить. Благодарю.

Стало тихо. И тишина показалась Байону слишком... интимной. Ему стало неуютно. И отнюдь не от того, что обстановка выглядела враждебной. Скорее уж наоборот. Диалог на равных неожиданно раскрыл Филис совершенно с другой стороны, показав, что жрица тоже живой человек. Со слабостями и надеждами. Вот только намного проще было воспринимать ее далекой и недостижимой.

— Вам нужно отдохнуть, — он встал и задвинул стул. — Не буду вас утомлять. Доброй ночи, иерия.

Все в той же тишине капитан направился к двери, чувствуя, как все быстрее начинает колотиться сердце.

— Вы уверены, что хотите уйти? — хриплый голос догнал его у порога, до того, как распахнулась дверь. Заставил остановиться и сделать глубокий вдох.

— Если я останусь, иерия, то могу совершить еще одну ошибку. А мне кажется, что их уже достаточно.

— Вы уверены, что остаться будет ошибкой?

— Нет, поэтому хочу уйти.

Байон смотрел только на дверь перед собой, но не двигался с места.

— Хотите или считаете, что так будет правильно?

Он закрыл глаза, понимая, что его только что загнали в простейшую ловушку логики и эмоций. Мужчина не мог сказать, что хочет уйти, но и признаться в обратном тоже. Он перевел взгляд на сенсор и одним движением заблокировал дверь, а затем обернулся. Филис стояла, скрестив руки на груди и опираясь на стол, и смотрела на него. Она не улыбалась. И выглядела совсем иначе, чем в Храме.

— Ты понимаешь... — попытался заговорить Байон, но жрица перебила:

— Я устала. Опустошена. Я не способна сейчас дать ничего. Но мне нужно почувствовать, что я не одна. Что я все еще я. Даже если стала причиной гибели стольких людей. А что нужно тебе?

— То же самое.

Сложнее всего — сделать первый шаг. Потом ноги уже сами несут в нужную сторону. И вот руки обхватывают лицо с жесткими скулами, а в вишневых глазах мелькает согласие. И

губы встречают губы.

У нее был вкус груш и творога. Влажные волосы, прилипшие к коже и проворные пальцы, расстегнувшие рубашку и рванувшие ее с плеч. Пояс халата развязался легко, а затем тяжелая ткань упала на пол, открывая доступ к телу. Сильному, стройному, гибкому. И губы скользят вниз. По шее. Он слышит биение ее пульса. И тихий мучительный стон. Чувствует пальцы в волосах. Сжимает талию и сажает на стол. Она не против. Бесшумно расходится магнитная застежка на брюках, и ткань скользит по ногам вниз. Кровь закипает, когда ее руки ложатся поверх белья. А губы уже добираются до груди. Небольшой, но упругой. С темными, острыми сосками.

Он стонет, когда ловкие руки спускают белье. Опускает ладонь вниз, сжимает бедро, которое призывно отодвигается в сторону, позволяя пальцам скользнуть по внутренней стороне, где кожа невероятно нежная. Первое же прикосновение заставляет ее застонать громче и сжать рукой то, что уже и так готово к действию. И она тоже готова. Жар и влага. Стук крови в висках. Испарина на лбу. Губы. Снова вкус груши. Пальцы в ее волосах, а потом толчок...

Стон. Обоюдный. Взгляд. Глаза в глаза. Согласие. Переплетенные пальцы рук, прижатые к столешнице. Толчок. Еще и еще. Снова. Глаза в глаза. Она не выдерживает первая. Прячется за сомкнутыми веками, цепляется свободной рукой за шею, собирает губами капли пота на шее. А он запрокидывает голову и отпускает контроль, позволяя телу брать то, что необходимо. Им обоим. Сейчас.

Женский стон переходит в тихий крик наслаждения. Еще несколько движений, и его накрывает разрядкой. Резкой, мощной. От которой колени подгибаются, и приходится опереться на стол, чтобы сохранить равновесие.

Филис утыкается лбом ему в плечо и тяжело дышит. Пару минут в каюте раздается только их дыхание. Потом он отстраняется и заглядывает в глаза женщины. Видит в них свое отражение. И понимает, что ничего еще не закончилось...

Глава 59

Уже привычная серо-голубая форма гиатросов успокаивала и дарила некоторую уверенность. То, что нужно, после сложного дня и... странного вечера. Саша и отгоняла, и раз за разом возвращалась к воспоминаниям о поцелуе с принцем. Его объятия, прикосновения, вкус его губ... Стоило подумать, и по коже пробегали мурашки. Ей хотелось повторить, и в то же время... Он — принц, а она — землянка. Ей нужно вернуться домой, а ему править планетой. Какое может быть повторение? И все же...

Она не помнила, как обработала синяки и упала в кровать. С утра мышцы ныли, а тело казалось тяжелым и неповоротливым, но после привычной зарядки стало легче. Даже на лице остался лишь небольшой отек и желтоватый цвет, напоминающий об оплеухе от этроса. Еще день-два, и все напоминания исчезнут. Но вот забыть вряд ли удастся.

Саша последний раз оглядела себя в зеркале, вздохнула, набираясь смелости, и направилась к выходу из каюты. Ей необходимо поговорить с Филис. Узнать, как она, и задать неудобные вопросы.

Теперь выйти в коридор оказалось легко, естественно, просто, будто не было перелета с Земли и панического ужаса перед инопланетянами. Только в коридоре, встретив капитана Байона, Саша вспомнила их прошлое столкновение. Но вместо страха, коротко улыбнулась мужчине, испытывая огромную благодарность за спасение. Он едва одарил ее мимолетным

взглядом и такой же легкой улыбкой, после чего исчез за дверями своей каюты.

Филис встретила ее на пороге, уже одетая в такую же форму гиатросов и с забранными в узел волосами.

— Ты куда-то спешишь?

— К Хлое. Она вот-вот проснется, и ей необходима поддержка. Объяснения и помощь. Пойдешь со мной?

— Да.

Саша кивнула и направилась следом за жрицей. Она тоже хотела помочь альме, чувствуя связь, возникшую из-за общих переживаний. Единственное, чего она не понимала — почему Танис не захотела вернуться на Киорис, а выбрала Эль-Сабу? Но, может быть, Филис сможет объяснить и это.

К моменту их появления, Хлоя уже проснулась и пустым взглядом оглядывала каюту, но стоило ей увидеть девушек, как в глазах появилось осмысленное выражение.

— Мы, мы на киорийском корабле? — тихо спросила она, подаваясь вперед. — Нас спасли? Правда?!

— Да, мы летим домой, — мягко ответила Филис, усаживаясь рядом с альмой.

Лицо Хлои искривилось, а затем она разрыдалась, уткнувшись в плечо жрицы. Та подняла взгляд на Сашу и указала на место рядом. Девушка присела за спиной киорийки и положила руки ей на плечи, стараясь утешить. А потом наклонилась и обняла, делясь теплом и спокойствием. У нее вчера был Икар, который помог пережить приступ слабости, Филис наверняка имела свои способы успокоения, а вот Хлоя...

Следующие полчаса в каюте раздавались лишь звуки рыданий и судорожных вздохов. И неожиданно оказалось, что чужое горе наблюдать сложнее, чем переживать свое. Девушке хотелось помочь, облегчить ее состояние, но все, что можно сделать — быть рядом и поддерживать. Саша поймала усталый взгляд жрицы, поглаживающей спутанные светлые волосы. И неожиданно поняла, что та тоже далеко не всемогуща, что ей нелегко дался вчерашний танец и побег. Стрельба. Эвакуация. Она многое сделала, стравив торговцев, сорвала аукцион, вытаскала ее и... устала.

Александра коснулась запястья с медицинским браслетом вместо коммуникатора. Она многое хотела сказать, но показалось, что сейчас, посреди чужого горя, слова будут неуместны. Филис едва заметно кивнула и улыбнулась одними губами, но глаза ее оставались пусты и лишены привычного огня.

Хлоя последний раз тяжело вздохнула и затихла, успокоившись.

— Нужно заказать завтрак, — предложила жрица, аккуратно отстраняя девушку. — Тебе и нам тоже необходимо восстановить силы. А на сытый желудок все проблемы кажутся уже не такими страшными.

Альма слабо улыбнулась и кивнула.

— Пойдем в душ, — предложила Саша. — Вчера Доркас обработала тебя нейтрализующим раствором, но его лучше смыть. Заодно освежишься. А ему как раз привезут.

Она нашла способ помочь и почувствовала себя намного лучше. Не бесполезной. Нужной. Сильной. Такое незнакомое чувство, но такое приятное. Оказывается помощь другим тоже приносит удовольствие. Особенно когда видишь результат.

Землянка настроила душ и принесла одежду — все ту же форму гиатросов из шкафа. Убедилась, что Хлоя не упадет и сама сможет себя обслужить, после чего вернулась в каюту.

Филис заканчивала делать заказ с панели управления у двери. Саша хотела задать вопросы, но понимала, что ее личные проблемы пока неуместны. Поэтому решила узнать о другом:

— Та раса... Кошки. Те, кто хотел забрать Хлою, кто они?

— Раххи?

Жрица вернулась к столу и замерла, опираясь на спинку одного из стульев.

— Зачем им женщины? То есть... У них же другой вид, зачем им... люди?

По лицу киорийки пробежала тень, и без того нерадостное лицо стало жестким. Скулы и подбородок заострились, став более заметными, губы сжались, вытянувшись в линию. Вокруг глаз проступили морщинки. Пожалуй, впервые Филис выглядела близко к своему возрасту.

— Ты правильно заметила. Раххи происходят от диких кошек. На их планете представлены несколько разновидностей. Пятнистые, полосатые, однотонные, темные и светлые. Раххи не входят в Совет Безопасности, а посещать их планету не рекомендуется. У них не хватает самок. Точнее их не хватает самцам... Раньше некоторые виды жили прайдами, в котором на трех-четыре самцов приходилось примерно десять самок. Но постепенно, с развитием цивилизации гендерный состав изменился. Самок и самцов стало примерно поровну, выживаемость повысилась, а сексуальный аппетит остался прежним. Теперь на время овуляции самка сама выбирает себе партнера, а в остальное время самцам приходится искать... удовлетворение в других местах.

У Саши похолодели руки.

— И они для этого покупают женщин?

Жрица вздохнула.

— Как правило, похищают... На Киорис они не лезут, им не нужны проблемы и открытые конфликты, в космосе хватает неразвитых планет, где они могут набрать необходимое. Покупка — редкость, скорее всего, Хлою хотели взять для размножения.

— Но... они же... то есть, разве наши виды совместимы?

— Раххи стали очень изобретательны во всем, что касается размножения и технологий репликации ДНК. Они создали последовательность, которая позволяет им проводить генетические изменения над некоторыми подходящими видами, после чего они могут завести потомство.

Формулировки Филис были очень мягкими и обтекаемыми, но Александра в красках представила себе лаборатории, ставящие эксперименты над женщинами, несчастных жертв этих экспериментов. Беременных. Напуганных. Усталых. Что их ждет после генетических изменений? Жизнь в той же лаборатории и постоянные роды и беременности до конца дней? За Хлою заплатили больше, чем за Танис, но насколько? Какова была бы ее ценность для покупателей?

— Хлоя — блондинка, — тихо продолжила жрица, — а светлый окрас является рецессивным. Думаю, ее выбрали в подарок кому-то высокопоставленному, чтобы получить красивых детенышей.

— И... сколько она бы там прожила?

— Я не знаю... Никто не видел похищенных женщин раххов, и тем более никто не слышал, что хоть одной из них удалось сбежать. Известны случаи нападения раххов на другие планеты с целью похищения женщин. С этим киорийцы сталкивались довольно часто. Пару раз даже видели тех, кто пережил генетические изменения. Нам показывали снимки... Изучение рас — основной предмет в старших классах. Поэтому Хлоя хорошо

представляла, что ее ждет.

В вишневых глазах отражалась грусть и вселенская усталость. А Сашу пробрало ознобом. Знай она то, что знают киорийки, как бы отнеслась к похищению? Танис и Хлоя были напуганы больше, чем она. Не потому ли, что лучше представляли, к кому могут попасть? И не потому ли Филис заставляла их говорить о детстве и доме, вытесняя более жуткие мысли из головы? Не позволяя поделиться ими и приумножить?

Альма вернулась в каюту почти одновременно с роботом-разносчиком, принесшим завтрак. Как оказалось, заказанный на троих.

— Как вовремя, — жрица почти радостно улыбнулась, занимая выбранное место. — Я еще не успела поесть...

Девушки присоединились к ней. Саша уже позавтракала, а после услышанных откровений кусок не лез в горло. Она лишь равнодушно посмотрела на тарелку с сыром и ягодами, похожим на земной виноград, и перевела взгляд на иллюминатор. Вид космоса ей не надоедал. Скорее успокаивал, навевая мысли о вечном и абстрактном.

— А Танис? Где она? — взволнованно спросила Хлоя. — Эль-Сабцы ее не вернули?

— Она сама не захотела возвращаться, — ответила Филис.

— Почему? — киорийка задала вопрос, который волновал и Сашу, заставив ее отвлечься от созерцания звезд.

— Когда мы напуганы, хотим оказаться в безопасности, но у каждого свое представление о ней. Мы хотим вернуться на Киорис, а Танис... Для нее Эль-Саба стала вторым домом, она понимает змеелюдов, вхожа в близкий круг правительницы и именно там чувствует себя в безопасности. К тому же К`Шиитра предпочитает сотрудничать с Эль-Сабой, а не конфликтовать.

— Но змеелюды входят в Совет Безопасности! — искренне возмутилась альма.

— Да, потому что правительница мудра. Она понимает, что в случае реальной угрозы, ей может понадобиться помощь, которую окажет Совет. Но в то же время, молодые змеелюды должны как-то доказывать свою состоятельность, а для этого им нужны союзники и места, где они могут проявить себя. Например, К`Шиитра, где можно найти заказы на любого наемника. А по законам Эль-Сабы их не накажут даже в случае нашего похищения. И договору о союзе ничего не угрожает.

— Разве это не лицемерие? — пробормотала Хлоя, опуская взгляд в тарелку.

— Большая политика — всегда лицемерие. Быть императрицей непросто еще и потому, что нужно учитывать такие нюансы, видеть союзников насквозь, знать, когда простить им некоторые... слабости, а когда идти до конца.

— Не хотела бы я оказаться не ее месте... — выдохнула Саша, ощутив, как начинает болеть голова от одного только представления всех хитросплетений в Совете.

Филис бросила на нее короткий, но выразительный взгляд, убедивший девушку в том, что жрица все знает. Конечно, знает. И о Пробуждении, и о принце. Знает и молчит, потому что... Чуть позже Александра спросит почему. И получит ответы. Она так устала жить в неизвестности...

Глава 60

После завтрака Саша рассказала Хлое о Земле. Та слушала с широко раскрытыми глазами и заметным восторгом, постепенно вытеснявшим из ее головы жуткие воспоминания о прошедших днях. Затем они вместе смотрели виды планеты, сохраненные в

информационном поле линкора, а потом глупую комедию, в которой приходилось много пояснять, но настроение она все же подняла. Даже Филис, остававшаяся в стороне, начала улыбаться и присоединилась к обсуждению.

В итоге девушки пообедали вместе, а затем оставили Хлою изучать новую информацию.

— У тебя хорошо получилось отвлечь ее, — отметила жрица, пока они шли по коридору. — До прибытия на Киорис ей хватит впечатлений, а там с ней проведут работу. Потеря сознания спасла ее от переживаний во время боя с раххами, надеюсь, похищение останется для нее не более чем неприятным воспоминанием.

— Да, я тоже.

Саша чувствовала себя странно. Словно побывала на студенческой вечеринке, а теперь должна вернуться к обычным будням. Но, пожалуй, ей понравилось. Спокойно болтать, делиться впечатлениями, обсуждать фильм. В юности у нее такого не было, учеба занимала свободное время, а Ольга редко вытаскивала ее куда-то. Она могла бы и чаще, но у нее, помимо Александры, имелись еще подруги и знакомые, с которыми ей тоже нравилось проводить время. А Саша... она была скучной. И теперь остро понимала это. А еще испытывала благодарность к подруге, которая столько лет принимала ее такой, как есть.

Филис остановилась у своей каюты, не спеша приглашать ее внутрь, и девушка вздохнула, понимая, что стоит настоять.

— Нам нужно поговорить, — тихо и твердо сказала она.

Киорийка окинула ее внимательным взглядом, но все же кивнула и открыла дверь. Жестом указала на стол и стулья.

— Прежде, чем мы начнем, хочу предупредить тебя, что сейчас не являюсь представительницей Храма. События на К`Шиитре оказались сложными и для меня поэтому сейчас я лишь киорийка, но не жрица.

— Хорошо, может быть, так даже лучше, — Саша вздохнула, не зная, с чего начать, но потом выдохнула: — Вчера я целовалась с Икаром.

Филис усмехнулась и кивнула:

— Теперь ты знаешь...

— Да, и я хотела понять, почему ты не говорила об этом раньше.

— А как бы ты отреагировала, если бы узнала о пробуждении командера сразу? — вкрадчиво поинтересовалась собеседница, расслабленно откидываясь на стуле.

— Наверное... испугалась. Мне и сейчас не совсем комфортно. А раньше... Я бы подумала, что должна ответить ему взаимностью.

— Вот именно, ты чувствовала бы себя обязанной, что в корне неверно и наложило бы на тебя ограничения, которых быть не должно.

— Но разве я не несу ответственность за Икара и его эмоции?

— Мне казалось, мы достаточно долго с тобой говорили, чтобы ты поняла — ты несешь ответственность только за себя. И свои эмоции. Да, Пробуждение — сложный процесс, но в первую очередь для мужчин. Женщина решает участвовать в нем или оставаться в стороне, позволяя природе самой расставить все по местам. Природе и жрицам. Мы наблюдаем за каждым пробуждающимся и оказываем им помощь по мере необходимости. Любую. Ты ничего не должна ему и тем более не отвечаешь за него. Что он сказал тебе после?

— Что мне нужно подумать, а потом мы поговорим...

Саша ответила автоматически, все еще пытаясь уложить в голове объяснение. Сейчас она принимала его гораздо легче, а раньше... Она бы дергалась. Нервничала. И не смогла бы

нормально разговаривать с женщиной. Ей и сейчас сложно было представить их встречу, но... Внутреннее ощущение свободы выбора совпадало с тем, что говорила Филлис. И от этого она чувствовала себя лучше. Намного лучше.

— Принц мудрее, чем я думала. И он терпелив. Это похвально. Он не торопит тебя и уважает твой выбор. А затем примет его.

— А если я ошибусь? Сейчас решу одно, а затем другое? Или...

— Это вторая причина, по которой я молчала, — спокойно перебила ее метания киорийка. — Твое представление об отношениях основано на опыте, приобретенном на Земле, в совершенно другом мире и обществе, поэтому ты можешь представлять угрозу для командера.

— Я?! — испытанное потрясение вытеснило все остальные мысли. — Но я же...

— Ты, твоя нерешительность, страхи, пережитая боль и насилие. Опыт всегда остается с нами. Иногда воспоминанием, а иногда навсегда приобретенными привычками или навыками. В тебе живет насилие. Так или иначе, оно внутри тебя. И оно несет угрозу для окружающих. Я не говорю о том, что ты хочешь причинить боль другим. Это патология, и ее мы бы уже выявили. Но ты можешь сделать больно. Неосознанно, не желая, по незнанию. Или просто потому, что ты привыкла поступать именно так в определенной ситуации. Ты работаешь над собой. И я вижу результаты. Ты очень стараешься и постепенно становишься более здоровой. Спокойной, уравновешенной. Опыт столкновения с насилием не всегда приносит негативные результаты, иногда он тоже полезен — например, ты намного проще пережила похищение, чем Танис или Хлоя. Посмотри на себя, ты научилась справляться со стрессом, и сегодня уже почти такая же, как в день похищения, а девушкам еще только предстоит пройти путь восстановления. У каждого он свой...

— Значит, я могу быть опасна для Икара?

Пожалуй, ничто другое не могло бы потрясти ее больше. Неужели, ее защита может перейти в нападение? В превентивные удары? Бей своих, чтобы чужие боялись. Неужели, она на такое способна?

— Во время Пробуждения мужчины особенно уязвимы. Их эмоциональная составляющая еще только начинает развиваться. В раннем возрасте все проходит довольно легко, дети более гибкие и проще приспосабливаются к переменам. Чем старше мужчина, тем сложнее ему во время Пробуждения и тем ниже вероятность того, что он вообще сможет пробудиться. Да, ты можешь быть опасна для него. Как и любая другая женщина. Поэтому киорийки не всегда соглашаются быть рядом с пробуждающимися мужчинами, а откладывают встречи с ними до более или менее стабильного эмоционального периода.

— То есть отношения могут начаться не сразу?

— А ты думала, киорийцы бросаются в омут с головой? — лукаво улыбнулась жрица. Избавиться от восприятия ее как наставницы было сложно, но говорить сейчас, когда Филлис перестала казаться идеальной, оказалось легче.

— Сейчас я думаю, что ничего не понимаю вообще... Будто мы говорили и говорили раньше, но все время о другом. А теперь все так повернулось.

— Мы говорили о твоём прошлом. О тебе, и снова о тебе, а теперь ты познаешь себя через взаимодействие с другими. С обществом. С группой. С женщиной. Или подругой. Ты видела себя своими глазами. Жалела. Сочувствовала. Училась любить себя. И понимать. Теперь пора взглянуть на себя со стороны. Какая ты в глазах других? Что ты можешь дать? А что необходимо тебе?

Саша умолкла, размышляя над вопросами. Незаметно подтянула колени к груди и обхватила руками. Нахмурилась, пытаюсь понять. Киорийка ее не торопила. К счастью. Потому что смотреть на себя со стороны оказалось... Неприятно. Все же она эгоистична. Много думала о себе. Носилась со своими обидами и печалью. И странно, что Филис не надоело ее слушать. Няньчится с ней, как с ребенком. Хотя именно ребенком она себя и ощущала до сих пор. Ребенком, который ничего не знает и не понимает о мире вокруг. Но теперь... Теперь она знает немного больше. И значит, все было не напрасно. И обиды тоже. Нельзя обесценивать собственный опыт. Просто нужно сделать шаг вперед.

— Икар ведь станет наследником теперь?

— Скорее всего. Императрица примет решение, но он — первый пробужденный принц. Вряд ли в ближайшее время двое других также пробудятся.

— И ему нужна жена, которая станет императрицей?

— Позже да, ему понадобится жена, и теперь он сможет ее выбрать. Завести детей. Семью.

— Но я не обязана выходить за него замуж и становиться императрицей?

— Не обязана.

— И, если... Если мы попробуем. То есть... — Саша набрала полную грудь воздуха и выдохнула. Ладони стали влажными. Она чувствовала себя словно на экзамене. На самом важном экзамене в своей жизни. — Мне нравится Икар. И дело не в том, что он — принц. И даже не в том, что он командир корабля. Просто... Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Ты права. Он терпелив. И уважает мое мнение. Слышит меня. Это важно. Сейчас я понимаю насколько важно. Особенно мне. Я хочу узнать его лучше. Мы мало говорили о нем и его жизни, и мне жаль, что столько времени упущено. А еще... он привлекает меня физически, а я давно не испытывала к мужчинам желаний. Думаешь, этого достаточно?

— Думаю, более чем достаточно. Но какая разница, что думаю я? Ведь важно только твоё мнение. И твои чувства.

— Мне нужно вернуться домой...

— И принц не станет тебя останавливать, когда придет время. Но ты можешь вернуться, если захочешь. Или остаться на Земле. Решать тебе. И не стоит загадывать все наперед. Да, похвально, что ты думаешь о будущем, но сейчас ты не можешь учесть все факторы, влияющие на него. Попробуй подождать. Возможно, со временем все прояснится.

— Мне кажется, на Киорисе я прожила целую жизнь... Совершенно другую, не похожую на ту, что проходил на Земле. Я даже не уверена, что смогу там остаться, но и здесь я не чувствую себя своей. Понимаешь? — Саша взглянула на Филис.

— Понимаю. Ты — на перепутье. Это не плохо, ведь дает тебе новые возможности.

Девушка кивнула, соглашаясь, а потом снова окинула киорийку взглядом. Все же она выглядела не так, как обычно. Печальной и усталой.

— А ты? Ты тоже на перепутье?

— Скорее я хожу по кругу. Вчера я поступила не слишком правильно, и теперь не знаю, что с этим делать. По возвращении меня ждет изоляция. А там будет время подумать и решить.

— Тебя наказывают?

— Нет, совсем наоборот. Это похоже на отпуск или каникулы. Отдых от всего и всех. Он пойдет мне на пользу. А когда я восстановлюсь, смогу вернуться в Храм.

— Мы еще увидимся? Я не хочу работать с другими жрицами.

— Тебе больше не нужен наблюдатель. Ты справляешься. И справишься со всем остальным. А если понадобится совет, обратись к Элпис. Она наблюдает за императорской семьей, и будет приглядывать за принцем. Ее опыт может оказаться полезен.

— Но мы увидимся? Когда ты вернешься?

— Если получится...

Саша кивнула, понимая, что никто не может дать ей гарантий. Она не хотела расставаться с жрицей, привыкнув, что всегда может обратиться к ней, но в то же время понимала — перемены необходимы. И скоро их будет много...

Глава 61

Бесконечно долгий день, полный откровений и новых знаний, для Саши закончился в медицинском блоке. Она сама зашла к Доркас, понимая, что нужно прояснить еще один момент перед разговором с Икаром.

Гиатрос встретила ее усталым, но внимательным взглядом.

— Что-то случилось? Голова не болит? В глазах не темнеет?

— Нет, — девушка покачала головой, осматривая капсулы, в которых спали раненные. — Я здесь по личному вопросу.

Киорийка отложила планшет и развернулась к ней.

— Внимательно слушаю.

— Понимаешь... — Саша опустила взгляд, чувствуя, как кровь прилила к щекам. — Я хотела узнать... Как... как киорийки... какие у вас есть средства контрацепции?

Она закрыла глаза, ощущая себя подростком в аптеке, впервые покупающим презервативы. На Киорисе, конечно, с сексом все обстояло иначе, но ответная реакция представлялась как-то... вяло.

Впрочем, Доркас не отреагировала вообще никак. И заинтересованная тишиной Саша решила приоткрыть один глаз, а затем и второй, заметив, как гиатрос, отъехав на стуле в сторону одной из тумбочек, что-то достает из нижнего ящика.

— В полете такие вопросы встают нечасто, но здесь есть несколько комплектов, — пояснила она нейтральным тоном. — Мы используем пластырь. Крепится на плечо, настраивается на гормональную систему в течение суток-двух, действует в зависимости от выбранного срока — месяц, полгода или год. Те, что рассчитаны на длительный срок, нужно периодически проверять. Если в жизни много стресса, и гормоны постоянно скачут, может действовать меньше. Стандартная проверка — раз в три месяца. Выбирай.

На стол легли полоски, разделенные на квадратики, в каждом из которых находился круглый пластырь. Зеленый, розовый или голубой. Упаковка настолько походила на знакомые уже презервативы, что стало даже смешно.

— А венерические заболевания? — уточнила Саша, не торопясь брать что-то одно.

— Ты про инфекции половых путей? У киорийцев их не бывает. Обычно они возникают при контакте с другим видом или расой — своеобразный иммунный ответ. Но если ты переживаешь, — рядом с пластырями лег пузырек с таблетками. — Иммуномодулятор широкого профиля. Укрепит твою иммунную систему, после посещения К`Шиитры будет очень кстати. Одну таблетку растворяешь в стакане с водой, выпиваешь. Один раз в день. Лучше утром. К моменту окончания флакона твоя иммунная система временно станет как у киорийцев. Похожий препарат тебе вводили во время операции, чтобы облегчить адаптацию

на корабле и Киорисе.

— Спасибо, — выдохнула девушка, сраженная новой информацией.

— Так какой выбираешь? — Доркас указала на пластыри: — Месяц? Полгода? Год? На коже они поменяют цвет на телесный, маркировка используется только для определения срока действия.

— Давай на полгода.

Саша не планировала столько времени проводить на Киорисе, но последнее время в ее жизни происходит слишком много незапланированных событий. Лучше перестраховаться и выбрать средний вариант. Если она попадет на Землю раньше, там никто не будет диагностировать действие пластыря, а вот снять его...

— Он же легко отклеивается? — подозрительно уточнила девушка, закатывая рукав туники и наблюдая, как Доркас ловко готовит розовый пластырь.

— Когда перестает действовать — отваливается сам. Если захочешь снять раньше, отклеишь сама. Да, это легко.

— Спасибо. Я тебя не сильно отвлекаю? Выглядишь усталой.

Гиатрос обработала кожу салфеткой, а затем наклеила розовый кружок.

— Прошлой ночью было несколько сложных ситуаций, но сейчас уже все стабильны. Последние десять часов никаких происшествий. Так что еще полчаса и лягу спать, — она прижала пластырь пальцем, проверила, достаточно ли гладко прилегают края. — Вот так. Когда поменяет цвет — начал работать в полную силу. Можно приступать к постельным утехам.

Саша одернула рукав и вздохнула свободнее. Флакон с таблетками сжала в кулаке. По крайней мере, теперь она готова к любому варианту развития событий.

— Ты ничего не спросишь?

— А разве меня касается твоя личная жизнь? — Доркас собрала оставшиеся пластыри и убрала обратно в ящик. — Могу лишь посоветовать иметь близость по обоюдному согласию и не насиловать никого из мужчин хотя бы на линкоре.

— Что?..

Александра не успела возмутиться, как заметила дрожащие от смеха губы и блестящие глаза собеседницы.

— Извини, я не хотела тебя обидеть, но не смогла удержаться от шутки. Вторые сутки без сна — чувство юмора становится специфическим. Ты не обиделась?

— Нет, — Саша невольно улыбнулась в ответ, понимая, что не может злиться на гиатрос. Да и за что? Скорее всего, такая шутка для киориек в порядке вещей. — Надеюсь, ты сегодня отдохнешь. Спокойно тебе ночи.

— Надеюсь, у тебя сегодня тоже будет спокойная, пластырь еще не действует...

Медблок девушка покидала с улыбкой и под мелодичный смех в спину, но чувствовала себя совершенно свободной...

...Ему было, чем заняться. Отчет главнокомандующему о завершенной операции. Пересказ встречи с главой разведки Эль-Сабы. Приложение видео-файлов к отчетам. Проверка раненных. Разговор с императрицей. Отправка послания Валирису с личной просьбой. Да, ему хватало дел, но чем бы ни занимался командер, из головы не выходила Александра.

Он с трудом смог уснуть ночью. Кровь бурлила. Сердце стучало. Тело взбунтовалось. Он

ворочался. Отжимался. Принимал холодный душ. А потом занялся делами. И почувствовал себя как никогда эффективным. Словно сил стало больше. А разум будто вообще работал на двух каналах одновременно. Отсеивал нужную информацию и бесконечно прокручивал мгновения прошлого вечера.

В конце концов, дел не осталось. А вот время... Он обещал дать ей подумать, а потом поговорить. Но сколько ему ждать? Будет ли правильно встретиться завтра? Или она придет сама? А если не придет и вообще постарается избегать его? Она ведь такая пугливая.

Последняя мысль неожиданно вызвала прилив тепла в груди.

— Судя по твоей улыбке, встреча с землянкой прошла хорошо.

Икар поднял взгляд от планшета, на котором просматривал последние данные с Киориса, и взглянул на Байона, чье дежурство начиналось только через четверть часа, но тот решил заглянуть пораньше.

— Я даже не заметил, что улыбаюсь, — принц задумчиво провел пальцами по губам, отмечая, что уголки так и норовят уползти вверх.

— И весьма мечтательно. Еще и этот блеск в глазах. Такой, знаешь, характерный. Встречается у каждого второго в момент Пробуждения. Меня в свое время просветили.

Друг улыбался, но глаза у него оставались грустными, а выражение лица казалось натянутым через силу.

— Нужно лучше себя контролировать, иначе к концу полета весь экипаж будет в курсе, — Икар отложил планшет.

— И какая разница? Они только порадуются, что наследник пробуждается. Это ведь гарантия будущего. А кто твоя... избранница им знать необязательно.

— Только догадаться, учитывая появление на линкоре всего трех новых женщин, не так уж и сложно.

— Но не так уж и просто. К тому же их четыре, не забывай про гиатрос Доркас. И она, кстати, отличное прикрытие, если ты не хочешь демонстрировать ваши отношения. Любое начало проявления эмоций можно связать с ее появлением, а не со спасением пленниц.

— Нечего еще демонстрировать... Она должна решить, чего хочет.

Он вздохнул, ощущая одновременно тепло и тянущее чувство неуверенности. Байон сел в кресло рядом, приложил к панели указательный палец, активируя и запуская диагностику, а пока пульт моргал огнями и выдавал короткую сводку, просто смотрел в иллюминатор.

— Она совсем не похожа на Талию. Точнее... Когда смотришь в первый раз сходство ослепляет. Но потом... Цвет глаз, улыбка, волосы, походка, жесты — она совсем другая. И я рад этому.

— Я тоже. Ты хорошо себя чувствуешь?

Выглядел капитан не очень. Не так, как после их прошлого полета, но и уже не так, как в Храме. Бой подкосил его. Вернул в некое промежуточное состояние, которое могло обернуться... новыми трудностями.

— Не совсем, — Байон вздохнул. — Извини, что порчу тебе такие моменты. Просто... Я подам в отставку. Как только вернемся. Я не могу, Икар. Больше не могу воевать.

— Я понимаю. Уверен, ты сможешь найти для себя дело. И, если хочешь, можешь остаться во дворце. Императрица будет рада. Ты всегда будешь для нас как член семьи. И другом для меня.

— Спасибо. — Лицо друга немного разгладилось, но в глубине глаз осталась тоска, которой он явно не собирался делиться. — Иди, отдыхай. До конца полета я еще служу. Так

что здесь все под контролем. И, я думаю, она будет с тобой.

Икар невольно улыбнулся и тут же постарался вернуть лицу былую невозмутимость. Будь все иначе, он не стал бы скрывать ни свое Пробуждение, ни Сашу, но сейчас, когда война с Этрой буквально дышала в затылок, он не мог позволить себе продемонстрировать слабость. Девушка может пострадать только потому, что невольно дала Киорису надежду на будущее. Этроссы прекрасно знали порядок наследования, а после объявления на Играх, их понимание всей ситуации — лишь вопрос времени. Счет идет на дни, если уже не на часы.

Возможно, он зря не сдержался и раскрыл себя. Зря подвергает Александру опасности. Правильнее было бы посадить ее на корабль и отправить обратно на Землю, подальше от войны. Но... Все уже сделано. Да и... Он расскажет. Он все расскажет и объяснит, если она захочет слушать. Если вообще захочет его увидеть. Возможно, даже снова поцеловать. Как вчера...

Зеркало в очистительной зоне отразило то, о чем говорил Байон. Характерный блеск глаз. О да... Выражение лица тоже... вне критики. А что будет дальше? И стоит ли так поддаваться эмоциям и продолжать?

Им с детства говорили, что эмоции сильны. И их нельзя блокировать. Запирать негативные, надеясь, что со временем они сами пройдут, молчать о позитивных, обесценивая их важность. Да, нельзя. Но если... Если на одной стороне стоят его чувства, а на другой — жизнь человека. Что важнее?

«Доверие. Оно важнее всего. Думаешь, я не волнуюсь, когда Байон идет в бой? Я места себе не нахожу. Особенно если далеко и ничего не могу сделать. Но я знаю, что он — хороший пилот. Он отлично оценивает риски и справляется с поставленной задачей. А еще, если бы не он, я бы не смогла сделать даже половины того, что делаю сейчас. Доверие — это самая важная часть любви. Когда рядом находится настоящий партнер. Равный. Только тогда можно любить свободно...»

Тогда он мало понял сестру, готовящуюся к приему на Эль-Сабе и получившую послание, что Байон отправлен в систему Пескара оказывать гуманитарную помощь, а точнее вывозить беженцев из опасных секторов, потому что очередной циклон неожиданно разыгрался.

Друг тоже говорил о доверии, когда они летели к шиитранцам. Тогда ему оставалось только верить и надеяться. Теперь... утром он узнает.

Глава 62

После завтрака накатило волнение. Точнее оно было и раньше, но как-то не замечалось, откладывалось. Все-таки надо сделать зарядку, поесть, привести себя в порядок, проверить пластырь, оказавшийся почти телесного цвета. С бледным оттенком розового, который заставил нервничать. Как-то странно понимать, что тело уже почти готово к близости, хотя ничего еще не обсуждалось и тем более не решено.

Саша опустила рукав туники. Пригладила волосы. Покрутилась перед зеркалом. Села за стол. Встала. Подошла к выходу из каюты. Замерла. Вернулась к столу. Экран иллюминатора транслировал изображение киорийского океана в лучах рассвета. Сине-зеленые волны, подсвеченные золотисто-розовым. К изображению можно подключить звук, и даже запах. Помедитировать, настраиваясь на позитивный лад или душевное равновесие. Равновесия ей отчаянно не хватало.

Что, если... Если... Она глубоко вздохнула. Нельзя предусмотреть все. Как бы ни

хотелось, никогда не получишь гарантию того, что отношения будут идеальными. Или счастливыми. Но разве ей не хочется попробовать? Разве... она не заслужила второй шанс? И, даже если ничего не выйдет, разве Икар похож на Влада?

Саша снова вздохнула и, решившись, направилась к выходу. Нужно просто выйти из каюты. И встретить принца. Черт, принца... Настоящего принца. Решимость сразу улетучилась, сметенная ворохом сомнений. Но рука уже легла на панель управления, и дверь бесшумно отъехала в сторону. На мгновение девушка задержала дыхание, опасаясь и надеясь, что увидит Икара в коридоре, но чуда не случилось.

Она немного потопталась на пороге, но все же заставила себя выйти. Сердце грохало в ушах, ладони вспотели. Захотелось вернуться и запереться. Но два глубоких вдоха почти уладило тело, а мысленный пинок придал ускорения. Всего лишь разговор. Кто сказал, что сегодня нужно что-то решать? И вообще... что такого? Двое взрослых людей хотят обсудить отношения между собой.

Влад разговоры не любил. Не об отношениях. Не о них. Он мог говорить о работе. Высказывать свое экспертное мнение о фильме или книге, давать советы, отвечать комплименты или гадости. Но всегда избегал разговоров о чувствах. И приучил ее, что они не важны.

Саша замерла перед каютой, обведенной зеленой подсветкой. Изумрудный — цвет императорского дома. Теперь она понимала. И ее собственную каюту подсвечивал голубой — знак того, что она пациентка и относится к медицинскому блоку. Да, за последний месяц она многое узнала, поняла. В том числе и о себе. Но вот с людьми... ей все еще было страшно. И поднять руку, чтобы прикоснуться к сенсору, оказалось сложно. А уж стоять и ждать...

Когда дверь отъехала в сторону, и перед ней возник Икар в привычной уже форме, девушка попыталась улыбнуться:

— Доброе утро...

Приветствие больше походило на писк, а сердце вдруг капитулировало куда-то в пятки и, видимо, решило там остаться.

— Я...

Мысли вылетели из головы. Все. Умные, заготовленные фразы и жалкие попытки импровизации. И даже придуманные отговорки для худшего случая. Правда, Саша сама плохо понимала, как должен выглядеть худший вариант, но что-то там придумывала за завтраком. А вот теперь...

Рот открывался и закрывался. Губы шевелились. Но звук не шел. А вот время было беспощадно. И с каждой прошедшей секундой, Александра чувствовала себя все хуже и хуже.

— Я как раз хотел к тебе зайти. Пройдешь? — он отступил в сторону, позволяя заглянуть в каюту. А Саша механически кивнула и вошла, испытывая облегчение от того, что мучительный момент позади. Внутри, правда, лучше не стало...

Каюта Икара оказалась просторнее. И обставлена совершенно иначе. Рабочее место больше и удобнее. Пустое пространство вместо обеденного стола и стульев. Странный манекен с защитным костюмом, похожим на те, что носили забравшие их с К`Шиитры киорийцы. Только мощнее? Более сложный? Саша не поняла и остановилась посреди каюты, не решаясь подойти к просторной, аккуратно застеленной кровати, по одну сторону которой находился шкаф, а по другую — дверь в очистительную зону. Иллюминатор отражал лишь бескрайний космос.

— У тебя так много места...

— В свободное время я тренируюсь, а поесть можно в столовой или на рабочем месте.

Раньше мне казалось, что так удобно.

— Раньше? — она обернулась, и оказалось, что Икар остановился на расстоянии вытянутой руки. Так близко и в то же время, не стараясь приблизиться, словно давая ей возможность привыкнуть.

— До Пробуждения, — выдохнул он, не спуская с нее взгляда. Такого неожиданно осязаемого. Волнующего. Заставившего сердце вернуться на место и забиться испуганной пташкой.

— А теперь? — Саша облизнула в раз пересохшие губы.

— Думаю, нужно что-то изменить. Смотреть фильмы на большом экране удобнее. Наверное, стоит поставить стулья.

Он говорил серьезно, но девушку не покидало ощущение некоторого сюрреализма ситуации. Они — взрослые люди, а говорят... о мебели?

— Стоит. Или диван. На нем удобнее.

— Он не входит в стандартную обстановку кают, но я подумаю. Я напугал тебя?

— Нет! — поспешила опровергнуть Саша, но тут же прикрыла глаза и выдохнула: — Да. Немного. Я испугалась не тебя. Просто... я с Земли. И... все сложно.

— Непросто, — Икар кивнул, не пытаясь ее переубедить. И это было правильно. Честно. Стало чуть спокойнее.

— Я... я была у Доркас. И поставила пластырь. На полгода. Я... я не знаю, как... все будет. Но... просто хочу, чтобы ты знал. Ты — принц, а значит, твои возможные дети — будущие наследники Киориса. Я не хочу еще сильнее все усложнять. У меня и так... странная жизнь.

— Это мудро, — он неожиданно улыбнулся. Не как тогда в ванной, когда его застывшее лицо вдруг растянулось в странной гримасе, а легко, естественно, будто делал это всегда. И лицо преобразилось. Оно стало живым. В глазах появились искорки, а в уголках губ — ямочки. Смотреть, как он улыбается, оказалось так странно, так заразительно. И так приятно, что Саша улыбнулась в ответ.

Ее затопило странное чувство тепла и какого-то неуловимого ощущения чуда. Как тогда, когда она в первый раз встречала рассвет после выпуска из школы, и жизнь казалась безоблачной и бесконечной. Полной надежд и мечтаний...

...Она улыбнулась. И страх пропал. Тот, который уже стал привычен и всегда виделся в ее глазах. Он ушел. А осталась... радость? Икар был не уверен, что правильно считал эмоцию. Все же понять другого человека, тем более женщину — сложно. Но с ней... С ней все иначе.

— Чего бы ты хотела?

— Сейчас?..

— Необязательно.

— Я... не знаю. Не уверена, — она нахмурилась, и меж бровей пролегла тонкая складочка, которую сразу захотелось разгладить. — Я бы не хотела торопиться... То есть, я, конечно, готова... Физически, — тут на щеках вспыхнул румянец, — но не морально. В смысле, ты не вызываешь у меня отвращения, но...

Он поднял руку и прижал палец к ее губам. Осторожно. Едва касаясь. Но чувствуя на

коже ее дыхание.

— Я понимаю. Мы не будем торопиться. И не станем кого-то извещать, если ты не захочешь. Все останется между нами.

Она заметно расслабилась и приободрилась. Зрачки расширились. И глаза стали темнее. А дыхание сбилось. Икар почувствовал. Также как и жар, прошедший по собственному телу.

— А... как на Киорисе пары проводят время вместе?

Он убрал руку, опасаясь, что не справится с собой и накотившим вдруг желанием.

— Честно говоря, я не слишком хорошо разбираюсь... Знаю, что Талия и Байон могли делать, что угодно. Они почти всегда были вместе.

— Значит, нет никаких ухаживаний? Ритуалов?

— А на Земле есть?

Саша снова нахмурилась, а взгляд затуманился, словно она вспоминала. И что-то не очень приятное, раз зрачки превратились в точки. Он хотел бы отвлечь ее или вычеркнуть те воспоминания, но она прикрыла глаза и сама справилась с прошлым.

— Есть, но... я не хочу их вспоминать. Значит, мы можем делать, что угодно?

— Да. Но не торопиться.

Девушка улыбнулась. И кивнула. Взгляд все еще оставался задумчивым. Но не застывшим.

— С чего начнем?

Икар окинул пустое пространство взглядом.

— Завтра мы уже будем на Киорисе. А раз в моей каюте не совсем комфортно, сегодня можем вернуться к фильмам. Я бы хотел показать тебе одно место... когда мы вернемся. Мне кажется, тебе понравится.

Ее глаза вспыхнули неподдельным интересом.

— Какое? Хотя... Пусть будет сюрприз. Не говори.

— Ты любишь неожиданности?

— Нет, скорее я их терпеть не могу, но... Ты... Ты не сделаешь мне больно.

Ее лицо стало очень серьезным. Словно сейчас она приняла для себя какое-то решение. Именно сейчас, а не тогда, когда переступила порог каюты, не зная, чего ждать от разговора.

— Я очень постараюсь, — пообещал Икар. — Я знаю, что тебе было непросто. И понимаю, что наши культуры очень разные, но я очень хочу узнать тебя ближе. И не хочу причинять боль. Я наверняка буду совершать ошибки. И прошу прощения, если они будут казаться непоправимыми. Если случится так, что я тебя обижу — прошу, скажи мне об этом. Я постараюсь исправиться. Также и я хочу говорить правду о своих чувствах и прошу не играть ими, потому что они — искренние.

Он не планировал говорить так много, но слова шли сами. И ответом ему стал судорожный вздох. А потом Саша шагнула ближе, обхватила его лицо руками, и он снова ощутил вкус ее губ...

Часть 4. Исцеление. Глава 63

Обитель. Широкие террасы, вписанные в естественный ландшафт острова. Несколько невысоких зданий, построенных в классическом стиле, соединенных легкими, воздушными галереями. Широкие лестницы, украшенные статуями забытых богов. Розовый мрамор, отполированный до зеркального блеска. На рассвете и закате стены Обители вспыхивают, кажутся прозрачными, пронизанными светом и теплом. Они и сейчас, после полудня,

блестели так, что приходилось отводить взгляд.

Пилот мягко опустил четырехместный гражданский флаер на стоянку, расположенную на берегу. Филис дождалась, пока он деактивирует систему безопасности. Ремни, фиксировавшие ее на сидении, сначала ослабли, а затем опали. Защитное поле, затянувшее стекла золотистой пленкой, пропало. Щелкнул замок на двери, сообщая, что можно покинуть кабину.

— Спасибо за поездку.

— Хорошего вам дня, иерия, — пилот вежливо кивнул, дожидаясь, пока она выйдет, чтобы отправиться обратно.

Филис проводила флаер взглядом, пока он не скрылся за облаками, и направилась к лестнице. Ее не встречали. Да и зачем? Дорогу она знала, цель визита — тем более. Время для встречи с матерью настоятельницай подойдет лишь завтра, когда она отдохнет от путешествия.

После долгого сидения размеренная прогулка с постоянным подъемом пришлась к месту. Конечно, можно было воспользоваться экспрессом, а потом подводным монорельсом, станция которого находилась глубоко в пещерах под островом, но... Она слишком устала, чтобы даже мельком взаимодействовать с окружающими, а непробужденный пилот, сосредоточенный лишь на своем деле, то, что нужно, в такой ситуации.

Филис остановилась на первой круглой площадке, в центре которой журчал фонтан, а по периметру располагались удобные скамейки. Можно отдохнуть, полюбоваться видом на водную гладь и соседний остров, отсюда похожий на кусок малахита с глубокими прожилками — разрывами скал, в которых скрывается богатейшее месторождение мрамора.

Место для Обители выбрали неслучайно. Приказ о ее строительстве отдала еще Мелпомин, желавшая получить неприступную крепость, в которой можно будет укрыться от врагов. Остров с его растительностью и несколькими источниками пресной воды подходил идеально, а открытые по соседству каменоломни решили вопрос с материалом. Однако строительство продвигалось медленно. И императрица не застала его окончание.

Ее наследник оказался более беспечен, к тому же ему пришлось едва ли не воевать за власть с собственной женой — ставленницей матери. Строительство забросили, как и каменоломни. Мрамор добывали и в других местах, смысла разрабатывать столь неудобно расположенное месторождение не было. Заложённый фундамент постепенно зарастал, остров быстро возвращался к своему первоначальному облику, и вновь потревожить его решились лишь при правнучке Мелпомин, которой под руку случайно попался проект крепости.

Время тогда было уже совсем другое. Императрица правила, и ни у кого не возникало сомнений в ее возможностях и правах. Пусть ей и приходилось нелегко, но идеи, заложенные ее прабабкой воплощались в жизнь, и, единственное, чего желала Алкмена — места для отдыха и уединения. Она пригласила архитекторов из старой Нимфеи и приказала разработать новый проект. Уже не крепости, но дворца, в котором воплотилось бы все величие Птолемеев.

Тогда и прибыл сюда пока еще никому неизвестный, но подающий большие надежды архитектор Сотирис. Уже пробужденный, женатый, мечтающий создать нечто великое, горящий огнем жизни и силы. Именно здесь он обрел то, чего желал — простор для реализации своих желаний.

Каменоломни возродили, корабли потянулись от острова к острову и обратно.

Застучали топоры, спеша очистить территорию будущего комплекса. Стоит отдать ему должное, Сотирис бережно относился к природе и стремился сохранить, что драгоценные кедры, что экзотичные, встречающиеся лишь на островах голубые ели, опунции, мушмулу... Часть из них пересаживали, часть вывозили в огромных кадках, чтобы императрица могла создать сад, равного которому не будет во всем Киорисе.

Строительство затянулось на долгие двадцать лет. За это время Сотирис успел создать проект реконструкции императорского дворца, домов нескольких сенаторов, знаменитого Колизея, но больше всего времени он уделял Обители — тогда ее называли Дворцом Уединения. Он приезжал сюда один или с семьей, бродил между недостроенных зданий, показывал рабочим, как правильно стоит держать инструмент и даже не смущался сам брать его в руки, чтобы отделка не потеряла в качестве и выглядела именно так, как он и задумал.

На открытие Алкмена отправилась в окружении приближенной свиты, в обществе младшего сына и его семьи, на пяти кораблях, ни один из которых так и не достиг острова. Буря, разыгравшаяся в океане, оказалась непреодолимой. Когда она утихла, к берегу выбросило лишь тела некоторых несчастных, обломки кораблей, сундуки с драгоценностями и тканями...

Сотирис, ждавший прибытия императрицы в Обители, был сокрушен трагедией. Неизвестно, что огорчило его больше: то, что труд стольких лет оказался так и не оценен, или гибель покровительницы, благодаря которой он стал великим еще при жизни. По одной из версий архитектор являлся любовником императрицы, по другой — влюбился в нее, быстро охладев к своей жене, но чувства его остались безответны. Истина осталась в прошлом, дневники архитектора отправились в его погребальный костер, а личный архив Алкмены был уничтожен ее дочерью.

Если бы она могла, Мелита уничтожила бы все, что создавала ее мать. Отношения у них были сложные, а трагическая гибель, произошедшая столь внезапно, отрезала любые возможности к примирению. Мелита хотела уничтожить Обитель, даже отдала приказ, но прежде захотела посетить неведомый дворец, а приехав, изменила решение.

Один из ее придворных писал, что императрица бродила меж строений, рассматривала мозаику на стенах, статуи, природу, сохраненную во всей ее дикой красоте, и молчала. Она не проронила ни слова за время осмотра, а затем вернулась на корабль, отменила приказ и больше никогда не возвращалась на остров.

О дворце снова забыли. Вскоре умер и Сотирис. История пошла на новый виток. Вплоту до еще одного случайного открытия. Один из купцов перевозил свои товары с материка на материк, попал в шторм, уничтоживший корабль, но выжил вместе с несколькими членами команды, и оказался здесь. На острове. В пустом, необитаемом дворце, окруженном плодоносящими деревьями и фонтанами с питьевой водой. Моряки провели в Обители почти год, пока их не забрал очередной купеческий корабль.

Они выжили, но разум их повредился. Бурей или перенесенным испытаниями. Они рассказывали о чудовище, что обитает в глубинах острова, которое нельзя тревожить. Жаловались на голоса, которые слышали по ночам. Одни описывали смех, другие — крики ужаса и боли. И все умоляли доставить их в Храм, что и сделали.

История оказалась столь скандальной, что дошла до Верховной жрицы, которая обратилась к императрице с просьбой навестить заброшенный остров и осмотреть его. Дозволение было получено, и новый корабль отправился к Обители. Осмотр проводили несколько жриц. Они прожили на острове неделю, а затем еще одну, и в итоге, не обнаружив

ничего зловещего, предложили императрице передать Дворец, считавшийся проклятым, Храму. Спустя некоторое время, торг и уступки с обеих сторон, договоренность была достигнута, и Обитель приняла первых сестер.

Мужчины не оставались на острове. Они лишь сопровождали прибывающих сестер, обеспечивая охрану. Корабли оставались на якоре, команды, среди которых моровым поветрием разлетелась история купца, не стремились попасть на берег. А жрицы обретали здесь такой желанный покой и умиротворение...

Филис вошла в жилую часть, где ее встретил робот-уборщик, сразу же направившийся навстречу.

— Добро пожаловать в Обитель, сестра моя, — морщинистое лицо матери настоятельницы на голограмме растянулось в улыбке. — Я рада приветствовать тебя в нашем общем доме. Отдыхай. Завтра я жду тебя после завтрака на западной террасе. Робот проводит тебя к твоей комнате. Пусть время, проведенное здесь, не станет напрасным.

Сообщение оказалось привычно коротким. Жрица невольно кивнула в ответ и перевела взгляд на робота.

— Проводишь меня?

Тот ответил зеленым огоньком и направился к лестнице, легко переполз на стену, минуя ступени, и подстроился под ее шаг.

Жилые комнаты располагались на втором этаже, на первом — общая столовая и кухня, где готовил не только искусственный интеллект при помощи подвластных ему технологий, но и любая гостя Обители. Кладовые всегда были заполнены продуктами, да и других запасов на острове хватило бы, чтобы пережить любую осаду или изоляцию. К счастью, жрицы никогда еще не оказывались в подобной ситуации, но... Времена бывают разные.

Комната оказалась такой же, как и в прошлый раз, а может быть, той же самой. Филис не посещала других жриц и не знала, чем отличаются их покои. Кажется, изначально это строение предназначалось для слуг, и комнатки были еще меньше, но затем, их объединили, переделали, оснастили современными технологиями, сделав вполне уютными и комфортными.

Тонкие занавеси колыхнулись, стоило перетупить порог. Распахнутое окно-дверь выходило на общий балкон, тянувшийся вдоль всего этажа. Кроме кровати и узкого шкафа, здесь находился круглый столик и пара изящных кресел. Ни терминала, ни монитора, лишь аккуратная стопка бумаги и карандаши. Чтобы достигнуть истинного уединения в Обители не пользовались личными средствами связи. Лишь роботы, передающие просьбы, и связь с внешним миром через мать настоятельницу. В первый раз — сложно, теперь — облегчение.

Наверное нигде и никогда Филис не чувствовала себя настолько в безопасности, как на этом острове. Необъяснимое ощущение возвращения домой, в крепкие, надежные объятия, всегда готовые принять и защитить, нахлынуло столь внезапно, что в горле встал ком. Жрица сглотнула его и смахнула выступившие на глазах слезы. Дошла до кровати, каждой клеточкой тела ощущая опустошение и усталость, рухнула на мягкое покрывало, сгребла ткань руками и завернулась в нее, вдыхая родной и знакомый запах — герани и олеандров.

Дрожь прошла по телу, рождаясь где-то в самой глубине. Грубая, тяжелая судорога прошла от пяток до макушки, заставив сжаться, стиснуть зубы, застыть мышцы. Следующая уже прошла легче. На лбу выступил пот, и Филис закусила покрывало, чтобы не стереть зубы. Ее отпускало медленно. Судороги накатывали снова и снова. Затихающими волнами

моря, засыпающего в ночи.

Постепенно они стали мелкими. Охватывающими лишь руку или ногу. Спину. Плечи. Уже не страшно. И не больно. Лишь легкая дрожь, с которой можно справиться. Главное — тишина. Спокойствие, которое пронизывает это место. Они исцелят. Постепенно, как и всегда. Дадут силы и время, чтобы пережить кризис, а затем возродиться. Снова...

Глава 64

Он покинул линкор одним из последних. Когда буря уже пошла на спад, а хлесткий дождь сменился легкой моросью. Сумка с вещами слегка оттягивала правое плечо, ботинки на толстой подошве легко ступали по лужам. Завтра только они и останутся напоминанием о сегодняшней непогоде. В столице погода менялась быстро. И порывами.

Защитная куртка с капюшоном и светоотражающими вставками — живое воспоминание о форме — позволяла пройти пешком, не замечая непогоды. И Байон шел. Коротким взмахом руки отказался от предложения подвезти, озвученного кем-то из экипажа, подтвердил получение утвержденной отставки, пришедшее от главнокомандующего. К нему прилагался перечень льгот и пособий, которыми он мог воспользоваться, но время для них придет позже. Сейчас хотелось просто идти. И дождь был хорошим спутником...

Бывший капитан вышел на проспект и огляделся. До императорского дворца отсюда всего полчаса. Не так уж и много. Но по пути — Центральная площадь, на которой зажгли Огонь Памяти. Без него. И без Икара. Конечно, императрица не стала откладывать столь важную церемонию только из-за их отсутствия. И народу наверняка дали приемлемое объяснение. Хотя, какая разница?

Наверняка на церемонии присутствовало достаточно народа, чтобы их отсутствие оказалось не столь заметным. Почтительная тишина. Прощальный залп салюта от военных. Оркестр, сыгравший гимн Киориса. Торжественно и печально, вот как все было. И Байон не жалел, что в тот вечер находился в другом месте и занимался совершенно иными делами. Талия бы поняла. Сама бы отправила его спасать альм и жрицу, если бы могла. Она всегда предпочитала действие церемониям. И он справился... хотя бы женщин они спасли.

На площади не только горел огонь. Ночную иллюминацию по периметру перевели в изумрудный спектр, и легкое мерцание в темноте предавало месту потусторонний вид. Словно в старых пьесах, где пытались изобразить Подземное Царство. По краям возвышения, на котором зажгли Огонь, стояли каменные чаши с цветами. Роботы-уборщики собирали выпавшие растения и убирала из букетов те, что начинали увядать. Они работали бесшумно. И общая картина в обрамлении дождя и серого, быстро темнеющего неба, выглядела совершенно безнадежной. Настолько, что даже сердце зануло.

Байон подошел ближе, поднялся по трем ступенькам, остановился в паре шагов от пламени, ощущая жар на лице. Вздохнул.

— Ты же знаешь, что я помню тебя без всякой церемонии? И вряд ли когда-нибудь забуду...

Он запрокинул голову, подставляя лицо каплям воды. Закрыв глаза. И показалось, что в тихом шелесте дождя раздался шепот.

— Я тоже тебя не забуду...

— Я подал в отставку. Ты ведь хотела... Ну вот, теперь буду в безопасности. Заниматься чем-то скучным и простым. Хотя, я даже не представляю, куда себя деть...

— Ты найдешь... Я знаю.

Она всегда его поддерживала. Всегда. Во всем. Стоило только заглянуть в глаза, и появлялись силы. А еще уверенность, что он справится. Теперь стало сложнее. Его вера исчезла. Придется рассчитывать только на себя.

— А Икар пробудился... Ты знала? Со стороны, это немного смешно. Я уже забыл, каким был тогда. Но ты, наверное, помнишь.

— Я рада за него. А ты... ты был еще ребенком. Но совершенно очаровательным...

Смех, дождь приглушил его, но на губах невольно расцвела улыбка. И тут же угасла, стоило кольнуть воспоминанию.

— Кажется, я тебе изменил... Ты злишься?

Тишина. И легкое дуновение ветра, прохладный воздух касается лица. Забирается под куртку. Гладит плечи, будто пытаюсь успокоить.

— Нет...

Легче не становится. Вины он и не чувствовал. Странно. Почему-то казалось, что должен, ведь... Чуть больше месяца назад погибла его невеста. А он... Продолжает жить, как это ни странно. Учится. И, видимо, получается неплохо.

— Мне не следовало пользоваться слабостью жрицы. Да, она тоже хотела, но... Не следовало.

Он не гордился своим поступком. Но и не сожалел в достаточной мере, хотел лишь убедиться, что Филис не стало хуже после их близости, но жрица поспешила покинуть линкор и удалится от мира. Что ж... Позже у него еще будет время поговорить с ней.

— Наверное, я пришел попроситься. Знаешь... Я никогда тебя не забуду. Но... Держать тоже не могу. Ты хотела бы быть свободной. Помнишь, мы обсуждали крайние меры на случай тяжелейших ранений? Ты не хотела, чтобы тебя поддерживали живой любыми средствами. Не хотела становиться тенью себя прежней. И я... понимаю.

На войне случается всякое. После опыта Этры, они понимали, что могут столкнуться с чем-то необъяснимым и неподконтрольным. С чем-то, что с большой степенью вероятности убьет их. Или поразит болезнью. Талия видела, каким стал ее дядя с годами, как тяжело его болезнь отражалась на Дорее. И не хотела повторения. Она желала иметь выбор. Даже если не сможет озвучить его самостоятельно. А ему доверила принимать решение в самом крайнем случае.

«Мама не сможет мыслить здраво. Она теряет себя, когда речь заходит о здоровье кого-то из нас. Икар... оценит ситуацию лишь с точки зрения фактов. И может уцепиться за статистическую вероятность моего выздоровления. Пренебрегая состоянием разума или чувств. Я могу довериться только тебе. Ты знаешь, чего я хочу. И ты сделаешь все правильно».

Он знал. И сделал бы, если бы пришлось. И, наверное, к лучшему, что Талия погибла сразу. Что ему не пришлось выбирать. Не пришлось озвучивать то, что убило бы его надежнее любого средства.

— Я отпускаю тебя... Да, я буду вспоминать. Но не стану мстить. Я постараюсь жить. Как-нибудь. Постараюсь. Для себя. Я позабочусь об Арее, потому что он не заслужил усыпление. Я... наверное еще буду говорить с тобой. Иногда. Но... ты свободна. Пусть твоя душа когда-нибудь переродится. И, может быть, мы встретимся снова.

Ему показалось, будто пламя вздохнуло. Взметнулось вдруг, опалив лицо жаром и заставив отвернуться, а затем опало. Стало обычным. И показалось, что кто-то обнял его за плечи. Потрепал по волосам. И ушел, растворился в шелесте капель.

А потом дождь кончился...

...Во дворец Байон вернулся под утро. С арендованным мобилем, загруженным вещами. Да, он мог оставить за собой ту квартиру, что они делили с Талией. Никто не стал бы возражать. Тем более что в отставке ему полагалось жилье примерно такого же метража. Но...

Он знал, что не сможет там жить. Просыпаться утром и видеть лишь пустую подушку рядом. Завтракать, сидя напротив пустого стула. Привычно готовить на двоих и выбрасывать вторую порцию. Думать, куда сходить, подсознательно ожидая комментариев и предложений. Нет... Он сойдет с ума и сломается окончательно.

Поэтому Байон собрал вещи. Что-то выбросил. Что-то оставил на память. Что-то приберег для императрицы. Ей ведь тоже нужна память. И не только о детстве дочери, или о тех официальных моментах, что сейчас показывают в новостях с пометкой траура и памяти. Ей нужно нечто иное. То, что вызовет слезы, но затем утолит грусть и успокоит.

Роботы занялись багажом, а он захватил с собой небольшую коробку. И отправился искать маеджу Софронию. Обычно в столь ранний час она еще спала, но сейчас, учитывая обстоятельства, вряд ли находилась в постели. И действительно, императрица оказалась в старых покоях, которые заново обживала в последнее время.

На балконе, в светло-голубом наряде с шелковой шалью на плечах, защищавшей от сырости. С простым узлом на затылке и усталым взглядом покрасневших глаз. Она бродила вдоль перил и смотрела на пробуждающийся город.

— Доброе утро, — тихо поздоровался бывший капитан, испытывая неловкость от того, что потревожил женщину в столь ранний час.

— К сожалению, недоброе, — ответила она, останавливаясь. — Этра официально объявила о войне с Киорисом. Рахх с ними. Совет Безопасности собирает экстренное совещание, чтобы решить, станет ли поддерживать нас.

— Мне очень жаль слышать такое...

Коробка и визит сразу же показались неуместными. Какие уж тут воспоминания, когда война уже на пороге?

— Мне тоже... Мне тоже... Но выбора у нас нет. Через час состоится собрание гран-командеров и главнокомандующего. Будет обсуждаться стратегия. В полдень я вынуждена буду объявить народу Киориса, что планета снова находится в состоянии войны, и все полномочия отойдут Иазону. Но... он не справится. Очень скоро я потеряю брата. А, учитывая, какой была прошлая война, возможно, не только его.

Она говорила ровным тоном, но Байон достаточно хорошо знал ее, чтобы услышать больше, чем любой другой на его месте. Императрица страдала. Где-то в глубине души она металась между необходимостью воевать и страхом. Ужасом перед лицом разрушений, которые неминуемы. Она никогда не начала бы войну, всегда обходила стороной любые острые углы в политике и предпочитала договариваться. Она старалась. Очень старалась. И не справилась...

Байон подошел ближе и одной рукой открыл коробку. Взгляд Софронии задержался на содержимом, в нем промелькнуло вялое удивление.

— Что это?

— Память... Я разбираю вещи и нашел их. Талия всегда привозила из поездок сувениры. — Сначала для себя, потом для других. Подарки. Оригинальные. Интересные.

Самобытные. Но вот эти первые всегда оставались только для нее. — Здесь те, которые она купила в поездках с вами. А еще...

Придерживая коробку одной рукой, он достал с самого дна небольшой планшет. Старая модель. Современные функциональнее и легче. А этот... Квадратный, сделанный явно по индивидуальному заказу. Небольшой. И с ограниченным функционалом. К счастью, защиту с него Талия сняла еще при жизни. Запустить удалось сразу. Маленький экранчик ожил, транслируя видео.

— Здравствуй, дневник. Мы сегодня на Соларе. Здесь холодно, и весь день идет снег...

Картинка показала небольшое окно, в котором открывался вид на заснеженную пустыню. А уверенный и бодрый голос продолжил рассказ о планете, входившей в Совет.

Женщина рядом всхлипнула и закрыла рот ладонью, а свободную руку протянула к планшету. Байон отдал его, наблюдая, как меняется лицо, как на нем отражается боль, горе и... любовь.

— Девочка моя...

— Она хранила их. И прослушивала записи, когда нужно было снова отправляться в поездку. Освежала память.

Софрония остановила видео и заглянула в коробку. Безошибочно достала оттуда кулон-снежинку, полупрозрачную и легкую.

— Ей не понравилось на Соларе. И я купила кулон, чтобы скрасить восприятие. А она сказала, что терпеть не может снег.

Она сжала безделушку в кулаке и закрыла глаза, переживая воспоминание. Вздохнула. И снова взглянула на него.

— Спасибо. Сегодня — это то, что мне необходимо. И не только сегодня...

Байон кивнул, испытывая облегчение, а еще понимание, что поступил правильно...

Глава 65

...Тяжелый клинок лег в ладони. Черные ножны. Рукоять с алым шнуром, на котором — серебряный орел, расправивший крылья. Глаза его сверкают крохотными рубинами. Почетная награда.

— Встаньте, гран-командер Искарис из рода Птолемея.

Икар плавно поднялся с колен, удерживая клинок обеими руками параллельно полу. Взгляд от пола он отвел, только выпрямившись в полный рост. Главнокомандующий в парадном мундире стоял напротив. И в глазах его отражалась сдержанная радость.

— Пусть ваша служба будет долгой и верной, — стандартное напутствие.

— Во славу Киориса! — ответил принц.

— Во славу Киориса! — подхватили стоящие вокруг гран-командеры, поддерживая слова ритмичными ударами о стол.

Обычно возведение в новое звание, тем более столь высокое, происходило более торжественно. Но сегодня, из-за новостей с Этры, церемонию сократили и провели едва ли не тайно. Гран-командеры собрались для обсуждения дальнейших действий, Икар мог бы удивиться приглашению, если бы не предполагал подобный исход.

Парадный клинок занял место на поясе. А старый отправился на хранение для передачи следующему командеру. Клинки с алой рукоятью делали уже именными. Их нельзя передать. Главнокомандующего от гран-командера отличает лишь дополнительная гравировка на рукояти.

Икар опустил на отведенное ему кресло, встретился взглядом с Валирисом, сидящим напротив, едва заметно кивнул. Тот ответил тем же.

— Что ж, господа, я рад видеть вас всех в добром здравии, — начал Иазон, но был прерван коротким покашливанием.

— Прошу прощения, главнокомандующий, но прежде, чем мы начнем обсуждать войну, я хотел бы закончить с одним делом.

Валирис поднялся медленно. Обвел взглядом присутствующих, чуть задержался на принце, но затем развернулся к главнокомандующему.

— В чем дело? — спокойно спросил тот, успешно прячась за маской безразличия.

— Мы все знаем, что вы — герой прошлой войны, и относимся к вам с большим уважением. Но у всего есть срок... Поэтому общий совет гран-командеров единогласно отправляет вас в отставку, архистрадигус Иазон.

В комнате стало тихо. Настолько, что стал слышен писк работающих приборов. Давно инженеры не обслуживали командный пункт. Никто не хотел новой войны. Она пришла сама...

Дядя бросил взгляд на собравшихся вокруг большого круглого стола.

— Единогласно?

Его взгляд зацепился за Икара, и тот выдержал немой вопрос. Кивнул.

— Никто не умаляет ваших заслуг, архистратигус, — заговорил Квинт — ровесник Иазона. — Но все мы понимаем, что эта война будет сложнее прошлой. А вы, при всей вашей храбрости и самоотдаче, не справитесь с напряжением. Мы не хотим оказаться в ситуации, когда нам посреди боя придется спешно решать, кому теперь подчиняться, или того хуже — мы потеряем централизованное управление. Вы понимаете, чем это может грозить.

Главнокомандующий глубоко вздохнул, пальцы его на мгновение сжали спинку кресла, а затем отпустили.

— Я не могу противиться единогласному решению. Если вы считаете, что теперь я больше обуза, чем помощь, то так тому и быть... Я уйду.

Он постоял еще немного, словно ожидая чего-то, а затем развернулся и медленно направился к двери. С прямой спиной и гордо поднятой головой.

Икар проводил его взглядом, испытывая странное раздвоение чувств. С одной стороны он понимал, что поступил правильно. Так надо. И так будет лучше для всех. Включая самого дядю и его жену. Но с другой... Пожалуй, он испытывал стыд. За то, что договорился с Валирисом, за то, что получил новое звание из рук того, кого практически сам отправил в отставку.

Когда дверь за Иазоном закрылась, он повернулся к столу и встретился взглядом с Валирисом, который наверняка прекрасно понимал его состояние. Одна бровь старого гран-командера вопросительно приподнялась, словно он спрашивал, не жалеет ли принц о содеянном. И тот упрямо сжал губы и кулаки. С совестью он как-нибудь договорится. Главное, что дядя получит шанс провести время с семьей, а Киорис окажется в более стабильной ситуации.

— Итак, теперь нам требуется решить, кто станет следующим главнокомандующим, — продолжил Валирис, удовлетворившись молчаливым ответом.

— Предлагаю не ходить вокруг да около и назначить тебя, — ответил Квинт. — Предложение сместить Иазона исходило от тебя, тебе и отвечать. Кто «за»?

Присутствующие единогласно подняли руки, а вместе с ними и Икар. Такой вариант они тоже предполагали и даже готовились, никто не выглядел удивленным.

— Единогласно, — пробормотал новый главнокомандующий. — Церемонию отложим на более подходящий случай, а пока перейдем к насущным делам, — он повернулся к экрану во всю стену, отразившему нужный сектор космоса. — Этра, как мы уже знаем, разработала новый вид оружия. Полагаю, Рахх им в этом очень помог...

...Этот день был долгим. Бесконечно долгим. Обсуждение общей стратегии. Официальное обращение императрицы к народу. Передача полномочий. Сообщение об отставке главнокомандующего, заставившее дрогнуть лицо маеджи Софронии. Сложно сказать, расстроилась она или обрадовалась, все же мать быстро справилась с эмоциями и больше не позволяла себе демонстрировать слабость.

Вечерняя церемония назначения Валириса главнокомандующим Киориса. Торжественная, пусть и организованная на скорую руку, но транслируемая по всем новостным каналам. Его короткая речь. Благодарность Иазону и дань уважения его служению. Дорея, держащаяся рядом с мужем и не скрывающая слез. Икар поймал ее короткий взгляд, наполненный благодарностью, и поспешил отвести свой. Он все еще чувствовал себя странно.

И, когда, наконец, все закончилось, с удовольствием вышел на воздух. Императорский сад обдал его прохладой и свежестью. Все церемонии по устоявшейся традиции проходили в официальной части дворца. Анфилады огромных зал на все возможные случаи. Всегда готовы, убраны, вмещающие нужное количество гостей. Жилые помещения занимали лишь часть дворцового комплекса. И не самую большую. Когда-то давно, в глубоком детстве такое разделение вызывало у него вопросы, которые постепенно отпали...

— Ты как?

Байон вышел из тени, а рядом с ним сразу же оказался Арей. Ликос приветливо махнул хвостом, ткнулся мордой в ладонь, выпрашивая ласку. Икар позволил пальцам зарыться в короткую гриву, приласкал зверя и только теперь понял, насколько напряжен.

— Не знаю... — честно ответил он. — Сложно. Раньше я так не уставал. Да и что тут тяжелого? Стратегия, тактика. Всего лишь задачки, которые нужно решить. Мы такие в школе щелкали. А теперь... Дядя, Дорея, мама, Талия... Сложно.

— Тебе отдохнуть надо, пока не перегорел. Это только кажется, что ничего сложного. А на самом деле... Ты проходишь через Пробуждение и должен при этом решать множество вопросов. А тут еще война...

— Я не могу отдыхать... Сейчас так много всего...

— Нужно. Икар, я знаю, о чем говорю. Поверь. Война не начнется завтра. Время есть. Твоя землянка еще на Киорисе? Выдели час и проведи его с ней. Или два. Три. Десять. Сколько угодно. Потом, когда ты будешь там, — друг указал на небо, — ты будешь жалеть не о том, что не успел что-то посчитать. Ты будешь думать, что не провел с ней время. То, которое мог. Поэтому, пока оно еще есть, иди к ней.

— Сомневаюсь, что меня пустят в Храм в такой час...

Принц слабо улыбнулся. Плечи немного опустились. Напряжение ушло со спины. Дышать стало легче.

— Зато сигнал связи не заблокируют, — Байон скрестил руки на груди. — Другие гранкомандеры сейчас отправятся по домам. Прощаться с семьями. Делиться новостями.

Просто говорить и получать поддержку. Те, кто непробужден, будут считать и проверять данные. А ты... Ты можешь хотя бы поговорить с ней. И с матерью... Думаю, ей есть, что тебе сказать.

Последнее предложение друг произнес с такой интонацией, что стало ясно — догадался.

— Все настолько очевидно?

— Я слишком хорошо знаю тебя и твою семью. Поэтому мне все ясно. Другим... Не думаю, что кто-то задумывался о герое войны как об обычном человеке. Все же род Птолемея, да не угаснет он никогда, для обычных киорийцев скорее легенда.

— Неужели?

— В какой-то мере... Ты не замечал, да учителя и не делают исключений ни для кого. А в Академии вообще никому не дают поблажек, но... Нам с детства рассказывают о Птолемеях, Мелпомин, Алкмене и других правителях, все они — сказка, и в то же время живые люди со своими ошибками и свершениями. Но для тебя, Креона, Талии — это предки. Их кровь течет в ваших венах. Ответственность за их дела лежит на вас. И уже одно это делает вас другими. Думаю, поэтому Валирис тебя послушал. И поэтому столько лет никто не осмеливался отправить Иазона в отставку. Он — крови Птолемея, как и ты. Не может обычный киориец бросить ему вызов. Они ждали решения Талии, но она погибла, и остался ты. Непробужденный. Думаю, в какой-то мере, гран-командеры растерялись. Но все снова изменилось. Благодаря твоей землянке. Ты пробудился и вмешался в их решение. И они с радостью согласились. Ведь ты тоже Птолемей.

— Разве на Киорисе не все равны?

Икар нахмурился, желая поспорить, но наткнулся на взгляд, полный глубокого сострадания.

— Киорийцы равны. Это так. Поэтому никто не кланяется императрице, кроме официальных лиц, и, если ее увидят на улице, люди сделают вид, что не узнают. Все уважают ее желание остаться неузнанной, ее личное пространство и жизнь. Но это не отменяет того, что она — императрица. Что она отвечает за Киорис перед Вселенной. Что она — из рода Птолемея, и значит, не киорийцам ее судить. Они могут обсуждать ее мягкую политику и не всегда удачную дипломатию, но никогда не осудят. Раньше я не понимал этого. Не чувствовал, пока не начал встречаться с Талией. В молодости разница почти не ощутима, но с возрастом, с увеличением количества обязанностей, она становится все больше. Скоро ты это почувствуешь. Уже чувствуешь. Если бы ты пожелал, сегодня мог бы стать главнокомандующим, и никто бы не удивился.

— Мне не хватит опыта. Валирис — намного лучшая кандидатура.

— Да, и только потому, что ты сам это осознаешь, ты стал всего лишь гран-командером. Талия тоже не рвалась на вершину, понимая, что не справится, и только ее благоразумие стояло между ней и властью.

Икар вздохнул и сжал переносицу. Заболела голова. Затылок и виски схватило тупой, ноющей болью. Он поднял руку, желая прервать разговор.

— Я понял тебя, но... Не хочу говорить... Не сейчас. Прости.

Принц ушел, не оборачиваясь, но продолжая спиной ощущать взгляд, от которого становилось неуютно.

Торговые центры на Киорисе оказались похожими и одновременно непохожими на земные. Они выглядели монументальнее, крупнее и комфортнее, значительно комфортнее. Многоэтажные комплексы с большим количеством окон и света. Тенистые уголки с живой зеленью, среди которых терялись кушетки для отдыха. Небольшие ресторанчики, представляющие кухни разных планет. И, конечно, бутики. Точнее лавки, как их здесь называли. Просторные, с вместительными примерочными, мягким полом, зеркалами от пола до потолка и роботами-консультантами, которые могли легко оценить размер, посоветовать цвет и фасон, а также бесшумно и быстро убрать ненужные вещи.

Изучать новое место Саша отправилась вместе с Клео, которая очень переживала во время похищения и искренне обрадовалась, узнав, что все закончилось хорошо. На предложение она сразу же ответила согласием и уточнила, что знает хорошие места. Александра была открыта для любых предложений, совершенно не представляя, какая мода на Киорисе. Единственное, что она понимала, встречая людей на улицах во время прогулок с Филис, что киорийцы предпочитают комфорт и натуральные ткани, а все остальное оставалось загадкой.

— Каждый одевается, как хочет, — Клео пожала плечами в ответ на вопрос. — Кто-то предпочитает традиционные одежды, но обычно их надевают на праздники, ты видела на открытии Игр. На официальные мероприятия принято одеваться соответственно заявленному регламенту. В приглашениях всегда указывается, какие рамки приемлемы. В остальном же каждый выбирает, что ему нравится.

На лифте они поднялись на самый верхний — восьмой — этаж торгового центра, потому что гиатрос предложила затем неторопливо спускаться вниз.

— Вы много носите туники, — отметила Александра, оглядываясь и пытаясь подавить ощущение де жа вю. Помнится, прошлый ее выход в торговый центр закончился крайне неудачно. Или наоборот. С какой стороны посмотреть.

— В них удобно, — Клео развела в стороны руки, от которых к талии тонкими, полупрозрачными крыльями тянулась яркая лимонно-желтая ткань. Ноги девушки обтягивали привычные уже то ли леггинсы, то ли лосины. Сегодня травянисто-зеленые. Яркий ансамбль дополняли плетеные сандалии и стилизованный под бронзу коммуникатор. — Я знала, что мы сегодня будем много ходить, поэтому оделась привычно. Но здесь можно найти одежду на любой вкус. Со всех планет, входящих в Торговый Союз.

— Торговый Союз и Совет Безопасности — это одно и то же? — наивно уточнила Саша и заработала удивленный взгляд, который затем сменился понимающим.

— Конечно, нет. Извини, я уже забыла, что ты пока не знаешь таких вещей. Торговый Союз намного шире Совета Безопасности, в него входят около двухсот миров, тогда как в Совет Безопасности всего тридцать. В Торговом Союзе принята единая валюта, которая позволяет торговцам распространять товары на любой планете, уплачивать пошлину и прочее. А Совет... Миры, входящие в Совет, подтверждают свои намерения в отношении безопасности космоса. Они обязуются не распространять определенные вещества, не торговать людьми, вести дипломатическую политику, не разжигать конфликты, оказывать гуманитарную помощь и многое другое.

Землянка понимающе кивнула, вспоминая НАТО и Европейский Союз. Что-то очень похожее, только в масштабах космоса.

— И часто у вас носят моду других планет?

Клео широко улыбнулась.

— Обычно используют для тематических вечеров. Например, когда мы изучаем обычаи и культуры других миров, учителя в качестве проверки знаний могут попросить организовать праздник в стиле Эль-Сабы или Пескара, — она зажмурилась от восторга, вспоминая что-то. — Это так весело и интересно! Мне нравилось бегать с мамой по лавкам и выбирать все необходимое. А потом кроить, шить. Костюмы, сделанные своими руками, оцениваются выше, чем просто купленные. Но, конечно, для непробужденных другие критерии.

Саша только покачала головой, переживая чужой восторг. Она уже забыла, какой может быть гиагрос. И сейчас, на контрасте, намного лучше понимала, в сколь подавленном состоянии девушка находилась раньше.

— А что ты посоветуешь мне?

— А для чего тебе нужна одежда? Ты так и не сказала.

Горящий интересом и энтузиазмом взгляд остановился на ней, и Александра испытала острый приступ смущения. Она не знала, может ли рассказать Клео об Икаре. Их отношения не то, чтобы находились в тайне, но и... Их явно не стоило афишировать для широкой общественности. На Земле за ними наверняка бы бегали репортеры, и хорошо, что на Киорисе подобное не принято и даже осуждается, но все же. Он — принц, и не стоит об этом забывать.

— Мне... Я... есть один мужчина. И мне нужна одежда для встреч с ним.

Кажется, она покраснела. Господи, как школьница.

— У него какие-то особые вкусы? — недоуменно переспросила киорийка, а ее брови поползли вверх.

— Нет, но... — Саша вздохнула, чувствуя себя очень глупо. — У меня есть только одежда альмы. И форма гиагроса с линкора. Уже вторая. Платье на открытие Игр сшили по заказу, как и для других жриц и альм. И оно пропало. А мне хочется какого-то разнообразия. Может быть, хотя бы тунику и такие же брюки как у тебя. Сандалии. Платье. Наверное. Я не знаю. Поэтому и спросила про моду. Я хочу, чтобы ему понравилось...

— Ему или тебе?

Гиагрос умерила свое удивление, и в глазах ее вдруг появилось понимание, а еще некая мудрость, странно сроднившая ее с Филис.

— Мне. Да, конечно, мне. Я знаю, что красота есть в каждом. И она постепенно раскрывается. Я знаю, что я красива. Но... Понимаешь, иногда так хочется почувствовать себя особенной. С особенным человеком. Чтобы потом вспоминать...

— Одежду? — Клео лукаво сверкнула глазами, а Саша смутилась.

— Не совсем... но... ее тоже. Наверное...

Раньше она старалась одеваться так, чтобы понравится Владу. Потом просто выбирала то, в чем удобно. А на Киорисе долгое время испытывала равнодушие к тому, как выглядит. А потом... То платье на Играх. И ощущение незамутненного восторга, сменившееся страхом. Икар видел ее разной. В форме гиагросов, в наряде альмы, наверное, даже едва живой на Земле после катастрофы. И раньше ей было все равно, что он думает. Наверное, глупо начинать сейчас переживать о его мнении. Оно уже составлено. И... он еще не сбежал. Возможно. После посадки линкора командер еще не связывался с ней, а девушка пыталась набраться смелости, чтобы сделать первый шаг. Для уверенности не хватало наряда. И кому же в итоге он больше нужен?

— Знаешь, одежда нужна мне. Но хочется найти то, в чем я буду чувствовать себя уверенно. Буду знать, что мне идет и цвет, и фасон, и... Ты понимаешь?

— Теперь понимаю, — Клео улыбнулась. — А мужчина. Поверь, ты понравишься ему любой. Киорийцы не играют чувствами друг друга. Мы слишком дорожим привязанностью, чтобы притворяться.

...Вот так Саша оказалась в огромной примерочной, заваленной нарядами всех цветов радуги. Клео сидела на уютном диванчике, ее покупки уже отправили по адресу, и девушка получала огромное удовольствие, высказывая мнение на счет каждого комплекта. Оставалось радоваться тому, что лавки в основном обслуживают роботы, не выражающие никакого раздражения и других эмоций. А другие посетители, замечая обосновавшихся надолго покупателей, просто уходили. Выбранная гиагрос лавка торговала привычными киорийцам нарядами, а таких в торговом центре располагалось великое множество. Небольшие отличия состояли лишь в фасонах и цветовой гамме.

Александра уже выбрала четыре туники разной длины и цветов, а к ним пару брюк. Плетеные сандалии. И балетки на плотной подошве для дождливой погоды. А теперь примеряла платье. Уже шестое или седьмое по счету, но первое, которое ей не хотелось снимать.

Без рукавов. Нежного розового цвета. Оттенок между где-то между пудровой розой и цветом зари. С золотой искрой, появляющейся при игре света. Оно крепилось на левом плече тремя цепочками и оттуда ниспадало мягкими ассиметричными складками. Ткань плотно облегла правую сторону и лишь намеками выдавала левую. Платье совершенно не мешало при ходьбе, а ткань легко скользила по коже, лаская и заставляя наслаждаться каждым прикосновением.

— Волосы лучше поднять, — заметила Клео и остановилась за плечом, легко подхватывая пряди и заворачивая их в узел на затылке. — А еще нужны сережки. Длинные. И будет чудесно. Тебе очень идет.

Они встретились взглядами в зеркале, и Саша благодарно улыбнулась. Это именно то, чего она хотела. Платье каким-то непостижимым образом отражало ее суть, которой она всегда боялась. Беззащитная. Слишком хрупкая. Женственная. Раньше она не смогла бы показаться такой. На Земле всегда старалась подчеркнуть сексуальность, следуя современным тенденциям. Избегала розового, который буквально заклеямили цветом махровых блондинок. А теперь...

Александра вздохнула и аккуратно провела ладонью по ткани. Она нашла то, что искала. Себя.

— Возьму.

— И пойдем в ресторанчик на третьем этаже! Там подают океанских устриц. Здесь они дороже, чем на Побережье, но ты просто обязана их попробовать. Я угощаю!

Саша невольно рассмеялась. И поспешила переодеться в один из отобранных нарядов. Остальное отправят в Храм, а там робот доставит покупки в ее комнату. Удобно. И она уже почти привыкла к безотказным механизмам, серьезно облегчающим жизнь.

Деньги для оплаты у нее имелись. Вчера Элпис передала ей официальные извинения от лица императрицы за случившееся с ней происшествие. А вместе с ними — компенсацию. Как сказала жрица, небольшую, но позволяющую пройти курс реабилитации и полного восстановления. А также ей заплатили за сайт, посвященный Земле. Создавая его, Саша не думала о деньгах, скорее хотела сделать что-то, в чем разбиралась. А оказалось, что ее идея заинтересовала кого-то из ученых, сайт, с созданием которого помог киорийский программист, запустили в тестовом режиме, и пока он использовался группой, которая

должна отправиться в экспедицию.

— Позже он станет доступен для всех киорийцев, желающих больше узнать о Вселенной и населяющих ее расах. Он будет полезен. А любой труд должен быть оплачен.

В общем и целом, не имея ни малейшего представления о ценах, девушка неожиданно оказалась достаточно обеспечена. Тогда-то и возникла идея пройтись по магазинам. После покупки одежды ее счет уменьшился едва ли на шестую часть.

— Так странно... Я на другом краю Галактики, а все также могу совершать покупки, и посещать кафе. Как будто я дома, — отметила Саша, устраиваясь за столиком в уютном заведении, заполненном едва ли наполовину. Плетеные кресла, легкие столики, светло-желтый пол, голубой потолок — все вместе создавало невероятную атмосферу пляжа, которую дополняли звуки морского прибоя с криками чаек.

— Я была бы рада, если бы ты смогла назвать Киорис своим домом, но я понимаю, что твои близкие далеко, и принять такое решение очень сложно, — мягко ответила Клео.

Далеко. Александра нахмурилась, размышляя об экспедиции и времени ее отправления, а затем усилием воли отодвинула эти мысли в сторону. Хватит. Она купила платье. И у нее есть мужчина, которому стоит позвонить. Или хотя бы написать...

Глава 67

...На западной террасе ранним утром властвовала тень и прохлада. Солнце поднималось по другую сторону острова, и можно было наблюдать, как меняется цвет волн от темно-зеленого, почти черного в тени, до прозрачно-изумрудного с золотой искрой.

— Говорят, на воду можно смотреть вечно, — мать настоятельница лежала на подушках, прикрывающих деревянное уличное ложе. Она устроилась на боку, придерживая голову ладонью, а свободной рукой рассеянно трепала гриву ликоса.

Старый, совсем седой зверь казался спящим, но Филис знала, что за каждым ее движением пристально следят. Гера никому не позволит навредить хозяйке.

— Вам повезло любоваться таким богатством каждый день.

На острове дни тянулись медленно. Время словно замирало, неторопливо катясь от рассвета к полудню, а затем к закату. Следуя за солнцем на небосводе. Здесь никто не торопился. Никто не имел срочных и важных дел. Лишь созерцание. Медитации. Время для себя и для любого из любимых занятий. В основном здании, предназначенном для императрицы, каждый зал представлял собой целый мир, посвященный отдельной теме. Музыка. Живопись. Танцы. Библиотека. Гончарное дело. Шитье. Императорские термы. Сад. Небольшая ферма. И многое другое. Все, на что способна человеческая мысль. Все, что может помочь разуму исцелиться.

— И поэтому я хорошо знаю, что даже вечность может надоест.

Филис бросила на собеседницу внимательный взгляд. Она уже давно немолода. И седые волосы коротко подстрижены, а тело скрыто в складках темно-бордовой туники с черной полосой по подолу — символ добровольного затворничества. Мать настоятельница не покидает остров. Не общается с кем-либо кроме сестер, которых принимает в Обители, и верховной жрицы. И это — ее добровольный выбор. Значит, что-то стояло за ним. Но спрашивать — не принято.

— Скоро меня не станет, — полные губы рождают слова, которые подхватывает ветер. На мгновение тени меняют положение, и лицо настоятельница становится уродливым. Нос кажется крупнее, намечается второй подбородок, а глаза западают, гаснут между густыми

бровями и округлыми щеками. У этой женщины широкая кость, крупные руки, короткие пальцы и шея. Она больна и устала, безмерно устала от самой жизни, но все еще держится за нее. Почему?

— Генетическая аномалия. Кости прорастают в тело, мышцы каменеют, внутренние органы постепенно отказывают. Меня лечили. Долго. Пытались заблокировать цепочку генов, отвечающую за болезнь, но... Даже гиагросы не всесильны. Какое-то время лекарства помогали, но с каждым днем эффект все меньше.

Она рассказывала просто. Легко. Как о свершившемся факте. И становилось ясно, что со своей болезнью она давно смирилась, как и с фактом смерти.

— Мне жаль, иерия, — имя настоятельницы давно забыто. По ее выбору и желанию. Она отреклась от своей жизни. — Мне очень жаль.

Седая голова величественно склонилась, принимая ответ.

— Я ушла от мира, чтобы не встретить мужчину, которого могла бы пробудить. Чтобы не вставать перед выбором: рожать ли от него детей, рискуя передать им свою болезнь, или обречь его вместе с собой на бездетность. Я заботилась о своих сестрах годами. И знаешь, я радовалась, глядя, как они возрождаются и покидают остров. И за тебя я тоже радовалась, Филис, когда ты уехала.

Теперь кивнула жрица. Не столь величественно, но... Рядом с настоятельницей она ощущала себя моложе. Весь ее опыт и заслуги вдруг становились незначительными под взглядом посветлевших от старости глаз.

— Мне жаль, что ты вернулась сюда. Но... меня скоро не станет. А Обители нужна мать.

Тень на воде полностью уступила солнцу. Ветер ударил в лицо, запутался в волосах и в складках туники. Слово было сказано. И было услышано.

— Я подумаю.

О большем старуха и не просила...

...Позже, бродя по бесконечным дорожкам, плутающим в дикой части острова, Филис снова и снова возвращалась в мыслях к разговору. Такие предложения, пусть даже намеками, не делаются просто так. Элпис знает. Конечно, знает. Предложила сама или дала молчаливое разрешение? Не узнать. Но так ли это важно?

Ей предлагают удалиться от мира.

Мысль показалась настолько странной и противоестественной, что киорийку передернуло. Она знала, что ее не заставят. Не смогут. Но... Намек оказался весьма прозрачен. Когда-то давно, когда мир еще был другим, жрицы, использовавшие Танец Чаши, получали пожизненное содержание и дом. В любом месте. И, как правило, предпочитали запирались в нем. Каждую жрицу предупреждают о том, какими могут последствия. Но слова звучат бессмысленно, пока не почувствуешь.

Сила. Власть. Желание. Тогда она была почти всесильна. Она могла бы поставить тех мужчин на колени. Заставить их ползать. Умолять. А она убила. Потому что никто из них не был ей нужен. Но могла бы... Могла бы выбрать. Того этросса, который смотрел на нее голодными глазами. Сильный. Страстный. Жестокий. Смогла бы она обуздать его? Смогла бы. Ей хватило бы опыта. И понимание своей силы должно бы было напугать, но...

Вчера, на вопрос настоятельницы о том, что она почувствовала, Филис ответила:

— Печаль. И радость. Мне неприятна смерть. Но сила. Мне понравилось.

И та лишь кивнула. Медленно и величественно. И в профиле ее мелькнуло нечто неуловимо знакомое. Но сразу же пропало, стоило солнцу упасть под другим углом.

Да, хуже всего, что ей понравилось. И что где-то глубоко внутри нее сидело желание повторить все снова. И в нем признаться удалось лишь себе. Ведь озвучить такое. Ей. Жрице. Столько лет заботившейся о других...

Ноги сами принесли ее к водопаду. Небольшому. Поток воды падал с камня на камень, образуя небольшое озеро, от которого разбегались ручьи. Прозрачная, чистейшая вода, невероятно холодная и с голубым оттенком.

На берегу озера спиной к ней сидела жрица, отжимая мокрые волосы после купания. Не все рисковали испытывать здоровье подобным образом, но уроженкам высоких гор Нимфеи холодная вода не страшна. Черные пряди упали на спину, и женщина обернулась. Тонкие губы растянулись в счастливой улыбке, а в темных глазах отразилось солнце.

— Филис!

Стоило взгляду Леды дойти до белого пояса на талии, и радость от встречи померкла. Белый — знак тишины. Надевшая его жрица не желает говорить с другими, не желает слушать. Ей нужна лишь тишина и уединение. И именно их искала жрица, когда пришла сюда, но теперь...

Леда выглядела так же, как и в их последнюю встречу. Смуглая от природы кожа. Гладкая и блестящая. Тонкая, гибкая фигурка. Невысокий рост. Она легко поднялась на ноги, шагнула навстречу и молча обняла, стиснув с такой силой, которую и не подозреваешь в столь хрупком теле. И Филис обняла в ответ. Порой, слова совсем не нужны...

Вечером, когда большая часть жриц разошлась по комнатам на ночь, Филис вышла на общий балкон. Белый пояс остался на полу. Два дня тишины позволили достаточно понять себя, чтобы захотеть поговорить. Тем более что собеседник подобрался чудесный.

Леда пришла, шлепая босыми пятками по каменному полу и удерживая на голове блюдо, накрытое расшитым полотенцем. Она скользнула в комнату, не спрашивая разрешения, зная, что ей всегда можно войти. Пристроила свою ношу на полу. Расстелила ткань, под которой скрывались золотые груши, растущие лишь в Высоких горах, козий сыр, и глиняная бутылка домашнего вина.

Филис прикрыла дверь и опустилась на пол рядом с гостьей. Та ловко вытащила пробку и вдохнула аромат напитка, прикрыв глаза.

— У отца получается все лучше и лучше. Я взяла из запасов пятилетней давности. Попробуй.

Бутылка привычно легла в ладонь. В полумраке разглядеть узор на ее стенках не удавалось, но на ощупь жрица поняла, что кто-то использовал не привычные орнаменты, а нечто совершенно особенное. Впрочем, вкус вина от рисунка не изменился. Такой же сладкий, легкий, немного игристый. Такое вино легко пьется, но встать после него невозможно. Разве что для танцев. Танцевать в Высоких горах любят.

— Такой, как я помню. И ты тоже... Пять лет, значит, да?

— Элпис сказала, что ты отправишься в Обитель. Я не знала, почему, но решила, что вино и груши лишними не будут. А когда увидела пояс...

— Решила, что поделишься и сыром?

Леда засмеялась. Легко и звонко. Забрала бутылку и сделала глоток. Она не любила сладкое, любым лакомствам предпочитая сыр всех сортов. Но у Филис всегда

ассоциировалась именно с грушами. Золотыми грушами, чей сок может вылечить от печали. По крайней мере, так верят в Высоких горах

— Я скучала...

Она призналась просто. И стало немного совестно за прошедшие годы и редкие письма. Они не ссорились, нет, просто разошлись и больше не встречались, выбрав каждая свою дорогу. Так вышло.

— Спасибо, что приехала. Я очень рада тебя видеть.

— Неужели, ты думаешь, что я бы тебя здесь бросила? Одну. Ты ведь всегда замыкаешься, когда становится совсем плохо. Молчишь. И все эти задушевные разговоры тебе ни к чему. Разве что мать настоятельница придумала что-то новое.

— Она предложила мне свое место.

— Все настолько плохо?

— Не знаю...

Бутылка переходит из рук в руки, сохраняет тепло прикосновений. А вкус ощущается ярче. И теперь в нем присутствуют нотки свежести. Трав, что растут на вершинах гор.

— Я танцевала Чашу.

Признание приходит легко. А Леда молча протягивает грушу. Тихо. И слова сами идут с языка. Она рассказывает коротко. Как можно проще и четче, не желая вдаваться в долгие описания и детали. Леда поймет и так. Она и понимает. Садится ближе. Обнимает за плечи. Кладет голову на плечо и слушает. А ее дыхание щекочет кожу на шее. Сок груши стекает по пальцам. Она спелая. Настолько, что съесть и остаться чистой невозможно. По подбородку бежит тонкая струйка.

Филис попыталась вытереться, но ее ладонь перехватили тонкие пальцы. В полумраке глаза нимфейки кажутся черными. И смотрят прямо и пристально. Губы касаются пальцев. Слизиывают сок. Огрызок падает на пол. От смуглой кожи пахнет сандалом и миртом. А на вкус она чуть солоновата.

Губы находят губы. Вкус вина мешается с грушевым соком. Ткань сползает, обнажая тела. Тонкое и смуглое. Гибкое, будто лоза. И стройное, но сильное. Светлое. Они сплетаются в танце. И руки накрывают грудь, а рыжие волосы путаются с черными. Пальцы скользят по коже, вспоминая и отыскивая знакомый путь. Единственно верный. Нужный. Необходимый здесь и сейчас.

Становится жарко, и прохлада каменного пола уже не пугает. А жесткость не мешает. Да и кто ее заметит в такой момент? У этой ночи вкус золотых груш и аромат разлитого вина. У нее тепло прикосновений и ласк, звук наслаждения и пронзительная нежность прошлого, решившего заглянуть в настоящее...

Глава 68

...Струи воды смывают клейкий сок и ароматы. Влажные волосы рассыпаются по подушке, и Леда устраивается рядом, прикрывая еще влажную кожу покрывалом. Золотистый свет ночника играет тенями, комната наполнена теплым светом, и кажется, что весь мир где-то далеко.

— Что-то ведь еще случилось, да? Дело не только в похищении и смерти, — проницательно замечает нимфейка.

— Талия погибла. Элпис пригласила меня помочь Байону и присмотреть за девушкой-землянкой, которая похожа на принцессу.

— Ты все еще тоскуешь?

— Нет, я давно уже не влюблена. Та история осталась в прошлом, но...

Всегда есть некое «но», которое все портит. И Леда лучше других может понять ее. Они познакомились еще тогда, двадцать лет назад, когда Филис по просьбе императрицы покинула столицу и переехала на Побережье. Храм она посещала ради консультаций, и там встретила юную альму, решившую проходить обучение не в родном Храме на Нимфее, а на другом материке. Насколько же просто все казалось тогда.

— Когда мы возвращались на Киорис, Байон пришел ко мне. Не знаю, зачем. Возможно, всего лишь хотел узнать, все ли в порядке. Но я не смогла его отпустить. Ту ночь мы провели вместе.

Леда кивнула. Они давно расстались, и говорить о верности здесь слишком глупо. Но отсутствие осуждения и обиды сняло еще часть груза с души.

— Тебе нравится капитан?

— Нет. Точнее, он, безусловно, привлекателен, как мужчина, но... Я не уверена в причинах, по которым не позволила ему уйти.

Когда-то именно после появления Байона все изменилось. Поэтому момент его пробуждения так ярко отпечатался в ее памяти. Она уже понимала, что закончилось, но не хотела верить. До этой детской влюбленности и его знакомства с Талией, им позволяли оставаться подругами. Ей позволяли быть рядом с принцессой и считаться ее подругой. Ведь на самом деле ее чувства были куда глубже обычной дружбы. Вот только Талии нравились лишь мужчины.

Филис рано осознала свою бисексуальность. Поняла, что не делает разницы в пристрастиях между мальчиками и девочками. Что ей одинаково интересны и мужские, и женские тела. Раньше, еще пару столетий назад, подобное порицалось. Считалось невозможным женщине любить женщину. Еще раньше за такое казнили. Затем изолировали. Потом пытались перевоспитывать. Но постепенно, под воздействием Храма и жриц, отношение к таким связям изменилось. И сейчас семьи из двух женщин уже никого не удивляли. Да, так бывает.

В детстве и в подростковые годы она много общалась с жрицами, пытаясь понять себя и свои желания. И совсем не удивилась, когда поняла, что влюблена в Талию. Все же в нее сложно не влюбиться. В какой-то мере она очень хорошо понимала Байона.

— Они были очень счастливы вместе. А я...

— Ты так и не нашла кого-то, кто затмил бы собой твою принцессу.

— Она никогда не была моей...

Правда. Для Талии существовала только их дружба. Крепкая. Лишенная многих границ и наполненная доверием и пониманием. Пожалуй, Софронии стоит даже сказать «спасибо» за то, что она вовремя вмешалась. И не позволила Филис наделать ошибок. Да, тот разговор и спустя годы казался неприятным и немного обидным, но ей уже давно не семнадцать. Правильно, что она уехала, пережила свою влюбленность вдали, встретила Леду, начала учиться в Храме, и в итоге прожила вполне счастливо два десятка лет. Чтобы снова вернуться назад и разворошить прошлое.

— Та землянка, она, действительно, внешне похожа на Талию. Но еще она напомнила мне ее такой, какой я ее знала. Немного наивной, неуверенной и отчаянно желающей сделать мир лучше. Вселенную.

Весь Киорис знал наследницу как отличного лидера, участницу Игр, пилота, военнос

командира, но Филис помнила ее иной. Совсем маленькой, семи лет, плачущей над сломавшейся поделкой. В десять, когда они запускали бумажного змея. В тринадцать, когда тайком таскали вино из дворцового погреба, чтобы устроить «исторический» пикник в саду. В пятнадцать, когда бегали ночью купаться голышом и чуть не утонули. Она помнила ее разной. Живой. Еще не ставшей великой, символом, за которым пойдут другие. И любила именно такой. Но все проходит...

— Саша старше, но сейчас похожа именно на ту Талию. И я думаю, она сама не понимает, на что способна. Не знает. Не верит. И даже еще не думает об этом. Я не люблю ее, нет. Скорее... Она разбудила во мне память. И ностальгию. А еще боль... Ведь Талии больше нет.

Горе — странная вещь. Порой оно сшибает с ног, мешает вздохнуть, не дает спать по ночам, а порой подбирается медленно и осторожно, незаметно подтачивает силы и разум, сворачивается внутри болезненной тоской и прорывается наружу настолько внезапно, что совершенно неясно, откуда оно взялось и почему.

Слезы катились по вискам и терялись в волосах. Леда погладила ее по руке.

— Ты не отпустила Байона, потому что он — единственный, кто мог бы понять тебя. Если бы ты решилась рассказать. Ты чувствуешь связь с ним. Из-за прошлого. О котором он вряд ли знает.

— Мне кажется, я украла его у нее... — с губ сорвался судорожный вздох.

— Это не так. Ты же понимаешь. Чувство вины иррационально. Ты не гордишься своим поступком и накручиваешь себя. Но на самом деле никто на тебя не злится. И думаю, сам Байон тоже. У него наверняка хватает своих поводов для самобичевания. И для тоски. Ты ни в чем не виновата, Лиса.

Старое прозвище вызвало улыбку. Леда его придумала. Ей казалось забавным. Леда и Лиса.

Их отношения тоже начались с дружбы. С общей учебы. С интереса к искусству и истории. Но если для Филис увлечение так и осталось теоретическим, то Леда напрямую работала с художницами, писательницами, актрисами и другими представительницами и представителями искусства. Она помогала пробуждать вдохновение, структурировать идеи, писала рецензии и рекомендации. Таких как она называли «поцелованными Солнцем». Такие жрицы несли радость. Они всех вокруг заряжали энергией. Дарили силы. И помогали найти призвание.

Для нимфейки такое призвание выглядело естественным продолжением жизни, к которой она привыкла. И, конечно, после окончания учебы и практики под приглядом старшей жрицы, она хотела вернуться на Нимфею. Филис поехала с ней. Тогда у них были планы. Казалось, что общие. Но... не вышло.

Нимфея прекрасна. Она удивительна. И по сравнению с Пафосом, намного более мирная и стабильная. Она процветает. И там помощь жриц Храма нужна на порядок меньше. Вот только именно это и заставило Филис вернуться. Ей стало скучно. Работа не приносила радости. А редкие случаи помощи военным вызывали куда больше отклика. К счастью, старшая жрица Храма, к которому они относились, оказалась достаточно проницательна и мудра, чтобы направить ее в нужное русло.

Вот только Леда не захотела возвращаться. Ее все устраивало. И сначала они договорились, что будут встречаться во время поездок. Жрицы часто путешествуют. Чем не возможность для встречи? К тому же можно писать. Видеть друг друга на мониторах.

Говорить часами. Тогда разлука не пугала.

И сначала они ее и не замечали. Все казалось таким же, как и раньше. Разговоры. Радость. Подъем сил от занятия тем, что действительно близко и понятно. И какая разница, что промежутки между звонками становятся все длиннее, а мысли все реже возвращаются к подруге? Годы прошли, прежде чем при очередной встрече они поняли, что уже совсем не так близки, как хотелось бы. И что расстояние, вставшее между ними, куда больше и глубже, чем казалось раньше.

Была печаль. Но уже не та, что двадцать лет назад. И расставание вышло легким. Тихим, как вечерний прибой. Без упреков и обид. Они разошлись. И продолжали поддерживать редкую связь, приносящую улыбки и радость.

— Ты права, — выдавила Филис. — Я злюсь на себя за слабость. Но на самом деле я тоскую по Талии и попыталась вернуть хоть что-то, связанное с ней. Пусть даже таким образом. Спасибо.

Она повернула голову и заглянула в глаза Леды. Темные. Теплые. Понимающие.

— Я была для тебя неподходящей парой. Ты всегда и всем дарила радость, и мне в том числе, а я...

— Ты дарила мне себя. И мне было достаточно. Хотя я и понимала, что тебе нужно иное. Ты всегда стремилась к испытаниям. Тебе нужен был вызов, чтобы развиваться. Ты бралась за самые сложные случаи и решала их. Меня это восхищало. Твоя сила. И мудрость. И хладнокровие перед лицом опасности. Я до сих пор восхищаюсь тобой, но уже иначе.

— Ты встретила кого-то?

Филис легла на бок, подложив локоть под голову.

— Да, — лицо нимфейки озарилось мечтательной улыбкой. — Она — художница. Ту бутылку, что я привезла, расписывала она. Так мы познакомились. Потом я помогала ей с одним проектом. Потом с еще одним... Она чудесная. И у нее потрясающие руки. Просто волшебные. Я могу часами смотреть, как она работает. А еще она хочет детей. Мы посещали центр Репродукции. Сейчас выбираем подходящего отца. Она знает, что я поехала к тебе. И все понимает. Когда я вернусь, мы будем выбирать дату зачатия.

— Чудесно. Я очень за тебя рада.

Правда. Кому она никогда не пожелала бы ничего плохого, так это Леде. Все, что их связывало, всегда было наполнено светом и теплом. Радостью и понимаем. С ней иначе и нельзя. А вот еще одним вопросом, в котором они расходились, являлись дети. Филис их не хотела. Ни тогда, ни сейчас. И от осознания, что подруга может осуществить свое давнее желание, становилось лучше.

— Спасибо. Я тоже рада. Я так счастлива сейчас. Я очень хочу, чтобы ты тоже была счастлива.

— Меня хотят изолировать, — она озвучила мысли, терзавшие ее с самого утра. — Ты же понимаешь, что такие предложения не делают просто так. Значит, Элпис и мать настоятельница считают меня опасной.

— Они дают тебе выбор, — серьезно ответила Леда. — И ты можешь принять его и спрятаться здесь от всего мира, а можешь отказаться и пойти своим путем. Возможно, Киорис — не то место, где ты можешь найти свое счастье, но Вселенная огромна. Ты никогда не боялась вызовов, так почему испугалась теперь? Я верю, что ты найдешь свой путь. Обязательно.

Филис невольно улыбнулась, ощущая прилив сил. Она позволила себе слабость.

Перестала верить в себя. Потерялась. И Эллис, действительно, дала ей выбор. Обитель. Или Леда, которую она прислала. Поцелованная солнцем. Знала ли верховная жрица об их отношениях? Понимала ли, что может принести встреча? Так или иначе, она подарила ей возможности, а распорядиться ими Филис сумеет...

Глава 69

...Александра связалась с ним сама. Словно почувствовала или поняла, что нужна. Услышать ее голос оказалось подобно глотку свежего воздуха. Даже головная боль, терзавшая его почти сутки, притупилась. Разговор вышел недолгим. Икар не стал искушать судьбу и снова ждать подходящего момента, а просто предложил увидеться на следующий же день. Она согласилась. Так легко, словно они встречались уже не первый раз...

Конечно, в какой-то мере так и было, но Икар все равно испытывал странное волнение. Сходил в душ. Несколько раз переоделся. Заложил маршрут в память бортового компьютера личного катера, которым пользовался крайне редко. Проверил сводки погоды. Последние данные от военных аналитиков. Усилием воли заставил себя не думать о делах и с трудом дождался времени вылета.

Сомнения отпали, стоило увидеть девушку. Она ждала его на посадочной площадке возле Храма. Ярко-синяя туника и брюки на тон светлее создавали яркое пятно, притягивающее взгляд. Внутри потеплело. Сердце забилось чаще. Она улыбнулась и шагнула к катеру, а он улыбнулся в ответ, откидывая крышу кабины и выпрыгивая наружу.

— Мы полетим? — Саша удивленно разглядывала катер.

— Да, ты же не боишься? — он вдруг подумал, что такой способ передвижения может быть для нее в новинку.

— Я мало летала на самолетах. У вас это как-то иначе называется, наверняка. Мне интересно. С нами ведь ничего не случится?

В ее глазах мелькнуло легкое беспокойство, которое Икар поспешил успокоить.

— Гражданские катера оборудованы современными системами безопасности. Силовое поле защищает от атмосферных воздействий, а также затормозит падение, но это крайний случай. Бортовой компьютер оснащен автопилотом. Он направится к ближайшему населенному пункту и отправит сигнал бедствия на всех частотах. К тому же кабина дополнительно защищена. Даже при крушении — обычно при испытаниях, а не в эксплуатации — пилоты выживают.

— Обнадеживает, — она нервно усмехнулась, приладила волосы и кивнула. — Летим?

Предвкушения и восторга в ее взгляде оказалось больше, чем страха. Он помог занять ей место в кабине. Вернулся за штурвал, активировал систему. Ремни безопасности скользнули по телам. Стекло плавно опустилось, а за ним засветилась пленка силового поля. Минутный подъем, и под ними уже проплывает столица...

...Саша почти не летала на самолетах. Но даже ее скудный опыт не мог сравниться с полетом на личном катере, как пояснил Икар. Это словно сравнивать поездку в метро и прогулку на собственном лимузине. Прозрачное стекло кабины позволяло видеть буквально все. Во все стороны. Огромный город, раскинувшийся внизу и сверкающий огнями в лучах закатного солнца. Леса. Поля с вкраплениями ферм. Реки. Озера. Горы, остающиеся за спиной.

Она чувствовала себя ребенком, которого взяли в парк аттракционов. Высота не пугала.

Совсем. И скорость. Наверняка большая, судя по стремительно удаляющимся горам, но... никакие перегрузки не ощущались. То ли это заслуга киорийских технологий, то ли таланта Икара как пилота, но более комфортную поездку она не могла даже вспомнить. А уж виды...

— Какая красота... Просто дух захватывает.

— Я хотел побыстрее добраться до места и только поэтому взял катер, но раз тебе нравится, можем как-нибудь просто полетать.

— Нравится! Мне очень нравится! И я готова полетать!

Еще год назад она бы в жизни не согласилась. Ольга в шутку звала ее прыгнуть с парашютом, но Саша отказывалась, боясь даже представить себе высоту. А теперь... Нет, прыгать она морально еще не готова, но вот лететь... Смотреть на красоты внизу...

Икар тихо рассмеялся. И она обернулась на звук. Ей все еще странно было видеть эмоции на его лице. Улыбку. Смех. Сердце буквально замирало, будто при ней совершалось чудо.

— Я для тебя смешная?

Он ненадолго перевел взгляд на нее.

— Ты полна восторга, и он передается мне. Поэтому я смеюсь.

Серьезное отношение к словам и эмоциям тоже ее поражало. Но в хорошем смысле.

— Даже если будешь смеяться надо мной, я не обижусь. Я понимаю, что для киорийцев должна выглядеть едва ли не дикаркой.

— Ты быстро адаптируешься. И совсем не дикарка. Но твой восторг мне нравится.

Теперь засмеялась Саша. Ее, действительно, переполнял восторг. Эйфория. От происходящего. От того, что рядом мужчина, который ей интересен, от того, что она набралась смелости и сама сделала первый шаг, от неуловимого ощущения сказки, в которую она нечаянно угодила...

...Полет, пусть и достаточно долгий, хотя он старался лететь как можно быстрее, промелькнул незаметно. В легкой, непринужденной беседе, ставшей плавным продолжением начатой на корабле. Поддерживать разговор с Александрой оказалось просто и интересно. Они обсуждали природу. Необходимость фермерства. Сохранение естественного облика земель. И терраформирование. А когда внизу показался океан, девушка умолкла и прижалась к стеклу, глядя на волны. И Икар понял, что не ошибся в выборе места.

На остров садились уже в глубоких сумерках, подсвеченных габаритными огнями посадочной площадки. Он привычно выпрыгнул и помог выбраться Александре.

— Где мы? — спросила она, оглядываясь.

— На Гермесе. Здесь расположен завод по изготовлению катеров. Военных и гражданских. Линкоры делают в другом месте, но основных заготовки для них забирают здесь. Нам нужно будет спуститься вниз.

— Вниз?

— Лучше ты сразу увидишь, чем я буду объяснять.

Он предложил руку, и она переплела их пальцы. И пошла следом, с интересом рассматривая строения. На заводе работали в основном роботы. Присмотр осуществляла группа инженеров. Еще одна занималась забором материала. Из-за военного положения завод перевели в постоянный режим работы. Отменили экскурсионные туры, которые обеспечивали остров постоянным притоком гостей. Сейчас здесь было тихо и пустынно.

Прозрачный лифт приехал почти мгновенно. Просторный, рассчитанный минимум на пятнадцать человек, он располагался в отдельной пристройке, примыкающей к большому ангару, в котором хранились заготовки. Они шагнули в кабину и бесшумно отправились вниз. Мимо каменных стен, подсвеченных лишь освещением лифта, в самое сердце острова. Где их ждал короткий изогнутый туннель, некогда естественного происхождения, но со временем расширенный и укрепленный.

— А что мы тут... — они как раз повернули за угол, и девушка не договорила, увидев то, ради чего он ее привез.

Туннель заканчивался гротом, и сейчас его полностью перегораживало толстое закаленное стекло, за которым начинался океан... Густая прозрачная синева, в которой жили своей жизнью существа, считавшиеся древнейшими на планете. Один из них как раз неторопливо дрейфовал мимо на достаточном удалении, чтобы его можно было рассмотреть в полный рост.

Александра замороженно приблизилась к стеклу и остановилась лишь в паре шагов.

— Это...

— Мы называем их Археосами. И они — самые загадочные существа на Киорисе.

...Существа. Пожалуй, другого слова и не подберешь. То, что находилось по ту сторону стекла, походило одновременно на медузу и осьминога. Нечто огромное, с аморфной головой и длинными конечностями в таком количестве, что сосчитать их невозможно. Оно плавно колыхалось всем телом, расправив часть отростков вокруг головы, а остальные устремив ко дну.

Саша уже хотела спросить, в чем же их загадка, когда существо словно вздохнуло. Медленно расширилось, становясь больше и прозрачнее, точнее... Оно наливалось светом. Плавно. Начиная от точки где-то в центре головы, и вплоть до кончиков щупалец. Свет разгорался, и вот уже темное, жутковатое тело полностью светилось. Каждый его отросток имел собственный неповторимый узор, а голова — в ней словно находился шар, чьи контуры четко проступили сквозь слои кожи.

Свечение длилось считанные мгновения, но благодаря ему океан будто ожил. Стали заметны рыбы. Крупные и мелкие. Они плавали вокруг существа. На разной дистанции и по своим траекториям, но оно словно притягивало их. Будто солнце — планеты. Саша увидела водоросли, камни, кораллы, а затем, когда свет начал гаснуть, похожую вспышку где-то вдали.

Когда свечение полностью исчезло, она судорожно выдохнула и поняла, что все это время не могла вздохнуть.

— Невероятно... Я никогда ничего подобного не видела.

— Разве?

Она обернулась к Икару, который улыбался, и вдруг вспомнила, где еще могла видеть подобное свечение.

— Ядро линкора! Ты сказал, что здесь делают катера. Линкоры в другом месте, но материал для них берут здесь! Вы что, охотитесь на них?!

Саша даже представить не могла, как можно убить нечто подобное. Не только из-за сложности, но и из-за красоты. Ведь это существо — нечто совершенно уникальное.

— Нет, — принц покачал головой и подошел ближе. — Долгое время киорийцы не знали о существовании Археосов. Те скрывались и не стремились показываться нам.

Существовали лишь морские легенды о чудовищах, что живут на дне. Но триста лет назад один ученый, исследовавший океан, обнаружил их. И вступил в контакт, если можно так говорить. Пока мы занимали только сушу и лишь путешествовали по поверхности океана, мы не представляли интереса для Археосов. Но тогда они поняли, что их покою приходит конец, и решили поговорить с нами.

— Поговорить?

Девушка перевела взгляд на океан. Ей с трудом представлялось, как можно договориться с такой тушей. Которая неожиданно оказалась ближе, чем раньше, и теперь медленно дрейфовала в их сторону, увеличиваясь на глазах.

— Если можно назвать это разговором. Между собой Археосы выстраивают связи и общаются на своем языке, для людей же они воспроизводят звуки лишь отдаленно похожие на наш язык. Но путем проб и ошибок, контакт удалось установить. Они потребовали, чтобы киорийцы не лезли в океан. А взамен пообещали отдавать нам тела своих погибших собратьев, таящие в себе источник энергии, который мы сможем использовать для исследования других миров — космоса.

— Тела? Так они настолько разумны?

— Наши исследователи предполагают, что в глубинах океана скрывается целая цивилизация, выстроенная Археосами, но мы держим слово и не лезем дальше оговоренной территории. То, что нам отдают, позволяет строить корабли, работающие на совершенно иных принципах, чем у других рас. Создавать каналы связи, известные лишь Киорису. Надежные, защищенные и безопасные.

Археос подплыл почти вплотную к стеклу и занял собой все обозримое пространство за ним. Щупальца пришли в движение. Растопырились словно перевернутый веер. А затем существо засветилось. Как-то особенно медленно. Слово демонстрируя, на что оно способно. Свет рождался внутри его тела. И теперь Саша видела, как он распространяется по щупальцам. Медленно. Постепенно. И в то же время равномерно. Независимо от сложности рисунка и длины отростка. На ее глазах будто рождались нейронные связи.

А потом весь сложный узор вдруг вспыхнул ослепительным светом, поглотившим все вокруг. А после него пришла тьма...

Глава 70

Саша пришла в себя легко. Будто проснулась после долгого и интересного сна. Отдохнувшей, полной сил и в отличном настроении. Слово случилось нечто хорошее.

Стоило пошевелиться, и рядом оказался Икар.

— Как ты?

Он выглядел немного обеспокоенным, и девушка поспешила его успокоить:

— Все хорошо. Правда. Даже отлично. Долго я?..

Она огляделась, пытаясь понять, где они. Небольшая, светлая комната без окон, зато с большим количеством светильников и оборудования. Смутно знакомого по медицинскому блоку на линкоре.

— Почти час. Гиатрос замерил твои показатели, и сказал, что волноваться не о чем, но лучше подождать, пока ты придешь в себя перед полетом.

Саша села, ощущая все ту же легкость. Захотелось вскочить и запрыгать по комнате. Она представила, как будет выглядеть со стороны, и рассмеялась.

— Я забыл, что ты сильнее реагируешь на воздействие Археосов, — принц наблюдал за

ней со странным выражением лиц, показавшимся невероятно забавным. — С ядром линкора было то же самое, но менее интенсивно. Все же там излучение уже искусственное...

В комнату вошел мужчина средних лет в форме гиатросов.

— Вижу, все уже в норме, — отметил он, окинув их взглядом.

А Саша снова засмеялась и прикрыла рот ладонью, понимая, что ведет себя не совсем адекватно.

— Простите...

— Через сколько закончится действие излучения?

— Полагаю, через пару часов, — гиатрос склонился над одним из мониторов, считывая показатели. — Как я уже говорил, организм испытал сильнейший прилив гормонов радости, что вызвало защитную реакцию организма, и девушка потеряла сознание. Теперь организм пытается адаптироваться и переваривает полученное. Судя по показателям, он справляется. Еще ни разу не видел подобную реакцию. Интересно...

— Благодарю, гиатрос, — сдержанно ответил Икар и протянул ей руку.

Александра с удовольствием сжала ладонь и почувствовала жар, растекающийся по телу. Она поймала взгляд мужчины и улыбнулась.

— Кхм, — гиатрос прочистил горло. — Гормональный всплеск может вызвать резкое повышение либидо и соответственно...

— Я понял, спасибо.

Принц помог ей подняться на ноги, и Саша ощутила его аромат — свежий, мятный, смешанный с чем-то терпким и горьковатым. Она качнулась вперед и неожиданно уткнулась носом в широкую грудь, а мужчина замер.

— Ты вкусно пахнешь. Я говорила? Мне нравится. Так бы и съела...

Над головой раздался вздох, а затем мир качнулся, и она оказалась на руках Икара. Так вдыхать его запах оказалось намного удобнее. А еще можно обхватить за шею. Погладить кожу...

Она отвлеклась, когда гиатрос снимал медицинский браслет. Уголки его губ заметно подрагивали, хотя мужчина старался выглядеть невозмутимым. Пробужденный. Однозначно. Саша рассеянно ему улыбнулась и вернулась к прерванному занятию.

Волосы у Икара тоже оказались необыкновенными. Гладкими. Блестящими. Свет отражался от них, высвечивая оттенки черного. Так странно... Раньше она не замечала, что у черного есть оттенки. А теперь вот любитесь...

В коридоре освещение изменилось, стало глуше. И ее внимание сразу же привлек рельефный профиль. Такой выразительный. Четкий. Сразу вспомнились римские императоры. Икар отлично бы смотрелся на какой-нибудь старинной монете. И вообще, чем не Цезарь?

До катера принц донес ее, даже не запыхавшись, затем усадил на сидение и расцепил руки, чтобы занять место рядом. А Саша совсем не хотела его отпускать. В его руках было так спокойно. Уютно. По-домашнему. А еще ей хотелось не только обнимать. Например, можно стянуть с него эту странную рубашку с треугольным вырезом или брюки...

Икар бросил на нее странный взгляд, покачал головой, а затем катер взлетел к звездам.

— Ух ты! — от восторга перехватило дыхание.

Звезды были повсюду. Сверху. Вокруг. И внизу, отраженные в успокоившемся океане. Или это мерцали Археосы?

— А ты умеешь делать мертвую петлю?

На нее снова странно покосились, но возражать мужчина не стал. А в следующий момент они уже шли на разгон, чтобы затем...

Радостный визг сорвался с губ. Это было лучше, чем на американский горках. Да что там горки? Даже знаменитый Порт-Авентур не мог бы похвастаться таким аттракционом.

— Еще!

И они снова заложили петлю. А затем бочку. А потом еще что-то столь же замечательное. Небо менялось местами с землей, пока вокруг не остались лишь звезды...

...Саша проснулась, обнимая подушку и улыбаясь. В голове царила звенящая пустота, которая бывает, например, в первый день отпуска. Или каникул, когда впереди еще целая вечность отдыха и никуда не нужно спешить.

Она перекатилась на спину и потянулась всем телом, радуясь новому дню и пытаясь вспомнить, что происходило вчера. Где-то рядом раздалось вежливое покашливание, заставившее ее немедленно подпрыгнуть и обернуться, а еще обнаружить, что она одета в новую тунику, а вот брюки отсутствуют.

Икар сидел в кресле у окна, на подоконнике стоял поднос с завтраком на двоих.

— А... — выдавила девушка. Мозг отказывался воспроизводить прошлый вечер. — Ты тут...

Мужчина кивнул, не спеша начать разговор, и улыбаясь.

— А мы... То есть...

Улыбка стала шире.

— Мы не были близки вчера, если тебя это волнует. Я не стал пользоваться ситуацией. Хотя, признаюсь честно, устоять было сложно.

С губ сорвался придушенный писк. И память все-таки отреагировала, начав порционно выдавать информацию. От которой захотелось немедленно провалиться куда-нибудь под Храм. На дно океана. В Марианскую впадину, если аналог ее существует на Киорисе.

Саша уткнулась лицом в подушку и застонала. Она вела себя, хуже не бывает. Приставала! Домогалась! Кажется, даже лезла целоваться!

— Тебе нехорошо?

— Да! Я сгораю со стыда!

Кровать прогнулась под весом принца.

— Почему? Я узнал о себе много нового.

Александра застонала громче и накрыла подушкой голову. Лучше бы она умерла в том торговом центре! Какую чушь она несла? Что-то про чеканный профиль и оттенки черного! Господи, спаси!

— Мне понравилось, — невозмутимо продолжил Икар. — И, пожалуй, мне стоит извиниться. Я на самом деле забыл о твоей реакции на излучение ядра. Поэтому все, случившееся вчера, моя вина. Не стоило везти тебя на Гермес.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Затем вздохнуть. И сесть, опасливо выглядывая из-за подушки. Киориец улыбался. И совсем не выглядел виноватым. Скорее довольным. Настолько, что нестерпимо захотелось ударить его подушкой. Но Саша сдержалась. Хватит того, что она устроила вчера. Драка подушками станет каким-то новым этапом дурного поведения. Не стоит усугублять...

— Мне тоже понравилось... До того, как я потеряла сознание и проснулась, и начала вести себя... странно.

Мягкая формулировка. Жаль, что ситуацию уже не исправить.

— А обратный полет на катере?

В зеленых глазах зажегся странный огонек.

— Я плохо... помню.

— Значит, нужно будет повторить. Мне показалось, тебе понравилось. Но ощущения лучше, когда ты можешь ясно оценивать ситуацию.

Он вдруг коснулся ее губ кончиками пальцев. Легко-легко. Едва касаясь. Но этого уже хватило, чтобы ее тело вспыхнуло жаром, а дыхание сбилось. У нее что, до сих пор гормоны скачут? Или...

Шершавые пальцы скользнули по щеке вверх, заправили прядку за ухо. Опустились к шее, едва касаясь кожи и этим распалая еще больше.

— Наверное, будет честно, если я тоже скажу, что думаю.

Саша судорожно вздохнула. В горле пересохло.

— Мне нравится смотреть на тебя. Когда ты улыбаешься, у тебя на щеках ямочки, — кончик пальца коснулся щеки, обозначая нужное место. — А глаза начинают блестеть. Вчера они сияли. А волосы растрепались. Мне нравится, когда они не в прическе. Свободные. Легкие. Ты тоже стала свободнее. И увереннее. И когда ты говоришь о своих чувствах, мне нравится слушать. Тебе нечего стыдиться. Ты ничего плохого не сделала. Всего лишь была искренней и свободной. А еще очень счастливой. Я хотел бы увидеть тебя такой, только не из-за воздействия Археоса. И мне нравится, что ты желаешь меня. Я тоже хотел бы зайти дальше, но мы договорились не торопиться.

Жар опалил щеки, заставив прикрыть глаза. И в то же время. Сердце билось в груди пойманной птицей, желая вырваться наружу и сменить хозяина. Дыхание... Воздуха категорически не хватало. Кожа стала сверхчувствительной, а внизу... Если бы сейчас Икар хотя бы намекнул на нечто большее, чем разговор, она бы сама его изнасиловала. И вряд ли бы теперь испытала угрызения совести.

Но он отстранился и встал с кровати. А Саша судорожно выдохнула и хрипло произнесла:

— Мне нужно в душ.

Ответа она ждать не стала. Сбежала, закрыла за собой дверь и сползла по ней на пол. Внутри сплелись остатки запоздалого страха и желания. Она ведь не маленькая, понимала, к чему все идет. Не зря же сходила за пластырем к Доркас, и все же... Хорошо, что Икар себя контролирует. Что не стал пользоваться ситуацией. Что... умеет ждать. Да. Все у них будет... Обязательно. Ей нужно лишь немного времени...

Глава 71

...Третью квартиру они с Ареем покидали в одинаковом настроении. Ликос недовольно ворчал и порывкивал, Байон хмурился. Не то, чтобы просмотренные варианты ему не нравились. Правительственная поддержка для военных в отставке позволяла ему выбрать практически любой вариант, но...

Он вдохнул горячий воздух и запрокинул голову к небу. Солнце стояло в зените. Жар пробивался даже сквозь переплетенные ветви деревьев, отражался от стен домов и дорожного покрытия. Хотелось вернуться в прохладу подъезда, но мужчина подавил мимолетное желание и взглянул на зверя, вывалившего язык на бок. Ему погода тоже не нравилась.

— Ну, что, дружок? Кажется, подошло время подкрепиться и подумать, чего же мы с тобой хотим...

Аррей согласно облизнулся и встряхнулся, готовый следовать за ним куда угодно, лишь бы его покормили и дали прийти в себя.

Байон невольно улыбнулся, огляделся, прикидывая, насколько они далеко от ресторанчика Георгоса, и направился в нужную сторону.

Уже через четверть часа они оказались в прохладном помещении за плетеным столиком в углу, который хозяин всегда резервировал для них с Талией, когда они находились на планете. Бывший капитан даже удивился, увидев знакомую табличку, и еще больше, когда понял, что бронь рассчитана на него.

Не успел робот-разносчик принять заказ и исчезнуть на кухне, как к ним вышел заметно расстроенный хозяин заведения. Георгос был лыс, округл, обладал зычным басом и кудрявой бородой темно-русого цвета. Пару лет назад он отмечал свое шестидесятилетие. Они с Талией были почетными гостями.

Сейчас Георгос смотрел на него печальными голубыми глазами и мялся, комкая в руках фартук с парой пятен от соуса.

— Спасибо, что сохранил бронь.

Повар и владелец в одном лице лишь тяжело вздохнул и сел напротив, устремив взгляд на собственные руки, запутавшиеся в ткани.

— Я, как узнал, чуть не слег с сердцем. Разболелось, проклятое. Через пару дней отошел, хотел тебе домой еды собрать, но робот вернулся обратно с заказом. Отметил, что тебя нет. Тут еще это похищение всплыло, — он расстроено покачал головой. — Я решил бронь поставить и подождать. Думал, может, ты все-таки зайдешь. Мне так жаль...

Георгос поднял на него пронзительный взгляд, полный такого искреннего сожаления, что сердце защемило, а в горле встал комок.

— Спасибо, — Байон кашлянул, сделав усилие, чтобы заговорить. — И за еду, и за бронь... За все.

— Ты как сам-то? В Храме был?

— Да. Мне помогли... Сейчас уже лучше. Я пока временно во дворце. И, если тебя не затруднит, я бы не отказался от ужина. На двоих. Хочу угостить императрицу твоей стряпней.

На лице собеседника расцвела довольная улыбка, но в глубине глаз осталась грусть.

— Это запросто, — он выпрямился и заметно приободрился, готовый бежать на кухню и заниматься тем, что может и любит. — Ты пока ешь. И зверя корми. Сидите, сколько нужно. А я пойду что-нибудь особенное приготовлю. Десерт делать?

— Твой фирменный пирог будет очень кстати.

Улыбка стала шире, но вдруг угасла, и на лице отразилась озабоченность.

— Тут о войне говорят все... Ты-то все еще служишь?

— Нет. Я в отставке. Отвоевался.

— Вот и хорошо, — Георгос вздохнул заметно спокойнее. — Вот и ладно... Отдыхай. А я пойду. Все сделаю...

Он удалился в сторону кухни, а Байон подумал, что таких встреч будет еще много. У них с Талией имелось достаточно друзей и знакомых, которые при встрече захотят выразить соболезнования, а он... Он понимал людей и их сочувствие. Но сейчас совершенно не был готов принимать его. Слишком хрупким было пойманное равновесие. Слишком ломким. А

бывший капитан не хотел снова скатиться в бездну горя, из которой едва-едва выбрался.

— Как смотришь на то, чтобы перебраться за город? — спросил он у ликоса, улегшегося вдоль стены.

Тот лишь одарил его взглядом, полным сомнений. И стоило признать, что он прав. Байон не представлял себя фермером. Да и без полетов ему будет скучно... А в столице тесно и душно. Даже гостеприимные стены дворца уже казались клеткой, из которой хочется сбежать. Что же будет дальше?

Робот-разносчик принес их заказ, поставив перед мужчиной тарелку салата и блюдо с сырными гренками, а перед зверем миску с водой и еще одну с печенью. Взглянув на порции, Байон понял, что снова сделал заказ на двоих, а Георгос даже не заметил и не подумал, что нужно отредактировать.

Он вздохнул и принялся за еду, параллельно открыл на захваченном с собой планшете объявления о продаже участков в пригороде. А затем, подумав, решил рассмотреть район Побережья. Мельком глянул в сторону Нимфеи, но понял, что не сможет жить среди размеренности и красочности художников, музыкантов и актеров, поэтому остановился на Пафосе.

Предложения мелькали, странно похожие друг на друга и не вызывающие ровным счетом никакого любопытства. Можно, конечно, отправиться к родителям, которые переживали и очень хотели его увидеть, но...

Байон представил мягкое сочувствие матери, молчаливую поддержку отца, шум племянниц и младшую сестру, решившую заглянуть в гости вместе с мужем. Он любил родственников. И знал, что они любят его не меньше. Но... Его жизнь слишком давно строилась вместе и вокруг Талии, поэтому связь, какой бы крепкой она ни была, истончилась, и восстанавливать ее сейчас... У него точно нет ни сил, ни желания.

Мужчина закрыл поиск и ткнул в файл с описанием льгот военнослужащих, соответствующих его званию, пролистал до раздела «Имущество», не зная, что именно пытается найти, но взгляд неожиданно зацепился за строчку: «...недвижимое или иное имущество, эквивалентное сумме...».

— Иное имущество, значит.

Он усмехнулся, а затем широко улыбнулся, уже понимая, что будет делать дальше. Жизнь явно начинала налаживаться...

...Императрица выглядела лучше, чем в их последнюю встречу. В ней словно зажегся новый свет, который снова спрятал морщины и сделал цвет лица ровнее. Сегодня она принимала его в кабинете по официальному приглашению, что невольно заставило задуматься о теме разговора. Софрония выбрала изумрудный с черной отделкой для платья, а волосы убрала в гладкий узел на затылке. Малый венец венчал голову, и значит, разговор не просто важен, но затрагивает государственные интересы.

Икар отмечал детали мимоходом. Сам он, получив приглашение, облачился в парадный мундир, впервые прикрепив к поясу новый клинок. По протоколу он не мог начать разговор первым и ждал, пока мать обратится к нему сама. Мысли же блуждали далеко.

Принц вспоминал утро, и завтрак с Александрой. Легкую беседу, завязавшуюся после ее возвращения из ванной. Ему давно не было так комфортно и уютно, как с ней прошлым вечером и этим утром. И уходить от нее не хотелось. Если бы не дела, и не вызов к императрице... Он мог бы натворить глупостей. Все же общество желанной женщины

оказывает большее воздействие, чем он мог представить.

— Присаживайтесь, гран-командер, нам нужно обсудить кое-что личное.

Он опустился в старинное кресло из черного дерева, которым были отделаны все официальные покои дворца. Когда-то оно ценилось едва ли не выше золота или мрамора.

Перед ним на стол легла тонкая папка с бумажными документами, что само по себе выглядело странно.

— Нам стоило начать этот разговор раньше, но я не чувствовала в себе уверенности, что смогу довести его до конца, а ты продемонстрировал поразительный контроль над собой для пробужденного. Теперь же я вижу, что ты меняешься, — их взгляды встретились. — Думаешь, я не понимаю, почему произошла отставка Иазона?

— Правители не вмешиваются в дела военных, — обтекаемо ответил Икар заученной фразой.

— Я и не стану. Лишь хотела поблагодарить тебя от своего лица и от имени Дореи. Иазон дома. Она счастлива. Завтра они нанесут мне визит.

— Я рад, что все так обернулось.

Внутри словно разжались невидимые тиски, сжимавшие грудь. Отступили сомнения, мучавшие его с момента той встречи гран-командеров.

— Также я слышала, что ты встречался с той девушкой... землянкой.

— Не совсем понимаю, какое это может иметь отношение к нашей официальной встрече.

Он особенно выделил предпоследнее слово. Императрица лишь на мгновение отвела взгляд, но сразу же вернула себе контроль. Выпрямилась в кресле и продолжила:

— К сожалению, самое прямое. С твоей сестрой мы обсуждали это, когда ей исполнилось восемнадцать. Я хотела, чтобы она понимала, какие осложнения могут быть связаны с детьми. Теперь, когда ты тоже можешь их завести, пришло время рассказать и тебе...

Она кивнула в сторону документов:

— Это отчет генетиков, занимавшихся улучшением рода Птолемея.

— Разве генетические эксперименты не запрещены законом? — Икар нахмурился и подался вперед.

— Запрещены. Твоей прабабушкой. Но за сто лет до нее, когда генотип активно изучался, строились различные теории о его совершенствовании и создании сверхчеловека. Если ты помнишь, тогда произошла трагедия, при которой погибла императрица Елена, опекунство над наследницей досталось ее супругу, который был крайне заинтересован в генетических модификациях.

Икар похолодел, уже понимая, к чему ведет разговор.

— Он ставил испытания над своей дочерью?

— Он считал, что род Птолемея, являясь единственным защитником Киориса перед Вселенной, должен обладать лучшими качествами. И... ты прав, он позволил экспериментировать с генотипом дочери. Сначала никаких видимых результатов получить не удалось, затем девочка заболела. Генетические изменения дали непредсказуемый результат. Эксперимент посчитали неудачным и закрыли. В дальнейшем исследования продолжались на добровольцах. И до твоей прабабки считалось, что небольшие модификации могут быть вполне полезны. Нам удалось вычистить у целого поколения многие болезни и отклонения в развитии, сделать нацию более здоровой. Исследователи

хотели зайти дальше и начать корректировать пол ребенка на этапе зачатия, закладывая в него определенные навыки во время внутриутробного развития, к счастью эти идеи не получили широкого распространения.

— Что случилось с прабабушкой?

— Не с ней, — лицо Софронии застыло, превратившись в хорошо знакомую скорбную маску. — Моя тетья. Она была намного старше моей матери и являлась наследницей до тех пор, пока во время полового созревания у нее не открылась генетическая болезнь. Заболевание вызвало новую волну исследований, показавших, что все потомки Птолемея, рожденные после тех первых экспериментов, имеют ряд отклонений. Они не проявляются физически, но... при определенном скрещивании могут вызвать мутации, что и происходило на протяжении последних почти двух веков. Тете не повезло больше всех. Ее болезнь прогрессировала, она не могла наследовать, и в итоге удалась от мира, а моя мать стала наследницей. Тогда-то бабушка и наложила запрет на любые генетические изменения. Теперь к ним прибегают лишь для коррекции при возникновении развития патологий у плода. В этих документах, — она снова кивнула на папку, — подробно изложены результаты анализа твоего генотипа. Приведены разные вероятности скрещивания и выделены гены, совместимость с которыми может иметь... необратимые последствия. Изучи отчет, пожалуйста. Это все, о чем я могу просить.

— Байон знает? — вспомнился их последний странный разговор, во время которого друг пытался на что-то намекнуть.

— Да. Талия рассказала ему. Они делали тест на генетическую совместимость. К счастью, в их случае все оказалось... просто.

Что-то подсказывало, что в его случае просто не будет. Но ведь никто и не говорил о детях? Лишь о вероятности их возникновения, которая теперь существенно повысилась.

— Благодарю, маеджа.

Он взял отчет, ощущая все тот же холод. Перед глазами возникла Александра, улыбающаяся после сна. В груди что-то сжалось...

Глава 72

...Саша разложила наряд на кровати и сделала шаг назад, пытаясь взглянуть на него непредвзято. Сердце билось о ребра, в ушах немного шумело, а руки похолодели.

Последние два дня прошли чудесно. Она продолжила посещать занятия с альмами, с удовольствием общалась с Хлоей, радуясь тому, как девушка возвращается к жизни. Переписывалась с Клео, которая аккуратными намеками пыталась узнать, как проходят ее встречи с «Тем Самым Мужчиной». Отвечала на уточняющие вопросы программиста, шифующего код для запуска сайта в общее пользование. А по вечерам превращалась в Золушку, отправляясь на свидание с Икаром.

Они посетили ферму, где выращивали ликосов — удивительных зверей, представляющих собой помесь волка и льва. Узкая морда, длинные лапы, вытянутое, по сравнению с земными волками, тело, волнистая мягкая грива, надежно закрывающая горло, круглые уши, и невероятно разумный взгляд. Саша издали понаблюдала за резвящимися детенышами. Приближаться к ним, если не желаешь забрать кого-то с собой, не рекомендовалось. Она и не стала, уделив внимание паре взрослых особей, снисходительно позволивших себя погладить.

А вчера они гуляли по городу. Икар показал ей Центральную площадь, дворец,

внушительным монументом возвышающимся над ней, Огонь Памяти, к которому приносили цветы. Она спросила его о сестре, а потом, когда они сидели в небольшом, уютном ресторане, слушала рассказы из его детства, все больше проникаясь уважением к покойной принцессе и печалью от ее гибели. Прошлый вечер оказался каким-то особенно уютным, и, кажется, сблизил их. Настолько, что она решила достать платье...

Теперь розовое великолепие лежало перед ней. Фрида уже сделала высокую прическу, украсив волосы шпильками с перламутровым жемчугом, купленными в ювелирном магазинчике во время прогулки с Клео. Вместе с ними Саша приобрела и длинные серьги, сделанные из кораллов на оттенок темнее платья. Обработанный материал напоминал веточки с небольшими, аккуратными листочками, едва слышно шуршащими при движении.

У нее оставалось полчаса до встречи, чтобы закончить одеваться или передумать. Ведь дело не только и не столько в платье, а в том, что должно последовать за ним.

Саша глубоко вздохнула, прикрыла глаза, отрешаясь от привычного уже страха, и позволила тунике упасть на пол. Все же удобно, что ее так быстро снимать. Платье одеть тоже оказалось несложно. Ткань приятно заструилась по фигуре, и девушка постаралась сосредоточиться на этих ощущениях. Ласке и нежности. Она ведь доверяет Икару. И все будет хорошо. Замечательно. Обязательно.

Александра закрепила сережки и окинула себя еще одним взглядом в зеркале, убеждаясь, что выглядит прекрасно. На самом деле, прекрасно. Так, как не выглядела еще никогда. Она прижала ладони к щекам, пытаясь унять возникший жар. Господи, волнуется как девственница в брачную ночь, а ведь она уже была замужем...

И даже не вздрогнула от воспоминаний. А потом выдохнула. И улыбнулась. Все будет хорошо. Обязательно...

...Сегодня он прилетел раньше. Откинул купол кабины, чтобы подышать воздухом и хоть на мгновение расслабиться. Последние дни вышли напряженными. Часть эскадры уже отправилась в сторону Пескара, где Этра решила начать нападение. Валирис предполагал, что их выманивают из норы, желая разделить и вынудить оставить Киорис почти без защиты. С большой долей вероятности, его предположение было верно, но пока они решили сделать вид, что поддались, и подождать следующего шага.

Напряжения добавлял и отчет, переданный императрицей. Он изучил его той же ночью. Понять смог не все, но достаточно, чтобы сделать выводы и простейшие прогнозы. Для оздоровления потомства и выправления генотипа роду Птолемея нужны несколько поколений едва ли не идеальных сочетаний, отыскать которые достаточно сложно.

Желая получить больше информации, Икар передал отчет Креону. В силу полученного образования брат сможет понять намного больше. Никакой личной информации в документах не содержалось. Лишь пол, код, заменяющий имя, и масса различных расшифровок. Он понимал, что изначально отчет выглядел куда внушительнее, но для него оставили лишь самую информативную часть, избавив от необходимости изучать все возможные теории. Пока Креон молчал, но гран-коммандер не торопил его, желая получить как можно больше полезной информации.

Он бросил рассеянный взгляд в сторону Храма и замер.

Александра подходила к катеру медленно, словно купаясь в лучах заходящего солнца, отраженных от стен Храма. Мягкий свет окутывал ее, подчеркивая легкость и невесомость наряда, а вместе с тем создавая трогательный образ, от которого потеплело в груди.

Икар вспомнил, как увидел ее впервые. До смерти перепуганную, сжавшуюся в комочек и боящуюся даже пошевелиться лишней раз. Теперь от страха не осталось и следа. Женщина перед ним излучала гармонию, приправленную щепоткой робости. И напоминала хрупкий цветок дицентры — небольшой, в форме сердца — растущий в дворцовом саду.

Она остановилась и запрокинула голову, глядя на него. Принц легко покинул кабину и оказался перед ней.

— Здравствуй, — Александра улыбнулась и погладила ткань платья. — Я редко ношу платье...

— Оно тебе подходит.

В ее глазах вспыхнула радость, а щеки окрасились легким румянцем.

— Спасибо. Какие у нас планы?

Планы у Икара были. Например, слетать к озеру в горах. Он заметил любопытные и восхищенные взгляды, которые девушка бросала в ту сторону, и даже захватил плед и корзинку с ужином — чтобы правильно подготовиться пришлось даже проконсультироваться с Байоном, который отвечал странно кратко и быстро оборвал связь, отговорившись делами. Выглядел он сосредоточенным и увлеченным, поэтому гран-командер не стал добиваться деталей.

— Давай немного полетаем, а там решим.

Что-то подсказывало, что до озера они не доберутся...

...Сегодня они молчали. Катер неторопливо плыл по воздуху, взгляд скользил по привычному уже пейзажу, но говорить не хотелось. И странно, тишина совсем не напрягала, будто они обо всем уже договорились, а теперь лишь ждут подходящего момента.

Икар выглядел расслабленным, в уголках его губ спряталась улыбка. Саша уже привыкла находить ее, и каждый раз радовалась. Сейчас он выглядел настолько живым и привычным, словно она знала его почти всю жизнь. И находиться рядом казалось также естественно, как дышать.

А вот дыхание как раз перехватило. Воздух в кабине стал вязким. А кожа тонкой и чувствительной. Каждое движение, каждый вздох ощущался как прикосновение. В горле пересохло. А по телу прокатилась волна жара.

Саша взглянула на мужчину рядом и поймала его взгляд. Прямой. Жадный. Обжигающий. От него стало жарко. И вдох замер на губах. Время превратилось в желе. Икар сглотнул, и звук заставил ее вздрогнуть. Но наваждение не исчезло. Девушка облизнула губы, чтобы избавиться от сухости, и успела заметить, как принц переключил что-то на панели управления, а потом оказался рядом.

Близко. Очень близко. И его губы тоже. Твердые. Решительные. Им не хотелось сопротивляться. Напротив. Сейчас хотелось только одного, но вот как-то оказалось, что в кабине не очень удобно. И еще ремни безопасности...

Саша хватанула воздух губами, пытаясь сориентироваться в пространстве. Они с Икаром сплелись в объятиях. Его зеленые глаза казались почти черными от расплывшегося зрачка. А руки... Ох, руки... Одна придерживала затылок, а вторая лежала где-то на бедре, лаская сквозь ткань... Тканью...

— Мы не разобьемся? — остатки здравого смысла попытались взять верх.

— Автопилот, — коротко выдохнул мужчина, покрывая поцелуями ее лоб, виски, щеки...

— А куда летим?..

— В город...

Она повернула голову, и их губы снова встретились. Мысли улетучились. Остались ощущения. Здесь и сейчас. Его руки. Его губы. Плечи. Рубашка, в вырез которой очень удобно залезть. Кожа. Вкус...

Сколько времени прошло, прежде чем катер остановился, Александра не поняла. Только почувствовала, что исчезла скованность движений, и легкое ощущение невесомости от полета. Икар отодвинулся, и между ними ворвался свежий воздух, вызвавший мурашки на коже. Саша огляделась, пытаясь понять, где они. Точно не стоянка перед Храмом.

— Мы...

— В этом здании моя квартира, — хрипло ответил мужчина, заглядывая ей в глаза и стараясь держаться на расстоянии. — Стоянка мобилей внизу, а на крыше — для катеров.

Она кивнула, показывая, что поняла, а затем еще раз, отвечая на невысказанный вопрос. Откуда-то она знала, о чем хочет спросить принц. И тот взял ее за руку, потянул за собой. Они покинули катер, дошли до лифта. Коленки у Саши дрожали, а в голове стоял туман. Она прижалась к плечу Икара, и почувствовала руку на талии. Как тогда, когда он поддерживал ее в первый раз. Помешал упасть. Отвечал на глупые вопросы. Ну разве может такой человек сделать ей больно?

Спуск в лифте и коридор перед квартирой она не запомнила. Только звук закрывшейся двери и чей-то голос, вежливо поздоровавшийся с ними и заставивший ее едва ли не подпрыгнуть.

— Это искин квартиры. Он не человек, — коротко пояснил хозяин, успокаивающе поглаживая ее по плечу и вызывая тем самым волну новых мурашек. Вовсе не от холода.

Кажется, они снова куда-то шли. Но теперь уже можно было не сдерживаться. И Александра запустила руки под рубашку, пробежала пальцами по торсу, подцепляя ткань и буквально стаскивая ее с мужчины. Только это заставило его оторваться от ее губ. И открыть какую-то дверь. А потом его руки легли на платье...

Рывок. И она оказалась спиной прижата к его груди. Теплые губы заскользили по шее, по голому плечу, а руки... Ткань у платья оказалась по истине волшебной. Каждое прикосновение через нее ощущалось иначе. Оно превращалось в скольжение. В изысканную ласку на грани с пыткой. Когда хочется остановиться и продолжать одновременно.

Кажется, она стонала. И просила еще. Или остановиться? Разум отключился, оставив тело плавиться от наслаждения. В какой-то момент девушка оказалась лежащей на кровати уже без платья. Чему успела мимолетно порадоваться. А еще открыть глаза и приподняться на локтях, наблюдая, как принц избавляется от брюк. Потом он плавным движением оказался в изножье кровати, потянулся к ней, и неожиданно склонился над тем местом, где все давно уже горело и изнывало от желания.

Короткий поцелуй, вызвавший удивленный вздох, а затем... Саша упала на подушки и задыхнулась от нахлынувших ощущений. Это было сильнее, чем когда-либо раньше, лучше, чем с бывшим мужем, лучше, чем даже прикасаться к себе самой. Лучше всего...

Она кричала. Стонала. И, кажется, в какой-то момент перестала дышать...

Глава 73

...Как бы каждый новый день не походил на предыдущий, время идет. Даже в Обители. Все меняется. Раны затягиваются. Печали уходят. Боль забывается. И вот уже очередной

рассвет на западной террасе встречается с улыбкой.

— Ты приняла решение, — настоятельница вычесывала ликоса, доверчиво положившего морду ей на колени и жмурящегося от удовольствия.

— Приняла. Так будет лучше для всех.

Леда покинула остров три дня назад. Филис откладывала свой отъезд и разговор с настоятельницей так долго, как могла. Обдумывала. Решала. Оттягивала момент. И понимала, что он неизбежен.

...— У тебя все получится. Я знаю, — в последний вечер они посетили термы и массажные комнаты. — Ты всегда первой принимала перемены. Они нужны тебе. Ты справишься.

Безоговорочная вера Леды давала силы. И после ее отъезда стало немного пусто, но Филис умела справляться с одиночеством, превращая его в источник сил...

— И ты уедешь? — уточнила старуха, размеренно проводя щеткой по шерсти и складывая вычесанные клоки в мешочек.

— Сегодня. Я уверена, у вас еще есть на примете подходящие кандидатуры, которым вы сможете передать остров.

Дело ведь вовсе не в заботе о сестрах, но в том, что сам по себе небольшой клочок суши является сокровищем, которое нужно беречь. Тайны его можно доверить не всем. И не каждая согласится стать хранительницей этого места.

Лукавая улыбка и насмешка, мелькнувшая в глазах, стали ответом. Все же Элпис слишком хорошо знает своих жриц и умеет использовать их слабости. Вот и ее подстегнули выбором, которого она не желала. Весьма искусно, стоит признать.

Обиды Филис не чувствовала. Лечить тех, кто сам искушен в лечении, всегда сложнее, чем обычных пациентов. И подход к каждому нужен особый.

— Я рада за тебя. И видят Боги, я всегда радуюсь больше, когда сестры покидают Обитель, нежели, когда они приходят сюда. Иди, и никогда не забывай о себе.

— Благодарю.

Филис низко поклонилась, прощаясь и выражая безмерное уважение этой женщине. Она вернулась в комнату, где ее уже ждал коммуникатор и одежда, присланная из столичного Храма. Светлые брюки. Терракотовая туника с треугольным вырезом. Сандалии. Старый, привычный планшет. И сумка.

Она покинула жилой корпус и широким, уверенным шагом направилась к посадочной площадке. Катер мелькнул в небе металлическим блеском, снижаясь над островом по широкой дуге. Киорийка запрокинула голову и проводила его взглядом. Улыбнулась, испытывая удивительный подъем сил.

Все же Леда права, она всегда любила перемены. И принимала их с радостью. А теперь жизнь сама подкинула ей шанс, осталось лишь использовать его с максимальным эффектом. И Филис поспешила навстречу будущему...

...Байон остановился перед кораблем, с удовольствием разглядывая острый хищный нос с кабиной пилота, изящные, изогнутые крылья, прячущие лазерные пушки и вытянутое брюхо, от которого в хвостовой части спускался трап. Арей ткнулся носом в колени, привлекая внимание.

Мужчина обернулся и присел рядом со зверем. Потрепал того по макушке.

— Полюбуйся, дружок. Наш новый дом. Как тебе?

Ликос тряхнул мордой и легкой трусцой направился к трапу изучать новые владения. А Байон понял, что улыбается. Он чувствовал себя уставшим. Даже измотанным. Все же процесс оформления корабля в собственность по военной дотации заставил его побегать. Завалить запросами канцелярию и Валириса, несколько раз объяснить консультанту по льготам, что ему нужна именно эта модель, и никакая другая. Да, он понимает, что она не самая новая, и что большую часть из военных судов переоборудовали для гражданских нужд. Именно это ему и нужно. Кажется, несчастный искин исчерпал весь запас аргументов и перенаправил его на управляющего-человека. А дальше все пошло проще и быстрее.

Внутри «ястреб» — класс военных истребителей дальнего следования, предназначенный для автономного путешествия по космосу — выглядел довольно просто. Четыре небольших каюты. Санузел. Кладовка. Технический отсек в подполе. И общее помещение, плавно перетекающее в кабину. На истребителях летали обычно по трое. Два стрелка и пилот. Четвертым мог быть доктор или второй пилот. Помимо лазерных пушек, работающих в автоматическом режиме, на военных моделях устанавливались более точные орудия, требующие ручной наводки. Использовать их перестали после прошлой войны, серьезно обновив и перестроив управление. Но вот один отличный экземпляр все же нашелся.

Байон погладил стену. На таких моделях они когда-то учились летать. Сначала на симуляторах. Потом парно в космосе. Затем в атмосфере. Уже по одному. Воспоминания о годах учебы вызвали улыбку. Да и в целом, после оформления всех разрешений, он снова чувствовал себя собой. Капитаном. Маленького корабля. Исчезло ощущение скованности. Отсутствия воздуха. Да и мир будто обрел краски.

— Капитан, — инженер в сером рабочем комбинезоне помахал ему от трапа. — Вы ведь теперь новый владелец?

— Да, — Байон подошел ближе, вглядываясь в смутно-знакомое лицо. Кажется, он уже видел его на снимке.

— Я обслуживал «Никс» перед продажей, — он развернул рабочий планшет, открывая на нем отчет о состоянии корабля. По экрану заскользили цифры, показывая габаритные размеры, мощность излучения и прочие характеристики. — Собственное ядро у него полностью вышло из строя. Заряд истощился. Пришлось заменить. Взяли одно из списанных ядер с военных катеров. Мощность у него хорошая, позволяет поддерживать все системы в рабочем состоянии. К тому же огневой мощи здесь меньше, так что перебоев быть не должно.

Капитан кивнул, изучая данные. Все выглядело вполне прилично для возраста «ястреба». Называть его присвоенным именем пока не получалось. Нужно привыкнуть, или сменить, дав то, которое позволит в полной мере ощутить корабль своим. Но пока на ум ничего не приходило.

— Спасибо, что предупредили. Перекинете отчет мне?

— Конечно, — инженер кивнул, в два движения произвел нужные манипуляции и попрощался.

Стоило ему уйти, и из коридора неторопливо вышел Арей. Он выглядел вполне спокойным и довольным.

— Ну, что? Тебе нравится?

Ликос согласно рыкнул.

— Отлично. Значит, сегодня перевозим вещи и обживаемся. А завтра будем выбирать

маршрут...

Их ждал космос. Долгие перелеты. Другие миры. Где-нибудь подальше от войны. Этры и Киориса. Когда-нибудь потом он вернется, а пока...

Байон спустился по трапу, насвистывая гимн Военной Академии, и едва не споткнулся на последнем метре.

Она шла по космодрому уверенной походкой, солнце запуталось в рыжих волосах, свободно падающих на плечи и словно перетекающих в непривычно-обычный наряд. Если бы не волосы и не знакомая осанка, он бы ее не узнал. А вот Филис не имела шансов обознаться. Она повернула голову и заметила его, замедлила шаг, остановилась, словно размышляя, стоит ли подойти. И капитан сам решил дилемму, направившись к ней.

Они встретились где-то на полпути.

— Иерия, — привычно начал мужчина, но был остановлен покачиванием головы.

— Больше нет, капитан. Я покинула Храм и Обитель, и не могу наставлять других на их пути.

Это объясняло наряд и то, как она появилась здесь. В отдалении Байон заметил гражданский малый катер, который как раз взлетал, отправляясь к новой точке.

— Стоит ли мне вас поздравить?

Филис не выглядела расстроенной, но столь резкое решение не могло пройти бесследно.

— Возможно, — она улыбнулась, подставляя лицо солнцу. — Я решила присоединиться к экспедиции, отправляющейся на Землю. Она уже собрана, но мою заявку с радостью приняли. Личный контакт с землянкой поможет мне лучше понять их поведенческие сценарии, а также дать объяснения тем или иным явлениям через призму культурного развития.

Капитан невольно усмехнулся, понимая, что ему только что процитировали один из аргументов, позволивших Филис убедить руководителя экспедиции.

— В таком случае, я искренне рад за вас.

Она окинула его внимательным, цепким взглядом:

— А вы, капитан? Осуществили свое намерение?

— Да, я покинул службу, но смог остаться капитаном, — он обернулся, указывая на корабль, вокруг которого крутился Арей. — Приобрел себе имущество. Теперь думаю, какой бы уголок Вселенной посетить.

— Вижу, вы довольны приобретением, — мягко отметила она. — Поздравляю, капитан. И рада, что вы нашли свой способ исцеления.

Байон снова обернулся к ней. Их взгляды встретились. И на мгновение стало неловко. Вспомнилась та ночь, проведенная вместе. Они оба — взрослые люди. И тогда их связал момент слабости, а теперь они вполне в состоянии встретиться, пожелать друг другу всего хорошего и разойтись каждый своим путем. В глазах бывшей жрицы он увидел именно это — понимание и прощание. Поэтому кивнул сам и сделал шаг назад, отступая.

— Счастливого вам путешествия.

— И вам легкого полета, капитан...

Он направился к кораблю, слыша за спиной быстрые и решительные шаги. Так будет правильно. Для них обоих. К тому же, ему нужно закончить еще одно дело перед отлетом...

Декада. Десять дней, наполненных ослепительным счастьем. Встречи. Разговоры. Прикосновения. Страсть. Ни страхов. Ни преград. Ни мыслей о прошлом или будущем. Словно время остановилось, позволив им сполна получить все то, чего хотелось.

Посещение Игр. Полеты на катере Икара. Его объяснения, как управлять транспортом. Ее первые попытки. Смех. Неудачи. И целых пять минут ровного полета под ее управлением. Посещение гор. И встреча рассвета там, где кажется, что неба можно коснуться ладонью. Ночное купание в озере. Небо, полное звезд. Легенды о созвездиях. И, наконец, море...

Они прилетели на Побережье прошлым вечером. И ночной пляж с белым песком и темной водой, кажущейся черной, напоминал райский уголок где-то на краю мира. Ночевали в гостинице, Икар встал еще до рассвета и предлагал вернуться в столицу, но Саша отказалась. Ей хотелось погулять по городу. Посмотреть на океан днем. Подышать воздухом. Ее принц не стал спорить и обещал вернуться вечером.

День прошел чудесно. Она выспалась. Позавтракала в кафе у гостиницы. Купила несколько нарядов в ближайшей лавке. Там же взяла плетеную шляпу по совету консультанта. И отправилась гулять.

Океан... Прозрачная зеленоватая вода, переливающаяся в лучах солнца. Дельфины или те, кто на них похож, мелькающие вдали. Люди, неторопливо идущие по своим делам. Она научилась определять пробужденных и непробужденных с первого взгляда. Держаться в стороне. Наблюдать. Но больше не бояться толпы. Только наслаждаться. Каждым вдохом, каждым мгновением здесь и сейчас.

Саша пообедала в небольшом ресторанчике на набережной, где поинтересовалась у хозяйки, что можно посетить в городе. И та увлекла ее беседой, ставшей замечательной приправой к сытной еде. Острый, наваристый суп с чечевицей и овощами. Рыба, жареная на углях. Воздушный десерт из фруктов и сливок. Освежающий лимонад.

Наверное, еще никогда в жизни Александра не чувствовала себя настолько свободной, беззаботной и в то же время уверенной в себе. Счастливой. Наполненной энергией. И настолько влюбленной в жизнь.

Когда жара спала, она прогулялась по парку, поела фиников, которые здесь употребляли вместо сладостей. И вернулась на набережную. Слушать крики чаек. Дышать необыкновенным воздухом. Собирать ракушки, специально для которых приобрела плетеную котомку. А потом, утомившись от долгой ходьбы, упасть за столик под широким уличным зонтом.

Ноги гудели от непривычной нагрузки, кожа покрылась золотистым загаром, а в голове шумело от свежего воздуха. Все же здесь он был совершенно другим, нежели в столице.

— Вы впервые на Побережье? — обратилась к ней женщина, сидящая за соседним столиком, когда робот-разносчик привез полный кувшин воды с лимоном — здесь ее подавали бесплатно.

— Да. Здесь чудесно, — Саша улыбнулась, быстро утоляя жажду. — А вы часто сюда приезжаете?

Она уже знала, что киорийцы порой могут поболтать, даже без представления друг другу. Короткий диалог вполне укладывается в рамки приличий.

— Раньше чаще, чем в последние годы, — незнакомка печально улыбнулась. — И порой я очень скучаю по океану.

— Я даже не думала, что он может быть настолько прекрасен, пока не увидела его, — искренне поделилась Александра, не торопясь делать заказ.

Где-то рядом раздались громкие голоса, столь резко диссонировавшие с общей картиной, что девушка невольно вздрогнула и обернулась к источнику шума. Ругались мужчина и женщина. Уже немолодые. И явно состоящие в отношениях. Прежде, чем Саша успела понять, в чем суть конфликта, оба умолкли и поспешили скрыться в доме, расположенном дальше по улице.

— Что могло случиться? — невольно удивилась землянка, и неожиданно получила ответ:

— Война. Этра и Киорис вступают в первую фазу конфликта. Бои возле Пескара уже начались. Скоро сражения доберутся сюда.

Александра нахмурилась и окинула собеседницу более внимательным взглядом. Светлая кожа, черные волосы. Темные очки. Горчичного цвета туника длиной до пола. Как она успела заметить — местные жительницы и отдыхающие предпочитают носить более короткие варианты и без всяких брюк, привычных в столице.

— Вы так хорошо осведомлены...

— О войне говорят на каждом канале, почти в каждой новостной передаче. Так или иначе, она коснется всех киорийцев. Особенно тех, у кого есть родственники-военные.

Сердце кольнуло тревогой. Она знала, что Икар занят. Видела, что устает. И каждый раз хотела спросить, что происходит. Но находились другие темы для разговоров, а потом вечер перетекал в ночь, и они уже мало говорили. А днем...

— Я много времени провела в Храме и не смотрела новостные сводки.

О да, ей было чем заняться помимо новостей. Она порхала с занятия на занятие, старалась, и у нее получалось. Все получалось. Наставницы хвалили. Альмы радовались. И дни пролетали один за другим. Счастливые и... оторванные от реальности?

— Вы не обязаны оправдываться. Это мне нужно извиниться. Я слишком привыкла, что люди в моем окружении всегда осведомлены о происходящем на Киорисе.

Теперь дыхание замерло на губах. Саша взгляделась в женщину пристальнее, а та медленно сняла очки, и подняла на нее изумрудные глаза, точно такие же, как у Икара. Теперь стали заметны морщинки в уголках ее глаз, на лбу, и вокруг рта, но все же... все же для своих лет императрица выглядела потрясающе.

Сердце забилось чаще, а затем как-то успокоилось. В конце концов, чего-то подобного стоило ожидать. Вряд ли правительница оставила бы без внимания роман сына. И их встреча точно не случайна.

— Маеджа Софрония, — Александра чуть наклонила голову, совершенно не представляя, как еще приветствовать особу королевской крови.

Та кивнула в ответ.

— Полагаю, мне также стоит попросить прощения за нашу встречу. В оправдание могу лишь сказать, что Икар не спешил нас знакомить, а обстоятельства изменились таким образом, что... — она на мгновение умолкла, прервав сложную фразу, и добавила уже совсем иным тоном: — Я хотела увидеть вас. Понять, кто пробудил моего сына. Вы понимаете?

Пожалуй, Саша понимала. Будь у нее ребенок, она тоже хотела бы знать, с кем он проводит время. А Пробуждение куда глубже и сложнее первой влюбленности для землян.

— Я вам не нравлюсь? — прямо спросила она, решив отбросить политесы. Все равно ей не тягаться в словесном поединке с главой Совета Безопасности.

— Я еще не решила. К тому же, совершенно не важно, нравитесь вы мне или нет. Сейчас

имеет значение лишь Икар, и ваши планы на будущее. Видите ли, так сложилось, что для Киориса императрица важнее императора. И, так как моя дочь погибла, теперь супруга Икара должна будет занять мое место. А вы... землянка. Вы мало знаете о Киорисе. И, если у вас есть желание остаться здесь, то стоит подумать о чем-то большем, чем изучение отдельных мест планеты.

Александра вздохнула и взглянула на океан, медленно успокаивающийся перед закатом. Кажется, пришло время вернуться в реальность. И к вопросу о том, желает ли она отправиться на Землю. Удивления не было. Скорее она всем нутром ощущала нечто подобное и стремилась набраться впечатлений перед...

— Я восхищаюсь Киорисом. Чем дольше я нахожусь здесь, тем сложнее мне его покинуть. Тем глубже я проникаюсь вашей культурой и понимаю того, насколько правильно организован ваш социум и взаимодействие внутри него. Остаюсь я здесь, и я могла бы полюбить его. Искренне и глубоко. Но... мне нужно вернуться домой. Я не знаю, на какой срок. Пока еще не знаю. Мне нужно успокоить родных. Увидеть их. Обнять. Объяснить. Нужно привести в порядок свою жизнь. Понять, нужна ли она мне или я могу легко отказаться от нее и вернуться сюда. А еще разобраться в своих чувствах.

Счастье ослепляет. Оно стирает недостатки и выставляет достоинства в исключительно привлекательном свете. В ее ситуации так легко и естественно влюбиться, броситься в омут с головой, забыть обо всем, но... Однажды, так уже было. И пусть Икар совсем другой, но она тоже должна измениться. И не поступать столь опрометчиво. Нужно отделить опьянение и восторг от реальности. И уже тогда принимать решение. А именно расстояние позволит ей расставить приоритеты.

— Вы должны знать, что однажды я уже была замужем. И не хочу снова повторять прошлых ошибок. Дело не в вашем сыне. Я знаю, что он совсем не похож на моего бывшего, но... Я сама. Мне нужно время. А ему пора отправляться на войну, ведь так?

Императрица медленно кивнула.

— К сожалению, мы больше не можем откладывать выступление основных сил. И я понимаю вас. А также считаю ваше решение взвешенным и мудрым. Если мы когда-нибудь увидимся снова, я буду рада продолжить беседу.

Она еще раз кивнула, вернула очки на место и плавно поднялась из-за стола, а затем легкой походкой направилась прочь...

Икар прилетел через два часа, когда закат уже отгорел, а Саша сидела на берегу и перебирала ракушки в сумке. Он молча сел рядом, сбросив на песок военный мундир. И тишина, разбиваемая тихим шелестом волн, казалась красноречивее любых слов. Александра склонила голову ему на плечо.

— Ты завтра улетаешь на войну?

— Видела новости?

— Встретила твою маму.

Принц вздрогнул и коротко выдохнул.

— И как она?

— Очень красивая. А еще печальная. И величественная. Но может говорить по-человечески. Знаешь, я никогда не видела императриц. Я ей, наверное, не понравилась.

— Это неважно.

— Да. Я знаю, — Саша сглотнула внезапно образовавшийся в горле комок. — Я вернусь

на Землю вместе с экспедицией. Филис мне написала. Оказывается, она тоже летит. И все давно уже готово, но разрешение на вылет не давали. Все ждали меня, да?

Ответом стал вздох.

— Прости. Скорее всего, все из-за меня. У мамы иногда странное представление о том, что лучше...

— У всех мам. И ты не виноват. Я понимаю. Правда, понимаю. Теперь, наверное, намного лучше, чем раньше. Ты — наследник. Тебе нужна не только супруга, но императрица. А ей может стать не каждая. Теперь ты сможешь выбрать подходящую.

— Если выживу и вернусь домой. И если ты не вернешься на Киорис.

Он выпрямился и заглянул ей в глаза. А сердце в груди снова забилося громко и часто. Будто сейчас вырвется и навсегда останется здесь. С ним.

— Икар...

Принц приложил палец к ее губам.

— Я знаю. Тебе нужно вернуться домой. И мне пора воевать. Но потом, когда все закончится, мы встретимся и поговорим. И решим, что будет дальше.

Саша кивнула и качнулась вперед, прижавшись к его груди. Вдыхая запах, ставший таким знакомым. Растворяясь в крепких объятиях.

— Возвращайся живым. Чтобы мы могли встретиться и поговорить. Я хочу увидеть тебя снова.

— Я постараюсь. И еще... Я попросил Байона. Он будет сопровождать экспедицию. Ты можешь полететь на его корабле.

Тот капитан, что напугал ее на линкоре, а потом спас на К`Шиитре. Лететь вместе с ним? По меньшей мере, странно. Но если Икару так будет спокойнее. А он не стал бы предлагать без важной причины.

— Хорошо. Но можно я возьму с собой Филис?

— Думаю, он не будет против.

Принц прижался губами к ее макушке. Потом щекой. Слов не осталось. Все уже решено. И завтра утром их ждет космопорт, но впереди еще целая ночь...

Глава 75

...— Благодарим вас за участие в репродуктивной программе, — девушка-консультант искренне улыбнулась.

Байон кивнул в ответ. Вся процедура заняла не так уж много времени, как он думал. Медицинское заключение у него уже имелось, его выдавали всем, уходящим в отставку. Доступ к его досье также предоставили, ведь ничего секретного в нем уже не содержалось. И оказалось, что нужно лишь поприсутствовать и проделать небольшие физические манипуляции.

— Я могу идти?

— Еще один вопрос: желаете ли вы получить сообщение в случае, если ваш генетический материал будет использован?

— А разве решение принимает не мать?

— Конечное решение за ней, — мягко пояснила девушка, смотря на него умными, понимающими глазами, — но мы ставим пометку в карте донора, если он желает участвовать в жизни потомства. Для некоторых женщин это важно.

Участие в жизни потомства... С Талией они хотели завести детей. И он даже

представлял их. А какими они могут быть с некой другой женщиной? Его материалом могут воспользоваться не сейчас, а лет через десять или двадцать. Каким он будет? Захочет ли увидеть возможных детей, или все изменится еще необратимее?

— Да, я хотел бы получить уведомление, если это возможно.

Сообщение ничего не значит. Лишь информация, которой можно распорядиться по своему усмотрению.

— Конечно, — консультант внесла нужную пометку в базу и снова взглянула на него. — Киорис благодарит вас за вклад в наше будущее.

Капитан выдавил улыбку и поспешил покинуть просторное, светлое здание, окруженное парком с множеством скамеек. Над входом транслировался видео-ролик со снимками детей, рожденных благодаря Центру Репродукции. Пара женщин, оживленно разговаривая, шла ему навстречу. Обе выглядели счастливыми и явно взволнованными.

Байон посторонился и проводил их взглядом. Сегодня одна или обе получают эмбрионов, за развитием которых будут наблюдать гнатросы-генетики. Он вздохнул, избавляясь от липкого ощущения благодарности. Нет, в правильности поступка мужчина не сомневался. Но видеть искреннюю признательность в глазах консультантки было странно. Все же ничего такого он не сделал. И, воюя за Киорис где-то в космосе, чувствовал себя намного лучше. Там он точно понимал, что приносит пользу. А здесь... Странно. Очень странно.

Капитан отмахнулся от лишних мыслей и направился на космодром. Теперь уже ничто не мешало ему улететь...

...Саша рассматривала корабль, на котором ей предстояло вернуться домой. Он выглядел маленьким по сравнению с линкором. А еще казался хрупким. И... каким-то ненадежным. Успокаивало лишь то, что Икар доверял другу, а значит и его выбору транспорта. Но все равно...

— Любуешься видом?

Филис подошла едва слышно и заставила вздрогнуть. Девушка обернулась, собираясь ответить, но подавилась воздухом, заметив наряд бывшей наставницы. Узкие брюки. Туника. Распущенные по плечам волосы.

— Я же писала, что покинула Храм.

— Да, но я не ожидала, что все... Ты чудесно выглядишь! Seriously. Тебе очень идет. Просто я не привыкла.

— А ты выглядишь так, будто совсем не спала, — отметила киорийка, склоняя голову к плечу.

Александра лишь усмехнулась, вспоминая прошлую ночь. Они спали. Немного. И она еще придремала в катере, пока Икар вез их в столицу. А тяжесть в мышцах и усталость — это мелочь. Она успеет выспаться во время полета. Если, конечно, вообще взойдет на корабль.

— Как ты думаешь, на нем безопасно лететь?

— Думаю, капитан Байон выбрал самый лучший вариант из возможных.

— На самом деле, мне попала вожжа под хвост, когда я его выбирал, — неожиданно раздался голос мужчины совсем рядом. — Меня отговаривали. И весьма настойчиво. Но могу вас заверить, что корабли класса «ястреб» во время прошлой войны не только путешествовали из конца в конец Вселенной, но и показали себя с лучшей стороны во время нападения на Этру. Они надежны. Маневренны. И конкретно этот экземпляр отлично сохранился.

Александра обернулась, рассматривая уже знакомого киорийца.

— Но почему вы выбрали именно его? А не какой-то современный корабль?

— Когда-то давно, когда я выпустился из Академии, у меня была мечта: взять такой корабль и путешествовать по Вселенной. Военный или гражданский катер не может долго и автономно существовать в космосе. Гражданская яхта слишком лоцная и габаритная для меня. А «ястреб» подходит идеально. Но если вы не доверяете...

— Если Икар доверяет, то я тоже, — Саша еще раз окинула корабль взглядом, смиряясь с перспективой полета на нем. — Но вы сам. Для вас не будет сложно находиться рядом со мной?

Их взгляды снова встретились.

— Вы похожи на нее, — спокойно ответил капитан. — Но вы — не она. С ней я уже попрощался. И смогу отделить реальность от желаемого. Вам нечего опасаться.

— Хорошо. Тогда, пойду устраиваться. Филис?

— Я тебя догоню...

Девушка кивнула и направилась к трапу. Сейчас ей хотелось только спать. Где-то в груди уже засела тревога за Икара, который улетел еще час назад, но пока... Пока бояться еще рано. И, может быть, настанет время, когда все страхи и тревоги останутся позади...

...Филис проводила Александру взглядом и обернулась к капитану.

— Я хотела бы задать тот же вопрос, что и она. Не будет ли мое присутствие создавать проблем?

— Мне кажется, мы достаточно взрослые, чтобы не испытывать неловкости и разобраться в себе и наших отношениях.

— Да, но я не хочу создавать неприятности. Если вдруг во время полета что-то пойдет не так — у меня зарезервирована каюта на лайнере. Они ведь могут стыковаться?

Для экспедиции, со всем ее оборудованием и участниками наняли гражданский лайнер. А учитывая военное положение — выделили линкор в сопровождение. Старый истребитель точно не будет лишним.

— Могут, но надеюсь, нам это не понадобится. К тому же, нашей гостье явно будет неловко остаться со мной наедине.

— Мне она доверяет. Вам еще нет. Поэтому не знает, как себя вести.

— У нас будет достаточно времени, чтобы познакомиться. Лайнер не станет развивать большую скорость. Исследователям торопиться некуда.

— О да...

Филис вздохнула, расправляя плечи. В экспедицию ее приняли легко, но она так отвыкла от общества коллег. А они не могли сразу принять факт ее ухода из Храма и через раз сбивались в обращении. Когда начнется работа, станет не до подобных мелочей, и все смогут расслабиться, а само путешествие лучше провести в обществе знакомых. Тем более, она сама не заметила, что скучала по Александре. Та заметно изменилась за последнее время. И теперь, когда ее статус не стоит между ними, можно построить обычные дружеские отношения. Порадоваться за нее и за принца...

Визг, донесшийся из недр корабля, оборвал ее мысли...

...Байон взлетел по трапу, успев представить все возможные варианты произошедшего, кроме того, что увидел. Арей стоял на задних лапах, передними прижимая девушку к стене коридора, и обнюхивал ее лицо. Та уже не кричала, а стояла, зажмурив глаза и боясь

пошевелиться.

— Арей, фу! Отойди, немедленно!

Зверь повернул к нему совершенно незлую морду и вывалил язык. Затем коротко рыкнул, словно пытаясь что-то сказать. За спиной раздались быстрые шаги и сбитое дыхание Филис.

— Арей! — с нажимом повторил Байон.

Ликос чуть повернул голову и посмотрел на него с явным укором, после чего опустился на все четыре конечности, отступил на шаг и сел, не спуская глаз с гостя. Та открыла глаза и судорожно вздохнула.

— Извините, он никогда себя так не вел! — капитан окинул зверя осуждающим взглядом. — И больше не будет!

Арей опустил голову и что-то проворчал себе под нос. Филис скользнула мимо капитана и поддержала землянку.

— Ты в порядке?

— Да, просто испугалась. Он так неожиданно выскочил.

Она посмотрела на зверя, который тут же попытался вильнуть хвостом, словно извиняясь за свое поведение. Байон уже приготовился к тому, что теперь Александра точно соберет вещи и направится к лайнеру, но она неожиданно улыбнулась.

— У вас с ним общая черта — прижимать незнакомых девушек к стенам коридоров. Будем считать это ритуалом знакомства. Ты же больше так не будешь, да?

Ликос согласно завил хвостом. А капитан вспомнил инцидент на линкоре. Тогда он обознался, но зверь... Они реагируют на запах. Тем более ликосы, имеющие хозяев. У них возникает эмоциональная связь, которая с годами лишь крепнет. А Арей вел себя так, будто встретил знакомого. Хорошего знакомого, которого давно не видел. Чего просто не может быть...

— Если уж нам всем вместе лететь, может быть, перейдем на «ты» для удобства? — продолжила землянка, ничего не замечая.

— Хорошая мысль, — машинально ответил Байон и заставил себя улыбнуться: — Добро пожаловать на борт.

Полет обещал быть интересным.

Эпилог

Оказалось, что лететь не так уж и страшно. Скованность первых дней быстро прошла. Капитан Байон оказался интересным собеседником. Особенно, когда Саша набралась смелости и решила попросить его показать ей, как управлять кораблем. Он терпеливо объяснял азы, показывая, как переключаться между автопилотом и ручным управлением, загружать основной и маневровые двигатели, считывать данные с приборов. До практики они добрались лишь на четвертый день, когда уже миновали черную дыру, ведущую в Солнечную систему.

— Забирай управление, — скомандовал мужчина, откидываясь на спинку кресла.

Филис устроилась за их спинами на диване и наблюдала за уроком, надежно закрепив себя ремнями безопасности.

— Есть, капитан, — шутливо откликнулась Саша.

На самом деле в космосе кораблю особое управление не требовалось. Без воздействия атмосферы и, не входя в боевой режим, он отлично управлялся автопилотом. Но все равно

девушке нравилось чувствовать себя значимой.

Она аккуратно повернула штурвал, заставляя истребитель наклониться на левый бок. Затем потянула на себя, задирая нос вверх. Весьма условный «верх», учитывая отсутствие ориентиров.

— Хорошо, теперь верни все обратно.

Александра уже собиралась именно так и сделать, когда что-то изменилось. Руки неожиданно обхватили штурвал с невиданной силой, а затем вывернули вправо. Звезды мелькнули перед глазами. Сзади раздался придушенный вскрик. Звук удара и недовольный рык ликоса. Гравитационный стабилизатор не успел отреагировать, и на несколько секунд они все повисли вниз головами, исключая Арея, оказавшегося на потолке. Затем корабль кувыркнулся через крыло, и все встало на свои места.

Саша в шоке уставилась на свои пальцы и подняла изумленный взгляд на Байона, который смотрел на нее так, будто увидел призрака.

— Я... я случайно, — пискнула она и поспешила вернуть управление капитану, а потом скрыться в каюте.

Полет проходил замечательно, за исключением странных снов, в которых она бродила по кораблю, осматривала техническое помещение, слышала неразборчивый шепот и порой чувствовала себя невероятно скованной. Словно не могла пошевелиться. Как сейчас, когда руки отказались подчиняться.

Больше к урокам не возвращались, и о том случае тоже не вспоминали. До Земли оставалось совсем немного. И команда предпочитала развлекать себя просмотром фильмов, приготовлением еды и игрой в карты, нарезанные прямо на корабле из тонкого пластика.

Саша все больше волновалась, предчувствуя скорую встречу с родными и пытаясь подобрать слова, чтобы рассказать им о путешествии. Ей одновременно хотелось и не хотелось поторопить Байона. Но он все понял сам. Истребитель вылетел вперед, обогнав лайнер и линкор на последнем участке от Марса. И вот на мониторе показался знакомый голубой с зеленою шарик.

Губы невольно расплылись в улыбке, а сердце застучало быстрее. Филис остановилась за спиной, разглядывая планету, к которой они стремительно приближались. Но вдруг движение замедлилось.

— В чем дело? — девушка обернулась к Байону, застывшему в кресле и устремившему взгляд в одну точку.

Над плечом раздался вздох бывшей жрицы. Саша внимательнее взглянула на монитор, который приблизил картинку. И стали заметны осколки спутников, кружащиеся по орбитам. А также округлые корабли, заменившие их.

— Что это? — непослушными губами выдавила девушка.

Сердце упало куда-то в пятки. Кровь отлила от лица. Стало холодно.

— Этра, — выдохнул Байон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net